ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ЕЛАГИН Денис Павлович

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ВО ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В «НЕСТАБИЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ» (НА ПРИМЕРЕ АФГАНИСТАНА)

5.2.5 – мировая экономика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук,
профессор
Галищева Наталья Валерьевна

Москва – 2023

Содержание

Введение 4

Глава 1. Теоретические аспекты анализа роли экономических факторов во внутренних вооруженных конфликтах 24

§1.1. Понятия «внутренний вооруженный конфликт» и «нестабильное государство» .. 24
1.1.1. «Внутренний вооруженный конфликт»: понятие и структурные особенности 24
1.1.2. Понятие «нестабильное государство» и особенности экономического развития «нестабильных государств» 34

§1.2. Экономические объяснения возникновения внутренних вооруженных конфликтов 47
1.2.1. Вооруженный конфликт как результат соперничества за ресурсы 48
1.2.2. Теории информационной асимметрии и неполных контрактов 53
1.2.3. Теории микрооснований группового действия 58
1.2.4. Подход оценки «устойчивости» повстанческого движения 62
1.2.5. Микроэкономические и критические теории возникновения внутренних вооруженных конфликтов 67

§1.3. Теоретические аспекты анализа развития национальных экономических систем в условиях внутреннего вооруженного конфликта 69
1.3.1. Теоретические аспекты анализа издержек внутренних вооруженных конфликтов 70
1.3.2. Трансформация национальных экономических систем в условиях конфликта 79

§1.4. Экономико-теоретические аспекты проблемы трансформации и разрешения внутренних вооруженных конфликтов 84
1.4.1. Концепция «конфликтной ловушки» 85
1.4.2. Меры государственной экономической политики в целях разрешения внутренних вооруженных конфликтов 87
1.4.3. Меры международного воздействия в целях разрешения внутренних вооруженных конфликтов 99

Выводы к главе 1: 107

Глава 2. Экономические причины и эффекты внутренних вооруженных конфликтов 113

§2.1. Внутренние вооруженные конфликты и «нестабильные государства» в современном мире 114
2.1.1. Внутренние вооруженные конфликты в 1946-2019 гг. 115
2.1.2. Особенности развития «нестабильных государств» и распространение в них внутренних вооруженных конфликтов 121

§2.2. Экономические причины внутренних вооруженных конфликтов 129
2.2.1. Описание переменных, используемых в эконометрическом анализе причин внутренних вооруженных конфликтов 130
2.2.2. Эконометрический анализ причин начала внутренних вооруженных конфликтов 137

§2.3. Экономические эффекты внутренних вооруженных конфликтов 148
2.3.1. Издержки внутреннего вооруженного конфликта и его влияние на экономическое развитие 149
2.3.2. Трансформация экономических систем в условиях конфликта 158

§2.4. Применение экономических инструментов в целях предотвращения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов и их эффективность 171
2.4.1. Параметры эффективности и ключевые проблемы применения экономических инструментов в целях предотвращения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов 172
2.4.2. Кейс-стади применения экономических инструментов в целях разрешения и предотвращения вооруженных конфликтов 177

Выводы к Главе 2: 187

Глава 3. Экономическое измерение внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане 192

§3.1. Экономические причины и трансформационные эффекты внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане в 1978-2001 гг. 194

3.1.1. Экономические причины вооруженного конфликта в Афганистане 194

3.1.2. Формирование модели «военной экономики» в Афганистане 203

3.1.3. Распространение наркопроизводства как трансформационный эффект вооруженного конфликта 210

§3.2. Политическая экономия развития Афганистана в 2001-2021 гг. 220

3.2.1. Политэкономический контекст Афганистана в начале 2000-х гг. 220

3.2.2. Факторы устойчивости хрупкой системы закрытого доступа в Афганистане 229

3.2.3. Трансформация системы после 2014 г.: нарушение равновесия и коллапс 235

§3.3. Использование инструментов содействия международному развитию и экономической политики в целях разрешения вооруженного конфликта в Афганистане 242

3.3.1. Значимость содействия развитию Афганистана в условиях постконфликтного восстановления после 2001 г. 242

3.2.2. Институциональные преобразования в экономической сфере и их эффективность в контексте разрешения вооруженного конфликта в Афганистане 255

Выводы к Главе 3: 273

Заключение 278

Список источников и литературы 286

Приложения 315

Введение

Важной тенденцией мирового развития на протяжении второй половины XX века и начала нового тысячелетия стало значительное распространение внутренних вооруженных конфликтов[1], которые становятся намного более частыми по сравнению с межгосударственными. Ведущие международные организации и научные институты, занимающиеся исследованием проблем мира и развития, указывают на заметное увеличение их количества в период после Второй мировой войны, причем пики вооруженной активности пришлись на 1990-е и 2010-е гг.

Отметим, что внутренние вооруженные конфликты заметно отличаются от межгосударственных, где основными субъектами выступают государственные акторы. Внутренние конфликты (как и следует из самого термина) в большей степени связаны с внутренними, национальными тенденциями и особенностями социально-экономического и политического развития. Такие конфликты часто имеют экономические причины, а также оказывают глубокое влияние на экономическое развитие отдельных национальных экономик.

Актуальность диссертационного исследования

Внутренние вооруженные конфликты характерны в первую очередь для «нестабильных государств» (государств с низким уровнем национального дохода, в которых «государственные институты демонстрируют неспособность или нежелание выполнять базовые функции и испытывают нехватку легитимности»[2]) и наименее развитых стран. Внутриполитическая и внутриэкономическая ситуация в таких странах способствует возникновению вооруженных конфликтов и затрудняет их разрешение. Одним из примеров подобной ситуации является современный Афганистан, где внутренний вооруженный конфликт продолжался более 40 лет.

Несмотря на концентрацию конфликтов в группе «нестабильных» и наименее развитых стран, на протяжении долгого времени исследователями не предпринималось попыток экономического и политэкономического анализа причин и последствий возникновения вооруженных конфликтов. В то же время их развитие в основном в бедных и малоразвитых государствах, а также их глубокое и разрушительное воздействие на все сферы жизни общества, в том числе и экономику, позволяет, с одной стороны, говорить о наличии определенных взаимосвязей между уровнем

[1] Прим.: В научной литературе их также часто называют гражданскими войнами.

[2] Stewart F., Brown G. Fragile States // CRISE Working Paper. 2009. No. 51. P. 3. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08b62e5274a27b2000af7/wp51.pdf (accessed: 17.02.2023).

экономического развития и вероятностью возникновения конфликтов, с другой, о заметном влиянии конфликтов на экономическое развитие государств и трансформацию их экономических моделей.

Начиная со второй половины 1990-х гг. появляется пласт экономической литературы, в которой детально рассматриваются проблемы возникновения и развития вооруженных конфликтов. В ней указывается, что экономические факторы могут оказывать существенное влияние на формирование конфликтогенной обстановки и возникновение вооруженных конфликтов, хотя подобная взаимосвязь на протяжении долгого времени недооценивалась исследователями. Кроме того, исследователи указывают на взаимосвязь таких факторов, как уровень экономического развития и экономического роста, уровень доходов, неравенство (в том числе структурное), бедность, темпы роста населения и проч. с вероятностью возникновения конфликта в той или иной стране.

Большой интерес для исследования представляет и то, каким образом трансформируется экономика страны в ходе внутреннего вооруженного конфликта. Участники конфликта (в особенности, вооруженные группировки) для ведения успешной вооруженной борьбы (да и в принципе своего «выживания») нуждаются в источниках финансирования, которые определяются в зависимости от региональной или страновой специфики, ресурсообеспеченности и т.п. Действия субъектов в ходе конфликта оказывают трансформационное воздействие и на национальную экономическую модель в целом, которое может прослеживаться на протяжении долгого времени и после окончания конфликта.

Научный интерес представляет также изучение использования экономических мер и инструментов при попытках предупреждения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов. К таким инструментам относятся меры государственной экономической политики и международной поддержки постконфликтных или находящихся в зоне риска возникновения конфликтов государств. В то же время эффективность использования экономических инструментов взаимодействия со слабыми и конфликтогенными государствами остается достаточно неопределенной и нуждается в более подробном рассмотрении как на теоретическом уровне с точки зрения совместимости целей их использования, так и на примере их практического применения при рассмотрении страновых кейсов.

Исследование проблемы влияния экономических факторов на развитие внутренних вооруженных конфликтов представляется весьма актуальным при выборе в

качестве кейса одного из наиболее известных, но в то же время относительно мало изученных конфликтов – вооруженного конфликта в Афганистане. Кроме того, в свете активизации незападного направления внешней политики Российской Федерации и активного участия страны в разрешении многих современных вооруженных конфликтов, исследование экономических причин и эффектов вооруженных конфликтов может быть актуальным с точки зрения выработки более эффективных мер взаимодействия с государствами, сталкивающимися с ними, а также мер по предотвращению и разрешению конфликтов.

Степень разработанности проблемы

Широкое распространение внутренних вооруженных конфликтов и институциональных проблем в государствах Азии и Африки, начиная со второй половины XX века, выразившееся в появлении понятия «нестабильного государства», безусловно, привлекало внимание исследователей, в том числе и экономистов. Отсюда большое количество научных публикаций по рассматриваемой проблематике, которые можно разделить на несколько тематических групп.

Первую из них составляют публикации о «нестабильных государствах», включая особенности их возникновения, основные черты и динамику развития. Об этом в своих работах писали такие исследователи, как В.И. Бартенев[3], М. Балиамун-Лутц и М. МакГилливрэй[4], Т. Бесли и Т. Перссон[5], М. Боас[6], Д. Кармент[7], П. Кольер[8], С. Патрик[9], С.С. Эриксен[10].

Вторая группа исследовательской литературы состоит из экономикотеоретических и политэкономических работ, посвященных анализу причин и

---

[3] Бартенев В.И. «Новый курс» оказания помощи «нестабильным государствам»: истоки, компоненты, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 113-143.

[4] Baliamoune-Lutz M., McGillivray M. State Fragility: Concept and Measurement. // Fragile States: Causes, Costs, and Responses / ed. by W. Naudé, A.U. Santos-Paulino, M. McGillivray. Oxford: Oxford University Press. P. 33-42.

[5] Besley T., Persson T. Fragile States and Development Policy // Journal of European Economic Association. 2011. Vol. 9. No. 3. P. 371-398.

[6] Bøås M. Fragile States as the New Development Agenda? // Forum for Development Studies. 2017. Vol. 44. No. 1. P. 149-154.

[7] Carment D., Landry J., Yiagadeesen S., Shaw S. Towards a theory of fragile state transitions: evidence from Yemen, Bangladesh and Laos // Third World Quarterly. 2015. Vol. 36. No. 7. P. 1316-1332.

[8] Collier P. The Political Economy of State Failure // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 219-240.

[9] Patrick S. "Failed" States and Global Security: Empirical Questions and Policy Dilemmas // International Studies Review. 2007. Vol. 9. No. 4. P. 644-662.; Patrick S.M. Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2011. 352 p.

[10] Eriksen S.S. “State Failure” in Theory and Practice: the Idea of the State and the Contradictions of State Formation // Review of International Studies. Vol. 37. No. 1. P. 229-247.

последствий внутренних вооруженных конфликтов. Проблему внутренних вооруженных конфликтов в своих исследованиях рассматривали многие известные зарубежные экономисты, например, А. Алесина[11], К. Блаттман[12],Т. Бесли и Т. Перссон[13], М.Р. Гарфинкель[14], П. Кольер, А. Хоффлер и Д. Ронер[15], С. Скапердас[16], Э. Мигель[17], Дж.Д. Фирон[18], С. Чассанг и Г. Падро-и-Микель[19].

Третью группу составляют эмпирические экономические и политэкономические исследования вооруженных конфликтов. Так, Е.А. Степанова в своей работе рассматривает проблема наркопроизводства и наркоторговли в условиях внутреннего вооруженного конфликта[20]. М. Вахаби анализирует поведение вооруженных

---

[11] Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions. // The Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114. No. 4. P. 1243-1284.; Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. No. 2. P 155-194.; Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogenous Communities // The Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. No. 3. P. 847-903.

[12] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 3-57.

[13] Besley T., Persson T. Wars and State Capacity // Journal of European Economic Association. Vol. 6. No. 2-3. P. 522-530.; Besley T.J., Persson T. The Logic of Political Violence // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. No. 3. P. 1411-1445.; Besley T.J., Persson T. The Incidence of Civil War: Theory and Evidence // NBER Working Paper Series. 2008. No. 14585. 38 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w14585/w14585.pdf (accessed: 17.02.2023).

[14] Garfinkel M.R. On the Stability of Group Formation: Managing the Conflict Within // Conflict Management and Peace Science. 2004. Vol. 21. No. 1. P. 43-68.; Garfinkel M.R., Skaperdas S. Economics of Conflict: An Overview // Handbook of Defense Economics, Volume 2, Defense in a Globalized World / ed by T. Sandler, K. Hartley. London: Elsevier, 2007. P. 649-710.

[15] Collier P. On the Economic Consequences of Civil War // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 1. P. 168-183.; Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 1-27.; Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 563-595.; Collier P., Hoeffler A. On Economic Causes of Civil War // Oxford Economic Papers. 1998. Vol. 50. No. 4. P. 563-573.

[16] Skaperdas S. An Economic Approach to Analyzing Civil Wars // Economics of Governance. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 25-44.; Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 1-23.; Skaperdas S. Warlord Competition // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 4. P. 435-446.

[17] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 3-57.; Burke M., Hsiang S.M., Miguel E. Climate and Conflict // Annual Review of Economics. 2015. Vol. 7. P. 577-617.; Miguel E., Satyanath S., Sergenti E. Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables Approach // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112. No. 4. P. 725-753.

[18] Fearon J.D. Economic Development, Insurgency, and Civil War // Institutions and Economic Performance / ed. by E. Helpman. Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 292-328.; Fearon J.D. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence // The Oxford Handbook of Political Economy / ed. by B.R. Weingast, D.A. Wittman. New York: Oxford University Press, 2006. P. 852-868.; Fearon J.D. Rationalist Explanations for War // International Organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379-414.; Fearon J.D. Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 275-301.; Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 75-90.

[19] Chassang S., Padró I Miquel G. Conflict and Deterrence under Strategic Risk // The Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. No. 4. P. 1821-1858.; Chassang S., Padró i Miquel G. Economic Shocks and Civil War // Quarterly Journal of Political Science. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 211-228.; Chassang S., Padró i Miquel G. Mutual Fear and Civil War // Bureau for Research and Economic Analysis of Development Working Paper. No. 165. London: Bureau for Research and Economic Analysis of Development, 2008. 40 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/30524698_Mutual_Fear_and_Civil_War (accessed: 17.02.2023).

[20] Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. Москва: Весь мир, 2005. 312 с.

группировок и их стремление получить доступ к потенциально прибыльным активам[21]. Другие авторы, в частности М. Боас[22], А. Де Ваал[23], Р. Санчез де ла Сьерра[24], Дж.Л. Хирш[25] рассматривают кейсы отдельных стран, в числе которых Демократическая Республика Конго (ДРК), Либерия, Мали и Южный Судан.

В четвертую группу входят работы, в которых рассматриваются вопросы постконфликтного восстановления, в частности в «нестабильных государствах». Об общих особенностях постконфликтного восстановления и институционального строительства писали такие авторы, как Д.В. Бринкерхофф[26], П. Кольер, А. Хоффлер, М. Седербом[27], Ф. Ле Биллон[28], К. О'Райли[29], С. Патрик[30], Дж.Х. Петерсон[31], С. Чевик и М. Рахмати[32]. Однако в исследовании использовались работы, посвященные более узким проблемам, например, вопросам совершенствования денежно-кредитной (М. Кэрнахан[33]) или налогово-бюджетной политики в постконфликтных условиях (М.А. Старр[34]).

---

[21] Vahabi M. The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Escape. Oxford: Oxford University Press, 2015. 406 p.

[22] Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London: Routledge, 2015. 184 p.; Bøås M., Torheim L.E. The Trouble in Mali—corruption, collusion, resistance // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34. No. 7. P. 1279-1292.

[23] De Waal A. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan // African Affairs. 2014. Vol. 113. No. 452. P. 347-369.

[24] Humphries M., Sánchez de la Sierra R., Van der Windt P. Exporting democratic practices: Evidence from a village governance intervention in Eastern Congo // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 140. P. 279-301.; Sánchez de la Sierra R. On the Origins of the State: Stationary Bandits and Taxation in Eastern Congo // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. No. 1. P. 32-74.

[25] Hirsh J.L. Sierra Leone: Diamonds and the Struggle for Democracy. London: Lynne Rienner, 2001. 175 p.

[26] Governance in Post-Conflict Societies: Rebuilding Fragile States / ed. by D.W. Brinkerhoff. New York: Routledge, 2007. 292 p.

[27] Collier P. Post-conflict Recovery: How Should Strategies Be Distinctive? // Journal of African Economies. 2009. Vol. 18. Supp. 1. P. i99-i131.; Collier P., Hoeffler A., Söderbom M. Post-Conflict Risks // Journal of Peace Research. 2008. Vol. 45, No. 4. P. 461-478.

[28] Le Billon P. Corrupting Peace? Peacebuilding and Post-conflict Corruption // International Peacekeeping. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 344-361.

[29] O'Reilly C. Investment and Institutions in Post-Civil War Recovery // Comparative Economic Studies. 2014. Vol. 56. No. 1. P. 1-24.

[30] Patrick S.M. Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2011. 352 p.

[31] Peterson J.H. Building a peace economy?: Liberal peacebuilding and the development-security industry. Manchester: Manchester University Press, 2014. 240 p.

[32] Cevik S., Rahmati M. Breaking the Curse of Sisyphus: An Empirical Analysis of Post-Conflict Economic Transitions // Comparative Economic Studies. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 569-597.

[33] Carnahan M. Options for Revenue Generation in Post-Conflict Environments // Political Economy Research Institute Working Paper. 2007. No. 137. 14 p. URL: https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1110&context=peri_workingpapers (accessed: 17.02.2023).

[34] Starr M.A. Monetary Policy in Post-Conflict Countries: Restoring Credibility // American University Department of Economics Working Paper. 2004. No. 2004-07. 32 p. URL: http://w.american.edu/cas/economics/repec/amu/workingpapers/2004-07.pdf (accessed: 17.02.2023).

Пятую группу исследовательских работ составляют публикации по истории Афганистана, в которых (учитывая дефицит историко-экономической литературы по стране) приводятся важные сведения о динамике и тенденциях его экономического развития на протяжении XX в. Так, Т. Барфилд[35] и В.Г. Коргун[36] рассматривают в принципе историю Афганистана в XX в. Работы В.Я. Белокреницкого[37], Дж. Гудхенда[38], А.Д. Давыдова[39], П. Марсдена[40], Б. Рубина[41] и Р.Р. Сикоева[42] посвящены истории Афганистана в 1990-х гг., в частности тому периоду, когда у власти в Афганистане находилось Движение талибов (ДТ) или «Талибан»[43]. Американский исследователь К. Малкасян в своей работе анализирует историю Афганистана на протяжении начала XXI в.[44]

Наконец, последнюю группу исследовательских работ составляют современные публикации по особенностям политэкономического развития Афганистана в условиях внутреннего вооруженного конфликта. Дж. Брик Муртазашвили, А. Джиустоцци и Д. Мухопадхуай анализируют роль традиционных и новых институтов (в частности, полевых командиров и вооруженных группировок) в политической экономии Афганистана[45]. В.А. Бирд и Д. Мансфилд рассматривают проблему наркопроизводства

---

[35] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. 408 p.

[36] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. 529 с.

[37] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. 216 с.

[38] Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 155-174.; Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 191-216.

[39] Давыдов А.Д. Афганистан: войны могло не быть : крестьянство и реформы. Москва: «Наука» - «Восточная литература», 1993. 178 с.; Давыдов А.Д. Война и внутренний рынок // Афганистан: война и проблемы мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт Востоковедения РАН, 1998. С. 19-30.; Давыдов А.Д. Традиционный рынок Афганистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 1999. 244 с.

[40] Marsden P., Samman E. Afghanistan: the Economic and Social Impact of Conflicts // War and Underdevelopment: Volume II: Country Experiences / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 21-56.

[41] Rubin B.R. The fragmentation of Afghanistan: State formation and collapse in the international system. New Haven: Yale University Press, 1995. 426 p.; Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1789-1803.

[42] Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 256 с.

[43] Запрещенная в России террористическая организация.

[44] Malkasian C. The American War in Afghanistan: A History. New York: Oxford University Press, 2021. 496 p.

[45] Brick Murtazashvili J. Informal Order and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2016. 325 p.; Brick Murtazashvili J. The Collapse of Afghanistan // Journal of Democracy. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 40-54; Giustozzi A. Empires of Mud: Wars and Warlords in Afghanistan. London: Hurst, 2012. 320 p.; Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. 408 p.; Giustozzi A. The Resilient Oligopoly: A Political-Economy of Northern Afghanistan 2001 and Onwards. Kabul: Afghanistan Research and Evaluation

в современном Афганистане[46]; А. Сурке и П. Фиштейн акцентируют внимание на вопросе содействия развитию и институционального строительства в Афганистане[47]. Работы Дж.А. Насери и У.В. Окимбекова имеют строго экономический характер. Дж.А. Насери анализирует экономические последствия вывода иностранных войск из Афганистана[48], а У.В. Окимбеков – развитие инфраструктуры страны в период после 2001 г.[49]

Несмотря на большое количество работ, написанных по рассматриваемой тематике, проблема роли экономических факторов в ходе конфликта в Афганистане комплексно не рассматривалась ни российскими, ни зарубежными авторами в отдельных исследованиях. Как правило, они концентрировались на довольно конкретных вопросах, связанных с возникновением конфликта, использованием финансовой помощи для его разрешения, развитием опиумной экономики. Таким образом, существующая теоретико-методологическая база не в полной мере используется исследователями для анализа ситуации в Афганистане. Диссертационное исследование стремится восполнить дефицит работ по данной тематике в научной литературе.

Информационная база исследования представлена, во-первых, отчетами и докладами международных организаций, например, Всемирного Банка[50], Организации

Unit, 2012. 73 p. URL: https://www.refworld.org/docid/50f6650a2.html (accessed: 17.02.2023).; Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. 388 p.

[46] Byrd W.A., Noorani J. Industrial-Scale Looting of Afghanistan's Mineral Resources // United States Institute of Peace Special Report. 2017. No. 404. 18 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2017-05/sr404-industrial-scale-looting-of-afghanistan-s-mineral-resources.pdf (accessed: 17.02.2023).; Ward C., Mansfield D., Oldham P. Byrd W. Afghanistan : Economic Incentives and Development Initiatives to Reduce Opium Production. Washington, D.C.: World Bank, 2008. 101 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6272?locale-attribute=en (accessed: 17.02.2023).; Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan. New York: Oxford University Press, 2016. 352 p.

[47] Fishstein P., Wilder A. Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Medford: Tufts University, 2012. 82 p. URL: https://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf (accessed: 17.02.2023).; Fishtein P., Amiryar M. E. Afghan Economic Policy, Institutions, and Society Since 2001 // United States Institute of Peace Special Report. 2015. No. 383. 16 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR383-Afghan-Economic-Policy-Institutions-and-Society-Since-2001.pdf (accessed: 27.09. 2022).; Suhrke A. Reconstruction as Modernisation: The 'Post-Conflict' Project in Afghanistan // Third World Quarterly. 2007. Vol. 28. No. 7. P. 1291-1308.; Suhrke A. Statebuilding in Afghanistan: a contradictory engagement // Central Asian Survey. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 271-286.

[48] Nasery J.A. The Economic Shock to Afghanistan Caused by Aid Reduction and Troops Withdrawal // IEE Working Paper. 2014. No. 202. 63 p. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/183556/1/wp-202.pdf (accessed: 17.02.2023).

[49] Окимбеков У.В. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 447 с.

[50] Afghanistan: Public Expenditure Update. Washington, D.C.: World Bank, 2019. 49 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/696491564082281122/pdf/Afghanistan-Public-Expenditure-

экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[51], Управления ООН по наркотикам и преступности[52], а также документами правительства Афганистана, посвященными проблемам экономического развития страны[53].

Во-вторых, автором используются базы данных по вооруженным конфликтам. В их числе базы данных *Correlates of War*[54] и *UCDP/PRIO*[55].

Update.pdf (дата обращения: 29.07.2022).; World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. 383 p.

[51] States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. 180 p.; States of Fragility 2018. Paris: OECD, 2018. 280 p.; States of Fragility 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. 126 p.

[52] Afghanistan Opium Survey 2012. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2013. 111 p. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/Afghanistan_OS_2012_FINAL_web.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2013: Summary findings. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2013. 25 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2013.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2014: Socio-economic analysis. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 62 p. URL: http://anf.gov.pk/library/surveys/Afghanistan_Opium_Survey_Socio-economic_analysis_2014_web.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2015: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 12 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2015.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2015: Socio-economic analysis. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2016. 65 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/-AFG-Afghanistan_opium_survey_2015_socioeconomic.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2016: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2016. 12 p. URL: https://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2017: Challenges to sustainable development, peace and security. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. 79 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-opium-survey-2017-challenges-sustainable-development-peace-and (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2017: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2017. 73 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2018: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. 69 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2018.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2019: Socio-economic survey report: Drivers, causes and consequences of opium poppy cultivation. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 75 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/20210217_report_with_cover_for_web_small.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2020: Cultivation and Production – Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 62 p.; World Drug Report 2019: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2019. 53 p. URL: https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR19_Booklet_1_EXECUTIVE_SUMMARY.pdf (accessed: 17.02.2023).

[53] Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2004. 122 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/securing-afghanistans-future-accomplishments-and-strategic-path-forward (accessed: 17.02.2023).; Towards a Self-Sustaining Afghanistan: An Economic Transition Strategy. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2011. 12 p. URL: http://afghandata.org:8080/jspui/bitstream/123456789/21626/1/azu_acku_pamphlet_hc417_t693_2011_w.pdf (accessed: 17.02.2023).

[54] Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

[55] UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

В-третьих, источниками экономической статистики для исследования служат данные Всемирного Банка[56], МВФ[57], ООН[58], ОЭСР[59] и других ведущих международных организаций и исследовательских институтов, а также данные национальной афганской статистики.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую основу данного исследования составляют работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные взаимовлиянию экономических факторов и вооруженных конфликтов. Ввиду того, что данное исследование лежит на стыке предметных полей различных дисциплин (например, экономической теории, экономической истории, международной политэкономии, политической науки и др.), в основе методологической базы исследования лежит междисциплинарный, политэкономический подход к взаимовлиянию экономических факторов и внутренних вооруженных конфликтов. Непосредственно основу авторского подхода к анализируемой проблеме составляет политическая экономия институтов и развития, в рамках которой внутренние вооруженные конфликты рассматриваются как одна из проблем экономического развития. Основной аналитической линзой является подход оценки устойчивости *(feasibility)* антиправительственных движений, который синтезируют положения других теоретических направлений и допускает как количественный, эконометрический, так и описательный анализ вооруженных конфликтов. Он дополняется и другими современными теориями, например, теориями конфликта как соперничества за ресурсы.

Концептуальную основу исследования составляют *концепция «нестабильного» государства»* и родственная ей *концепция хрупких порядков закрытого доступа*, *концепция «военной экономики»*, а также другие современные научные разработки. Для анализа роли экономических инструментов и факторов при разрешении внутренних конфликтов используются теоретические разработки и рекомендации, связанные с проведением более эффективной государственной политики, а также концептуальные

[56] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).; Worldwide Governance Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators (accessed: 17.02.2023).

[57] Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM (accessed: 17.02.2023).; Global Debt Database // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD (accessed: 17.02.2023).

[58] UN Data // United Nations. URL: https://data.un.org/Default.aspx (accessed: 17.02.2023).

[59] OECDstat // OECD. URL: https://stats.oecd.org/ (accessed: 17.02.2023).

разработки содействия международному развитию (СМР), в частности, концепции, связанные с взаимодействием с «нестабильными» и наименее развитыми государствами.

Автором применяются как общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция), так и специальные методы исследования. В частности, автор использует сравнительный анализ, логико-интуитивное и математическое моделирование, регрессионный анализ и метод временных рядов, метод вторичных экспертных оценок, исторические методы (историко-сравнительный, историко-описательный и историко-генетический методы), шкалирование, а также графические методы. Сочетание качественных и количественных методов позволяет учесть и отразить особенности национальных экономик, рассмотреть специфические страновые эффекты, которые оказывает вооруженный конфликт на экономическое развитие.

Методы моделирования применяются автором для отражения взаимосвязей между различными переменными, например, наличием природных ресурсов и экономическими стратегиями вооруженных группировок. Метод временных рядов служит для сбора наблюдений в различных временных периодах.

Регрессионный анализ позволяет статистически проверить некоторые из выдвинутых автором гипотез с помощью эконометрических моделей. Так, регрессионный анализ используется для выявления причин внутренних вооруженных конфликтов и их экономических эффектов.

Графические методы используются для визуализации данных, полученных в результате применения ранее описанных методов, что позволяет наглядно отразить динамику интересующих автора переменных, а также наличие взаимосвязей между ними.

Исторические методы (историко-сравнительный, историко-описательный и историко-генетический методы) используются автором для формирования контекста исследования, в частности, описания динамики внутренних вооруженных конфликтов в период после Второй мировой войны. Они также широко применяются в части исследования, посвященном Афганистану, что позволяет выявить причины внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане, отразить причины и динамику изменений в экономике страны в результате внутреннего вооруженного конфликта. Метод шкалирования используется для оценки прогресса Афганистана в реализации целей развития.

Цель и задачи исследования

Цель данного диссертационного исследования – проследить взаимовлияние экономических факторов и внутренних вооруженных конфликтов на примере вооруженного конфликта в Афганистане.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- установить, какие экономические факторы способствуют возникновению внутреннего вооруженного конфликта;

- оценить влияние внутренних вооруженных конфликтов на развитие национальных экономик;

- систематизировать и оценить возможности применения существующих экономических инструментов, направленных на предотвращение и разрешение вооруженных конфликтов;

- выявить экономические причины и эффекты внутреннего вооруженного конфликта на национальном уровне на примере вооруженного конфликта в Афганистане;

- оценить эффективность попыток разрешения и трансформации конфликта в Афганистане с помощью экономических инструментов воздействия.

Область исследования

Диссертационное исследование соответствует п.2 «Теоретические основы анализа мировой экономики» и п.20 «Экономика зарубежных стран и регионов (экономическое страноведение и регионоведение). Сравнительные исследования национальных экономик в системе мирохозяйственных связей» паспорта специальности ВАК 5.2.5 «Мировая экономика». Тема диссертационного исследования также соответствует направлению 4 «Международные экономические исследования» Приоритетных научных исследований МГИМО[60].

Объектом исследования выступают национальные экономические системы «нестабильных государств».

Предметом исследования является влияние экономических факторов на развитие внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане и его последствия для развития национальной экономики.

Хронологические рамки исследования распространяются на период с 1978 г. по 2021 г., т.е. с начала вооруженного конфликта до его окончания (предварительного)

[60] Направления научных исследований // МГИМО МИД России. 2021. URL: https://mgimo.ru/science/research-areas/ (accessed: 17.02.2023).

в результате возвращения Движения талибов (ДТ) к власти в Афганистане после их вступления в г. Кабул 15 августа 2021 г. Краткий экскурс в экономическую историю страны представляется необходимым для того, чтобы осветить, как особенности экономического развития воздействовали на формирование конфликтогенной обстановки в стране. Исследование причин и издержек внутренних вооруженных конфликтов, проводимое в Главе 2 данного диссертационного исследования, охватывает период с 1960 г. по 2019 г., что обусловливается доступностью статистических данных, необходимых для проведения исследования.

Территориальные рамки исследования связаны с географическим положением «нестабильных государств», большинство из которых сосредоточены в Азии и Африке. Однако основное внимание уделяется нескольким примерам внутренних вооруженных конфликтов, представляющим наибольший интерес для исследования ввиду их значимости и масштаба, в особенности, конфликту в Афганистане.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном анализе экономических причин и эффектов возникновения и развития внутренних вооруженных конфликтов в «нестабильных государствах», а также в уточнении и дополнении существующих эконометрических моделей, применяющихся для анализа причин и последствий вооруженных конфликтов.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов и рекомендаций при формулировании государственной политики в отношении взаимодействия с «нестабильными» и конфликтогенными государствами, что представляется актуальным ввиду весьма активной роли России в современном Афганистане, а также участия России в попытках урегулирования вооруженных конфликтов в других государствах, например, Сирии.

Материалы исследования также могут представлять практический интерес для учебного процесса при изучении вопросов, связанных с проблемами экономического развития наименее развитых и «нестабильных государств», развитием внутренних вооруженных конфликтов. Материалы диссертации могут быть использованы при преподавании таких учебных дисциплин, как «Мировая экономика», «Актуальные проблемы мировой экономики», «Экономика Афганистана», «Экономика Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки» и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в проведении комплексного анализа взаимовлияния экономических явлений и вооруженных конфликтов, от экономических причин их возникновения до использования

экономических методов при их разрешении. Рассмотрение теоретических проблем влияния экономических факторов на возникновение конфликтов, а также экономических эффектов вооруженных конфликтов дополняется в исследовании анализом обширного эмпирического материала, рассмотрением конкретных страновых примеров.

В исследовании автором концептуализируется ряд новых для отечественной науки понятий, необходимых для анализа воздействия вооруженных конфликтов на экономическое развитие национальных экономик, особенностей экономического развития самих государств, которые с этими проблемами сталкиваются. Также проводится анализ степени влияния различных факторов на возникновение и развитие внутренних вооруженных конфликтов в различных государствах на основе регрессионного анализа и дополнения существующих в современной науке моделей, а также на расширенном по сравнению с предыдущими исследованиями наборе статистических данных.

В работе впервые проводится комплексный анализ особенностей возникновения и развития конфликта в Афганистане с точки зрения специфики экономических условий и экономического развития страны, дополняются и синтезируются результаты предыдущих исследований. Автором также оцениваются возможности применения и эффективность существующих методов взаимодействия с конфликтными государствами и экономических инструментов предупреждения и разрешения вооруженных конфликтов.

Положения, выносимые на защиту

1. В работе показано, что теоретические условия, которые исследователи-экономисты считают наиболее вероятными причинами внутреннего вооруженного конфликта скорее характерны для «нестабильных государств», отличающихся, как правило, невысоким уровнем дохода, уязвимостью к внутренним и внешним шокам. Это в свою очередь часто проистекает из низкой степени диверсификации их экспорта или ресурсной зависимости. В числе ключевых экономических факторов возникновения внутренних вооруженных конфликтов в современных экономических исследованиях выделяют низкий уровень благосостояния населения, ресурсную зависимость, неэффективность институтов экономического регулирования, экономическое неравенство, а также экономические шоки, которые могут неожиданно снизить издержки упущенных возможностей участия в вооруженном конфликте. Значимость обозначенных

факторов подтверждается и современными эконометрическими исследованиями. Кроме того, указанные факторы статистически значимы для объяснения начала внутренних вооруженных конфликтов, что интерпретируется как условия, необходимые для обеспечения финансовой устойчивости повстанческого движения.

2. В исследовании были дополнительно уточнены экономические факторы, которые способствуют возникновению внутреннего вооруженного конфликта на расширенном по сравнению с предыдущими исследованиями наборе данных. На основе проведенного регрессионного анализа была установлено, что устойчиво статистически значимыми экономическими переменными, позволяющими объяснить возникновение и наличие в странах вооруженных конфликтов, являются ВВП на душу населения, индикаторы ресурсной зависимости, а также прошлые вооруженные конфликты. Наиболее устойчивым и статистически значимым является показатель ВВП на душу населения. Велико также значение ресурсной зависимости, которая трактуется в исследованиях либо как потенциальный источник финансирования для повстанческих движений, что делает их более «устойчивыми», либо как проявление «ресурсного проклятья». В условиях деградации институтов и снижения уровня благосостояния, новые конфликты оказываются «дешевле» и приводят к меньшим издержкам упущенных возможностей. В целом, проведенный регрессионный анализ позволяет говорить о наибольшем объяснительном потенциале теории конфликта как конкуренции за ресурсы, которая связывает возникновение конфликтов с низкими издержками упущенных возможностей и доступностью ресурсов, которые позволили бы поддерживать вооруженную активность.
3. В диссертационном исследовании оценено влияние внутренних вооруженных конфликтов на развитие национальных экономик, а также подтверждены теоретические предположения о его сдерживающем воздействии на темпы экономического роста. С помощью регрессионного анализа было установлено, что вооруженный конфликт снижает темпы экономического роста примерно на 1,4-3,5% в год. Полученные данные в целом совпадают с результатами, представленными в предыдущих исследованиях.
4. В исследовании показано, что вооруженный конфликт оказывает непосредственное влияние на траекторию экономического развития страны. Установлено, что внутренние вооруженные конфликты могут привести к

формированию модели «военной экономики» (*war economy*). К наиболее распространенным проявлениям формирования такой модели отнесены рост неформального сектора и черного рынка, при одновременном размывании границ между официальным, неформальным и преступным секторами экономики, использованием участниками конфликта насилия для приобретения контроля над прибыльными активами, торговыми путями, переводами от представителей диаспоры и т.п. в целях финансирования вооруженной деятельности. «Военные экономики» характеризуются высокой степенью децентрализации экономической системы страны, размытием государственной монополии на применение насилия, нарушением прав собственности на объекты производства и обмена, участием сторон конфликта в законной или незаконной торговле прибыльными природными ресурсами в случаях, когда они приобретают к ним доступ, а также получением вооруженными группировками необходимых им для вооруженной борьбы ресурсов благодаря трансграничным торговым сетям, родственным или этническим связям в регионе, лицам, занимающихся контрабандой вооружений, и т.п.

5. В диссертационном исследовании были оценены возможности применения существующих экономических инструментов, направленных на предотвращение и разрешение вооруженных конфликтов. Указано, что их применение в «нестабильных государствах», где велика вероятность возникновения внутренних вооруженных конфликтов, связано с рисками в силу нестабильности и непредсказуемости ситуации в подобных контекстах. Основной моделью взаимодействия с такими странами были институциональные реформы «сверху вниз», базирующиеся в целом на модели Вашингтонского или Поствашингтонского консенсуса и финансирующиеся помощью со стороны основных государств-доноров. Эти инструменты характеризуются недостаточной адаптивностью и избыточной универсальностью, хотя современные исследования показывают, что для успешного разрешения причин и эффектов конфликтов необходимо стратегическое планирование, учитывающее предконфликтные условия стран, характер структурных изменений в экономике. Анализ страновых кейсов доказывает ограниченную эффективность таких моделей при соблюдении ряда условий, в частности, при условии эффективного мониторинга донорами процесса проведения реформ и использования помощи развитию, притом желательно добиться увеличения

эффективности налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. Полученные данные также позволяют допустить, что реализовать эти условия проще в компактных государствах. При обеспечении этих условий возможно достижение умеренно высоких темпов экономического роста и устойчивое прекращение вооруженного насилия.

6. В исследовании выявлены экономические факторы начала и развития вооруженного конфликта в Афганистане. Автором показано, что государственные институты в Афганистане никогда не были достаточно прочными и эффективными для того, чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие. В частности, центр никогда полностью не контролировал периферийные регионы, в которых государство фактически отсутствовало. В итоге эти регионы недополучали инвестиции и не обретали достаточный импульс к экономическому развитию. Важным экономическим катализатором конфликта стала также экономическая политика, в частности, попытка проведения Народно-демократической партией Афганистана (НДПА) аграрной реформы, которая предполагала борьбу с крупным землевладением и перераспределение земельных ресурсов в пользу беднейших слоев сельского населения. Помимо того, что реформа наложилась на воздействие экологического шока 1970-х гг., привела к сокращению посевных площадей, падению производительности сельского хозяйства и снижению ВВП на душу населения на 14%. В результате падал уровень благосостояния населения, расширялось недовольство действиями правительства и росли масштабы международной миграции. Земельная реформа, таким образом, выступила в роли экономического шока, которая снизила издержки упущенных возможностей участия в конфликте для значительной части населения. Эта трактовка в целом соответствует таковой в модели С. Чассанга и Г. Падро-и-Микеля, где возникновение конфликта связывается с негативным внешним шоком, которые воздействует на уровень благосостояния населения и делает обычно непривлекательное участие в вооруженном конфликте привлекательным в новых «экстремальных» условиях.
7. В работе установлено, что следствием конфликта стала децентрализация и деформализация экономики Афганистана. На фоне этого в Афганистане происходило распространение культивации опиума. В 1990-е гг. производство опиума в принципе становится ключевой отраслью экономики.

Привлекательность его культивации объясняется деградацией национального рынка и традиционных торговых контактов, существовавших до начала вооруженного конфликта. Кроме того, доходы от торговли опиума напрямую или косвенно финансировали вооруженную активность повстанческих группировок. Регрессионный анализ демонстрирует, что культивация опиума не связана с ростом ВВП на душу населения, что указывает на отсутствие значительного социально-экономического прогресса в основных регионах культивации на юге страны. Кроме того, статистически значимая взаимосвязь между уровнем культивации и уровнем вооруженной активности указывает, что расширение культивации было возможно в условиях слабости государственных институтов, где культивация опиума, которая исследователями ассоциируется с финансированием деятельности повстанческих группировок, не была связана с высоким уровнем риска.

8. В диссертационном исследовании установлено, что устойчивость модели экономического развития в Афганистане, сформировавшейся после 2001 г., определялась рядом политэкономических факторов. В значительной степени она опиралась на помощь из-за рубежа, как в форме финансовой, так и, например, военной поддержки. При опоре на иностранную помощь удалось воздействовать на некоторые факторы начала вооруженных конфликтов. Так, удалось добиться заметного увеличения ВВП на душу населения, прогресса по финансовым индикаторам, показателям, свидетельствующим о распространении технологий и предоставлении основных услуг на территории страны. В то же время многие комплексные показатели развития институтов, такие как индекс восприятия коррупции, индекс человеческого развития, некоторые другие показатели, а также сохраняющаяся сложная военно-политическая обстановка (пожалуй, главная цель взаимодействия) в стране подтверждают предположение о невысокой эффективности выбранной в Афганистане модели развития. В период после 2014 г. происходит нарушение сложившегося ранее равновесия. Оно было вызвано сокращением помощи и военной поддержки правительства, что ограничило доступную ренту и перенесло ответственность за обеспечение безопасности на недостаточно подготовленные Афганские национальные силы безопасности (АНСБ). В этот же период обостряются отношения между центром и агентами периферии, а попытки укрепления центра за счет реформ не принесли

больших успехов. Сокращение ресурсов для перераспределения приводит к деградации и итоговом коллапсу модели развития в 2021 г.

Список опубликованных статей по тематике диссертационного исследования

Статьи в журналах из базы цитирования Scopus/Web of Science

1. Elagin D.P. Conceptual Perspectives on State Fragility / D.P. Elagin // MGIMO Review of International Relations. – 2021. – Vol. 14. – No 4. – P. 107-135.
2. Elagin D. Small and Medium Enterprise Development in Fragile Contexts: Analyzing the Experience of Afghanistan / D. Elagin // Vostok (Oriens). – 2020. – No 6. – P. 65-77.

Статьи в журналах, входящих в перечень ВАК

1. Елагин Д.П. Опиум в Афганистане: детерминанты производства / Н.М. Мамедова, Д.П. Елагин // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 11. – С. 48-55.
2. Елагин Д.П. Официальная помощь развитию Афганистана: анализ результатов / Д.П. Елагин // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 8(733). – С. 61-68.

Иные публикации

1. Елагин Д.П. Неустойчивые государственные состояния как тип регионального конфликта / Д.П. Елагин // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества : методология и практики реализации / под редакцией Н.А. Шибановой. – Казань : Издательство Казанского университета, 2021. – С. 111-122.
2. Елагин Д.П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (Часть I) / Д.П. Елагин // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – № 1(54).
3. Елагин Д.П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (часть II) / Д.П. Елагин // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – № 2(55).
4. Экономика Афганистана: Учебное пособие / Д.П.Елагин, Н.М.Мамедова. — Москва: МГИМО-Университет, 2020. — 265 с.
5. Елагин Д.П. Институциональная трансформация экономической модели Афганистана: эффективны ли западные рецепты? / Д.П. Елагин / Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов (Мировое развитие. Выпуск 21) / Ред. колл.: К.Р. Вода, К.А. Годованюк, А.А. Давыдов и др. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 160-167.

6. Елагин Д.П. Особенности современной социальноэкономической модели Афганистана: влияние внутреннего вооруженного конфликта / Д.П. Елагин // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 26. – С. 379-395.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования

Материалы и основные положения диссертационного исследования были апробированы автором в выступлениях на научных конференциях:

1. «Социальные процессы на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние страны и регионы)» 26-28.11.2018 г. (организатор: Институт Востоковедения РАН);
2. «Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов» 08-12.04.2019 г. (организаторы: Институт мировой экономики и международных отношений РАН и Институт США и Канады РАН);
3. III Съезд молодых востоковедов России и стран СНГ 25-27.09.2019 г. (организаторы: Правительство Республики Башкортостан, Институт востоковедения Российской академии наук, Уфимский научный центр Российской академии наук, Башкирский государственный университет);
4. XII Конвент РАМИ: «Региональная специфика глобальных проблем» 21.10.2019 г. (организатор: МГИМО МИД России);
5. «Международный опыт стимулирования развития микро-, малых и средних предприятий» 28.11.2019 г. (организатор: МГИМО МИД России);
6. Международный научный форум конфликтологов 20-21.11.2020 г. (организатор: Казанский (Приволжский) федеральный университет);
7. «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» 27.11.2020 г. (организаторы: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Московский педагогический государственный университет (МПГУ));
8. «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии» 12.11.2021 г. (организатор: Российский университет дружбы народов).

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Данное диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и заключения, списка использованной литературы и приложений.

В первой главе « Теоретические аспекты анализа роли экономических факторов во внутренних вооруженных конфликтах» определяются и концептуализируются ключевые понятия, которые используются в диссертационном исследовании. Кроме того, рассматриваются теоретические аспекты влияния экономических факторов на вероятность возникновения вооруженных конфликтов и воздействия вооруженных конфликтов на экономическое развитие.

Во второй главе «Экономические причины и эффекты внутренних вооруженных конфликтов» автором приводится эмпирический анализ экономических причин и последствий внутренних вооруженных конфликтов, а также рассматриваются попытки постконфликтного восстановления в «нестабильных государствах».

В третьей главе «Экономическое измерение внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане» рассматривается кейс Афганистана как «нестабильного государства», охваченного вооруженным конфликтом на протяжении более 40 лет. Автором выделяются экономические причины конфликта, его экономические последствия, а также оценивается эффективность попыток добиться его прекращения с помощью экономических инструментов (помощи развитию и экономической политики).

В заключении диссертации обобщаются результаты проведенного исследования, приводятся основные выводы и рекомендации.

Работа завершается 12 приложениями, в которых помещены дополнительные материалы исследования.

Глава 1. Теоретические аспекты анализа роли экономических факторов во внутренних вооруженных конфликтах

В данной главе изучаются теоретические подходы к экономическому анализу внутренних вооруженных конфликтов, что позволяет сформировать теоретическую рамку настоящего диссертационного исследования. Кроме того, в главе уточняются центральные для данного диссертационного исследования понятия внутреннего вооруженного конфликта и «нестабильного государства».

§1.1. Понятия «внутренний вооруженный конфликт» и «нестабильное государство»

1.1.1. «Внутренний вооруженный конфликт»: понятие и структурные особенности

Так как предметное поле исследования включает возникновение и развитие внутренних вооруженных конфликтов, то само понятие «внутренний вооруженный конфликт» требует уточнения. Определенную трудность представляет то, что исследователи-экономисты и политэкономисты часто оставляют данный вопрос без должного внимания, не останавливаясь подробно на определении внутреннего вооруженного конфликта. Так, даже обзорные исследования[61] ограничиваются только констатацией принятого определения, притом далеко не всегда дается объяснение, почему оно было принято и в чем, собственно, состоят отличия внутренних конфликтов (или гражданских войн) от других форм массового насилия. Представляется, что некоторые из этих вопросов требуют более глубокой проработки в рамках данного диссертационного исследования.

Экономические и политэкономические исследования вооруженных конфликтов, как правило, не содержат собственных определений и типологий конфликта. В них в основном применяются определения основных баз данных по вооруженным конфликтам (чаще других используются базы *Correlates of War*[62] и *UCDP/PRIO*[63]). Это

---

[61] См.: Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 3-57.

[62] См.: Dixon J.S., Sarkees M.R. A Guide to Intra-state Wars: An Examination of Civil, Regional, and Intercommunal Wars, 1816-2014. Thousand Oaks: CQ Press, 2015. 816 p.; Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).; Sarkees M.R., Wayman F. Resort to War, 1816-2007. Thousand Oaks: CQ Press, 2010. 577 p.

[63] См.: Davies S., Pettersson T., Öberg M. Organized violence 1989–2021 and drone warfare // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 593-610.; Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P.

связано с тем, что исследования носят преимущественно количественный характер, а потому исследователями принимаются определения баз, которые служат источниками данных для них. В некоторых исследованиях приводится собственная типологизация[64], однако делается это скорее в аналитических целях, соответственно, четкие критерии типологизации не предлагаются. В то же время отдельными исследователями предпринимались попытки дать определение внутреннему вооруженному конфликту, например, «систематическое нарушение общественного договора, происходящее в результате или ведущее к изменению социальных норм, которые включают применение массового насилия, основывающегося на коллективном действии»[65]. Отметим, что такие попытки довольно редки и достаточно абстрактны в формулировках, что затрудняет разграничение внутренних вооруженных конфликтов с другими формами массового насилия, а кроме того, представляют трудность при классификации и операционализации, необходимой для проведения количественных исследований.

Далее рассмотрим, как основные базы данных классифицируют и определяют различные типы вооруженных конфликтов.

Ключевые международные базы данных, например, «Корреляты войны» *(Correlates of War)* или совместная база данных Уппсальского университета и Института международных исследований мира в Осло *(UCDP/PRIO)* предлагают достаточно четкие, в том числе и количественные, критерии, позволяющие разграничить международные войны от внутригосударственных, гражданских конфликтов. Отметим, что подходы, которые применяются в этих базах данных, несмотря на некоторые различия, в целом достаточно близки и позволяют выделить основные критерии, позволяющие квалифицировать конфликты как внутренние вооруженные (или гражданские войны[66]). Отсутствие существенных различий в методологии связано с тем, что современные базы данных опираются на методологию, сформулированную в работах Дж. Сингера и М. Смолла[67].

615-637.; UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

[64] Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 1-23.

[65] A Micro-Level Perspective on the Dynamics of Conflict, Violence, and Development / ed. by P. Justino, T. Brück, P. Verwimp. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 6.

[66] Прим.: Вопрос о разграничении этих понятий рассматривается далее в данной главе исследования..

[67] См.: Singer J.D., Small M. Formal alliances, 1815—1939: A Quantitative Description // Journal of Peace Research. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 1-31.; Small M., Singer J.D. Formal Alliances, 1816-1965: an Extension of the Basic Data // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 257-282.; Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. 372 p.

База *UCDP/PRIO* определяет «вооруженный конфликт» (*armed conflict*) как «ведущую к противостоянию несовместимость интересов, реализующаяся в пределах государственных границ или определенной территории, когда применение силы сторонами, одной из которых является национальное правительство, приводит к гибели в результате военных действий по меньшей мере 25 человек в течение календарного года»[68]. Определение «вооруженного конфликта», согласно методологии базы, синонимично понятию «внутригосударственного вооруженного конфликта» (*state-based conflict)*. Отдельно в базе данных выделяются негосударственные внутренние вооруженные конфликты (*non-state conflict*), которые также развиваются внутри государственных границ, однако в отличие от внутригосударственных вооруженных конфликтов их отличает то обстоятельство, что правительство страны не принимает в них участия[69].

База данных *UCDP/PRIO* также категоризирует конфликты по степени их интенсивности. Они делятся на конфликты низкой интенсивности (*minor*) и войны (*wars*), а критерием деления выступает количество жертв в результате военных действий в течение одного календарного года. В основе деления лежит интуитивно понятное предположение, что конфликты, в ходе которых ведутся более активные вооруженные действия, приведут и к большему количеству жертв. В случае, если количество жертв в течение календарного года превышает 1 тыс. человек, конфликт классифицируется как война. Если количество жертв составляет от 25 до 999 человек, то это конфликт низкой интенсивности[70].

Изначально подход в базе данных C*orrelates of War* к определению и разграничению различных видов вооруженных конфликтов, в том числе и внутригосударственных, предполагал разделение всех вооруженных конфликтов на два типа – международные *(international)* и гражданские войны (*civil wars)*. Авторы базы отталкивались от методологических положений, разработанных в работе М. Смолла и Дж. Сингера[71], и предложили достаточно четкие критерии для категоризации различных

---

[68] Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 615-637.; UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook // Uppsala Conflict Data Program (UCDP) & Centre for the Study of Civil Wars, International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). URL: https://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-181.pdf (accessed: 17.02.2023).

[69] UCDP Definitions // Uppsala Universitet. URL: https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions (accessed: 17.02.2023).

[70] Ibid.

[71] Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. 372 p.

вооруженных конфликтов. Основными из них были: уровень потерь сторон в результате боевых действий, а также статус участников конфликта. Так, гражданская война определялась как конфликт, протекающий на территории одной страны, одним из участников которого являлось национальное правительство, приведший к гибели в результате военных действий не менее 1 тыс. человек[72].

Современный подход базы данных *Correlates of War* в целом совпадает с классификацией, принятой в базе *UCDP/PRIO*. Все вооруженные конфликты в этих базах данных делятся на 4 группы – межгосударственные *(interstate wars)*, внегосударственные или внесистемные *(extrastate, extra-systemic)*, внутригосударственные *(intrastate)* и негосударственные *(non-state)*[73]. Основным отличием в подходах баз данных является определение количественного критерия, который позволяет классифицировать эпизоды насилия как вооруженный конфликт. В базе данных *Correlates of War* в качестве критерия устанавливается 1 тыс. жертв в результате военных действий в результате календарного года, в то время как в базе *UCDP/PRIO* основным критерием является отметка в 25 жертв в течение календарного года. В то же время *UCDP/PRIO* выделяет конфликты высокой интенсивности (или войны) с количеством жертв более 1 тыс. человек в течение календарного года. Учитывая это, можно говорить о том, что подходы двух баз данных почти полностью совпадают.

Отметим, что из-за некоторых различий в методологии и регулярности обновления баз списки внутренних вооруженных конфликтов в них отличаются. Это объясняется, во-первых, тем, что база *Correlates of War* включает содержит данные только по 2014 г. включительно и обновляется нерегулярно, а, во-вторых, разными критериями количества жертв, принятых в этих базах. В то же время внутренние вооруженные конфликты в базе данных *Correlates of War* и *UCDP/PRIO* в целом можно признать комплементарными (за исключением того, что база *UCDP/PRIO* охватывает и более современные конфликты. Списки вооруженных конфликтов в соответствии с методологиями баз данных *UCDP/PRIO* и *Correlates of War* приведены в Приложениях 1 и 2 соответственно.

[72] The COW Typology of War: Defining and Categorizing Wars (Version 4 of the Data) by Meredith Reid Sarkees // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/wp-content/uploads/COW-Website-Typology-of-war.pdf (accessed: 17.02.2023).

[73] Ibid.

В Таблице 1.1. приведены основные критерии, позволяющие разграничить типы конфликтов в соответствии с методологией баз данных *Correlates of War* и *UCDP/PRIO*.

Таблица 1.1. Разграничение международных и гражданских войн по методологии база данных Correlates of War («Корреляты войны») и UCDP/PRIO

Критерии	***Межгосударственные войны (inter-state wars)***	***Внесистемные войны[74] (extra-systemic wars, extra-state wars)***	***Внутригосударственные конфликты (intra-state wars)***	***Негосударственные конфликты (non-state wars)***
Статус участников конфликта	Участниками являются государства-члены международной системы[75]	Государство-член международной системы вступает в конфликт с образованием, в него не входящим	Одним из участников является национальное правительство государства-члена международной системы	Участниками конфликта являются организованные вооруженные группировки, ни один из участников конфликта не является национальным правительством[76]

[74] Прим.: Под внесистемными или внегосударственными войнами понимаются вооруженные конфликты между государством-членом международной системы и образованием, которое не является членом международной системы и не пользуется международным признанием, происходящие за пределами территории государcтва-члена международной системы. Эти конфликты носят территориальный характер, где правительство стремится к сохранению контроля над территорией, лежащей за пределами государственной. База данных *UCDP/PRIO* указывает, что под эту категорию подпадают в основном колониальные войны, а последний подобный конфликт произошел в 1974 г. В базе данных *Correlates of War* сохраняется более широкое понимание таких конфликтов, которое включает все конфликты между государством-членом международной системы и негосударственными вооруженными группировками за пределами территории страны. Тем не менее, их доля в общем числе вооруженных конфликтов относительно невелика. См.: The COW Typology of War: Defining and Categorizing Wars (Version 4 of the Data) by Meredith Reid Sarkees // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/wp-content/uploads/COW-Website-Typology-of-war.pdf (accessed: 17.02.2023).; UCDP Definitions // Uppsala Universitet. URL: https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions (accessed: 17.02.2023).

[75] Прим.: Критериями членства в международной системе являются численность населения и наличие дипломатического признания. Членами международной системы, согласно данной классификации, признаются государства с численностью населения более 500 тыс. чел., а также имеющие дипломатическое признание со стороны не менее 2 государств или состоящие (или состоявшие на момент конфликта) в Лиге Наций или ООН. См.: Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. P. 2.

[76] Прим: Участниками конфликта могут быть, например, автономные и другие негосударственные или квазигосударственные образования, не имеющие признания в качестве членов международной системы. Отметим, что количество таких конфликтов относительно невелико. См.: COW War Data, 1816

Структурные особенности конфликта	Военные действия при участии регулярных частей всех участников конфликта	Военные действия при участии регулярных частей государства-члена международной системы и подразделений политического образования, в нее не входящего	Активные военные действия как со стороны национального правительства, так и со стороны негосударственных участников конфликта; военные действия происходят на территории (ее основной части) государства-члена международной системы	Могут происходить как внутри государственных границ, так и затрагивать территории нескольких государств; национальное правительство не принимает прямого участия в конфликте
Количество жертв	Общее количество жертв в результате военных действий не менее 1 тыс. чел.	Не менее 1 тыс. чел. для государства-члена международной системы в течение одного календарного года	Не менее 1 тыс. жертв в результате военных действий в течение одного календарного года	Не менее 1 тыс. жертв в результате военных действий в течение одного календарного года
Критерии квалификации как участника конфликта	Не менее 100 жертв среди комбатантов в результате военных действий; участие не менее 1 тыс. комбатантов со стороны каждого участника конфликта	Одна из сторон является членом международной системы	Количество участников конфликта на стороне национального правительства должно составлять не менее 1 тыс. чел., а потери в результате военных действий не менее 100 человек; количество участников конфликта на стороне негосударственных	Количество участников конфликта на стороне негосударственных вооруженных группировок должно составлять не менее 100 чел., а количество потерь в результате

– 2007 (v4.0) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).; Sarkees M.R., Wayman F. Resort to War, 1816-2007. Thousand Oaks: CQ Press, 2010. 577 p.

			вооруженных группировок должно составлять не менее 100 чел., а количество потерь в результате военных действий не менее 25 чел.	военных действий не менее 25 чел.

Источники: составлено автором на основе Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. 372 p.; Sarkees M.R., Wayman F. Resort to War, 1816-2007. Thousand Oaks: CQ Press, 2010. 577 p.; The COW Typology of War: Defining and Categorizing Wars (Version 4 of the Data) by Meredith Reid Sarkees // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/wp-content/uploads/COW-Website-Typology-of-war.pdf (accessed: 17.02.2023).

В экономических и политэкономических исследованиях в синонимичном значении чаще используется понятие «гражданская война» *(civil war)*, которое относительно редко встречается в русскоязычной литературе. Хотя оно не используется в современных базах данных, М. Смолл и Дж. Сингер, определение которых стало основой для современных баз данных и количественных исследований конфликтов, в своей работе использовали именно его[77]. Использование понятия «гражданская война» можно считать, с одной стороны, следованием сложившейся научной традиции (большинство работ, написанных по тематике экономического развития и внутренних вооруженных конфликтов, используют именно его), а также тем, что данный термин, вероятно, интуитивно понятен читателям и представителям научного сообщества[78]. В свою очередь, и в данном исследовании понятия внутреннего вооруженного конфликта, внутригосударственного конфликта или войны *(intrastate conflict/war)* и гражданской войны *(civil war)* рассматриваются как синонимичные.

Исследователи выделяют ряд критериев, которые позволяют разграничить вооруженный конфликт от других актов насилия – погромов, геноцидов, протестных акций – и одновременно от международных конфликтов. Все эти явления могут иметь много общих черт, однако отличаются количеством и статусом участников, масштабом

[77] Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. P. 213.

[78] Прим.: Это является исключительно авторским предположением, поскольку никаких комментариев по этому вопросу работы исследователей не содержат.

и степенью интенсивности, но все они могут оказывать долгосрочное воздействие на экономическое развитие определенных территорий и государств[79], что обусловливает важность проведения четких границ между ними.

Некоторыми исследователями выделяется значительно больше критериев, позволяющих классифицировать конфликт как внутренний вооруженный (или гражданскую войну). Так, Н. Самбанис выделяет 11 критериев гражданской войны, дополняя приведенные выше условиями численности населения страны, организационного характера сторон конфликта, условия завершения конфликта[80]. В то же время большинство из них не имеют принципиального значения в рамках данного диссертационного исследования. Критике подвергаются также и принципы кодирования конфликтов, количественные критерии (например, количество жертв в течение календарного года), а также определение периода начала и окончания конфликта[81]. Хотя некоторые из критических положений могут быть признаны справедливыми, применение альтернативных критериев потребует формирования собственного списка внутренних вооруженных конфликтов, что не представляется возможным в рамках данного диссертационного исследования из-за ограниченности доступа к части необходимых данных. Кроме того, отсутствуют и регулярно обновляемые базы данных, применяющие иную операционализацию определения внутреннего вооруженного конфликта[82].

Критерии типологизации конфликта как внутреннего вооруженного (или гражданской войны), используемые в двух основных базах данных, которые наиболее

---

[79] Прим.: Можно говорить о том, что они могут иметь схожие последствия для экономического развития определенных территорий и даже отдельных стран. В качестве примера анализа погромов на экономическое развития см., напр., Grossfeld I., Sakalli S.O., Zhuravskaya E. Middleman Minorities and Ethnic Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Russian Empire // Review of Economic Studies. 2020. Vol. 87. No. 1. P. 289-342.

[80] Sambanis N. What is civil war? Conceptual and empirical complexities of an operational definition //Journal of conflict resolution. 2004. Vol. 48. No. 6. P. 829-830.

[81] Ibid. P. 819.

[82] Прим.: Чаще всего они приводились в рамках отдельных исследований. См, напр.,: Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 615-637.; Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 75-90.; Sambanis N. What is civil war? Conceptual and empirical complexities of an operational definition // Journal of Conflict Resolution. 2004. Vol. 48. No. 6. P. 814-858.

Добавим, что в последние годы исследований, которые были бы посвящены формированию новых баз данных вооруженных конфликтов, не проводилось. Дополнялись и обновлялись либо уже существующие базы, либо создавались некоторые весьма специфичные, напр., см.: Loyle C.E., Binningsbø H.M. Justice during Armed Conflict: A New Dataset on Government and Rebel Strategies // Journal of Conflict Resolution. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 442-466.

часто применяются в экономических и политэкономических исследованиях, в основном совпадают. Их можно обобщить следующим образом:

- одним из основных акторов должно быть национальное правительство;
- все стороны-участницы конфликта должны обладать способностью и возможностью вызывать людские потери у противника (потери более сильной стороны должны составлять не менее 5% от потерь более слабой);
- существенный масштаб противостояния (не менее 1000 жертв в результате вооруженных столкновений)[83];
- ограниченность государственными границами[84].

Применение приведенных выше критериев для определения внутреннего вооруженного конфликта позволяет избежать возможной неопределенности с целями конфликтов, которые могут совпадать с протестными акциями (например, требования социальной справедливости и борьбы с неравенством могут выступать общим мотивом). Кроме того, оно не позволяет произвольно изменять критерии типологизации, чтобы получить ожидаемые исследователем результаты[85].

Установление же пространственных рамок конфликта позволяет допустить интернационализацию конфликта, то есть возможность участия в нем других государств при условии, что государства не вступают в прямые военные действия друг с другом (приблизительно около трети вооруженных конфликтов относятся именно к этому типу[86]).

Дополним приведенное нами определение внутреннего вооруженного конфликта и более четким определением сторон, в нем участвующих. Как было показано в Таблице 1.1., одной из сторон конфликта должно быть национальное правительство. База *Correlates of War* определяет правительство как образование, контролирующее национальные институты на момент начала конфликта[87]. Определение базы *UCDP/PRIO* несколько отличается. В ней под правительством понимается образование,

---

[83] Прим.: Этот критерий особенно важен в контексте исследования, так как представляется, что незначительные по масштабам конфликты вряд ли окажут заметное влияние на экономическое развития стран.

[84] Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. P. 10.

[85] Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 564-565.

[86] Pettersson T., Högbladh S., Öberg M. Organized violence, 1989–2018 and peace agreements // Journal of Peace Research. 2019. Vol. 56. No. 4. P. 590-591.

[87] Codebook for the Intra-State Wars v.4.0. Definitions and Variables by Meredith Reid Sarkees // Correlates of War. P. 3. URL: https://correlatesofwar.org/wp-content/uploads/Intra-StateWars_Codebook.pdf (accessed: 17.02.2023).

контролирующее столицу страны в определенной период развития конфликта (не на момент его начала)[88]. Так, например, в период с 1997 по 2001 гг. под «правительством Афганистана» база данных указывает администрацию талибов, а не международно признанное правительство страны, которое на тот момент не контролировало столицу страны г. Кабул[89].

Другой стороной конфликта (отметим, что их может быть и несколько) являются его негосударственные участники или «организованная оппозиция» или «организация оппозиции» *(organized opposition, opposition organization)*. Под ними понимаются «негосударственные формально организованные и имеющие название образования, которые используют военную силу для того, чтобы повлиять на результат несовместимости позиций, которая привела к началу конфликта»[90]. Отметим, что в экономических и политэкономических исследованиях негосударственные стороны конфликта часто называются повстанцами *(rebels)*, вооруженной оппозицией *(military opposition)* и др., но эти понятия (аналогично гражданской войне и внутренней вооруженной оппозиции) рассматриваются как синонимичные. В данном исследовании данные понятия также будут использоваться как условно идентичные.

Несмотря на существующую в научной литературе критику[91], рассмотренные ранее критерии, как представляется автору, являются наиболее удобными и четкими и будут использоваться для определения внутренних вооруженных конфликтов в данном диссертационном исследовании. Для этого есть несколько причин. Во-первых, работа также опирается на данные баз *Correlates of War* и *UCDP/PRIO*, которые используют рассмотренные выше критерии. Во-вторых, они же, как правило, применяются и в работах по внутренним вооруженным конфликтам экономической и политэкономической тематики, а это позволит сравнить полученные в результате данного исследования результаты с результатами других исследований. В-третьих, в данном исследовании также применяются количественные методы анализа, которые

---

[88] UCDP Definitions // Uppsala Universitet. URL: https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions (accessed: 17.02.2023).

[89] Davies S., Pettersson T., Öberg M. Organized violence 1989–2021 and drone warfare // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 593-610.; Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 615-637.; UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

[90] UCDP Definitions // Uppsala Universitet. URL: https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions (accessed: 17.02.2023).

[91] См. подробнее: Cramer C. Civil War Is Not a Stupid Thing: Accounting for Violence in Developing Countries. London: Hurst, 2006. P. 199.; Sambanis N. What is civil war? Conceptual and empirical complexities of an operational definition // Journal of Conflict Resolution. 2004. Vol. 48. No. 6. P. 829-830

требуют четких определений и операционализации понятий, что возможно при следовании методологии приведенных выше баз данных.

***

В подпараграфе были рассмотрены классификация вооруженных конфликтов и некоторые определения внутреннего вооруженного конфликта. Внутренний вооруженный конфликт соответствовует четырем критериям, которые можно обобщить следующим образом: одним из его участников должно быть национальное правительство; все стороны конфликта должны обладать способностью и возможностью вызывать людские потери у противника (потери более сильной стороны должны составлять не менее 5% от потерь более слабой); масштаб противостояния должен быть существенным (не менее 1000 жертв в результате вооруженных столкновений); конфликт должен быть ограничен государственными границами. Данное определение базируется на определениях, принятых в ключевых международных базах данных по вооруженным конфликтам. Его принятие в качестве основного в данной работе обусловлено, во-первых, наличием достаточно четких критериев классификации, во-вторых, удобством, так как именно такое определение используется в большинстве работ по вооруженным конфликтам экономической и политэкономической тематик, что позволит впоследствии сравнить результаты настоящего исследования с проведенными ранее. Кроме того, следуя сложившейся в экономических и политэкономических исследованиях традиции, термины «внутренний вооруженный конфликт» и «гражданская война» рассматриваются в данном исследовании как синонимичные.

1.1.2. Понятие «нестабильное государство» и особенности экономического развития «нестабильных государств»

Понятие «нестабильное государства» (*fragile state)* за полтора десятилетия стало достаточно популярным в научной литературе (в т.ч., в экономических и политэкономических исследованиях), придя на смену и несколько вытеснив термин «несостоявшееся государство» *(failed state)*. Несмотря на относительную популярность, оно пока не имеет устоявшегося определения в научной литературе. Так как «нестабильные государства» составляют часть предметного поля данного исследования, представляется необходимым рассмотреть существующие в научной литературе определения данного понятия. На основе их анализа будут выделены наиболее значимые характеристики, присущие государствам, относимым к этой группе, а также

операционализировано понятие «нестабильного государства», которое будет использоваться в данном диссертационном исследовании.

Несмотря на то, что единого определения «нестабильного государства» не существует, этот термин получил достаточно широкое распространение в научной литературе и политических документах и активно используется ведущими международными организациями и государствами-донорами. Отметим его тесную связь с понятием государственной состоятельности (*stateness)*, то есть способностью государства выполняться свои основные функции[92].

Можно выделить несколько этапов развития понятия «нестабильного государства». Само оно стало эволюцией понятия «несостоявшееся государство», впервые предложенного в работе Г. Гельмана и С. Ратнера, определивших такие государства как «ситуации, когда государственные институты не справляются (*overwhelmed*) с давлением внутренних и внешних условий»[93]. Хотя постепенно исследователи отходили от использования этого термина как избыточно категоричного (т.е. фактически отказывающего государствам в возможности улучшения ситуации в них), их работа сыграла важную роль в привлечении внимания к таким государствами и характерным для них проблемам, в том числе внутренним вооруженным конфликтам.

Обратимся непосредственно к определениям «нестабильных государств». Все они в основном обращают внимание на неэффективность государств в предоставлении общественных благ населению и неспособность выполнять основные функции государства. Однако ранние определения скорее фокусировались на определенных аспектах и результатах существования «нестабильных государств». Начиная со второй половины 2000-х гг. в определениях «нестабильных государств» признавался многомерный характер нестабильности, т.е., то, что, с одной стороны, страны могут быть нестабильными в разной степени, а с другой – что причинами возникновения нестабильности могут быть отдельные аспекты основных функций государства, с которыми, соответственно, «нестабильные государства» справляются наименее удачно. Некоторые современные определения используют другой подход и указывают, что «нестабильность» возникает в результате неспособности отдельных стран справляться с

[92] Подробнее см.: Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 4. P. 559-592.; Migdal J.S. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1989. 320 p.

[93] Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992-1993. No. 89. P. 5.

рисками, с которыми они сталкиваются. Основные определения «нестабильного государства» и их эволюция приведены в Таблице 1.2.

Таблица 1.2. Некоторые определения «нестабильного» государства» (fragile state)

Определение	**Автор или международная организация, использующая данное определение**
«Неспособность справиться со внутренними вспышками насилия, контролировать государственную территорию, сопряженная с высокими уровнем экономического неравенства»[94]	Р. Брукс
«Страны с низким уровнем дохода, находящиеся в тяжелых для развития условиях *(under stress)*»[95]	Всемирный Банк
«Отсутствие у государственных структур желания или возможностей выполнять основные функции государства, связанные с борьбой с бедностью, развитием или предоставлением населению гарантий обеспечения безопасности или соблюдения прав человека»[96]	ОЭСР (определение 2006 г.)
«Правительства, которые не могут или не стремятся выполнять свои обязательства по отношению к большинству населения, включая его беднейшие слои»[97]	Министерство международного развития Великобритании
Уязвимые государства: «Государства, не способные или не стремящиеся в полной мере гарантировать обеспечение безопасности и предоставление основных услуг для значительной части населения, а также те государства, где легитимность правительства оказывается под сомнением»[98]	Агентство США по международному развитию[100]

[94] Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. No. 4. P. 1160-1161.

[95] Collier P., Okonjo-Iweala N. World Bank Group Work in Low-Income Countries Under Stress: A Task Force Report. Washington, D.C.: World Bank, 2002. P. 1-3. URL: https://gsdrc.org/document-library/world-bank-group-work-in-low-income-countries-under-stress-a-task-force-report/ (accessed: 17.02.2023).; Low-Income Countries Under Stress: Update. Washington, D.C.: World Bank, 2005. P. iv. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/458871468328174684/pdf/34789.pdf (accessed: 17.02.2023).

[96] Whole of Government Approaches to Fragile States. Paris: OECD, 2006. P. 17. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/37826256.pdf (accessed: 17.02.2023).

[97] Why We Need to Work More Effectively in Fragile States. London: ukaid/Department for International Development, 2005. P. 5. URL: https://gsdrc.org/document-library/why-we-need-to-work-more-effectively-in-fragile-states/ (accessed: 17.02.2023).

[98] Fragile States Strategy, Pd-Aca-999, January 2005. Washington, DC: US Agency for International Development, 2005. P. 1. URL: https://gsdrc.org/document-library/fragile-states-strategy/ (accessed: 17.02.2023).

[100] Прим.: Делит «нестабильные» государства на уязвимые *(vulnerable)* и находящиеся в состоянии кризиса *(in crisis)*.

Государства в состоянии кризиса: «Государства, где центральное правительство не обладает значительным контролем над собственной территорией или неспособно или не желает обеспечить предоставление ключевых услуг значительной части населения, где легитимность правительства низка или отсутствует, и где развивается или существует высокий риск вооруженного конфликта»[99]	
«Несостоявшиеся государства или государства, сталкивающиеся с риском стать таковыми, в отношении их авторитета, всеобъемлющего предоставления услуг или легитимности»[101]	Ф. Стюарт и Г. Браун
«Степень ограничений, с которым государство сталкивается при выполнении своих функций в различных измерениях государственности»[102]	С. Патрик
[Страны], «где государственные институты испытывают трудности с осуществлением базовых функций управления и поддержанием конструктивных отношений с обществом»[103]	В.И. Бартенев
«Сочетание подверженности риску и недостаточной способности государств, систем или сообществ минимизировать их, которое может приводить к неблагоприятным последствиям, например, насилию, разрушению институтов, насильственному перемещению лиц, гуманитарным кризисам, а также другим чрезвычайным ситуациям»[104]	ОЭСР (определение 2016 г.)
«Потеря контроля над территориями, потеря легитимности государственного авторитета, а также неспособность предоставлять в достаточных масштабах государственные услуги, защищать население и участвовать в международных отношения в качестве полноценного члена мирового сообщества»[105]	*Fund for Peace*

Источники: составлено автором на основе Бартенев В.И. «Новый курс» оказания помощи «нестабильным государствам»: истоки, компоненты, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 113-143.; Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. No. 4. P. 1159-1196.; Collier P., Okonjo-Iweala N.

[99] Ibid.

[101] Stewart F., Brown G. Fragile States // CRISE Working Paper. No. 51. Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity, 2009. P. 3. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08b62e5274a27b2000af7/wp51.pdf (accessed: 17.02.2023).

[102] Patrick S.M. Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 19.

[103] Бартенев В. И. «Новый курс» оказания помощи «нестабильным государствам»: истоки, компоненты, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 113.

[104] States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. P. 73.

[105] What Does State Fragility Mean? // Fund for Peace. URL: https://fragilestatesindex.org/frequently-asked-questions/what-does-state-fragility-mean/ (accessed: 17.02.2023).

World Bank Group Work in Low-Income Countries Under Stress: A Task Force Report. Washington, D.C.: World Bank, 2002. 53 p.; Fragile States Strategy, Pd-Aca-999, January 2005. Washington, DC: US Agency for International Development, 2005. 18 p. URL: https://gsdrc.org/document-library/fragile-states-strategy/ (accessed: 17.02.2023).; Hout W. Between Development and Security: the European Union, governance and fragile states // Third World Quarterly. 2010. Vol. 31. No. 1. P. 141-157.; Low-Income Countries Under Stress: Update. Washington, D.C.: World Bank, 2005. 16 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/458871468328174684/pdf/34789.pdf (accessed: 17.02.2023).; Patrick S.M. Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2011. 352 p.; States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. 180 p.; Stewart F., Brown G. Fragile States // CRISE Working Paper. No. 51. Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity, 2009. 112 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08b62e5274a27b2000af7/wp51.pdf (accessed: 17.02.2023).; What Does State Fragility Mean? // Fund for Peace. URL: https://fragilestatesindex.org/frequently-asked-questions/what-does-state-fragility-mean/ (accessed: 17.02.2023).; Whole of Government Approaches to Fragile States. Paris: OECD, 2006. 55 p. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/37826256.pdf (accessed: 17.02.2023).; Why We Need to Work More Effectively in Fragile States. London: ukaid/Department for International Development, 2005. 30 p. URL: https://gsdrc.org/document-library/why-we-need-to-work-more-effectively-in-fragile-states/ (accessed: 17.02.2023).; Why, what and how to measure? A user's guide to measuring rule of law, justice and security programmes. New York: UNDP, 2015. P. 17-21. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/UNDP_CPR_ROLMEGuide_August2014.pdf (accessed: 17.02.2023).

Определения «нестабильных государств» можно разделить на три группы в зависимости от того, на чем они фокусируются. Тремя системообразующими критериями выступают[106]:

- результаты функционирования государственных институтов, то есть возникновение определенных проблем национального, регионального или глобального

[106] Hout W. Between Development and Security: the European Union, governance and fragile states // Third World Quarterly. 2010. Vol. 31. No. 1. P. 143-144.

масштаба (например, бедности, вооруженных конфликтов, терроризма, вынужденной миграции и пр.);

- функции государственных институтов, под которыми понимается способность государства выполнять определенные функции, которые способствуют укреплению безопасности и росту благосостояния населения, например, предоставлять общественные блага, такие как безопасность, образование и здравоохранение;
- отношения с донорами, то есть акцентируется сложность взаимоотношений между донорами и реципиентами-«нестабильными государствами», связанная с относительно низкой эффективностью международной помощи[107].

Попытки определить «нестабильность» через характеристики или условия развития стран (например, распространенность в них вооруженных конфликтов, бедность населения, высокий уровень коррупции и пр.) представляются в большей степени отражающими результаты существования «нестабильных государств». Это можно трактовать как проблему обратной причинной связи. Разумно предположить, что конфликты и бедность являются следствием «нестабильности», так как государства, которые относят к этой категории, недостаточно устойчивы и неспособны самостоятельно решить ключевые проблемы развития, что и ведет к возникновению приведенных выше проблем. Не вполне убедительными представляются и практически ориентированные определения «нестабильных государств», которые используются для определения приоритетных получателей помощи развитию. Хотя они позволяют выделить наиболее уязвимые и наименее дееспособные государства, они не отражают их ключевые характеристики и не дают достаточного понимания о природе и причинах «нестабильности».

Определения «нестабильных государств», основывающиеся на эффективности предоставления общественных благ населению, кажутся более субстаницональными. В таких определениях под «нестабильными государствами» понимаются страны, где «государственные институты демонстрируют неспособность или нежелание выполнять

[107] Прим.: В ряде работ «нестабильность» также определяется как продукт прошлых взаимоотношений, под которыми имеется в виду существование и влияние колониальной системы. Напр., см.: Cammack D., McLeod D., Rocha Menocal A., Christiansen K. Donors and the ‘Fragile States’ Agenda: A Survey of Current Thinking and Practice. Report submitted to the Japan International Cooperation Agency. London: Poverty and Public Policy Group, Overseas Development Institute, 2006. P. 16-18. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/1955.pdf (accessed: 17.02.2023).

базовые функции и испытывают нехватку легитимности»[108], а под ключевыми функциями понимаются предоставление общественных благ, таких как обеспечение безопасности и пр. и основных услуг (образования, здравоохранения, водоснабжения и т.д.)[109]. Несмотря на некоторые преимущества, они, однако, не дают достаточного представления о природе и причинах явления «нестабильности», так как низкую эффективность институтов также можно рассматривать как следствие «нестабильности». Кроме того, они фокусируются исключительно на деятельности государства, не обращая внимания на деятельность неформальных социальных институтов, которые также могут быть фактором появления «нестабильных государств»[110].

В современных определениях «нестабильного государства» «нестабильность» трактуется как многомерное явление и континуум, за счет чего подчеркивается, что разные государства могут быть «нестабильными» в разной степени[111], а также что четкой границы между государствами, причисляемыми к категории «нестабильных» и не являющихся таковыми, не существует[112]. Можно отметить два основных подхода к рассмотрению этой многомерности. Первый из них отталкивается от основных функций государства (авторитет *(authority)*, легитимность *(legitimacy)*, способность к управлению *(capacity)*) и применяет к «нестабильности» общеправительственный подход (*whole-of-government approach*)[113], оценивая, насколько эффективно правительство справляется со своими функциями в каждом их этих измерений. Соответственно, «нестабильные государства» характеризируются существенными недостатками (*gaps*) в выполнении этих функций. Функции государства, выступающие как измерения «нестабильности», и характеристики «нестабильных государств» представлены в Таблице 1.3.

Таблица 1.3. Измерения нестабильности (в соответствии с общеправительственным подходом, ALC approach)

[108] Baudienville G. Aid Instruments in Fragile and Conflict-Affected Situations: Impacts on the State- and Peace-Building Agenda. Final Report. London: Overseas Development Institute, 2010. P. 2. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/6664.pdf (accessed: 17.02.2023).

[109] Besley T., Persson T. Fragile States and Development Policy // Journal of European Economic Association. 2011. Vol. 9. Issue 3. P. 372.

[110] States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. P. 73.

[111] Прим.: Фактически это же означает, что все государства могут быть в какой-то, пусть и незначительной степени «нестабильными».

[112] Baliamoune-Lutz M., McGillivray M. State Fragility: Concept and Measurement. // Fragile States: Causes, Costs, and Responses / ed. by W. Naudé, A.U. Santos-Paulino, M. McGillivray. Oxford: Oxford University Press. P. 34-35.

[113] Прим.: Мы может условно назвать данный подход *ALC approach.*

Измерение	**Функции государства**	**Проблемы *(gaps)* «нестабильных государств» в выполнении функций государства**
Авторитет *(authority)*	Способность принимать обязательные для исполнения правовые акты, применять силу на подконтрольной территории, предоставлять основные общественные блага и создавать благоприятную среду для жизнедеятельности населения	Неспособность обеспечить безопасность, населения или собственности, а также контролировать государственную территорию
Легитимность *(legitimacy)*	Способность правительства добиваться поддержки населением своих действий	Неспособность сформировать ответственное перед населением и исполняющее его желания правительство, которое пользовалось бы его поддержкой
Способность к управлению *(capacity)*	Способность правительства мобилизовать ресурсы, продуктивно управлять ими и обеспечивать на этой основе эффективное предоставление общественных услуг	Неспособность правительства предоставлять основные общественные блага населению, обеспечивать работу инфраструктурных объектов, а также неспособность создать и поддерживать среду, необходимую для роста уровня благосостояния населения

Источники: составлено автором на основе Carment D., Landry J., Yiagadeesen S., Shaw S. Towards a theory of fragile state transitions: evidence from Yemen, Bangladesh and Laos // Third World Quarterly. 2015. Vol. 36. No. 7. P. 1316-1332.; Governance in Post-Conflict Societies: Rebuilding Fragile States / ed. by D.W. Brinkerhoff. New York: Routledge, 2007. 292 p.; Stewart F., Brown G. Fragile States // CRISE Working Paper. No. 51. Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity, 2009. 112 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08b62e5274a27b2000af7/wp51.pdf (accessed: 17.02.2023).

Данный подход указывает, что неспособность государства эффективно выполнять эти функции приводит к большей вероятности возникновения конфликтов, бедности населения, высокой степени неопределенности для ведения хозяйственной и экономической деятельности, что позволяет причислить такие государства к категории

«нестабильных»[114]. Кроме того, возникает и вероятность того, что в результате неспособности выполнять эти функции государства оказываются в ловушке «нестабильности», то есть постепенно они становятся все менее и менее дееспособными[115]. Хотя данный подход и признает, что разные государства могут испытывать проблемы в разных измерениях и, соответственно, степень их «нестабильности» может сильно отличаться, его главным недостатком остается государство-центричность. То есть фактически он оценивает только то, насколько то или иное государство отличается от определенной нормы, государства, которое эффективно справляется с этими функциями, примером которого предстает, например, «государство Вебера» или «модель государства ОЭСР»[116].

Во второй половине 2010-х гг. произошли некоторые изменения в понимании многомерности явления «нестабильности». Следствием этого стало появление новых определений, которые стремились преодолеть ограничения уже существовавших. Примером этого может служить определение, предложенное ОЭСР в 2016 г. (см. Таблицу 1.2.) Это определение, как и некоторые другие, сходные с ним[117], обладает рядом преимуществ по сравнению с более ранними определениями «нестабильности» и «нестабильных государств». Во-первых, «нестабильность» воспринимается как континуум и многомерное явление, следовательно, разные страны могут быть уязвимы к различным рискам и в разной степени. Кроме того, оно ставит в центр внимания не способность государства предоставлять общественные блага населению, а его устойчивость по отношению к различным вызовам и рискам, на основе которых и строится многомерность «нестабильности», согласно методологии ОЭСР. Важным отличием от других определений является также и внимание к роли неформальных институтов и местных сообществ (городских или региональных), которые также могут воздействовать на способность государства противодействовать вызовам и рискам. В то же время, хотя и расширяя контекст явления «нестабильности», ОЭСР все же

---

[114] Goldstone J.A. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science. Vol. 25. No. 4. P. 285-296.

[115] Goldstone J.A. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science. Vol. 25. No. 4. P. 285-296.; World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. P. 6-8.

[116] Bøås M. Fragile States as the New Development Agenda? // Forum for Development Studies. 2017. Vol. 44. No. 1. P. 149-154.; Eriksen S.S. “State Failure” in Theory and Practice: the Idea of the State and the Contradictions of State Formation // Review of International Studies. Vol. 37. No. 1. P. 235.

[117] См.: De Boer J. Resilience and the Fragile City // Stability: International Journal of Security and Development. Vol. 4. No. 1. URL: https://www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.fk/# (accessed: 17.02.2023).

фокусируется на «нестабильности» отдельных государств, что представляет удобство для данного диссертационного исследования, которое анализирует проблемы (а внутренние вооруженные конфликты являются одной из подобных проблем) и особенности экономического развития государств, принадлежащих к этой категории.

Всего ОЭСР выделяет пять измерений нестабильности, которые приведены в Таблице 1.4.

Таблица 1.4. Измерения нестабильности (в соответствии с методологией ОЭСР)

Измерение	Характеристика
Экономическое	Уязвимость по отношению к рискам, происходящим из слабостей оснований экономических систем и низкого уровня развития человеческого капитала, включая макроэкономические шоки, неравномерность экономического развития и роста и высокую молодежную безработицу
Экологическое	Уязвимость к экологическим, климатическим рискам и рискам здравоохранения, которые оказывают негативное воздействие на жизнь населения и могут лишать их средств существования
Политическое	Уязвимость к рискам, связанным с политическим процессом, политическими событиями и решениями; политической инклюзивностью (включая инклюзивность элит); транспарентностью политических процессов, коррупцией и способностью общества адаптироваться к изменениям и избегать применения репрессий
Измерение безопасности	Уязвимость системы безопасности страны к насилию и преступности, включая как политическое, так и социальное насилие
Социэтальное	Уязвимость к рискам, воздействующим на социальную сплоченность, которые возникают в результате вертикального, так и горизонтального[118] неравенства, включая неравенство между культурно определяемыми или конструируемыми группами, а также разногласий между различными социальными группами по определенным вопросам

Источник: States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. P. 73.

Подход ОЭСР рассматривает «нестабильность» как континуум и многомерное явление, принимая в качестве объединяющего фактора для «нестабильных государств» их неспособность противодействовать вызовам и рискам. Она, в свою очередь, может быть вызвана не только неэффективностью государства в предоставлении

[118] Прим.: Под ним имеется в виду неравенство между отдельными социальными группами, например, этнического или конфессионального характера.

общественных благ населению, но и особенностью местных неформальных институтов. Соответственно, «нестабильность» рассматривается в более широком контексте. Кроме того, в отличие от большинства попыток определить «нестабильность» начала 2000-х гг. ОЭСР отмечает, что вооруженные конфликты являются не причинами, а, скорее, признаками и последствиями государственной «нестабильности»[119], связанной с неспособностью справиться с рисками в сфере безопасности. На наш взгляд, более широкий контекст «нестабильности» делает определение ОЭСР более предпочтительным и более удобным для использования в данном диссертационном исследовании.

В типологии ОЭСР выделяются государства просто «нестабильные» и «хронически нестабильные»[120] (*chronically fragile*), количество которых составляет 27, причем в восьми из них отмечались вооруженные конфликты на протяжении последнего десятилетия, а в большинстве из этих 27 государств вооруженные конфликты – на протяжении предыдущих десятилетий[121]. «Хронически нестабильные государства» в наибольшей степени сталкиваются с различными проблемами развития и, как было показано, наиболее уязвимы по отношения к вспышкам насилия и внутренним вооруженным конфликтам. Именно эти две категории «нестабильных государств» представляют наибольший интерес для данного исследования (к их числу относится и Афганистан), соответственно, исследование будет ориентироваться преимущественно на особенности экономического развития и внутренние вооруженные конфликты, происходящие именно в этих государствах. Списки хронически «нестабильных государств» и «нестабильных» стран, на которые ориентируется данное исследование, приведены в Приложениях 3 и 4.

Подход Всемирного Банка (ВБ) к формированию списка «нестабильных» государств заметно отличается, хотя в целом набор государств, включенных в него, совпадает со списком ОЭСР. Критериями, которые применяет ВБ для включения государств в список «нестабильных», являются: уровень эффективности государственных институтов (по шкале оценки государственной политики и институтов, *CPIA)* не более 3,2 баллов или присутствие в стране международных или региональных миротворческих сил. Список государств, причисляемых к «нестабильным

[119] States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. P. 73.

[120] Прим.: Под ними понимаются те страны, которые включались в число «нестабильных» во всех публикациях ОЭСР с 2008 г.

[121] States of Fragility 2018. Paris: OECD, 2018. P. 26.

контекстам» Всемирным Банком, в данной работе носит исключительно справочный характер, однако отметим, что отличия между списками ОЭСР и ВБ весьма незначительны. Кроме того, отдельно ВБ выделяет страны, затронутые вооруженными конфликтами, однако в данном диссертационном исследовании мы опираемся на другие, более полные и точные международные базы данных по вооруженным конфликтам (*CoW* и *UCDP/*PRIO). Список «нестабильных и затронутых конфликтами ситуаций» (*fragile and conflict-affected situations*) по методологии Всемирного Банка приведен в Приложении 5.

Рассмотрев основные определения «нестабильных государств» и выбрав основное определение, используемое в данном диссертационном исследовании, а также сформировав список «нестабильных» государств, на который данное исследование ориентируется, кратко рассмотрим сущность «государственной нестабильности» и факторов подверженности таких государств внутренним вооруженным конфликтам.

По мнению исследователей, государства, которые причисляют к группе «нестабильных», несмотря на значительную разницу как в их национальных институтах, так и в вызовах и рисках, с которыми они сталкиваются, обладают несколькими общими чертами с точки зрения происхождения и возникновения этих государства.

Во-первых, процесс возникновения «нестабильных государств» значительно отличался от процессов государственного строительства тех государств, которые можно назвать эффективными (например, государства Западной Европы). В основном «нестабильные» государства являются молодыми, постколониальными и редко обладают собственными продолжительными традициями государственности. Их границы не образовывались в ходе «эволюционного» процесса, который в Европе, по мнению Ч. Тилли, привел к возникновению более эффективных в предоставлении общественных благ государств, развивающихся в результате заинтересованности государства в получении дополнительных финансовых ресурсов для ведения вооруженных действий и поддержания для этого высоких военных расходов[122]. Во-вторых, эти молодые государства часто обладали весьма «случайными» государственными границами[123], в результате чего их население было гетерогенным, оно часто было разделено по этническому или конфессиональному принципу, что

[122] См.: Tilly C. Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990. London: Blackwell, 1990. 288 p.

[123] См.: Alesina A., Spolaore E. The Size of Nations. Cambridge: The MIT Press, 2003. 272 p.; Michalopoulos S., Papaioannou E. Historical Legacies and African Development // Journal of Economic Literature. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 81-84.

означало и высокие трансакционные издержки взаимодействия. Следуя логике модели А. Алесина и Э. Сполаоре[124], в результате этого функция эффективности их государственного управления, вероятно, не была линейной, что препятствовало предоставлению общественных благ с одинаковой эффективность в разных частях страны. В-третьих, эти государства обладали также очень небольшим экономическим размером (то есть небольшим и бедным населением), что сокращало их налоговую базу, оказывало давление на их государственные финансы, ограничивало их возможности инвестиций в качество государственных институтов[125]. Кроме того, некоторые из них обладали крупными запасами природных ресурсов. Опора на внешнеторговые доходы в виде экспортных и импортных пошлин, вероятно, приводила к тому, что правительства стран не были заинтересованы в улучшении условий жизни населения, так как мало зависели от уровня их благосостояния[126].

Суммируя все вышесказанное, мы отметим, что сочетание таких характеристик, связанных с процессами формирования государств, приводило к тому, что они оказывались значительно более уязвимыми. Гетерогенность населения и неэффективность государственного управления, наряду с неэффективностью этих государств в предоставлении общественных благ, а также зачастую невозможность эффективного контроля всей территории страны означала, что эти страны, наряду с прочими рисками, сталкивались и с высокой вероятностью возникновения вооруженных конфликтов. Несколько забегая вперед, отметим, что исследователи считают, что в гетерогенных и бедных государствах вооруженные конфликты в целом возникают чаще[127]. Наличие внутренних угроз, таким образом, заставляет эти государства наращивать военные расходы в ущерб институциональному развитию, в результате чего они могут становиться еще более «нестабильными».

***

В подпараграфе был дан короткий обзор развития определения «нестабильного» государства, а также дано пояснение тому, почему они в большей степени подвержены внутренним вооруженным конфликтам, что объясняет интерес данного исследования к

---

[124] См.: Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1027-1056.

[125] Collier P. The Political Economy of State Failure // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 223.

[126] Besley T., Persson T. Wars and State Capacity // Journal of European Economic Association. Vol. 6. No. 2-3. P. 522-530.

[127] Besley T.J., Persson T. The Incidence of Civil War: Theory and Evidence // NBER Working Paper Series. No. 14585. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. P. 27-28. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w14585/w14585.pdf (accessed: 17.02.2023).

таким государствам. Был отмечен многомерный характер «нестабильности». Это означает, что разные государства являются «нестабильными» в разной степени, а сама «нестабильность» может проявлять себя в разных измерениях. Под «нестабильными государствами» в работе понимаются страны, в которых «сочетание подверженности риску и недостаточной способности государств, систем или сообществ минимизировать их, которое может приводить к неблагоприятным последствиям», в том числе и вооруженным конфликтам. Это определение представляется наиболее удобным, так как оно является достаточно широким, чтобы охватить все контексты, испытывающие серьезные проблемы развития, однако не акцентирует внимания исключительно на аспектах функционирования государственных институтов и их эффективности. Кроме того, нами были отмечены и причины уязвимости «нестабильных государств» по отношению к внутренним вооруженным конфликтам. Они связаны как с особенностями формирования этих государств, так и их небольшим экономическим размером, гетерогенным характером населения и некоторыми другими факторами, которые становятся препятствием для появления более эффективных государственных институтов и становятся фактором уязвимости перед конфликтами, которые в таких условиях проще организовать и поддерживать[128].

§1.2. Экономические объяснения возникновения внутренних вооруженных конфликтов

В данном параграфе будут рассмотрены основные экономические и политэкономические теории, объясняющие возникновение внутренних вооруженных конфликтов. Отметим, однако, что некоторые из этих теорий объясняют возникновение не исключительно внутренних вооруженных конфликтов, но и межгосударственных, а иногда и вспышек насилия в принципе. В параграфе, таким образом, будет дан краткий критический обзор литературы по соответствующим группам теорий, которые объясняют возникновение внутренних вооруженных конфликтов. Кроме того, будет произведена оценка возможности их применения в качестве теоретической основы данного исследования.

Можно выделить несколько групп подходов к объяснению возникновения и причин гражданских войн. Будут рассмотрены следующие: теории конфликта как

[128] Besley T., Persson T. Wars and State Capacity // Journal of European Economic Association. Vol. 6. No. 2-3. P. 522-530.

соперничества за ресурсы, теории асимметрии информации и неполных контрактов, теории микрооснований группового действия, мотивационный подход, подход оценки «устойчивости» повстанческого движения и др. Часть из них базируются на методологии теории игр, другие – основываются на эконометрическом анализе, что предполагает рассмотрение конфликта как независимой переменной, связанной с зависимыми, которые либо увеличивают, либо снижают вероятность его возникновения. Большая часть моделей основываются на распространенном в экономической теории допущении о рациональности экономических агентов и их решений об участии в конфликте. Отметим, однако, что за последние 10 лет появились и критические теории, которые отказываются от этого допущения, но на данный момент они не входят в экономический и политэкономический мейнстрим исследований по данной тематике.

Основные теоретические подходы и результаты соответствующих исследовательских работ рассмотрены в соответствующих подпараграфах.

1.2.1. Вооруженный конфликт как результат соперничества за ресурсы

Модели, объясняющие возникновение внутренних вооруженных конфликтов как результат соперничества за ограниченные ресурсы, отталкиваются от нескольких теоретических допущений. Во-первых, режим спецификации прав собственности неэффективен, а оттого их защита затруднена. Во-вторых, вследствие недостаточной спецификации прав собственности нельзя гарантировать выполнение контрактов сторонами. В-третьих, политические лидеры могут быть отстранены от власти не только в ходе избирательного процесса. Все это означает, что в таких условиях[129] действия, направленные на приобретение контроля над активами силовыми методами, и защита этих активов, могут быть представлены как разумная альтернатива производительной хозяйственной деятельности[130].

Разработка моделей соперничества за ресурсы стала первой попыткой в экономической и политэкономической литературе дать формальное объяснение внутренним вооруженным конфликтам и гражданским войнам. Первой работой, в которой разрабатывалась данная теория, стало публикация Т. Хаавелмо[131]. В

[129] Прим.: А они весьма характерны для государств, которые мы причисляем к категории «нестабильных».

[130] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 4.

[131] См.: Haavelmo T. A Study in The Theory of Economic Evolution. Amsterdam: North-Holland, 1954. 114 p.

дальнейшем она развивалась в работах Дж. Хиршлайфера[132], М. Гарфинкель[133] и С. Скапердаса[134]. Рассмотрим логику этой теории подробнее.

В основном эти модели рассматривают две группы экономических агентов – правительство и повстанцев[135], каждая из которых принимает решение о распределении ресурсов либо в пользу их использования в производственных целях, либо в целях захвата ресурсов другой стороны, а сама экономическая система находится в условиях равновесия. Если производственная функция задается в стандартном виде, то функция захвата ресурсов моделируется на основе «вероятности успеха в случае вступления в соперничество»[136], где необходимый вклад фактора производства соответствует вероятности победы одной из сторон над оппонентом (p_1), что позволяет этой стороне расширить собственное потребление за счет объема продукции, произведенной другой стороной. Соответственно, возможность начала конфликта и победы в нем зависит от нескольких факторов, которые могут быть представлены в форме модели, предложенной Дж. Хиршлайфером[137]:

$$p_1(G_1, G_2) = \frac{G_1^m}{G_1^m + G_2^m} \quad (1.1.)$$

где, p_1 – вероятность победы стороны 1 в конфликте, G_1 и G_2 – запасы вооружения стороны 1 и 2, а m – показатель эффективности вооружения сторон 1 и 2.

В соответствии с моделью соперничества за ресурсы вероятность победы будет выше у той стороны, которая обладает военным преимуществом (более эффективными военными технологиями). Военные технологии определяются Дж. Хиршлайфером и другими исследователями очень нечетко и включают как объекты материального капитала (вооружения), так и технологии, человеческий или социальный капитал, а

---

[132] См.: Hirschleifer J. The Analytics of Continuing Conflict // Synthese. 1988. Vol. 76. No. 2. P. 201-233.; Hirschleifer J. Conflict and Rent-Seeking Success Functions: Ratio vs. Difference Models of Relative Success // Public Choice. 1989. Vol. 63. No. 2. P. 101-112.

[133] См.: Garfinkel M.R. Arming as a Strategic Investment in a Cooperative Environment // American Economic Review. 1990. Vol. 80. No. 1. P. 50-68.

[134] См.: Skaperdas S. Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights // American Economic Review. 1992. Vol. 82. No. 4. P. 720-739.

[135] Прим.: Они рассматриваются агрегированно, хотя на деле может существовать большое количество относительно независимых группировок оппозиции.

[136] Garfinkel M.R., Skaperdas S. Economics of Conflict: An Overview // Handbook of Defense Economics, Volume 2, Defense in a Globalized World / ed by T. Sandler, K. Hartley. London: Elsevier, 2007. P. 660, 668-670.

[137] Hirschleifer J. Conflict and Rent-Seeking Success Functions: Ratio vs. Difference Models of Relative Success // Public Choice. 1989. Vol. 63. No. 2. P. 102.

также особенности рельефа, которые могут давать преимущество одной из сторон. В рамках этой модели предполагается, что вооруженный конфликт возникнет, если рациональные агенты будут воспринимать свои шансы на победу и присвоение активов, произведенных другой стороной, как достаточно высокие.

Некоторые изменения в модели соперничества за ресурсы были внесены Г. Гроссманом[138], который отказался от рассмотрения повстанцев как единого экономического агента. Соответственно, вместо агрегированной организации повстанцев в его работе рассматриваются отдельные домохозяйства, независимо принимающие решения об участии либо в производстве, либо в грабеже активов, произведенных другими экономическими агентами). Хотя в результате этого исходная модель меняется незначительно, в ней теперь также рассматривается проблема коллективного действия: лидеры вооруженных группировок должны мотивировать экономических агентов выступить на их стороне и принять участие в конкуренции за ресурсы.

Как отмечает Г. Гроссман, важную роль в этом решении играют издержки упущенных возможностей. Издержки упущенных возможностей участия в конфликте (или альтернативные издержки) рассматриваются аналогично данному понятию в экономической теории. Участие в конфликте связано с упущенными экономическим агентом выгодами и доходами. Низкие издержки упущенных возможностей участия в конфликте, таким образом, означают отсутствие сопоставимых альтернативных источников дохода для экономического агента. Соответственно, чем они ниже, тем выше вероятность того, что экономические агенты примут участие в вооруженной конкуренции за ресурсы[139]. Модель предсказывает, что издержки упущенных возможностей будут тем ниже, чем беднее население, и, следовательно, тем выше будут потенциальные выгоды от участия в конфликте.

Дальнейшие исследования, однако, указали на неоднозначность взаимосвязи между бедностью и вооруженным конфликтом. В моделях конкуренции за ресурсы победившая сторона получает возможность расширить потребление за счет ресурсов, принадлежавших проигравшей. Однако чем выше уровень национального богатства (которое является предметом конкуренции), тем большими возможностями будет обладать правительство и тем больше будет возможностей для производительной

---

[138] См. Grossman H.I. A General Equilibrium Model of Insurrections // American Economic Review. 1991. Vol. 81. No. 4. P. 912-921.

[139] Ibid. P. 914-915.

деятельности. В результате уровень равновесия, необходимый для начала конфликта, будет устанавливаться выше[140]. В условиях существенной ограниченности ресурсов производство оказывается менее привлекательным, однако и потенциальные выгоды, которые можно приобрести в ходе конфликта, невелики. Дж. Фирон указывает, что в конечном итоге взаимовоздействие уровня благосостояния населения и национального богатства, контроль над которым можно получить в результате конфликта, может оказать взаимоисключающий эффект и установить равновесие в состоянии, когда конфликт окажется невыгодным[141].

Возможным каналом воздействия на возникновение конфликта могут быть внешние шоки. Так шок, в результате которого увеличивается доход в капиталоинтенсивных отраслях экономики, увеличивает выгоды, которые можно получить в результате захвата власти, однако не воздействует на уровень заработных плат и издержки упущенных возможностей. Соответственно, риск возникновения конфликта увеличится. В случае же, если такой шок воздействует на трудоемкие отрасли экономики, то эффект оказывается обратным: заработные платы растут, издержки упущенных возможностей снижаются, как и риск возникновения конфликта[142]. Похожий эффект может наблюдаться и в случае воздействия внешнеэкономических шоков. Колебания цен на основные экспортные и импортные товары и волатильность условий торговли могут увеличивать риск вооруженного конфликта[143]. Каналом воздействия издержки упущенных возможностей конфликта может быть и государственная политика. Например, непродуманные решения правительства могут стать фактором шока для отраслей национальной экономики, что приведет к снижению издержек упущенных возможности и увеличению вероятности возникновения конфликта[144].

---

[140] Garfinkel M.R., Skaperdas S. Economics of Conflict: An Overview // Handbook of Defense Economics, Volume 2, Defense in a Globalized World / ed by T. Sandler, K. Hartley. London: Elsevier, 2007. P. 649-710.; Grossman H.I. Kleptocracy and Revolutions // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 2. P. 267-283.

[141] Fearon J.D. Economic Development, Insurgency, and Civil War // Institutions and Economic Performance / ed. by E. Helpman. Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 292-328.

[142] См.: Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, Warriors, and Criminals: Social Conflict in General Equilibrium // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9. No. 4. P. 646-677.

[143] Besley T.J., Persson T. The Incidence of Civil War: Theory and Evidence // NBER Working Paper Series. No. 14585. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. P. 23. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w14585/w14585.pdf (accessed: 17.02.2023).

[144] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 6-7. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

В рамках теорий конфликта как соперничества за ресурсы можно рассмотреть и мотивационный подход к анализу внутренних вооруженных конфликтов. Он объясняет возникновение конфликта возникновением мотиваций у экономических агентов для участия в нем и делит их на два типа – «жадность» *(greed)* и «обида, недовольство» *(grievance)*. Авторами подхода являются П. Кольер и А. Хофлер[145], одними из первых приступивших к эконометрическому анализу причин возникновения внутренних вооруженных конфликтов, что отличает их подход от рассмотренных нами ранее[146].

Данный подход опирается на некоторые из предположений предыдущих теорий. В частности, модель, предложенная П. Кольером и А. Хоффлер, опирается на теорию конфликта как конкуренции за ресурсы[147], указывая, что выгоды от участия в конфликте для экономических агентов должны быть выше альтернативных издержек. Проблемой в этой связи оказывается то, что авторы в своих работах не приводят точных определений понятий «жадности» и «недовольства»[148]. Условно мы можем разделить эти две мотивации следующим образом. «Жадность» (*greed*) связана с получением материальных выгод и привлекательностью участия в конфликте в результате низких альтернативных издержек (например, из-за бедности и низкого уровня благосостояния). «Недовольство» (*grievance*) связаны с маргинализированным положением группы в рамках политэкономической системы страны, например, ограниченным доступом к политическим и экономическим институтам, репрессиями и т.п.

Эконометрическая модель, разработанная П. Кольером и А. Хоффлер, в качестве основной гипотезы предполагает отличный характер внутренних вооруженных конфликтов, участие в которых связано с мотивацией «жадности». Повстанческое движение рассматривается как особый вид экономической и производственной деятельности, который связан с получением прибыли за счет грабежа (или других нелегальных доходов)[149], а основной мотивацией для участия в конфликте предполагается получение выгод или прибыли. Результаты исследований, проведенных

---

[145] См.: Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Policy Research Working Paper. 2000. No. 2355. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. 44 p. URL: http://hdl.handle.net/10986/18853 (accessed: 17.02.2023).; Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 563-595.

[146] Прим.: Они опирались преимущественно на теоретико-игровое моделирование.

[147] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 22.

[148] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 4. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

[149] Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 564.

в рамках этого подхода, указывают, что переменные, описывающие «жадность» или уровень развития институтов, обладают большим объяснительным потенциалом в объяснении начала конфликта, в то время как переменные «обид» не обладают устойчивой статистической значимостью[150]. Таким образом, экономические причины признаются основными при начале внутренних вооруженных конфликтов, так как они обеспечивают возможность финансировать и организовывать вооруженные группировки (в результате, например, наличия доступа к природным ресурсам, которые могут быть использованы в этих целях, и низких издержек упущенных возможностей).

В целом, теория конфликта как результата соперничества за ресурсы указывает, что распределение доходов и экономическое неравенство (как вертикальное, так и горизонтальное) является важным фактором в объяснении причин возникновения конфликтов. Вооруженные конфликты, согласно этому подходу, более вероятны в условиях, когда принадлежащие государству активы являются «легко отчуждаемыми» или население не получает достаточных выгод от того, как государство ими управляет. Примером таких активов могут быть природные ресурсы или внешняя помощь[151].

1.2.2. Теории информационной асимметрии и неполных контрактов

Теории информационной асимметрии и неполных контрактов пытаются восполнить проблемы теории конкуренции за ресурсы и ответить на вопрос: как и почему принимаются решения об участии в вооруженном конфликте? Отметим, что конфликты могут нести разрушительные последствия для национальной экономики, в результате чего возникает противоречие, которое не разрешается теорией конкуренции за ресурсы: в результате урона, нанесенного национальной экономике в ходе конфликта, выгоды от него могут снижаться, соответственно, равновесие может измениться из состояния конфликта в состояние его отсутствия. Возникает вопрос, почему же происходят гражданские войны, если рациональные индивиды должны осознавать их разрушительные последствия и предпочитать разрешать споры мирно?[152]

Дж. Фирон в своей работе[153] предложил 3 варианта объяснения, почему мирное разрешение противоречий оказывается невозможным:

---

[150] Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 587-588.; Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 88-89.

[151] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 10-11.

[152] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 11

[153] Fearon J.D. Rationalist Explanations for War // International Organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 381-382.

- лидеры могут вести себя нерационально: их решения могут основываться на эмоциях, либо они обладают ограниченной рациональностью и неспособны адекватно рассчитать выгоды и издержки, связанные с вооруженным конфликтом;
- лидеры могут быть рациональными, однако они неспособны интернализировать издержки конфликта из-за проблемы принципала-агента[154];
- лидеры рациональны и интернализуют издержки конфликта, однако считают его неизбежным.

Теории информационной асимметрии и неполных контрактов отталкиваются от последнего допущения и определяют несколько механизмов возникновения конфликтов в таких условиях: 1) асимметрия информации, в результате которой может возникать мотивация к неверной или искаженной передачи информации для достижения экономических или политических целей; 2) проблемы коллективного действия, в частности, неспособность договориться без участия третьей стороны, которая могла бы выступить гарантом соглашения; 3) неразрешимость проблемы, то есть невозможность достижения компромисса по некоторым вопросам[155].

Объяснения асимметрии информации указывают на то, что экономические агенты могут переоценивать свою способность одержать победу в конфликте, либо склонны недооценивать силу противостоящей им стороны[156].

Асимметрия информации является присущим окружающему миру явлением и не может стать исключительной причиной начала вооруженного конфликта. Для того, чтобы она вызвала вооруженный конфликт, раскрытие точной информации должно быть либо невозможно, либо невыгодно. Мотивации к отказу от раскрытия информации и стремление представить собственную сторону как более сильную могут быть связаны со стремлением сдержать оппонентов от вступления в конфликт[157]. В то же время такое объяснение не представляется достаточно убедительным, учитывая, что после начала конфликта силы сторон, как и издержки его продолжения, существенно уточняются.

---

[154] Прим.: Они осознают, что основные издержки конфликта понесут не они.

[155] Прим.: Это объяснение считается не обладающим достаточным объяснительным потенциалом в большинстве случаев, однако существуют работы, где оно рассматривается. Напр., см.: Hassner R.E. To Halve and to Hold: Conflicts over Sacred Space and the Problem of Indivisibility // Security Studies. 2003. Vol. 12. No. 4. P. 1-33.; Powell R. War as a Commitment Problem // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 169-203.

[156] Powell R. Bargaining Theory and International Conflict // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 1-30.

[157] См.: Walter B.F. Information, Uncertainty, and the Decision to Secede // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 105-135.

Таким образом, асимметрия информации не способна объяснить большое количество продолжительных гражданских войн[158].

Попыткой разрешить это противоречие стало развитие моделей с большим количеством агентов-сторон конфликта, каждый из которых обладает неполной информацией об издержках конфликта для других сторон. В случаях, когда количество участников потенциального конфликта превышает 4 стороны, Парето-оптимальное[159] решение оказывается невозможным и начинается вооруженный конфликт[160]. Кроме того, существуют и другие возможности начала конфликта. Так, при условии наличия нескольких потенциальных сторон конфликта, каждая из которых является группой, образованной по какому-либо принципу (религиозному, этническому, территориальному и пр.), даже если общество может договориться о перераспределении и недопущении конфликта по одной из линий противостояния, решение, которое позволило бы прекратить конфликт по всем его потенциальным линиям, оказывается невозможным[161].

С. Чассанг и Г. Падро-и-Микель[162] обращают внимание на воздействие внешних шоков. Внешнеэкономические шоки в условиях асимметрии информации могут воздействовать на мотивации к немедленному началу вооруженной борьбы, не воздействуя на функцию вероятности победы в этом противостоянии. Логика их модели указывает на то, что в тяжелых условиях экономического развития[163] издержки упущенных возможностей будут существенно ниже, что будет порождать мотивации к участию в вооруженном конфликте. Подобные условия могут сохраняться и после непосредственного воздействия внешнего шока, учитывая проблему асимметрии информации и распространение несоответствующих действительности сведений о состоянии экономики. Как следует из предложенной ими модели, предметом конфликта

---

[158] Fearon J.D. Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 290-291.; Powell R. War as a Commitment Problem // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 194-195.

[159] Прим.: Такое, в котором улучшение положения одной из сторон, не ведет к ухудшению положения какой-либо из других.

[160] См.: Esteban J., Ray D. Social Decision Rules Are Not Immune to Conflict // Economics of Governance. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 59-67.

[161] Ibid.

[162] См.: Chassang S., Padró i Miquel G. Mutual Fear and Civil War // Bureau for Research and Economic Analysis of Development Working Paper. No. 165. London: Bureau for Research and Economic Analysis of Development, 2008. 40 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/30524698_Mutual_Fear_and_Civil_War (accessed: 17.02.2023).; Chassang S., Padró i Miquel G. Economic Shocks and Civil War // Quarterly Journal of Political Science. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 211-228.; Chassang S., Padró I Miquel G. Conflict and Deterrence under Strategic Risk // The Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. No. 4. P. 1821-1858.

[163] Прим.: Отметим, что они характерны для «нестабильных государств».

в период t является национальное богатство экономики i (условно это объем ее ВВП), которое составляет 2θ, так как в потенциальном конфликте участвуют две стороны, занимающиеся производственной деятельностью в экономике, каждая их которых производит долю общего продукта θ. Таким образом, размер экономики равен:

$$2\theta_{ti} \in (0; \infty) \quad (1.2.)$$

В ходе конфликта часть национального производства c будет потеряна или уничтожена. В таком случае мир будет возможен при условии:

$$\theta_{ti}[1 - 2P(1 - c)] > \delta[PV^V - V^P] \quad (1.3.)$$

где P – вероятность победы одной из сторон, V^V- потенциальные выгоды или терминальная стоимость (*continuation value),* которые могут быть получены в результате конфликта, V^P – потенциальные выгоды или терминальная стоимость при сохранении мира, δ – ставка дисконтирования, означающая, что по мере продолжения конфликта потенциальные выгоды будут сокращаться. Так как правая часть выражения всегда больше нуля (ни один из параметров не может быть отрицательным), мир будет устойчивым, если потери в результате конфликта будут превышать возможные выгоды (правая часть неравенства). Для начала вооруженного конфликта должен произойти экономический шок, который снизит значение θ_{ti} так, что условия неравенства будут нарушены, притом оценки сторонами их вероятности победы в конфликте, как и ценность мира (V^P), не изменятся[164]. Данная модель предсказывает, что вооруженные конфликты будут возникать в результате негативных экономических шоков, в странах с низким уровнем дохода на душу населения, в то время как в государствах с высоким уровнем дохода на душу населения и с высокими ожидаемыми темпами экономического роста они намного менее вероятны.

Другим возможным объяснением, связанным с асимметрией информации, может быть проблема доверия (*commitment problem)*. Правительство обладает более точной информацией о своих возможностях, чем конкурирующие с ним группировки, и использует доступные ресурсы для «покупки» лояльности. Однако в периоды низкой

[164] Chassang S., Padró i Miquel G. Economic Shocks and Civil War // Quarterly Journal of Political Science. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 220-224..

экономической активности, доступные правительству ресурсы сокращаются, о чем, однако, не известно конкурирующим группировкам, которые могут отказаться от сделок на менее благоприятных для себя условиях, что может привести к конфликту[165].

Отдельная группа объяснений начала конфликта допускает их начало и в условиях полной информации. Часть из этих объяснений больше подходят для международных конфликтов и проблемы «гонки вооружений» и доктрины превентивного удара[166]. Однако в некоторых случаях они применимы и в отношении гражданских войн и внутренних вооруженных конфликтов.

В основе таких объяснений находится резкое смещение баланса сил в пользу одной из сторон (например, правительства), положение которого становится более прочным в результате восстановления экономической активности, дополнительных экспортных доходов или внешнего содействия. Если у него существовало какое-либо соглашение с вооруженной группировкой, предполагавшее трансферты в ее пользу, то укрепление правительства может стать фактором отказа от предыдущих договоренностей и ограничит трансферты. В случае, если объем этих трансфертов окажется ниже, чем потенциальные выгоды от вооруженного конфликта, то вероятно его начало[167].

Проблема доверия и наличие неполных контрактов в принципе указывают на то, что гражданские войны могут возникнуть в ситуациях, когда несиловые инструменты разрешения конфликта ограничены или неэффективны, а гарантировать соблюдение сторонами условий соглашений затруднтельно. Например, у сторон конфликта может возникнуть мотивация сместить баланс сил в свою пользу, если они обладают достаточными для этого экономическими и военными возможностями[168]. Если начало конфликта позволит уничтожить или существенно ослабить соперника (в случае нанесения превентивного удара), то победившей стороне удастся получить «мирный дивиденд», что позволит ему сократить военные расходы и увеличить инвестиции в

---

[165] См.: Dal Bó E., Powell R. A Model of Spoils Politics // American Journal of Political Science. 2009. Vol. 53. No. 1. P. 207-222.

[166] См.: Walter B.F. The Critical Barrier to Civil War Settlement // International Organization. 1997. Vol. 51. No. 3. P. 335-364.

[167] См.: Powell R. War as a Commitment Problem // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 169-203.

[168] Подробнее см.: Garfinkel M.R., Skaperdas S. Conflict without Misperceptions or Incomplete Information: How the Future Matters // Journal of Conflict Resolution. 2000. Vol. 44. No. 6. P. 793-807.; McBride M., Skaperdas S. Explaining Conflict in Low-Income Countries: Incomplete Contracting in the Shadow of the Future // Institutions and Norms in Economic Development / ed. by M. Gradstein, K.A. Konrad. Cambridge: MIT Press, 2007. P. 141-162.; Powell R. War as a Commitment Problem // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 169-203.

инфраструктурное и экономическое развитие. Соответственно, данная группа теорий постулирует, что конфликты будут возникать чаще в государствах, где слабы государственные институты, а системы сдержек и противовесов неэффективны[169] – в государствах, которые мы причисляем к категории «нестабильных». Другим важным условием для начала конфликта, с точки зрения данной группы теорий, является возможность смещения баланса сил в результате начала вооруженных действий, хотя на данный момент отмечается недостаток эмпирических подтверждений для данного теоретического предположения[170].

1.2.3. Теории микрооснований группового действия

Группа теорий микрооснований группового действия, в отличие от предыдущих, в поиске причин начала внутренних вооруженных конфликтов обращает внимание на то, как формируются, объединяются и мобилизуются потенциальные повстанческие группы. Если теория соперничества за ресурсы может объяснить, по поводу чего возникает конфликт, а теории асимметрии информации и неполных контрактов – что может заставить экономических агентов принять решение в пользу участия в конфликте, то теории микрооснований группового действия рассматривают индивидуальные мотивации участия в вооруженном насилии.

Данный подпараграф разделен на несколько частей, в которых будут кратко рассмотрены основные проблемы, которые решаются данной группой теорий.

Проблема индивидуального выбора в пользу участия во внутреннем вооруженном конфликте

Теоретические исследования преимущественно исходят из допущения о рациональности выбора экономических агентов в пользу участия во внутреннем вооруженном конфликте. Как было в рамках рассмотренных ранее теориях, вооруженные конфликты должны возникать, как правило, в странах с невысоким уровнем экономического развития и общественного благосостояния, а также в условиях дополнительного воздействия экономических шоков. При прочих равных это означает, что альтернативные издержки для потенциальных участников конфликта невелики. Большая часть существующих моделей акцентирует внимание именно на этом,

[169] См.: Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 75-90.; La Ferrara E., Bates R.H. Political Competition in Weak States // Economics and Politics. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 159-184.; Skaperdas S. An Economic Approach to Analyzing Civil Wars // Economics of Governance. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 25-44.

[170] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 12-13.

указывая, что мотивациями для индивида могут выступать возможность приобретения выгод в ходе конфликта, например, в результате получения заработной платы, грабежа, ожиданий получения больших выгод в будущем или же возможности защитить собственное имущество и активы[171]. Важную роль в формировании таких мотиваций может иметь экономическое неравенство в случае, если победа в конфликте позволит перераспределить ресурсы и увеличить средний уровень благосостояния[172].

В то же время исследования, в которых рассматривались эффекты аграрной («зеленой») революции в 1960-1970-х гг., указывают, что фактором мобилизации является не неравенство как таковое, а недовольство тем, как оно нарушает работу традиционных неформальных институтов[173]. Хотя бедность, неравенство и неоправданные ожидания экономических агентов от принятых реформ, конечно, играют важную роль в формировании конфлкиктогенной обстановки, сами причины участия индивидов в конфликте лучше описать как «недовольство» (*grievances*). Это не опровергает наличия у индивидов материалистических мотиваций, а помещает их в контекст более широких социальных механизмов, которые дополняются другими мотивациями, как то желание отомстить или восстановить справедливость[174]. Их можно описать как клубные блага (*club goods*), которые будут предоставлены участникам конфликта в случае победы в нем.

Двумя другими стратегиями мобилизации, по мнению исследователей, являются сочетание материальных и нематериальных мотиваций для участия в конфликте, а также принудительное рекрутирование.

Первый случай является иллюстрацией проблемы «принципал-агент». Мотивации участия в конфликте зависят от степени контроля, которой обладает лидер повстанческого движения над участниками конфликта. Чем больше дистанция (социальная или географическая) между лидером и рекрутируемыми, тем большую роль будут играть материальные мотивации из-за невозможности жесткого контроля и отбора

---

[171] См., напр.: Grossman H.I. Kleptocracy and Revolutions // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 2. P. 267-283.

[172] См.: Fearon J.D. Economic Development, Insurgency, and Civil War // Institutions and Economic Performance / ed. by E. Helpman. Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 292-328.

[173] См.: Gurr T.R. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970. 421 p.; Paige J.M. Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World. New York: Macmillan Free Press, 1975. 435 p.; Petersen R.D. Resistance and Rebellion: Lessons from Eastern Europe. New York: Cambridge University Press, 2001. 340 p.

[174] См.: Roemer J. Rationalizing Revolutionary Ideology // Econometrica. 1985. Vol. 51. No. 1. P. 85-108.; Wood E.J. Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador. New York: Cambridge University Press, 2003. 310 p.

участников движения. Соответственно, тем большее материальное вознаграждение будут получать рекрутируемые[175].

Второй случай предполагает обратный подход к рекрутированию. В случаях, когда общая социальная или экономическая база для коллективных действий отсутствует, рекрутирование проводится на основе угроз и принуждения[176]. Некоторые исследователи указывают на то, что это может быть ответом на экономическую и финансовую слабость группы, неспособной предложить заметные выгоды своим участникам. Также это объясняет привлечение в ряды группировок несовершеннолетних, которых можно отнести к наиболее уязвимым категориям населения (т.е. неспособным дать достаточный отпор и избежать рекрутирования)[177].

Формирование групп, принимающих участие в конфликте

Экономические теории, объясняющие формирование вооруженных группировок, исходят из допущения, что групповое действие обычно оказывается более эффективным, чем индивидуальное, особенно в случаях, когда речь идет о потреблении или получении доступа к общественному или клубному благу. Соответственно, существующие модели предполагают, что для решения таких проблем, индивидам будет выгоднее объединяться в группы. Стабильность этих групп зависит от того, насколько эффективны внутригрупповые механизмы решения проблемы распределения выгод, например, за счет гарантирования и спецификации прав собственности. Размер группы зависит от того, насколько эффективно она управляет межгрупповыми и внутригрупповыми конфликтами[178].

Как правило, эти теории рассматривают вооруженные группировки как некоторый унифицированный и агрегированный объект исследования, не принимая во внимание, что и внутри самих группировок может сохраняться фракционализация. Однако и отказ от этого допущения позволяет применять положения теории рационального выбора. В условиях асимметрии информации полевым командирам и

---

[175] См.: Gates S. Recruitment and Allegiance: The Microfoundations of Rebellion // Journal of Conflict Resolution. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 111-130.

[176] См.: Mkandawire T. The Terrible Toll of Post-Colonial ‘Rebel Movements’ in Africa: Towards an Explanation of the Violence against the Peasantry // Journal of Modern African Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 181-215.

[177] См.: Beber B., Blattman C. The Logic of Child Soldiering and Coercion // International Organization. 2013. Vol. 67. No. 1. P. 65-104.

[178] См.: Bloch F., Sánchez-Pagés S., Soubeytan R. When Does Universal Peace Prevail? Secession and Group Formation in Conflict // Economics of Governance. 2006. Vol. 7. No. 1. P. 3-29.; Garfinkel M.R. On the Stability of Group Formation: Managing the Conflict Within // Conflict Management and Peace Science. 2004. Vol. 21. No. 1. P. 43-68.

местным лидерам может быть выгодно сообщать недостоверную информацию о состоянии подконтрольных им подразделений, чтобы затягивать вооруженное противостояние и получать дополнительные выгоды (за счет дополнительных военных расходов)[179]. Отдельной проблемой является вероятность формирования отколовшихся от основной группы фракций (*splinter factions*), которые могут продолжать вооруженную борьбу даже в случае, если основная группа согласилась ее прекратить. Мы не рассматриваем этот вопрос подробно, однако в исследовательской литературе есть работы, которые на основе теоретико-игровых моделей объясняют принятие подобных решений[180].

Роль этнических и конфессиональных групп в вооруженных конфликтах

Исследователи отмечают, что этнические (или межконфессиональные) противоречия, вероятно, были основной причиной вооруженных конфликтов (за вторую половину XX в. из 709 насчитывающихся в мире этнических групп[181] 100 участвовали в вооруженном противостоянии против правительства страны)[182]. Актуальным оказывается вопрос: почему вооруженные конфликты часто носят этноконфессиональный характер?

Разработанные исследователями экономические модели дают ответ на этот вопрос. Модели, предполагающие примордиалистский характер этнической идентичности (т.е. она детерминирована изначально, «с рождения») указывают, что экономические агенты предпочитают взаимодействовать с представителями собственной группы из-за более низких трансакционных издержек и меньшего влияния асимметрии информации[183]. Представители одной этнической группы разделяют определенные экономические и политические предпочтения, которые позволяют им преодолеть проблему коллективного действия и наладить внутригрупповые механизмы сотрудничества и коммуникации, что в свою очередь позволяет им сформировать устойчивые группы для защиты своих интересов[184].

---

[179] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 16.

[180] См.: Ray D. A Game-Theoretic Perspective on Coalition Formation. Oxford: Oxford University Press, 2007. 321 p.; Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Dynamics and Stability of Constitutions, Coalitions, and Clubs // American Economic Review. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 1446-1476.

[181] Прим.: Этот показатель носит в большей степени оценочный характер.

[182] Fearon J.D. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence // The Oxford Handbook of Political Economy / ed. by B.R. Weingast, D.A. Wittman. New York: Oxford University Press, 2006. P. 857.

[183] Прим.: Люди испытывают большее доверие к представителям «своей» группы.

[184] См.: Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions. // The Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114. No. 4. P. 1243-1284.; Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogenous Communities // The Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. No. 3. P. 847-903.; Esteban J., Ray D. Conflict and Distribution // Journal of Economic Theory. 1999. Vol. 87. No. 2. P. 379-415.

В экономических моделях, в которых не признается примордиалистский характер этнической идентичности и враждебности по отношению к представителям других групп, акцентируется внимание на других особенностях, которые позволяют этническим группам преодолевать проблему коллективного действия и налаживать эффективное сотрудничество. Эти особенности могут быть связаны с меньшими трансакционными издержками, так как этнические группы способны формировать сети социальных контактов, которые упрощают взаимодействие и делают его более предсказуемым, а также могут обладать некоторыми выделяющими их характеристиками (*identifiable characteristics*), которые позволяют им исключать представителей других групп из потребления общественных и клубных благ[185]. Кроме того, А. Алесина и Э. Ла Феррара обращают внимание, что этнические группы могут обладать сравнительными преимуществами в производстве благ. Это может объясняться более низкими трансакционными издержками[186], что упрощает процесс мобилизации и объединения[187]. Кроме того, объединения по этническому принципу, как правило, имеют определенную иерархию, что упрощает мобилизацию в ходе конфликта, так как неравенство способствует формированию определенного «разделения труда», когда представители более обеспеченных слоев предоставляют организации финансовый, организационный и материальный капитал (например, вооружение), а менее обеспеченные слои становятся «рабочей силой» движения[188].

1.2.4. Подход оценки «устойчивости» повстанческого движения

Отличием подхода, оценивающего степень устойчивости или жизнеспособности *(feasibility)* повстанческих движений, является отказ от анализа мотивации участников конфликта. Основное допущение данного направления может быть сформулировано следующим образом: «вооруженный конфликт возникнет, если повстанческое движение

---

[185] См.: Caselli F., Coleman W.J. On the Theory of Ethnic Conflict // Journal of the European Economic Association. 2013. Vol. 11. Supp. 1. P. 161-192.; Fearon J.D., Laitin D.D. Explaining Interethnic Cooperation // American Political Science Review. 1996. Vol. 90. No. 4. P. 715-735.; Miguel E., Gugerty M.K. Ethnic Diversity, Social Sanctions, and Public Goods in Kenya // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. No. 11-12. P. 2325-2368.

[186] Прим.: Они могут быть связаны с лингвистической близостью или воздействием неформальных институтов. Подробнее см., напр.: Bates R.H. Ethnic Competition and Modernization in Contemporary Africa // Comparative Political Studies. 1974. Vol. 6. No. 4. P. 457-484.

[187] Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogenous Communities // The Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. No. 3. P. 850.

[188] Esteban J., Ray D. On the Salience of Ethnic Conflict // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 5. P. 2186.

окажется жизнеспособным с финансовой и военной точек зрения»[189]. Фокус анализа в рамках подхода смещается, таким образом, с влияния экономических условий в стране на формирование мотиваций, связанных либо с «обидами», либо с «завистью», на то, как они влияют на финансовую и военную устойчивость и жизнеспособность потенциального повстанческого движения. Отказ от учета мотиваций позволяет детальнее проанализировать экономические и финансовые условия, способствующие его возникновению, не акцентируя внимания на характере движения, которое может носить конфессиональный или этнический характер.

Двумя основными проблемами, которые анализируются в рамках данного направления, являются, соответственно, финансовая и военная устойчивость движения. В большинстве случаев создание военного движения оказывается решением затратным (с финансовой точки зрения) и опасным (с точки зрения рисков участия в нем) вне зависимости от повестки и целей движения.

Повстанческая организация нуждается в значительно большем количестве финансовых ресурсов, чем, например, политическая партия, ввиду того, что структура ее расходов куда обширнее и включает как выплату «заработной платы» участникам движения, так и приобретение вооружений, предоставление общественных благ на контролируемой территории и т.д.[190], что обусловливает необходимость формирования финансовой базы движения. Следовательно, вероятно, что при отсутствии достаточных финансовых источников, потенциальное движение не будет обладать масштабом, достаточным для начала вооруженнего конфликта. Немаловажным фактором финансовой устойчивости является и наличие собственных источников финансирования (а не только внешнего содействия), иначе жизнеспособность движения будет сильно зависеть от внешних факторов.

Кроме того, существует определенная взаимосвязь между финансовой и военной устойчивостью движения. Эффективность предоставления государством такого общественного блага, как безопасность, определяет тот уровень военной силы, при котором потенциальное движение оказывается жизнеспособным. Она же, в свою очередь, связана с уровнем государственных военных расходов и налоговой базой, то есть, с условной возможностью для их наращивания. При более высокой эффективности государственных институтов возрастает и порог финансовой устойчивости движения.

---

[189] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 3.

[190] Ibid.

Наряду с этим, устойчивость движения с военной точки зрения может зависеть и от географических факторов, например, рельефа территории, который может предоставлять определенные преимущества для повстанческой организации, например, возможность создания укрытий[191].

Как было отмечено нами ранее, внутренние вооруженные конфликты являются достаточно редкими событиями. Мотивации, которые, казалось бы, могут способствовать возникновению конфликтов, весьма типичны для большого количества государств (например, высокий уровень неравенства или гетерогенность населения), однако вооруженные конфликты редки, что свидетельствует о необходимости наличия определенных экономических условий, в результате которых возникновение конфликтов более вероятно, а повстанческие движения более «жизнеспособны». Подобные атипичные условия могут быть условно определены следующим образом[192]:

$$\begin{cases} R_r - C_r \geq 0 \\ R_r = (ny)^{\alpha}\left[\frac{r}{(r+g)}\right] \\ C_r = rw_r \end{cases} \quad (1.5.)$$

где R_r – доходы повстанческого движения, C_r – издержки повстанческого движения, y – уровень дохода на душу населения, r – относительная военная сила повстанческого движения, g – относительная военная сила правительства, w_r – заработная плата участников повстанческого движения.

Соответственно, условия для возникновения повстанческого движения определяются превышением выгод его создания над издержками. Кроме того, должен существовать определенный баланс сил, а численность движения должна соответствовать определенной доле военных сил правительства (g)[193]:

$$r \geq \beta g \quad (1.6.)$$

---

[191] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 11-12.

[192] Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Policy Research Working Paper. 2000. No. 2355. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 4-5. URL: http://hdl.handle.net/10986/18853 (accessed: 17.02.2023).

[193] Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Policy Research Working Paper. 2000. No. 2355. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 5. URL: http://hdl.handle.net/10986/18853 (accessed: 17.02.2023).

Также см.: Konrad K.I., Skaperdas S. Extortion // Economica. 1998. Vol. 65. No. 260. P. 461-477.

Издержки движения определяются трансфертами и расходами повстанческой организации. В широком смысле под ними понимаются все виды расходов, от предоставления общественных благ до приобретения вооружений. В узком смысле они связаны с выплатами «заработной платы» (w_r) участникам движения. Так как участие в конфликте связано с отказом от других возможностей приложения собственных навыков индивидами (издержками упущенных возможностей), то «заработная плата» зависит от уровня дохода в рамках национальной экономики (y)[194]:

$$w_r = \varphi y \ (1.7.)$$

Одной из характерных особенностей рассматриваемого подхода (в отличие от мотивационного подхода), является отказ от попыток объяснения возникновения конфликтов через формирование мотиваций, поскольку, как указывается исследователями, мотивации могут конструироваться и формироваться уже после начала конфликта[195].

На основе эконометрического анализа исследователи делают вывод, что устойчивость повстанческого движения зависит от факторов низких издержек упущенных возможностей (низкого ВВП на душу населения и темпов экономического роста), доступности ресурсов для движений (обеспеченности природными ресурсами как потенциальной финансовой базой движения, а также высокой долей молодого населения, представители которого являются потенциальными «трудовыми ресурсами» для движения). Кроме того, устойчивость движения зависит и от степени этнорелигиозной фракционализации населения, которая свидетельствует о высоких трансакционных издержках взаимодействия между различными группами населения и способствует формированию более сплоченных повстанческих движений. Исследователи указывают также на то, что характер рельефа территории может быть в некоторой степени значимым, способствуя большей военной устойчивости движений (предоставляя потенциальные укрытия и пространство для создания баз движения)[196].

---

[194] Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Policy Research Working Paper. 2000. No. 2355. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 5. URL: http://hdl.handle.net/10986/18853 (accessed: 17.02.2023).

[195] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 2-3.

[196] Ibid. P. 24.

В то же время в рамках подхода возникли споры, связанные преимущественно с характером зависимости между вероятностью возникновения конфликтов и наличием природных ресурсов. Одним из спорных вопросов являлся следующий: все ли виды природных ресурсов ведут к увеличению вероятности возникновения конфликтов? Хотя в некоторых ранних работах указывалось, что только запасы топливных полезных ископаемых (прежде всего, нефти и газа) способствуют возникновению вооруженных конфликтов[197], есть основания предполагать, что это не вполне соответствует действительности. В числе ресурсов, нахождение которых на определенной территории повышало вероятность возникновения конфликтов, указывались также нетопливные ресурсы[198] и даже «контрабандные товары», такие как наркотические вещества (их можно условно отнести к сырьевым ресурсам)[199].

Другим предметом споров в рамках исследований был характер взаимозависимости между природными ресурсами и гражданскими войнами. Современные исследования указывают, что эта зависимость следует форме обратной параболы[200]. Это, вероятно, демонстрируют, что крупные запасы ресурсов позволяют правительствам получать достаточно высокие доходы для поддержания безопасности на своей территории, что делает повстанческие движения нежизнеспособными[201]. В то же время исследователи отмечают, что запасы топливных ресурсов могут способствовать началу вооруженных конфликтов в результате их ослабляющего воздействия на национальные институты[202].

На основе подхода также развивались и микроэкономические исследования, рассматривающие воздействие внешних шоков или специфических местных условий на

---

[197] См.: Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 75-90.

[198] См.: Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 24.; Besley T.J., Persson T. The Logic of Political Violence // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. No. 3. P. 1411-1445.; Sorens J. Mineral Production, Territory, and Ethnic Rebellion: The Role of Rebel Constituencies // Journal of Peace Research. 2011. Vol. 48. No. 5. P. 571-585.

[199] См.: Angrist J.D., Kugler A.D. Rural Windfall or a New Resource Curse? Coca, Income, and Civil Conflict in Colombia // The Review of Economics and Statistics. 2008. Vol. 90. No. 2. P. 191-215.

[200] См.: Basedau M., Lay J. Resource Curse or Rentier Peace? The Ambiguous Effects of Oil Wealth and Oil Dependence on Violent Conflict // Journal of Peace Research. 2009. Vol. 46. No. 6. P. 757-776.; Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 1-27.; Bjorvatn K., Naghavi A. Rent Seeking and Regime Stability in Rentier States // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 27. No. 4. P. 740-748.

[201] См.: Ross M.L. What Have We Learned About the Resource Curse? // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 239-259.

[202] См.: Kennedy R., Tiede L. Economic Development Assumptions and the Elusive Curse of Oil // International Studies Quarterly. Vol. 57. No. 4. P. 760-771.; Ross M.L. What Have We Learned About the Resource Curse? // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 239-259.

устойчивость повстанческих движений и вероятность возникновения конфликтов. Так, исследователями была выявлена взаимосвязь между падением уровня доходов в результате внешних шоков (например, засух или климатических изменений) и увеличением вероятности возникновения конфликтов[203]. Отметим, что микроэкономические исследования в рамках данного направления отталкиваются от разработанных теоретических допущений и применяют их к доступному эмпирическому материалу, но не оказывают значительного воздействия на ключевые положения подхода.

1.2.5. Микроэкономические и критические теории возникновения внутренних вооруженных конфликтов

Данная группа теорий не является цельным подходом, а выделяется на основе микроэкономического подхода к анализу возникновения вооруженных конфликтов. В основном эти исследования базируются на полученных в зонах конфликта данных и выдвигают теоретические предположения на основе анализа полученных данных[204].

Микроэкономические исследования рассматривают большое количество факторов, которые потенциально могут стать причиной начала вооруженного конфликта, и отказываются от традиционных объяснений, связывающих возникновение конфликта с материальными интересами или недовольством потенциальных повстанцев. Они указывают, что в действительности следует говорить об одновременном существовании большого количества мотиваций и взаимосвязей между ними[205].

В частности, исследователи обращали внимание на проблему наличия взаимозависимости между уровнем бедности и вероятностью возникновения конфликтов. Хотя значительная часть бедных действительно живет в странах, подверженных конфликтам, микроэкономические теории указывают, что риски для бедных в таких условиях не так велики в отличие от обеспеченных слоев населения, имущество которых может пострадать в большей степени в ходе конфликта[206]. Это

---

[203] См.: Ciccone A. Economic Shocks and Civil Conflict: A Comment // American Economic Journal: Applied Economics. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 215-227.

[204] Verwimp P., Justino P., Brück T. The Microeconomics of Violent Conflict // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 141. P. 102297.; A Micro-Level Perspective on the Dynamics of Conflict, Violence, and Development / ed. by P. Justino, T. Brück, P. Verwimp. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 4, 10.

[205] A Micro-Level Perspective on the Dynamics of Conflict, Violence, and Development / ed. by P. Justino, T. Brück, P. Verwimp. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 13.

[206] См.: Bircan Ç., Brück T., Vothknecht M. Violent Conflict and Inequality // Oxford Development Studies. 2017. Vol. 45. No. 2. P. 125-144.; Justino P., Verwimp P. Poverty Dynamics, Violent Conflict and

косвенно свидетельствует о низких издержках упущенных возможностей и относительной толерантности беднейших слоев населения к конфликту, который, вероятно, не оказывает значительного воздействия на их относительный уровень благосостояния. С другой стороны, бедные в условиях конфликта, как правило, подвергаются в большей мере прямой опасности, например, риску гибели или вынужденной миграции, потери от которой могут быть очень существенны[207]. Современные микроэкономические теории ставят под вопрос и причинно-следственную связь между бедностью и насилием, указывая, что хотя конфликты и происходят в странах с низким уровнем дохода, это происходит скорее из-за несовершенства их институтов, а не потому, что бедные более склонны к насилию[208].

Отметим, что современные микроэкономические исследования носят преимущественно эмпирический характер, а потому их теоретический вклад в объяснение причин возникновения конфликтов остается ограниченным. В этой связи микроэкономические теории не могут быть включены в теоретическую рамку данного исследования, однако результаты микроэкономических исследований по отдельным странам будут использованы нами в следующих главах исследования.

Учитывая, что большинство теоретико-игровых и эконометрических моделей обладают достаточно ограниченным объяснительным потенциалом в отношении возникновения конфликтов[209], существует группа критических теорий, указывающая, что рациональность экономических агентов при анализе возникновения конфликтов переоценивается.

К примеру, некоторые причины начала конфликтов могут систематически не соответствовать принципу рациональности. Некоторые экономические исследования указывают на то, что лидеры могут не осознавать потенциальные издержки конфликта, хотя, как указывает Дж. Фирон, это может быть связано и с проблемой асимметрии информации, что не противоречит допущению о рациональности экономических агентов[210]. В то же время М. Джексон и М. Морелли (пусть и на примере

Convergence in Rwanda // The Review of Income and Wealth. 2013. Vol. 59. No. 1. P. 66-90.; Scheidel W. The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2017. 536 p.

[207] См.: Ibáñez A.M., Vélez C.E. Civil Conflict and Forced Migration: The Micro Determinants and Welfare Losses of Displacement in Colombia // World Development. 2008. Vol. 36. No. 4. P. 659-676.

[208] См.: Verwimp P. An Economic Profile of Peasant Perpetrators of Genocide: Micro-Level Evidence from Rwanda // Journal of Development Economics. 2005. Vol. 77. No. 2. P. 297-323.

[209] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 21.

[210] См.: Fearon J.D. Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 275-301.

межгосударственных конфликтов) показывают, что проблемой может быть «предвзятость» лидера в том смысле, что его функция полезности от конфликта может отличаться от функции полезности населения, что может привести к решению о начале войны[211]. Хотя их исследование посвящено межгосударственным войнам, есть основания допустить, что оно справедливо и в отношении внутренних вооруженных конфликтов.

Современные исследования также указывают, что психологические факторы и личные качества лидеров движений или правительств (например, их склонность некорректно оценивать собственные шансы на победу, изменчивость предпочтений во времени и хаотичность решений) имеют важное значение в объяснении начала конфликтов или в увеличении или снижении их интенсивности[212].

Отметим, однако, что, несмотря на достаточно (а, возможно, и более) реалистичные предпосылки анализа и подтверждение некоторых из выдвинутых гипотез эконометрическим анализом, исследователям, критикующим применение теории рационального выбора к анализу возникновения конфликтов, пока не удалось создать какой-либо цельный подход. Это, однако, не умаляет ценности полученных ими результатов, однако затрудняет их применение в данной работе ввиду необходимости сбора большого количества данных и выработки оригинальных методик и моделей анализа для подтверждения результатов.

§1.3. Теоретические аспекты анализа развития национальных экономических систем в условиях внутреннего вооруженного конфликта

Как было показано нами в предыдущем параграфе, выбор в пользу конфликта может быть рассмотрен как рациональный, связанный в том числе и с ожиданиями увеличения уровня благосостояния (или полезности в целом) отдельных экономических агентов. Кроме того, внутренние вооруженные конфликты разрушительны и связаны со значительными издержками на макроуровне. Более того, они могут оказывать и трансформационное воздействие на национальные экономические системы и экономические модели отдельных государств. По мнению исследователей, вооруженные конфликты являются одной из основных причин, по которым темпы

[211] См.: Jackson M.O., Morelli M. Political Bias and War // American Economic Review. 2007. Vol. 97. No. 4. P. 1353-1373.

[212] См.: Jones B.F., Olken B.A. Hit or Miss? The Effect of Assassinations on Institutions and War // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. No. 2. P. 55-87.

экономического роста некоторых стран оказываются чрезвычайно неустойчивыми[213]. Исследователи также отмечают, что издержки вооруженных конфликтов имеют более глубокий характер именно в «нестабильных государствах»[214].

В этой связи в данном параграфе мы рассмотрим издержки конфликта. На основе моделей экономического роста будет продемонстрирована логика возникновения издержек конфликта, приведена их типологизация и методика измерения. На основе этого нами будет сделан вывод о возможности применения тех или иных моделей в данной работе.

Кроме того, мы рассмотрим, как внутренний вооруженный конфликт воздействует и трансформирует национальную экономику. Это будет показано нами на примере концепции «военной экономики» (*war economy*), описывающей поведение различных групп экономических агентов в ходе конфликта, а также обобщающей (скорее, дескриптивно) те изменения, которые в ней происходят.

1.3.1. Теоретические аспекты анализа издержек внутренних вооруженных конфликтов

В данном подпараграфе нами рассматриваются теоретические аспекты анализа издержек внутренних вооруженных конфликтов. Для этого мы, во-первых, продемонстрируем эффекты конфликта на национальную экономику и экономический рост на примере моделей экономического роста. Затем мы приведем типологизацию издержек конфликта, которая остается весьма неопределенной в академической литературе[215], и рассмотрим некоторые из существующих методик их измерения, оценив возможность их применения в данном диссертационном исследовании.

Воздействие внутреннего вооруженного конфликта на национальную экономику и экономический рост на примере моделей экономического роста

Рассмотрим, как внутренний вооруженный конфликт может воздействовать на национальную экономику и на ее темпы экономического роста. Мы предлагаем сделать это на основе модели экономического роста Кобба-Дугласа (производственной функции

---

[213] См.: Rodrik D. Where Did All the Growth Go? External Shocks, Social Conflict, and Growth Collapses // Journal of Economic Growth. 1999. Vol. 4. P. 385-412.

[214] См.: Dunne J.P., Tian N. Costs of civil war and fragile states in Africa // Review of Development Economics. 2019. Vol. 23. No. 3. P. 1220-1237.

[215] Nordhaus W.D. The Economic Consequences of a War in Iraq // NBER Working Paper. 2002. No. 9361. P. 1. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9361/w9361.pdf (accessed: 17.02.2023).

Кобба-Дугласа)[216], точнее – ее спецификации с внедрением накопленного человеческого капитала. Данная модель представлена ниже:

$$Y = AK^{\alpha}H^{1-\alpha} \quad (1.8.)$$

$$H = Lh \quad (1.9.)$$

Соответственно, получаем следующую модель[217]:

$$Y = AK^{\alpha}(Lh)^{1-\alpha} \quad (1.10)$$

В данной модели Y – темпы роста национальной экономики, A – технологический фактор, K – материальный или основной капитал, L – трудовые ресурсы, h – средний уровень человеческого капитала (человеческий капитал на одного работника), а H – общий уровень накопленного капитала в национальной экономике.

Теоретически внутренний вооруженный конфликт воздействует на все элементы модели, что приводит к снижению темпов экономического роста. Во-первых, разрушению подвергаются объекты материального капитала (K), например, инфраструктура. Во-вторых, могут сокращаться трудовые ресурсы (L) из-за гибели людей, вынужденной миграции или выхода с рынка труда. В-третьих, потери среднего уровня человеческого капитала (h) могут быть связаны как с уже описанными нами аспектами воздействия конфликта на трудовые ресурсы, так и с последствиями разрушения инфраструктуры (например, учреждений образования и здравоохранения). В результате этого снижение среднего уровня человеческого капитала будет наблюдаться из-за недополучения экономическими агентами знаний и навыков и, вероятно, ухудшения состояния их здоровья, которое также будет оказывать воздействие на их производительность. В-четвертых, если рассматривать технологии (A) как эндогенный фактор развития национальной экономики, зависящий от уровня развития технологий и их дальнейшего развития в результате инвестиций в них[218], то конфликт может привести к сокращению инвестиций в НИОКР. Учитывая это, весьма

[216] См.: Cobb C.W., Douglas P.H. A Theory of Production // American Economic Review. 1928. Vol. 18. No. 1. P. 139-165.

[217] Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth, Second Edition. Cambridge: The MIT Press, 2004. P. 246.

[218] См.: Aghion P., Blundell R., Griffith R., Howitt P., Prantl S. Entry and Productivity Growth: Evidence from Microlevel Panel Data // Journal of the European Economic Association. 2004. Vol. 2. No. 2-3. P. 265–276.

вероятно, что темпы роста национальной экономики не просто замедлятся, а будут отрицательными[219].

К. Блаттман и Э. Мигель также указывают, что в случае конфликтов стабильное соотношение между основным капиталом K и человеческим капиталом H (представленное в формуле 1.10) может нарушаться.

$$\frac{K}{H} = \frac{\alpha}{1-\alpha} \quad (1.11)$$

В результате начала вооруженного конфликта инвестиции в основной капитал могут оказаться безвозвратно утерянными, что вызовет издержки воспроизводства капитала (потерянный основной капитал должен быть заменен человеческим). В случае, когда издержки воспроизводства за счет человеческого капитала оказываются выше, чем для основного (что вероятно, учитывая потери человеческого капитала, происходящие в результате военных действий), дальнейшее воспроизводство оказывается невозможным. В результате этого темпы экономического роста снижаются, как и темпы восстановления экономики в случае завершения конфликта. Это объясняется тем, что даже если основной капитал будет восстановлен, производительность труда в результате потерь человеческого капитала будет ниже, что приведет к более низким темпам роста и в долгосрочной перспективе[220].

Типологизация издержек внутреннего вооруженного конфликта

Перейдем к рассмотрению непосредственно направлений воздействия конфликта на национальную экономику. На основе анализа исследовательской литературы мы приведем типологизацию издержек конфликта для национальной экономики, а также дадим им короткую характеристику.

Само понятие «издержек конфликта», как было отмечено нами во введении к этому параграфу, нуждается в некотором прояснении. Эта «неясность»[221] связана с инструментальными и вычислительными методологическими проблемами (что следует включать в их оценку и каким образом лучше ее производить[222]).

---

[219] Прим. Отметим, однако, что это будет зависеть от интенсивности и географического охвата конфликта.

[220] Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 38-39.

[221] Nordhaus W.D. The Economic Consequences of a War in Iraq // NBER Working Paper. 2002. No. 9361. P. 1. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9361/w9361.pdf (accessed: 17.02.2023).

[222] Bozzoli C., Brück T., Sottsas S. A Survey of the Global Economic Costs of Conflict // Defence and Peace Economics. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 166.

В целом, экономические издержки внутренних вооруженных конфликтов связаны с тем, что в ходе конфликта меняется распределение экономических ресурсов в обществе. Из-за этого национальная экономика недополучает ресурсы, необходимые для ее развития. Часть потерь национальной экономики в результате конфликта происходит именно в результате деструктивных действий со стороны участников конфликта (так как зачастую их целями в современных конфликтах оказываются гражданские объекты и население)[223].

Другое направление воздействия конфликта на национальную экономику связано с государственной политикой. Появление очага конфликта на территории государства вынуждает его предпринимать попытки подавления. Как правило, это выражается в увеличении государственных военных расходов, в результате чего может проявляться эффект фискального вытеснения[224]. Следствием роста военных расходов становится усиление диспропорций государственного бюджета и сокращение предложения других общественных благ со стороны государства (например, образования и здравоохранения)[225]. Другим вероятным результатом может стать рост государственных заимствований или дополнительная эмиссия для покрытия роста государственных расходов, что в условиях конфликта (когда ведение производственной деятельности затруднено) может привести к росту инфляции и усилению долгового бремени для национальной экономики.

С. Скапердас[226] предлагает следующую типологизацию издержек внутреннего вооруженного конфликта, разделяя их на прямые и непрямые.

К прямым издержкам конфликта он относит:

- разрушение объектов государственной и общественной инфраструктуры;
- разрушение основного капитала (производственных мощностей, оборудования, зданий и прочих объектов частной собственности);
- дополнительные бюджетные ассигнования на цели ведения военных действий и издержки выбытия оборудования и амуниции;

---

[223] Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. P. 4. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

[224] Anderton C.H., Carter J.R. Principles of Conflict Economics: A Primer for Social Scientists. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 26.

[225] Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. 25 p. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

[226] См.: Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 3-4.

- гибель людей в результате вооруженных действий;
- физические и психологические травмы и заболевания;
- ожидаемые издержки, связанные с потерей трудоспособности вследствие инвалидности или других причин;
- ожидаемые издержки, связанные с необходимостью получения медицинской или психологической помощью.

К непрямым издержкам внутренних вооруженных конфликтов он относит:

- эмиграцию и внутреннее перемещение населения;
- снижение производительности труда в результате насилия или угрозы применения насилия;
- сокращение объемов внутренней и внешней торговли в результате насилия или угрозы применения насилия;
- сокращение инвестиций в основной капитал как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе;
- сокращение возможностей получения образования или медицинской помощи[227];
- «утечка умов» (эмиграция образованной рабочей силы);
- сокращение туристических поездок из-за рубежа;
- неблагоприятные макроэкономические эффекты (инфляция, рост уровня безработицы, снижение темпов экономического роста);
- общие издержки, связанные со снижением уровня благосостояния населения.

Такая типологизация издержек конфликта представляется вполне убедительной и охватывающей практически все возможные направления его воздействия на состояние национальной экономики. Глубина этого воздействия определяется прежде всего интенсивностью и продолжительностью конфликта.

Немаловажным является и эффект экстерналий, который недостаточно полно рассматривается в типологизации С. Скапердаса. В случае внутренних вооруженных конфликтов они носят преимущественно негативный характер. Издержки соседних государств составляют, как правило, до трети издержек государств, в которых

[227] Прим.: В его работе получение медицинской помощи не было включено в типологизацию, однако нам представляется логичным ее дополнить.

возникают конфликты[228], хотя оценки для различных государств могут очень сильно отличаться. Внешние эффекты могут быть вызваны разрывом традиционных внешнеторговых связей или вынужденным изменением маршрутов внешнеторговых поставок, роста государственных расходов в результате притока беженцев в страну и более высокой нагрузки на социальный сектор государства, а также непрямыми издержками, связанными с установлением атмосферы неопределенности и роста оценки уровня риска[229].

Методологические аспекты оценки издержек внутренних вооруженных конфликтов

Расчет издержек конфликта затруднителен из-за многонаправленности их влияния на экономическое и социальное развитие[230]. Отметим, что далеко не все виды издержек могут быть включены в количественный анализ, так как многие эффекты конфликтов, проявляющиеся в социальной сфере (например, рост трансакционных издержек в результате нарастания противоречий этнического или конфессионального характера), либо в принципе не могут быть рассчитаны, либо возможности проведения подобного анализа ограничены дефицитом доступных данных, сбор которых в зонах конфликта затруднен[231].

На макроэкономическом уровне оценка издержек конфликта, как правило, осуществляется на основе оценки изменения ВВП национальной экономики с помощью регрессионного анализа. Использование показателей уровня ВВП или темпов его роста представляется наиболее удобным методом оценки издержек внутренних вооруженных конфликтов. Это связано с относительной доступностью данных показателей для большинства стран мира, а также с тем, что этот индикатор рассматривается как отражающий примерный средний уровень благосостояния населения страны[232].

Анализ издержек конфликта возможен с помощью нескольких подходов.

---

[228] См.: Bozzoli C., Brück T., Sottsas S. A Survey of the Global Economic Costs of Conflict // Defence and Peace Economics. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 165-176.

[229] См.: Brück T., De Groot O.J. The Economic Impact of Violent Conflict // Defence and Peace Economics. 2013. Vol. 24. No. 6. P. 499.; De Groot O.J., Bozzoli C., Alamir A., Brück T. The global economic burden of violent conflict // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 2. P. 259-276.

[230] Smith R.P. The economic costs of military conflict // Journal of Peace Research. 2014. Vol. 51. No. 2. P. 246.

[231] Прим.: В целом, оценка микроэкономических издержек внутреннего вооруженного конфликта затруднена из-за трудности сбора данных и не будет проводится в данном исследовании,

[232] См.: Bozzoli C., Brück T., Sottsas S. A Survey of the Global Economic Costs of Conflict // Defence and Peace Economics. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 165-176.

Первый предполагает поиск разницы между изменением зависимой переменной между «конфликтными» и «бесконфликтными» сценариями, где одной из независимых переменных является бинарная переменная, описывающая конфликт и принимающая значение 1 в случае, если в стране отмечался конфликт. Такие модели позволяют оценить разницу между темпами роста ВВП или роста ВВП на душу населения на межгосударственном уровне в зависимости от того, отмечались ли в стране вооруженные конфликты или нет. Примером такой модели может быть следующая простая модель, примененная в работе П. Кольер[233]:

$$\Delta y_{it} = \beta_0 + \beta_1 W_{it} + X_{it} + \varepsilon_{it} \quad (1.12)$$

В данной модели Δy_{it} – темпы экономического роста экономики i в период t, W_{it} – в зависимости от спецификации модели либо бинарная переменная, указывающая на наличие или отсутствие конфликта (принимает значение 1 при наличии внутреннего вооруженного конфликта), либо продолжительность конфликта в месяцах, X_{it} – вектор прочих переменных (например, могут учитываться доходы и расходы бюджета[234], эффекты на развитие торговли и движение инвестиций, социально-экономические переменные, например, ожидаемое количество лет здоровой жизни (DALY)[235].

Преимуществом подобных моделей является их относительная простота. Кроме того, они позволят оценить, насколько медленнее развиваются страны в условиях конфликта, а также учитывать фиксированные эффекты (*fixed effects*), например, для отдельных государств или временных периодов, что позволяет получить более точные и устойчивые результаты[236]. Могут применяться и двухступенчатые методы регрессионного анализа (*2-step OLS regressions*), если авторы намереваются рассмотреть воздействие конфликта на национальное экономическое развитие, изучив изначально

[233] См.: Collier P. On the Economic Consequences of Civil War // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 1. P. 168-183.

[234] War and Underdevelopment: Volume 1: The Economic and Social Consequences of Conflict / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2000. P.1-20.

[235] См., напр.: Ghobarah H.A., Huth P., Russett B. Civil Wars Kill and Maim People-Long after the Shooting Stops // The American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 2. P. 189-202.

[236] Gardeazabal J. Methods For Measuring Aggregate Costs Of Conflict // The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 241.

его эффекты на другие переменные (например, норму валового накопления), и уточнить на этой основе итоговые оценки[237].

Второй подход опирается на конструирование альтернативных сценариев (*counterfactual*) и предполагает, что ситуация, при которой страна столкнулась с конфликтом, противопоставляется альтернативному сценарию, в котором конфликт не начался. «Альтернативная страна» конструируется на основе показателей других стран или регионов со сходными макроэкономическими показателями и динамикой развития[238]. Данный подход фокусируется на расчете разницы между фактическим уровнем ВВП страны (в условиях конфликта) и его потенциальным значением в случае, если бы внутренний вооруженный конфликт не возник[239]. В результате итоговая модель имеет вид[240]:

$$y_{it} = \beta c_{it} + \alpha_i + \alpha_t + \varepsilon_{it} \quad (1.13)$$

В данной модели y_{it} – ВВП на душу населения населения страны, c_{it} – бинарная переменная, указывающая, находится ли страна в состоянии конфликта (принимает значение 1 в случае конфликта), α_i и α_t описывают, соответственно, разные сценарии («конфликтный» и «бесконфликтный») и продолжительность конфликта, что позволяет рассчитать разницу в значении зависимой переменной между двумя сценариями. Метод конструирования альтернативных сценариев требователен к доступности данных, в результате чего могут возникать трудности с поиском контрольной группы для формирования альтернативного сценария. Учитывая, что основным кейсом в данной работе является конфликт в Афганистане, использование данного метода невозможно из-за дефицита необходимых данных.

Оценка воздействия конфликта на национальную экономику также возможна и на основе анализа временных рядов. Например, на основе метода прерванных временных рядов (*interrupted time series*), который позволяет показать изменения в динамике развития экономических систем, представляя внутренний вооруженный

---

[237] Прим.: Первым примером использования такой модели в экономических исследования конфликтов было: Knight M., Loyaza N., Villanueva D. The Peace Dividend: Military Spending Cuts and Economic Growth // Staff Papers (International Monetary Fund). 1996. Vol. 43. No. 1. P. 1-37.

[238] Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 6.

[239] Brück T., De Groot O.J. The Economic Impact of Violent Conflict // Defence and Peace Economics. 2013. Vol. 24. No. 6. P. 497.

[240] Bove V., Elia L., Smith R.P. On the heterogeneous consequences of civil war // Oxford Economic Papers. 2017. Vol. 69. No. 3. P. 558.

конфликт как своеобразный внешний шок (или интервенцию). Простая модель, использующая метод прерванных временных рядов для оценки издержек, возникающих в связи с конфликтом, может быть представлена в следующем виде[241]:

$$y_t = \beta_0 + \beta_1 Intervention\ Level_t + \beta_2 Trend_t + \beta_2 Intervention\ Trend_t + \varepsilon_t \quad (1.14)$$

В данной модели изменение зависимой переменной y_t (ВВП страны или ВВП на душу населения) определяется воздействием конфликта, который проецируется как шок, когда в момент времени *t* переменная *Intervention Level* приобретает значение 1, переменная *Trend* принимает значения от 1 до *n*, возрастая с каждым временным интервалом, а переменная *Intervention Trend* принимает значение 0 для всех *t* до начала конфликта, и от 1 до *n* после начала конфликта.

Модели такого вида могут быть применены и для анализа отдельных страновых кейсов в случае наличия достаточных данных, однако их результаты оказываются более статистически значимыми и устойчивыми при анализе большого массива статистических данных[242].

Другим схожим методом, также основывающимся на анализе временных рядов и позволяющим оценить воздействие конфликтов на экономическое развитие национальных экономик, является метод передаточной функции. Данный метод позволяет показать шоковое воздействие конфликта на темпы роста национальной экономики и его долгосрочные динамические эффекты. Модели передаточной функции имеют вид[243]:

$$y_t = \alpha y_{t-1} + \beta x_t + \varepsilon_t \quad (1.15)$$

В данной модели зависимой переменной выступает ВВП или ВВП на душу населения в момент времени *t*, которая зависит от своего значения в прошлый временной период (*t-1*), а также от конфликта или степени его интенсивности (*x*) в момент времени *t*. Метод передаточной функции представляется удобным способом проследить

[241] Gardeazabal J. Methods For Measuring Aggregate Costs Of Conflict // The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 235.

[242] Ibid.

[243] Ibid. P. 236.

воздействие конфликта на отдельных страновых кейсах и может быть использован для макроэкономического анализа издержек конфликта в данной работе.

Отметим, что количественные методы оценки издержек конфликта не позволяют оценить все его возможные эффекты, особенно непрямые. Эта проблема связана как с отсутствием данных, так и со сложностью их интерпретации и внедрения в существующие модели, что обусловливает их дополнение путем использования качественных методов.

1.3.2. Трансформация национальных экономических систем в условиях конфликта

Зоны конфликта, то есть территории, на которых он происходит, могут быть рассмотрены как специфическая и относительно автономная хозяйственная система, часто называемая «военной экономикой» *(war economy).* В данной части подпараграфа мы дадим теоретическую характеристику микроэкономическим изменениям, происходящим в национальных экономиках, на основе концепции «военной экономики». Учитывая, что в условиях конфликта экономические агенты могут применять большое количество разнообразных стратегий, в данном подпараграфе не представляется возможным дать им исчерпывающую характеристику, соответственно, здесь будут приведены ключевые обобщения, касающиеся развития «военных экономик».

Понимание термина «военная экономика» трансформировалось вместе с изменившимся характером вооруженных конфликтов в период после Второй мировой войны. Под «военными экономиками» подразумевались изменения в национальных экономиках и государственной экономической политике, осуществляемые в целях более эффективного ведения военных действий. Начиная со второй половины XX в., когда межгосударственные конфликты стали редки, изменилось и понимание рассматриваемого термина. Сейчас им описываются национальные экономические системы, развивающиеся в условиях внутренних вооруженных конфликтов. Военные экономики представляют из себя системы, «в которых экономические мотивации побуждают агентов провоцировать или применять насилие, или которые способствуют продолжению вооруженного противостояния в результате наличия средств его финансирования»[244]. Вне зависимости от того, когда и почему образуются такие

[244] Peterson J.H. Building a peace economy?: Liberal peacebuilding and the development-security industry. Manchester: Manchester University Press, 2014. P.1.

структуры, они могут оказываться достаточно устойчивыми, препятствовать трансформации конфликта и способствовать его продолжению[245].

Экономическая деятельность в условиях конфликта выполняет разные функции для различных экономических агентов в зависимости от их статуса[246]. Большинство конфликтов, как международных, так и внутренних, происходят между различными иерархически организованными структурами, например, государственными или повстанческими движениями (вне зависимости от их ценностного, этноконфессионального или политического характера). Конкуренция между участвующими в конфликте сторонами связана и с определенными экономическими целями (например, с получением финансовых ресурсов для ведения военных действий)[247].

В целом, рассматривая трансформацию экономических систем и национальных социально-экономических моделей под влиянием внутренних вооруженных конфликтов, можно выделить несколько характерных для подобных систем черт. К ключевым особенностям современных «военных экономик» можно отнести:

- деградацию формальных институтов и формального сектора экономики, развитие неформального сектора и черного рынка при одновременном размытии границ между ними;
- высокую степень децентрализации национальной экономической системы;
- применение сторонами конфликта насильственных методов в целях установления контроля над активами, торговыми путями, ресурсами и т.п.;
- опору агентов «военной экономики» на получение ренты в результате использования и торговли природными ресурсами;
- взаимосвязь эффективности вооруженных группировок с существованием трансграничных сетевых структур, обеспечивающих им доступ к экономическим и финансовым ресурсам и мировому рынку;

---

[245] Ibid. P.14.

[246] Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 12. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

[247] Skaperdas S. Warlord Competition // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 4. P. 435-446.

- зависимость устойчивости такой системы от заинтересованности экономических агентов в сохранении нестабильности [248].

Как указывает Дж. Гудхенд, «военные экономики» характеризуются одновременным функционированием нескольких автономных, но взаимосвязанных и взаимозависимых секторов[249]. Хотя изначально подобная структура рассматривалась на примере отдельных страновых кейсов[250], она в целом соответствует ситуации в большинстве стран, которые сталкиваются с вооруженными конфликтами[251]. Следовательно, она может рассматриваться как особый тип социально-экономической модели, характерной для стран, в которых происходят внутренние вооруженные конфликты.

Эта структура связана с различными целями экономических агентов в ходе конфликта, их отличающимися мотивациями и видами экономической деятельности, в которых они принимают участие. Она включает в себя:

- сектор экономики полевых командиров или экономика военных действий *(warlord economy, combat economy[252])*;
- теневой сектор *(shadow economy)*;
- сектор экономики выживания *(coping economy, economy of survival)*[253].

Отметим, что данное деление не является взаимоисключающим, и экономические агенты могут одновременно быть участниками нескольких секторов «военной экономики». Эти взаимосвязи представлены нами на схеме (см. Рисунок 1.2.).

Рисунок 1.2. Структура «военной экономики» и ее подсекторов

---

[248] Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 13. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

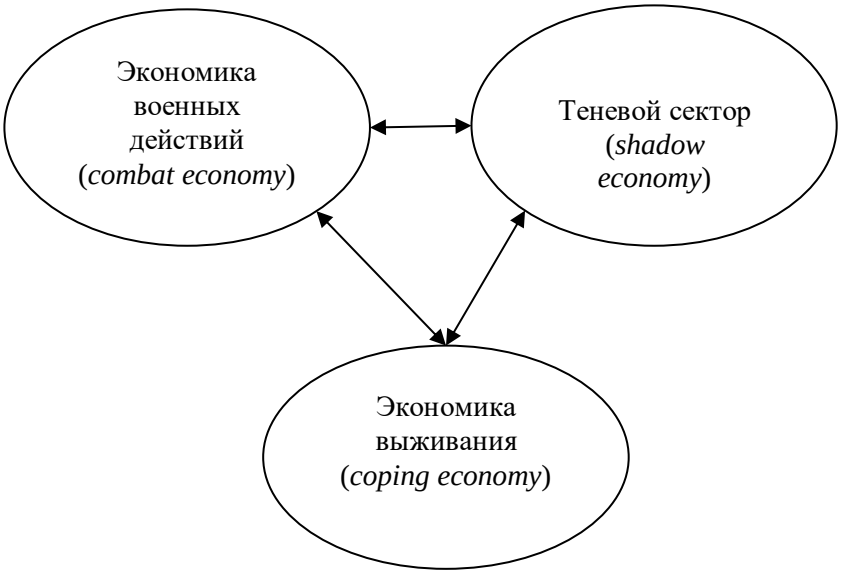
[249] Прим.: Отдельно отметим, что данное деление было предложено Дж. Гудхендом на основе его анализа развития конфликта в Афганистане, однако применимо и к более широком спектру национальных экономических систем, сталкивающихся с вооруженными конфликтами. См.: Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 155-174.

[250] См. подр.: Pugh M., Cooper N., Goodhand J. War Economies in a Regional Context: Challenges of Transformation. Boulder: Lynne Rienner, 2004. 273 p.; Power, livelihoods and conflict: case studies in political economy analysis for humanitarian action / ed. by S. Collison // Humanitarian Policy Group Report. 2003. No. 3. 98 p. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/289.pdf (accessed: 17.02.2023).

[251] См.: Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 11-35. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

[252] Прим.: Иногда она также называется именно «военной экономикой» (*war economy*), но мы будет избегать этого, чтобы не допустить терминологической путаницы.

[253] Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 157.



Источник: Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 155-174.

Более подробно особенности данной структуры могут быть представлены в формате таблицы (см. Таблица 1.5.).

Таблица 1.5. Структурные особенности военной экономики и ее подсекторов

	Подсекторы военной экономики		
	Экономика военных действий	***Теневая экономика***	***Экономика выживания***
Ключевые акторы	Полевые командиры, «конфликтные предприниматели»[254], комбатанты, поставщики оружия и других товаров	Спекулянты, рабочие транспортного сектора, предприниматели, контрабандисты (в т.ч. наркотических веществ), участники низшего уровня (водители грузовиков, производители наркотических веществ и др.)	Бедные семьи, местные сообщества, мирные жители

[254] Прим.: Под ними понимаются экономические агенты, стремящиеся к получению прибыли в ходе конфликта.

Мотивации участия в конфликте или его разрешения	- стремление к получению доходов для ведения военных действий; - мирное разрешение конфликта может не соответствовать интересам акторов, так как может привести к снижению политического влияния, статуса или благосостояния; - комбатанты могут быть заинтересованы в разрешении конфликта, если существуют альтернативные возможности для заработка в формальном секторе экономики	- стремление к получению прибыли в условиях конфликта; - разрешение конфликта может соответствовать их интересам, если это будет способствовать долгосрочным инвестициям и ведению легальной предпринимательской деятельности; - мирное разрешение конфликта требует создания альтернатив участию в теневой экономической деятельности, в противном случае криминализованная «военная экономика» превратится в криминализованную «мирную экономику»	- «выжить» и сохранить собственные активы благодаря нерискованным видам экономической деятельности или выжить благодаря использованию накопленных активов; - разрешение конфликта могло бы позволить перейти экономическим агентам к ведению более продуктивной экономической деятельности
Основные формы экономической деятельности	Налогообложение легальной и нелегальной экономической деятельности; получение финансовых средств, вооружения, амуниции и наемников от поддерживающих движение внешних государственных и негосударственных агентов; экономическая блокада территорий,	Контрабанда ценных товаров и ресурсов; добыча природных ресурсов и ее организация; хавала[255]; использование средств гуманитарной помощи и помощи развитию в собственных интересах	Использование различных стратегий для получения средств существования и минимизации рисков; ведение натурального хозяйства; мелкая торговля и локальная производственная деятельность; участие в наемном труде; трудовая миграция или получение денежных

[255] Прим.: Неформальная традиционная система финасово-расчетных отношений, распространенная преимущественно на Ближнем и Среднем Востоке и странах Африки, обеспечивающая дистанционное перемещение экономических и финансовых ресурсов между экономическими агентами.

	оказывающих сопротивление движению; экспроприация и эксплуатация активов различного характера; использование средств гуманитарной помощи и помощи развитию в собственных интересах		переводов от мигрантов; перераспределение экономических ресурсов через семейные сети; гуманитарная и пр. помощь

Источники: составлено автором на основе Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 11-35. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).; Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 155-174.

Разграничения между секторами связаны с мотивациями и статусом их агентов. Агенты экономики военных действий являются комбатантами, непосредственными участниками военных действий, в то время как агенты других секторов не принимают прямого участия во внутреннем вооруженном конфликте. Мотивации агентов «военной экономики» могут сочетаться. Так, агенты экономики военных действий могут стремиться к максимизации прибыли, как и агенты теневой экономики. Исследователи также допускают пересечения между секторами «военной экономики», т.е. ее агенты могут одновременно участвовать в разных секторах.

§1.4. Экономико-теоретические аспекты проблемы трансформации и разрешения внутренних вооруженных конфликтов

В данном параграфе нами будут рассмотрены некоторые теоретические рекомендации по трансформации и разрешению внутренних вооруженных конфликтов (в некоторых частях эти рекомендации могут быть применимы и к ситуациям, в которых отмечается высокий риск возникновения конфликтов). Мы попытаемся ответить на два основных вопроса. Во-первых, почему применение экономических инструментов актуально в странах, в которых происходят или происходили внутренние вооруженные конфликты? Во-вторых, какие инструменты могут позволить обеспечить переход от

описанной нами ранее «военной» экономики к «мирной», обеспечив разрешение причин конфликтов и стабильные темпы экономического роста в этих странах? На основе ответов на поставленные вопросы мы выделим рекомендации, предлагаемые исследователями для трансформации «военных экономик» и в дальнейшем рассмотрим, как применялись эти рекомендации на примере эмпирического материала данного исследования.

1.4.1. Концепция «конфликтной ловушки»

В этом подпараграфе мы рассмотрим концепцию «конфликтной ловушки», которая акцентирует внимание на том, что внутренние вооруженные конфликты, как правило, происходят в странах, в которых они уже наблюдались. Мы кратко опишем причины этого и обоснуем актуальность содействия развитию и совершенствованию мер экономической политики в постконфликтных и «нестабильных» странах, сталкивающихся с высоким риском внутренних вооруженных конфликтов.

Прекращение или приостановка вооруженного противостояния не ведет к разрешению противоречий и изменению условий экономического развития, которые сделали возможным его возникновение. Более того, как было показано нами в предыдущем параграфе, конфликт оказывает существенное негативное воздействие на экономическое развитие страны, что означает, что в постконфликтных государствах уровень благосостояния и экономического развития оказывается ниже, чем в период его возникновения. Как следует из теорий возникновения вооруженных конфликтов, рассмотренных нами в §1.1., постконфликтные условия могут быть еще более «конфликтогенными», чем предконфликтные.

Все эти факторы стали основой для выдвижения концепции «конфликтной ловушки» *(conflict trap)*[256], которая рассматривается как одна из ловушек развития. Эмпирической основой для ее выдвижения стал значительно более высокий риск возникновения вооруженных конфликтов в государствах, где они уже происходили до этого. В условиях неэффективности институтов и государственной экономической политики, типичных для «нестабильных государств», завершение конфликта может не привести к достаточному улучшению социально-экономических условий развития.

[256] См.: Collier P., Sambanis N. Understanding Civil War: A New Agenda // Jounral of Conflict Resolution. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 3-12.; Collier P., Elliott L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N.. Breaking the conflict trap: Civil war and development policy. Washington, D.C.: World Bank Publications, 2003. 240 p.

Могут возрастать и трансакционные издержки в результате нарастания межгрупповых (например, этноконфессиональных) противоречий. Все это означает, что вероятность возникновения конфликта остается высокой, а потенциальные повстанческие движения – устойчивыми[257]. В то же время данная концепция указывает, что сами по себе предыдущие вооруженные конфликты не могут привести к их возобновлению «в отсутствие серьезных экономических и политических мотивов к ведению вооруженной борьбы»[258].

Эконометрической основой концепции «конфликтной ловушки» является высокая статистическая значимость предыдущих конфликтов как причины возникновения новых конфликтов[259]. Это наблюдение может объясняться как с точки зрения ухудшения экономических условий в результате конфликта, так и с точки зрения более высокой доступности вооружения в постконфликтных государствах, что снижает издержки участия в конфликте. Другим интересным подтверждением данной концепции является высокая значимость детской смертности при возобновлении вооруженных конфликтов[260]. Это говорит о том, что индивиды принимают решение в пользу повторного участия в конфликте тогда, когда условия жизни оказываются чрезвычайно неблагоприятными.

Соответственно, необходимость применения экономических инструментов взаимодействия объясняется важностью экономических причин возникновения конфликта, которые требуют внимания как со стороны национального правительства, так и международного сообщества. Кроме того, высокий риск возобновления конфликта указывает на важность улучшения экономических условий и повышения уровня благосостояния населения таким образом, чтобы демонтировать структуру «военной экономики», которая может продолжать оказывать дестабилизирующий эффект на экономическое развитие страны[261]. Причем для того, чтобы избежать возобновления конфликта, эти цели должны быть достигнуты в достаточно короткие сроки.

---

[257] См.: Hegre H., Nygård H.M., Ræder R.F. Evaluating the scope and intensity of the conflict trap // Journal of Peace Research. 2017. Vol. 54. No. 2. P. 243–261.

[258] Walter B.F. Does Conflict Beget Conflict? Explaining Recurring Civil War // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 372.

[259] См.: Hegre H., Nygård H.M., Ræder R.F. Evaluating the scope and intensity of the conflict trap // Journal of Peace Research. 2017. Vol. 54. No. 2. P. 243–261.

[260] Walter B.F. Does Conflict Beget Conflict? Explaining Recurring Civil War // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 381.

[261] Peterson J.H. Building a peace economy?: Liberal peacebuilding and the development-security industry. Manchester: Manchester University Press, 2014. P. 14-15.

Безусловно, в целях урегулирования и трансформации конфликтов могут применяться не только экономические инструменты, между тем, политические инструменты разрешения конфликтов не входят в предметное поле данного диссертационного исследования, а потому не будут рассмотрены подробно.

Отметим, что удобство и распространенность экономических инструментов определяется, в частности, большей оперативностью принятия подобных решений, а также меньшими издержками, которые оказываются чрезвычайно значительными в случае проведения военных или миротворческих операций. Примерные оценки издержек внешнего военного вмешательства в вооруженные конфликты сильно отличаются. Однако в любом случае они оказываются заметно выше, если военное участие в конфликте принимают ведущие развитые государства, например, США. Так, прямые издержки США в результате участия в конфликте в Афганистане (который как раз может быть классифицирован как внутренний вооруженный) могут составлять до 1 трлн долл. США, что связано с высокой стоимостью проведения военных операций и негативными последствиями военной службы[262].

Таким образом, предоставление финансовой помощи и содействие внедрению практических рекомендаций в целях проведения более эффективной экономической политики в «нестабильных» и склонных к возникновению конфликтов государствах представляется более удобным и менее затратным способом взаимодействия с такими «сложными» партнерами.

1.4.2. Меры государственной экономической политики в целях разрешения внутренних вооруженных конфликтов

Проведение более эффективной и результативной экономической политики может сделать возникновение конфликтов менее вероятным, а в случае его выхода в открытую стадию предотвратить его повторение. Так как конфликты, с точки зрения проведенного нами ранее анализа экономических теорий, объясняющих возникновение внутренних вооруженных конфликтов, как правило, связаны с низкими альтернативными издержками участия в них, а также наличием атипичных условий для формирования жизнеспособных повстанческих движений, то экономическая политика государства должна быть направлена на изменение и трансформацию этих условий.

[262] См.: Edwards R.D. A review of war costs in Iraq and Afghanistan // NBER Working Paper. 2010. No. 16163. 38 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16163/w16163.pdf (accessed: 17.02.2023).

Основной целью государственной экономической политики в рассматриваемых ситуациях, таким образом, становится миростроительство, в более узком смысле – недопущение возникновения и повторения внутренних вооруженных конфликтов.

Немаловажно и то, что многие структурные факторы, связанные с высокой вероятностью возникновения внутренних вооруженных конфликтов, например, низкий уровень благосостояния или высокая зависимость от экспорта природных ресурсов, могут быть связаны и даже быть результатом государственной экономической политики в предконфликтный период[263]. Зачастую правительства и политические лидеры оказываются не очень заинтересованными в решении существующих в государстве экономических проблем, способствующих формированию конфликтогенной обстановки. Например, исследователи указывают, что политические лидеры могут стремиться к личному обогащению в ущерб экономическому развитию страны[264], что ведет к снижению издержек участия в вооруженных конфликтах.

В исследовательской литературе существуют указания на существование так называемого «мирного дивиденда» (*peace dividend*)[265], указывающего что в результате роста нормы валового накопления в постконфликтных странах, скорее всего, будут отмечаться более высокие темпы экономического роста. Однако современные исследования указывают, что подобный сценарий возможен только при создании или наличии эффективных государственных институтов[266], которые способны обеспечить привлекательность инвестиционной деятельности. Ситуация в постконфликтный период осложняется еще большей деградацией экономических условий и экономических институтов[267]. Это обусловливает применение эффективных мер экономической политики, в том числе для того, чтобы не допустить развития страны по сценарию «конфликтной ловушки».

---

[263] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 6-8. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

[264] См., напр.: Reno W. Clandestine economies, violence and states in Africa // Journal of international affairs. 2000. Vol. 53. No. 2. P. 433-459.

[265] Collier P., Gunning J.W. War, peace and private portfolios // World Development. 1995. Vol. 23. No. 2. P. 233.; Collier P. On the Economic Consequences of Civil War // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 1. P. 168, 182.

[266] O'Reilly C. Investment and Institutions in Post-Civil War Recovery // Comparative Economic Studies. 2014. Vol. 56. No. 1. P. 2-3.

[267] Cevik S., Rahmati M. Breaking the Curse of Sisyphus: An Empirical Analysis of Post-Conflict Economic Transitions // Comparative Economic Studies. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 589.; Haass F., Ottmann M. Profits from Peace: The Political Economy of Power-Sharing and Corruption // World Development. 2017. Vol. 99. P. 61-62.

Меры государственной политики, предлагаемые исследователями для решения проблемы конфликтного развития и разрешения причин, которые могут его порождать, напрямую связаны с причинами конфликта. Эффективная экономическая политика в этой связи призвана сделать участие в конфликте для индивидов невыгодным, а потенциальные повстанческие движения – нежизнеспособными. Предлагаемые меры экономической политики, таким образом, могут казаться очевидными, что отнюдь не упрощает их практическую реализацию[268]. В целом исследователи указывают, что постконфликтная экономическая политика должна стремиться к реализации трех основных целей: внедрение стимулирующих экономический рост мер государственной политики, реформирование государственных институтов и решение актуальных проблем с тем, чтобы снизить вероятность возобновления конфликта и заложить основы устойчивого экономического роста[269].

Возможные инструменты воздействия государства в ситуациях высокого риска возникновения конфликтов и постконфликтных ситуациях представлены автором на Рисунке 1.3.

Рисунок 1.3. Некоторые меры государственной экономической политики в целях разрешения и предотвращения вооруженных конфликтов

[268] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 6. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

[269] Cevik S., Rahmati M. Breaking the Curse of Sisyphus: An Empirical Analysis of Post-Conflict Economic Transitions // Comparative Economic Studies. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 571.

Источник: составлено автором.

В целом, следует признать, что приведенное на Рисунке 1.3. разделение является достаточно условным и связано с попыткой систематизации существующих инструментов государственной политики, которые могут использоваться в условиях высокого риска возникновения внутренних вооруженных конфликтов или в постконфликтных ситуациях. Своеобразие и сложность условий в рассматриваемых ситуациях зачастую требуют одновременного применения всех рассматриваемых инструментов, причем они также должны дополняться и содействием со стороны мирового сообщества и государств-доноров (в виде финансовой, гуманитарной помощи и т.д.).

Кроме того, меры государственной политики, которые могут быть реализованы в государствах, находящихся в состоянии риска возникновения конфликта, или в постконфликтных государствах, можно классифицировать иначе. Первую группу в таком случае составят меры, связанные с увеличением эффективности основных направлений государственной экономической политики – прежде всего налогово-бюджетной и денежно-кредитной, призванные обеспечить экономический рост и рост уровня благосостояния в стране. Вторую составят более специфические (таргетированные) инструменты государственной политики, которые позволяют воздействовать непосредственно на причины возникновения конфликтов (или потенциальные причины). К их числу следует отнести меры по диверсификации

экспорта или экономик (например, по минимизации возможностей для ведения нелегальной торговли ресурсами), инвестиции в человеческий капитал и др.[270], которые, несмотря на попытки генерализации в научных исследованиях, значительно отличаются в различных национальных экономиках.

Необходимость увеличения эффективности денежно-кредитной политики в государствах, сталкивающихся с внутренними вооруженными конфликтами, связана с хаотичностью государственного регулирования в данной сфере, а также зачастую с нерациональным выбором инструментов денежно-кредитной политики. Примером этого может служить финансирование увеличивающихся военных расходов государства за счет дополнительной эмиссии. В условиях падения уровня производства это приводит к значительному росту инфляции, падению курса национальной валюты, высокой степени долларизации (или использованию валют других государств)[271], особенно в условиях, когда расчетные отношения в теневой экономике производятся в долларах.

Увеличение эффективности государственного регулирования в данной сфере может стать основой для постконфликтного восстановления и разрешения причин конфликта, содействуя увеличению доверия к национальной валюте и укреплению денежно-кредитной и финансовой системе страны в целом. Определенным ограничением может стать то, что реформирование денежно-кредитный политики не всегда оказывает стимулирующее воздействие на экономический рост[272], что связано, как правило, со значительным ограничением предложения денежной массы, которое может сдерживать деловую активность. С другой стороны, высокий уровень инфляции также может стать фактором, сдерживающим инвестиции и приводящим к продолжению оттока капитала из страны[273]. Это обусловливает дополнение мероприятий денежно-кредитной политики другими, более специфицированными инструментами, способными оказать стимулирующее воздействие на рост национальной экономики.

---

[270] Peterson J.H. Building a peace economy?: Liberal peacebuilding and the development-security industry. Manchester: Manchester University Press, 2014. P.15.

[271] См.: Starr M.A. Monetary Policy in Post-Conflict Countries: Restoring Credibility // American University Department of Economics Working Paper Series. 2004. No. 2004-07. 32 p. URL: http://w.american.edu/cas/economics/repec/amu/workingpapers/2004-07.pdf (accessed: 17.02.2023).

[272] Ibid. P. 4-5.

[273] См.: Davies V.A.B. Capital Flight and War // Policy Research Working Paper. 2007. No. 4210. 38 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/7046/wps4210.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 17.02.2023).

В «нестабильных» и постконфликтных государствах попытки реформирования и увеличения эффективности денежно-кредитной политики могут столкнуться со значительными трудностями (впрочем, как и попытки преобразований по другим направлениям). Инфраструктурные издержки конфликта могут затруднить реализацию реформ в денежно-кредитной сфере в результате трудностей в поддержании коммуникаций. С другой стороны, немаловажной проблемой становится недостаток квалифицированных кадров. Кроме того, требования восстановления национальной экономики обычно связаны с высоким уровнем государственных расходов, что может вызвать нарушение фискальной дисциплины. Реформирование государственной денежно-кредитной политики, таким образом, должно дополняться и увеличением эффективности налогово-бюджетного регулирования.

Ключевым элементом в этой связи становится способность государства эффективно управлять государственными финансами, как доходной, так и расходной частями государственного бюджета. Важной частью государственной налогово-бюджетной политики, призванной содействовать разрешению причин конфликта, становится восстановление предоставления общественных благ и государственных услуг. Это, в свою очередь, требует от государства укрепления финансовой базы, увеличения доходов государственного бюджета, которые связаны с налоговой политикой, системой управления доходами и общим уровнем деловой активности[274].

Государственная политика должна реализовываться таким образом, чтобы стремление к увеличению налоговых поступлений не оказывало чрезмерно сдерживающего воздействия на деловую активность и экономический рост. Это указывает на предпочтительность применения градуалистского подхода в отношении государственной налогово-бюджетной политики, хотя ранее и предполагалось, что проблема увеличения налоговой базы должна быть решена в короткие сроки[275]. Первоначальным шагом становится увеличение эффективности системы таможенных пошлин и сбора налогов, в особенности непрямых, которые имеют намного большее значение в государствах с низким уровнем доходов[276], с последующим

---

[274] См.: Carnahan M. Options for Revenue Generation in Post-Conflict Environments // Political Economy Research Institute Working Paper. 2007. No. 137. 14 p. URL: https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1110&context=peri_workingpapers (accessed: 17.02.2023).

[275] См.: Collier P. Post-conflict Recovery: How Should Strategies Be Distinctive? // Journal of African Economies. 2009. Vol. 18. Supp. 1. P. i99-i131.

[276] Carnahan M. Options for Revenue Generation in Post-Conflict Environments // Political Economy Research Institute Working Paper. 2007. No. 137. P. 2-3. URL:

реформированием системы прямого налогообложения. Такой подход позволяет с одной стороны увеличить в первоначальный постконфликтный период налоговую базу государства, не оказывая давления на достаточно слабый формальный сектор экономики и не сдерживая инвестиции.

Важной проблемой с точки зрения формирования эффективной системы налогообложения и управления доходами бюджета может становиться чрезмерная зависимость от финансовой помощи, которая распределяется через механизмы поддержки бюджета. Это может сдерживать мотивации к формированию устойчивых внутренних источников дохода. Средства помощи развитию могут составлять очень значительную часть расходов бюджета (иногда более половины), особенно на первоначальных этапах постконфликтного периода. Потенциальную опасность может представлять как последующее сокращение объемов помощи (что является трендом взаимодействия с «нестабильными» и постконфликтными государствами[277]), так и сохранение ее значительных объемов на протяжении длительного времени. В первом случае у государства могут возникнуть проблемы с поддержанием необходимого уровня расходов для решения основных проблем развития, во втором – зависимость от помощи может привести к «вытеснению» внутренних источников доходов.

Эффективность налогово-бюджетной политики также напрямую связана и с управлением расходами бюджета. Ключевой целью в контексте разрешения причин возникновения и возобновления конфликтов становится предоставление государством общественных благ, особенно обеспечение безопасности[278], что должно стать инструментом увеличения доверия к государственным институтам в целом. Проблемой в этой связи становится сохранение в постконфликтных период высокого уровня государственных военных расходов, которые по-прежнему могут оказывать «эффект вытеснения» на другие, не менее важные в постконфликтный период статьи государственных расходов.

---

https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1110&context=peri_workingpapers (accessed: 17.02.2023).

[277] См.: Desai H. States of Fragility and Official Development Assistance // OECD Development Co-Operation Working Paper. 2020. No. 76. 76 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/44bbde61-en.pdf?expires=1665045491&id=id&accname=guest&checksum=C2CD3D3E3EE7DB31ABA1A298CF8C0DFD (accessed: 17.02.2023).

[278] Carnahan M. Options for Revenue Generation in Post-Conflict Environments // Political Economy Research Institute Working Paper. 2007. No. 137. P. 8. URL: https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1110&context=peri_workingpapers (accessed: 17.02.2023).

Специфические меры государственной экономической политики отличаются большим разнообразием и напрямую связаны с налогово-бюджетной политикой, представляя конкретные направления государственных расходов. Данные меры нацелены на разрешение причин конфликта и снижение «устойчивости» повстанческих движений), а также увеличение темпов экономического роста и рост уровня благосостояния. Конкретные направления отличаются разнообразием и в целом связаны с условиями развития национальных экономик, однако в числе наиболее распространенных мер могут быть рассмотрены мероприятия по диверсификации экспорта (и национальных экономик в целом), государственные инвестиции в человеческий капитал, меры по борьбе с неравенством, в том числе горизонтальным (неравенством возможностей и доступа к экономическим ресурсам между различными группами населения, в том числе этноконфессиональными).

Меры по диверсификации экспорта (и национальной экономики в целом) связаны с отмечавшейся исследователями высокой степенью влияния обеспеченности природными ресурсами на вероятность возникновения конфликтов. Кроме того, меры по диверсификации национальной экономики актуальны и в связи с воздействием высокой зависимости от природных ресурсов на вероятность возобновления конфликтов[279]. Попытки диверсификации, таким образом, связаны с поддержкой конкурентоспособных отраслей и содействием их интеграции в мировую торговлю и служат двум целям. Во-первых, это может позволить увеличить уровень благосостояния населения (так как могут возникнуть дополнительные возможности для заработка и рабочие места в формальном секторе экономики[280]), а во-вторых, может привести к формированию более устойчивых и эффективных государственных институтов, которые не будут так зависимы от внешнеторговых поступлений от определенной группы товаров (которые в случае зависимости от экспорта природных ресурсов могут быть чрезвычайно волатильными). В итоге за счет большей диверсификации и большей степени интегрированности в мировую торговлю может быть достигнута большая устойчивость национальной экономики.

Государственные инвестиции в развитие человеческого капитала и политика занятости направлены на снижение вероятности возникновения или возобновления

---

[279] Cevik S., Rahmati M. Breaking the Curse of Sisyphus: An Empirical Analysis of Post-Conflict Economic Transitions // Comparative Economic Studies. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 594.

[280] Peterson J.H. Building a peace economy?: Liberal peacebuilding and the development-security industry. Manchester: Manchester University Press, 2014. P. 19.

конфликта и увеличение издержек участия в нем через создание дополнительных возможностей для участия в формальном секторе экономики. Важность инвестиций в человеческий капитал связана прежде всего с недостатком квалифицированных кадров, который особенно остро ощущается в постконфликтных государствах в результате оттока из страны наиболее квалифицированной части трудовых ресурсов, в целом низкого уровня расходов на образование и того факта, что данная сфера не является приоритетной в период конфликта. Особенно остро нехватка квалифицированных специалистов ощущается в сфере государственного управления, в том числе в управлении экономикой[281]. Кроме того, нехватка кадров может ощущаться в наиболее динамично развивающихся секторах экономики в результате дисбаланса между спросом и предложением трудовых ресурсов. Типичной ситуацией, как указывают исследователи, становится дефицит кадров в строительном секторе в постконфликтный период, активное развитие которого продиктовано высоким спросом в результате необходимости восстановления инфраструктуры, ростом инвестиций в результате стабилизации экономической и политической обстановки и пр. Значительный рост спроса на строительные услуги, сопряженный с недостатком кадров, может приводить к значительному росту цен на данный вид услуг (из-за значительной несбалансированности спроса и предложения)[282]. В итоге это может стать фактором, сдерживающим экономический рост и восстановление экономики.

Государственная политика занятости в постконфликтных условиях призвана снизить риск возобновления конфликтов благодаря созданию дополнительных рабочих мест в формальном секторе экономики, в результате чего появляются новые источники заработка для населения. В целом постконфликтные государства не обладают достаточным количеством инструментов для быстрого создания рабочих мест[283], а инвестиционный климат остается неблагоприятным. Дополнительной проблемой также является, как указывалось, дефицит квалифицированных кадров.

В результате количество потенциальных решений проблемы занятости также остается ограниченным. Увеличение количества занятых в государственном секторе, в частности, на государственной службе, является в значительной степени искусственной

---

[281] Starr M.A. Monetary Policy in Post-Conflict Countries: Restoring Credibility // American University Department of Economics Working Paper. 2004. No. 2004-07. P. 7. URL: http://w.american.edu/cas/economics/repec/amu/workingpapers/2004-07.pdf (accessed: 17.02.2023).

[282] См.: Collier P. Post-conflict Recovery: How Should Strategies Be Distinctive? // Journal of African Economies. 2009. Vol. 18. Supp. 1. P. i99-i131.

[283] Ibid.

мерой, следствием которой может быть неэффективность управления (особенно учитывая в целом недостаток квалифицированных кадров) и высокие расходы на выплаты заработных плат государственным служащим. Сохранение большого численного состава в армии, типичное для большинства постконфликтных ситуаций, также не является целесообразным с экономической точки зрения, так как при прочих равных не способствует увеличению экономической эффективности и также грозит высокой нагрузкой на государственный бюджет. Для увеличения уровня занятости в формальном секторе экономике предпочтительно использование инструментов налоговой политики (через регулирование налоговых ставок) и денежно-кредитной (через регулирование процентной ставки)[284].

Другой немаловажной целью государственной политики в постконфликтных государствах является решение проблемы экономического неравенства, которое очень часто связано не просто с неравномерным распределением доходов в обществе, а с неравенством горизонтальным, то есть в целом неравенством экономических возможностей представителей различных групп общества, например, этноконфессиональных. Так как гетерогенность общества, по мнению исследователей, является существенным фактором для возникновения конфликта[285], внимание к данной проблеме представляется оправданным и дополнительно актуализируется в связи с вероятным ухудшением общественных отношений и ростом трансакционных издержек в ходе конфликта.

Государственная политика в сфере борьбы с горизонтальным экономическим неравенством может осуществляться по трем направлениям[286]. Во-первых, может осуществляться борьба с дискриминационными практиками. Во-вторых, может осуществляться прямая поддержка групп населения, которые находятся в уязвимом положении, например, в виде субсидий, консультационного содействия и т.п. В-третьих, могут быть установлены количественные критерии, такие как квоты, для борьбы с горизонтальным неравенством в сфере образования или распределения экономических и финансовых ресурсов. Наибольшей эффективности такие меры могут достичь, если именно государственный сектор был основным источником горизонтального неравенства в результате существования дискриминационных практик в сфере

---

[284] Ibid.

[285] См.: Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 1-27.

[286] Horizontal Inequalities and Conflict: Understanding Group Violence in Multiethnic Societies / ed. by F. Stewart. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 306-311.

образования, занятости или доступа к инфраструктуре[287]. Если же горизонтальное неравенство не связано с проводившейся ранее государственной политикой, то воздействие окажется возможным только с помощью непрямых мер.

Наконец, последним элементом государственной экономической политики в постконфликтных ситуациях является проведение структурных и институциональных реформ. Данное направление характеризуется наибольшей степенью взаимосвязи с мерами международной поддержки, так как зачастую предоставление помощи со стороны государств-доноров (через механизмы поддержки государственного бюджета) и ведущих международных экономических организаций увязано с результатами проводимых правительствами постконфликтных стран преобразований[288].

Важность подобных мероприятий определяется зачастую несоответствием существующих государственных институтов, возникших или развивавшихся в условиях конфликта, новым требованиям, когда первоочередными целями становятся увеличение экономической эффективности, ускорение экономического роста и рост уровня доходов и благосостояния населения[289], а сами существующие структуры оказываются чрезвычайно слабыми для проведения эффективной экономической политики[290]. Более того, по существующим оценкам, постконфликтные институты оказываются заметно менее эффективными по сравнению с периодом, предшествовавшим началу внутреннего вооруженного конфликта[291]. Глубина необходимых преобразований также указывает на то, что они едва ли могут быть реализованы исключительно собственными силами без содействия государств-доноров и международных экономических институтов.

Институциональные реформы, таким образом, должны, с одной стороны, содействовать увеличению доверия к государственным институтам, а с другой – укреплению формального сектора экономики на основе развития рыночного взаимодействия и совершенствования механизмов контроля и защиты частной

---

[287] Ibid. P. 323-324.

[288] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 7. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

[289] См.: Forman J.M. Achieving socioeconomic well-being in postconflict settings // The Washington Quarterly. 2002. Vol. 25. No. 4. P. 125-138.

[290] См.: Le Billon P. Corrupting Peace? Peacebuilding and Post-conflict Corruption // International Peacekeeping. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 344-361.

[291] См.: Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. 25 p. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

собственности для сокращения масштабов теневой экономики, которая, как было показано автором ранее, может быть основой для финансирования повстанческих движений. Представляется возможным утверждать, что институциональные преобразования оказываются основой для успешного постконфликтного развития страны[292], поскольку без хотя бы относительно эффективных экономических институтов невозможно проведение экономической политики, которая смогла бы достичь устойчивых и высоких темпов экономического роста, обеспечить активизацию инвестиционного процесса и позволила бы выйти стране из состояния «конфликтной ловушки».

Институциональные реформы должны быть направлены и на борьбу с коррупцией. Актуальность этой задачи продиктована тем, что постконфликтные государства оказываются одними из самых коррумпированных[293]. Высокий уровень коррупции предшествует началу вооруженного конфликта, и, как правило, усугубляется в ходе его развития. В то же время проведение эффективной экономической политики едва ли возможно без решения данной задачи. Проведение политики внутриэкономической либерализации, которая является требованием ведущих международных экономических институтов в контексте проведения институциональных реформ, также может способствовать усугублению проблемы коррупции в постконфликтном обществе, так как приватизация и легализация активов, перераспределение земельных ресурсов могут происходить с нарушениями, связанными с задействованием неформальных связей[294].

Приоритетом государственной политики, таким образом, должны становиться обеспечение системы мониторинга, в том числе за расходованием средств государственного бюджета и финансовой помощи, а также эффективность правовой системы и, возможно, формирование специализированных государственных институтов, направленных на противодействие коррупции.

Формирование эффективной государственной политики, которая смогла бы позволить разрешить причины возникновения конфликтов, обеспечив высокие темпы экономического роста и рост уровня благосостояния, является чрезвычайно сложной задачей. Это указывает на недостаточность мер государственной политики, которые

---

[292] O'Reilly C. Investment and Institutions in Post-Civil War Recovery // Comparative Economic Studies. 2014. Vol. 56. No. 1. P. 22.

[293] Le Billon P. Corrupting Peace? Peacebuilding and Post-conflict Corruption // International Peacekeeping. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 349.

[294] Ibid, P. 345.

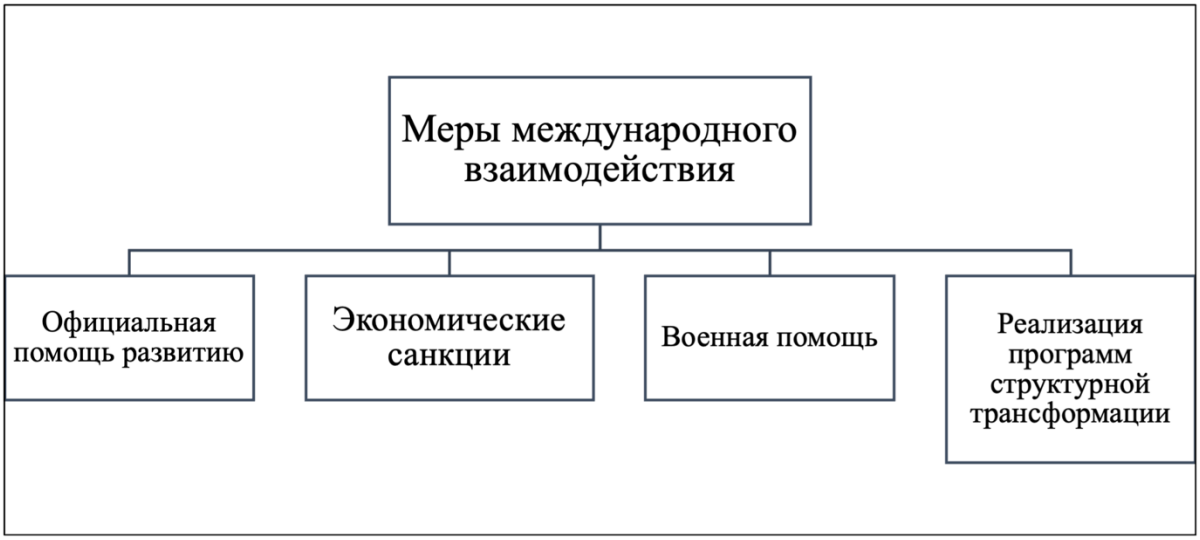
должны дополняться эффективным содействием со стороны государств-доноров, ведущих международных экономических организаций и мирового сообщества в целом.

1.4.3. Меры международного воздействия в целях разрешения внутренних вооруженных конфликтов

Меры международного характера, применяющиеся в целях изменения обстановки в постконфликтных государствах и разрешения причин внутренних конфликтов, также отличаются разнообразием. Они могут включать предоставление официальной помощи развитию, в том числе и гуманитарной помощи, введение экономических санкций против национальных правительств, применяющих силу против собственного населения, или повстанческих движений, предоставление военной помощи, а также реализацию структурных и институциональных реформ по рекомендациям ведущих международных экономических организаций. Основные меры, применяющиеся международным сообществом, в постконфликтных ситуациях представлены на Рисунке 1.4.

Ключевым разграничивающим критерием в этой связи выступает применение данных инструментов внешними акторами, среди которых ведущую роль играют государства-доноры и международные экономические организации. В то же время, как уже отмечалось, экономические меры международного сообщества должны дополняться более эффективной государственной политикой (и должны в свою очередь содействовать увеличению ее эффективности), а также взаимодействием в других сферах, например, в политической, сфере безопасности и т.д.

Рисунок 1.4. Основные методы международного взаимодействия в целях разрешения и предотвращения вооруженных конфликтов



Источник: составлено автором.

Следует признать, что центральное место среди мер, реализуемых внешними акторами в «нестабильных» и постконфликтных государствах, принадлежит официальной помощи развитию (ОПР). Значительная часть ОПР сегодня предоставляется именно таким государствам[295]. Роль международного содействия, таким образом, заключается в нормализации обстановки и разрешении причин вооруженных конфликтов через предоставление дополнительных финансовых ресурсов (в том числе и через механизмы прямой поддержки государственного бюджета), рекомендаций или экспертизы. Нельзя не отметить и существенную взаимосвязь между помощью развитию и проведением институциональных преобразований, которое обычно является требованием доноров в постконфликтных государствах и одним из условий взаимодействия.

Говоря об особенностях ОПР «нестабильным» и постконфликтным государствам, необходимо отметить, что длительное время такие государства считались трудными партнерами и подвергались определенной маргинализации. Страны-доноры опасались таких государств ввиду большого количества рисков и проблем, в результате чего объемы помощи «нестабильным» и постконфликтным государствам оказывались значительно ниже необходимых для восстановления и развития их экономик. В итоге страны-доноры пересмотрели свою стратегию в отношении «нестабильных» и

[295] См.: Desai H. States of Fragility and Official Development Assistance // OECD Development Co-Operation Working Paper. 2020. No. 76. 76 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/44bbde61-en.pdf?expires=1665045491&id=id&accname=guest&checksum=C2CD3D3E3EE7DB31ABA1A298CF8C0DFD (accessed: 17.02.2023).

постконфликтных государств, что было связано со значительными рисками распространения и возобновления внутренних вооруженных конфликтов, а также другими проблемами, в том числе и глобального характера, источником которых стали государства именно этой группы[296].

Проблема оказания помощи и определения целей финансовой помощи рассматриваемой группе государств всегда была неразрывно связана с проблемой управления рисками. Комитет содействия развитию *(DAC)* ОЭСР обозначает три основных типа рисков, с которыми, как правило, сталкиваются доноры в «нестабильных» и постконфликтных государствах и которые необходимо учитывать при взаимодействии с такими партнерами. Прежде всего, это контекстуальные риски (риски несостоятельности государства, возобновления конфликта, возникновения гуманитарного кризиса и т.п.), которые доноры практически не могут контролировать, но которые могут быть минимизированы эффективными программами помощи. К следующему типу относятся так называемые «программные риски» – риски, связанные с недостижением целей программ помощи или причинением вреда вмешательством. Наконец, третий вид включает в себя институциональные риски – риски для организации, предоставляющей помощь, включая риски безопасности, коррупционные и репутационные риски[297]. Таким образом, определение целей и масштабов участия в ОПР «нестабильным» и постконфликтным государствам связано с дилеммой: «формулирование скромных целей вмешательства минимизирует программные риски, но уменьшает вероятность того, что вмешательство приведет к снижению угроз развития, с которыми сталкивается страна-реципиент, и наоборот»[298].

Отношение к рассматриваемой группе государств как к «трудным партнерам» и ограниченное участие в ОПР таким странам обусловливали так называемый «стандартный» подход, в основе которого лежали следующие принципы:

---

[296] Подробнее этот вопрос рассматривается в §1.1. Также см.: Blum A. Addressing Fragility—A New Learning Agenda // Fragility Study Group Policy Brief. 2016. No. 8. 8 p. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep12143#metadata_info_tab_contents (accessed: 17.02.2023).; Fearon J.D., Laitin D.D. Neotrusteeship and the Problem of Weak States // International Security. 2004. Vol. 48. No. 4. P. 5-43.; Patrick S. "Failed" States and Global Security: Empirical Questions and Policy Dilemmas // International Studies Review. 2007. Vol. 9. No. 4. P. 644-662.

[297] Managing Risks in Fragile and Transitional Contexts: The Price of Success? Paris: OECD, 2012. P. 24-27. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/managing%20risks.pdf (accessed: 17.02.2023).

[298] Chandy L. Aiding Stability: Improving Foreign Assistance in Fragile States // Brookings Institution Policy Brief. 2011. No. 2011-09. P. 9. URL: http://www.brookings.edu/~/media/research/files/reports/2011/9/fragile-states-chandy/aid-global-views.pdf (accessed: 17.02.2023).

1) «меньшие объемы помощи по сравнению с другими странами-реципиентами;

2) ориентация на проектный подход;

3) меньшие сроки вовлечения;

4) более узкий набор инструментов оказания помощи;

5) доведение помощи через НПО (в обход государства);

6) предоставление гуманитарной помощи и только потом переход к помощи развитию»[299].

Вскоре после осознания опасности ситуации, складывающейся в «нестабильных» и постконфликтных государствах, и оформления некоторого политического консенсуса, страны-доноры отказались от «стандартного» подхода и перешли к взаимодействию на новой основе, зафиксированной в Аккрском плане действий 2008 г., а именно:

1) отталкиваться от контекста;

2) не наносить вред[300];

3) концентрироваться на государственном строительстве;

4) уделять главное внимание превентивным мерам;

5) признавать наличие взаимосвязей между политическими и экономическими целями и целями в сфере безопасности;

6) бороться с дискриминацией[301];

7) согласовывать цели с приоритетами стран-реципиентов;

8) содействовать разработке механизмов координации действий между донорами;

9) действовать оперативно, но оставаться вовлеченными в течение длительного времени;

10) не допускать маргинализации»[302].

Важнейшим элементом стратегического планирования в сфере ОПР является определение целей, что в условиях, характерных для рассматриваемых государств,

---

[299] Содействие международному развитию: Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. Москва: Всемирный банк, 2012. 285 с.

[300] Прим.: Данный принцип предполагает, что содействие развитию не должно приводить к ухудшению ситуации. Для этого должны приниматься во внимание особенности развития отдельных стран.

[301] Прим.: Речь идет о дискриминации по отдельным признакам, например, по расовому, этническому или конфессиональному.

[302] Прим.: Данный принцип предполагает, что реципиенты не должны подвергаться маргинализации прежде всего в зависимости от того, насколько эффективно они используют средства содействия развитию. См.: Principles for Good International Engagement in Fragile States & Situations. Paris: OECD, 2007. 4 p. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/38368714.pdf (accessed: 17.02.2023).

представляет значительную сложность. Причиной этого является многообразие проблем «нестабильных государств», которые затрагивают практически все без исключения сферы жизни общества и, прежде всего, безопасность, экономику, политику, социальные отношения. Многообразие проблем обусловливает значительную специфику взаимодействия на национальном уровне, а экономические трудности таких государств являются только одним (пусть и немаловажным) из аспектов взаимодействия. Среди экономических целей оказания ОПР превалируют борьба с бедностью, восстановление инфраструктуры, создание дополнительных возможностей занятости в формальном секторе экономики, противодействие нелегальной экономической деятельности и др., то есть те проблемы, которые потенциально увеличивают вероятность возникновения внутренних вооруженных конфликтов.

Средством достижения указанных целей являются институциональные и структурные реформы, с успешностью проведения которых, как правило, тесно связаны объемы предоставляемой помощи, в том числе через механизмы прямой поддержки государственного бюджета. Роль государств-доноров и международных организаций заключается в согласовании целей реформ и мониторинге результатов, от которых, как отмечалось, зависят объемы предоставляемой помощи и продолжительность взаимодействия. Так, в соответствии с доктриной «Нового курса действий в нестабильных государствах» была обозначена необходимость совместного участия в определении целей содействия развитию и взаимная подотчетность стран-доноров и реципиентов помощи в их реализации[303].

Распространенной ошибкой доноров при взаимодействии с постконфликтными государствами, особенно на начальных этапах взаимодействия, оказывалось желание реализовать все этапы институциональных преобразований одновременно и в короткие сроки. Продемонстрированная автором ранее сложность совмещения краткосрочных и долгосрочных целей экономических реформ в постконфликтных государствах приводила к низкой эффективности и результативности взаимодействия, несбалансированности экономической политики и неустойчивости экономического роста, а отсутствие заметных достижений взаимодействия могло провоцировать возобновление вооруженных конфликтов.

Осознание странами-донорами рассмотренных ограничений привело к внедрению в сфере содействия развитию новых принципов: «ориентации на внедрение

[303] Ibid.

прагматичных, «оптимальных» подходов, учитывающих местные условия; четкого определения приоритетов и последовательности предпринимаемых шагов; нахождения правильного баланса между «слишком быстрыми» и «слишком медленными» преобразованиями»[304]. Так, эксперты Всемирного банка полагают, что донорам необходимо сосредоточиться на поддержке мер, призванных обеспечить дееспособность и доверие населения к государственным институтам, убедившись в наличии признаков реального разрыва с прошлым, а не предпринимать попытки проведения глубоких политических и макроэкономических преобразований, ориентируясь в экономической сфере на создание дополнительных возможностей и укрепление формальной экономики, например, через реализацию политики занятости[305].

В сфере обеспечения занятости исследователи рекомендуют странам-донорам в первую очередь сосредоточиться на восстановлении частного сектора и поддержке таких мер, как упрощение правил ведения бизнеса, восстановление «товарных цепочек», строительство и восстановление объектов базовой инфраструктуры – дорог, систем электроснабжения, реализация программ общественных работ и профобучения с предоставлением возможностей трудоустройства (что особенно актуально в постконфликтных государствах, где население необходимо «отвлечь» от боевых действий), поддержка сельского хозяйства, которое является наиболее вероятным источником новых рабочих мест во многих странах, затронутых конфликтом[306].

Как отмечалось, предоставление ОПР постконфликтным и «нестабильным» государствам связано с большим количеством рисков и проблем. Одной из таковых, например, является риск попадания средств помощи (в том числе гуманитарной) в распоряжение повстанческих движений[307]. Однако в целом более существенными представляются проблемы развития экономических систем постконфликтных государств, которые могут возникать в ходе реализации программ содействия развитию. Важным фактором является дополнение ОПР эффективными мероприятиями государственной политики, в частности налогово-бюджетной, направленной на

---

[304] Содействие международному развитию: Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. Москва: Всемирный банк, 2012. С. 294.

[305] World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. P. 140-143.

[306] Ibid. P. 157-164.

[307] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 8. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

постепенное формирование доходной части бюджета постконфликтного государства. Так как объемы предоставляемой постконфликтным государствам помощи имеют тенденцию к постепенному сокращению (обычно через 7 лет после начала взаимодействия объемы помощи сокращаются и зависят уже только от достижений и приверженности государства проведению реформ, согласованных с донорами[308]), важным риском является зависимость государства от финансовой помощи. Сокращение объемов помощи в условиях высокой от нее зависимости грозит невозможностью поддержания прежнего уровня государственных расходов и экономической политики в целом, что может привести к ухудшению экономической обстановки и росту вероятности возникновения конфликтов.

Другим инструментом, который может использоваться международным сообществом и отельными государствами в целях разрешения внутренних вооруженных конфликтов, являются санкции. Они могут применяться как для того, чтобы добиваться изменений политики государств, которые либо сами выступают инициаторами конфликтов, либо оказывают содействие конфликтующим сторонам, так и против повстанческих движений в целях противодействия их финансированию. Таким образом, основной целью подобных санкций является снижение устойчивости и «жизнеспособности» конфликтующих сторон, что должно привести и к разрешению конфликта. В то же время применение экономических санкций также связано с определенными трудностями, что приводит к их ограниченной эффективности, особенно в противодействии повстанческим движениям[309]. Это объясняется тем, что доходы повстанческих движений часто связаны с торговлей нелегальными товарами, например, наркотиками. В подобной ситуации возможности воздействия с помощью санкций, скорее всего, оказываются незначительными.

Однако даже в случаях, когда санкции работают эффективно, их воздействие может привести к неблагоприятным последствиям[310]. Определенную опасность представляет и возможность их воздействия на гражданское население и, таким образом, негативное влияние на уровень бедности и экономическое развитие в целом. Предпочтительным подходом в санкционной политике в современный период

---

[308] См.: Collier P. Post-conflict Recovery: How Should Strategies Be Distinctive? // Journal of African Economies. 2009. Vol. 18. Supp. 1. P. i99-i131.

[309] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 15-17. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

[310] См.: Weiss T.G. Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. No. 5. P. 499-509.

становится воздействие с помощью точечных санкций, направленных против отдельных индивидов или организаций[311], которое должно позволить ограничить финансирование участников конфликта, не нанося при этом чрезмерного урона экономическому развитию и уровню жизни населения.

Еще одной областью, где международное сообщество способно оказать прямое влияние на развитие конфликта, устойчивость воюющих сторон и, наконец, потенциальное окончание и разрешение конфликта, является предоставление военной помощи и торговля оружием. Важным фактором является то, что вооружение, необходимое конфликтующим сторонам во внутренних вооруженных конфликтах, производится в основном в развитых странах, и по крайней мере его часть попадает в конфликтные государства по легальным каналам, через военную помощь или торговлю. Препятствием для анализа роли военной помощи и торговли является, во-первых, существенная политизация данного направления. Доноры военной помощи предоставляют ее тем сторонам в конфликте, которые пользуются их поддержкой, и ориентируются прежде всего на свои внешнеполитические интересы[312]. Сам характер воздействия инструмента, скорее, не связан с воздействием на экономическую ситуацию в стране-реципиенте военной помощи (хотя военная помощь может оказываться и в виде трансферта финансовых ресурсов). Кроме того, препятствием является и недостаток достоверных статистических данных, часть совершаемых транзакций не афишируется государствами-экспортерами военной продукции и донорами военной помощи, особенно если речь идет о поддержке негосударственных акторов в конфликте. В этой связи в данном диссертационном исследовании автор ограничивается упоминанием о данном инструменте, который впоследствии по приведенным выше причинам не будет анализироваться подробно.

В целом следует признать, что со стороны международного сообщества было бы неразумно отказываться от поддержки «нестабильных» и особенно постконфликтных государств, которые оказываются одновременно и основными центрами распространения вооруженных конфликтов и глобальных проблем, и одними из основных получателей финансовой помощи от более развитых стран. Взаимодействие с постконфликтными государствами, в свою очередь, является актуальным в результате

---

[311] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 15-17. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

[312] Ibid.

высокого риска возобновления конфликта, если не удастся добиться существенного улучшения в том числе и экономической обстановки в рассматриваемых странах.

Дополнительным фактором, определяющим важность взаимодействия с постконфликтными государствами, является то, что именно эти государства испытывают наибольшие трудности в экономическом развитии, заметно отставая даже от других государств, которые ООН относит к категории наименее развитых. Кроме того, следует обратить внимание и на то, что ни одному из таких государств не удалось реализовать Цели развития тысячелетия ООН[313].

Риски взаимодействия с постконфликтными и «нестабильными» государствами объясняются следующими проблемами: «большая вероятность провала программы из-за ухудшения политической ситуации и нанесения вреда; угроза жизням исполнителей, высокая вероятность нецелевого распределения средств из-за преобладания коррупции, репутационные риски оказания поддержки репрессивным режимам и т.д.»[314]. В результате средства помощи, скорее всего, будут использоваться чрезвычайно неэффективно, а определенная их часть может и вовсе оказываться в руках вооруженных группировок. В то же время очевидно, что, несмотря на это, без масштабного внешнего содействия достижение значительных изменений в экономической обстановке едва ли окажется возможным.

Выводы к главе 1:

1. Нами были уточнены рабочие определения понятий, составляющих предметное поле данного диссертационного исследования – понятия «внутренний вооруженный конфликт» и «нестабильное государство».

1.1. Так как диссертационное исследование опирается на использование количественных методов и следует традиции экономических и политэкономических исследований вооруженных конфликтов, то рабочее определение внутреннего вооруженного конфликта следует их определениям в основных базах данных по вооруженным конфликтам, а именно *Correlates of War* и *UCDP/PRIO*, которые чаще всего используются в исследовательских работах. Несмотря на некоторые различия в подходах этих баз данных к определению «внутреннего вооруженного конфликта», они

[313] World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. P. 1.

[314] Содействие международному развитию: Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. Москва: Всемирный банк, 2012. С. 286.

могут быть признаны незначительными, а определения комплементарными. Под «внутренним вооруженным конфликтом» в данном исследовании понимаются эпизоды применения массового насилия, одним из его участников которого является национальное правительство, притом что все стороны конфликта обладают способностью и возможностью вызывать людские потери у противника (потери более сильной стороны должны составлять не менее 5% от потерь более слабой), а масштаб противостояния должен быть существенным (не менее 1000 жертв в результате вооруженных столкновений), причем конфликт должен быть ограничен государственными границами. В соответствии с традицией, сложившейся в современных экономических политэкономических исследования, понятия внутренний вооруженный конфликт (*intrastate conflict/war*) и гражданская войны (*civil war*) рассматриваются нами как синонимичные.

1.2. Рабочее определение «нестабильного государства» (*fragile state*) в данном диссертационном исследовании, основывается на методологии, принятой ОЭСР. Под «нестабильными» понимаются государства, в которых сочетание подверженности риску и недостаточная способность правительства страны, систем или сообществ минимизировать их может приводить к неблагоприятным последствиям, например, насилию, разрушению институтов, насильственному перемещению лиц, гуманитарным кризисам, а также другим чрезвычайным ситуациям. Преимущество данного определения перед другими рассмотренными нами подходами заключается в том, что оно рассматривает «государственную нестабильность» в более широком контексте, в то время как другие подходы связывают его, как правило, с эффективностью государственных институтов (или некоторыми другими специфическими факторами). Внутренние вооруженные конфликты, таким образом, как было показано нами, могут быть рассмотрены как возможные последствия «нестабильности», в результате того, что государственные институты неспособны справить с рисками и вызовами в сфере безопасности или других сферах. Кроме того, нами отмечено, что «нестабильность» (*fragility*) является многомерным феноменом, что означает, что разные страны могут быть «нестабильными» в разной степени и в разных измерениях. Данное исследование ориентируется на наиболее «нестабильные» и хронически «нестабильные» государства, как страны в наибольшей степени подверженные различным рискам, в том числе риску возникновения внутренних вооруженных конфликтов. Список этих государств приведен нами в Приложении 1 диссертационного исследования.

2. Нами были также рассмотрены экономические и политэкономические теории, объясняющие возникновение конфликтов, на основе их анализа были отобраны подходы и теории, которые составят теоретико-методологическую рамку данного исследования.

2.1. Большинство рассмотренных нами теорий отталкиваются от допущения о рациональности экономических агентов, однако отличаются в методологии, применяемой к анализу возникновения внутренних вооруженных конфликтов. Часть из них используют теоретико-игровое, другие эконометрическое моделирование. Так как теоретико-игровые модели не очень хорошо ададптированы к анализу эмпирического материала, то в данной диссертации мы будет ориентироваться на теории, базирующиеся на эконометрических исследования, преимущественно на подходе оценки устойчивости (*feasibility*) повстанческого движения.

2.2. Данный подход опирается на эконометрическое моделирование (регрессионный анализ) и позволяет оценить вероятность возникновения конфликта на основе анализа воздействия ряда переменных. Данный подход, как в принципе и другие рассмотренные нами теории, акцентирует внимание на низких издержках упущенных возможностей и атипичных национальных условиях как наиболее важных факторах начала конфликта, хотя в работах разных авторов по-разному интерпретируется их происхождению. К числу основных детерминантов возникновения конфликта исследователи, работающие в рамках данного подхода, относят: низкий уровень дохода, низкие темпы роста экономики (которые рассматриваются как неблагоприятный уровень развития рынка труда), доступность ресурсов (как финансовых или использования в этих целях доступных природных ресурсов, так и трудовых), а также последствия воздействия внешних шоков, которые могут оказывать чрезвычайно неблагоприятное влияние на уровень развития национальных экономик и привести к снижению располагаемого дохода. Опора исследования на данных подход обусловлена возможностью работы с открытыми статистическими базами данных и разработанностью методик количественного анализа, что позволит нам показать, какие экономические факторы воздействуют на вероятность начала вооруженного конфликта.

2.3. В то же время, учитывая, что использование этого подхода едва ли позволит нам показать полную картину экономических причин конфликта, нами будут задействоваться и другие теории, если возникнет соответствующая возможность и необходимость. Кроме того, будут применяться результаты микроэкономических исследований и выдвигаемые в этих исследованиях теории для получения более полной картины и демонстрации факторов, воздействующих на возникновение конфликта на

национальном уровне, на основе историко-описательных и историко-генетических методов анализа. Отметим, что проведение самостоятельного микроэкономического анализа не представляется возможным в связи с ограничениями, связанными со сбором и доступностью необходимых данных.

3. На основе анализа воздействия конфликтов на примере моделей экономического роста было показано, что теоретически конфликты должны оказывать негативное воздействие на динамику национального экономического развития. Также нами была приведена типологизация издержек конфликта, рассмотрены и отобраны методикики их оценки. На примере концепции «военной экономики» (*war economy*) нами были рассмотрены в теоретической плоскости качественные изменения, происходящие в национальных экономиках в ходе вооруженных конфликтов.

3.1. Были проанализированы издержки конфликта для национальных экономик и предложена их типологизация с разделением их на прямые и непрямые, а также рассмотрены методики анализа и оценки этих издержек. Критерием выбора методов была доступность необходимых для анализа данных и простота и гибкость методик анализа. Наш подход к анализу издержек внутреннего вооруженного конфликта предполагает использование регрессионного анализа панельных данных и анализ временных рядов (на основе методов прерванных временных рядов и метод передаточной функции). Однако, как уже было отмечено, данные методы не всегда позволяют дать точную оценку всем возможным издержкам конфликта. В этой связи для того, чтобы показать более полную и достоверную картину воздействия конфликта на национальные экономики, мы будем дополнительно использовать материалы микроэкономических исследований, дополняя количественный анализ историко-описательным.

3.2. Также на примере концепции «военной экономики» рассмотрены возможные изменения, происходящие в национальных экономиках в ходе конфликта. Эти изменения могут быть чрезвычайно разнообразными, однако мы можем выделить некоторые наиболее заметные и свойственные большинству национальных экономик, в которых происходят внутренние вооруженные конфликты. К их числу следует отнести: рост неформального сектора и черного рынка при одновременном размывании границ между официальным, неформальным и преступным секторами экономики, использование участниками конфликта насилия для приобретения контроля над прибыльными активами, торговыми путями, переводами от представителей диаспоры и т.п. в целях финансирования вооруженной деятельности, высокую степень

децентрализации экономической системы страны, нарушением прав собственности на объекты производства и обмена, участие сторон конфликта в законной или незаконной торговле прибыльными природными ресурсами в случаях, когда они приобретают к ним доступ, а также получение вооруженными группировками необходимых им для вооруженной борьбы ресурсов благодаря трансграничным торговым сетям, родственным или этническим связям в регионе, лицам, занимающихся контрабандой вооружений, и т.п. Отметим, что такая система может быть достаточно устойчивой и препятствовать разрешению конфликта. Данная концепция будет служить нам основой для историко-описательного анализа доступного эмпирического материала, что позволит показать многообразие форм проявления «военной экономики» и зависимость их от национальных и локальных условий развития.

4. Был проведен анализ мер государственной политики и международного содействия, которые могут применяться в государствах, сталкивающихся с конфликтами, постконфликтных или «нестабильных» государствах, а также теоретических рекомендаций по их реализации в данной группе государств. Обоснована актуальность применения этих мер на примере концепции «конфликтной ловушки» (*conflict trap*), указывающей на тенденцию к возобновлению вооруженных конфликтов, из чего вытекает необходимость международного сотрудничества и проведения более эффективной национальной экономической политики с целью выхода из данной ловушки. Эти меры, согласно теоретическим рекомендациям, должны стремиться к реализации трех основных целей: внедрению стимулирующих экономический рост мер государственной политики, реформированию государственных институтов и решению актуальных проблем национальной экономики с тем, чтобы снизить вероятность возобновления конфликта и заложить основы устойчивого экономического роста (а также часто для того, чтобы трансформировать «военные» экономики в «мирные»). Отметим, что универсальных мер по трансформации экономических систем в «мирные» не существует: важное значение имеет местный контекст, с учетом которого проводимые реформы и мероприятия должны реализовываться. В этой связи при анализе эмпирического материала мы будем отталкиваться от сформированного нами в результате анализа литературы списка рекомендаций и приоритетных целей, принимая во внимание то, насколько эффективно были реализованы рекомендованные мероприятия и что способствовало или препятствовало этому.

Таким образом, на основе проведенного в главе анализа была сформирована теоретико-методологическая рамка исследования, которая позволяет комплексно

рассмотреть роль экономических факторов во внутренних вооруженных конфликтах и применить данный теоретико-методологический аппарат к эмпирическому материалу и анализу отдельных кейсов, в том числе центрального в диссертационной работе – кейса конфликта в Афганистане. Были отобраны подходы, позволяющие провести количественный анализ причин возникновения конфликтов (на основе подхода оценки «устойчивости» повстанческих движений), измерения издержек конфликтов (на основе регресиионного анализа и анализа временных рядов) и качественных изменений, происходящих в национальных экономиках в условиях конфликта (на основе концепции «военной экономики»). Кроме того, на основе выделенных рекомендаций к проведению государственной экономической политики и оказания содействия развитию будет проанализирован опыт и результаты их применения в постконфликтных и «нестабильных» странах как государствах, сталкивающихся с высоким риском возникновения в них внутренних вооруженных конфликтов.

Глава 2. Экономические причины и эффекты внутренних вооруженных конфликтов

Глава 2 диссертационного исследования посвящена эмпирическому анализу вооруженных конфликтов на основе теоретической рамки, сформулированной и обоснованной в Главе 1 диссертационного исследования. Структура главы связана с представленными во введении задачами исследования и состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе автором приводится ключевая информация о распространении и количестве внутренних вооруженных конфликтов в современном мире. Отдельно приводятся и анализируются данные о распространении и динамике внутренних вооруженных конфликтов в «нестабильных государствах», указывается, что данная группа стран находится в состоянии наибольшей уязвимости и риска внутренних вооруженных конфликтов.

Второй параграф главы посвящен эмпирическому анализу экономических причин внутренних вооруженных конфликтов. С помощью регрессионного анализа на основе некоторых из методов, описанных в Главе 1, оценивается воздействие экономических факторов на возникновение внутренних вооруженных конфликтов, дополнительно внедряются в модели переменные, контролирующие другие факторы возникновения внутренних вооруженных конфликтов. В параграфе автором оцениваются регрессионные модели, описывающие вероятность того, что в определенный период времени в стране начнется внутренний вооруженных конфликт (*conflict onset*), либо она будет находиться в состоянии внутреннего вооруженного конфликта (*conflict prevalence*). Примечательно, что полученные в ходе исследования оценки могут быть в некоторой степени искажены, учитывая отсутствие данных по некоторым странам, в которых происходили внутренние вооруженные конфликты. В параграфе приводится описание используемых переменных, их кодирование, источники первичных данных. Кроме того, в параграфе также приводятся результаты других исследований, посвященных анализу возникновения внутренних вооруженных конфликтов, и приводим описание механизмов воздействия экономических факторов на их возникновение.

В третьем параграфе автором проводится анализ эмпирического материала воздействия вооруженных конфликтов на экономическое развитие государств, сталкивающихся с ними. Во-первых, автором проводится регрессионный анализ воздействия вооруженных конфликтов на экономический рост (темпы роста ВВП) как

основного показателя, характеризующего экономическое развитие. Кроме того, мы сравниваем полученные результаты с результатами других исследований, а также иллюстрируем примерами гетерогенность эффектов внутренних вооруженных конфликтов на экономическое развитие. Во-вторых, учитывая, что воздействие внутренних вооруженных конфликтов на развитие национальных экономик не сводится к их воздействию на темпы экономического роста, мы также систематизируем данные и рассматриваем некоторые примеры воздействия внутренних вооруженных конфликтов на структурную трансформацию национальных экономик.

Четвертый параграф главы посвящен анализу применения экономических инструментов в целях разрешения и предотвращения конфликтов и их эффективности. Автором применяется методы кейс-стади и качественного сравнительного анализа на примере трех «нестабильных государств», для которых характерны разные тенденции развития внутренних вооруженных конфликтов. Нами рассматриваются изначальные условия развития этих стран, особенности воздействия конфликта на их экономическое развитие, а также ключевые тенденции развития постконфликтного периода, в частности, особенности содействия развитию и экономической политики этих стран. Это позволяет нам выделить некоторые специфические условия, в которых экономические инструменты могут быть эффективны в разрешении и предотвращении внутренних вооруженных конфликтов.

§2.1. Внутренние вооруженные конфликты и «нестабильные государства» в современном мире

В данном параграфе главы автором рассматриваются релевантные для исследования данные о вооруженных конфликтах и «нестабильных государствах». Представляется, что эта информация важна в рамках данного исследования, так как, во-первых, отражает его контекст и, во-вторых, служит иллюстрацией его актуальности.

В первом пункте параграфа, посвященном динамике внутренних вооруженных конфликтов, приводятся данные, охватывающие период 1945-2019 гг., что обусловлено доступностью статистических данных по внутренним вооруженным конфликтам в базе данных *UCDP/*PRIO, которая охватывает более продолжительный временной интервал по сравнению с базой данных *Correlates of War*.

Во втором пункте параграфа рассматриваются особенности развития «нестабильных государств» и распространение в них вооруженных конфликтов. Автором используется иная нижняя хронологическая граница (1960 г.). Это

мотивируется тем, что в этот период в результате процессов деколонизации увеличивается количество государств-членов международной системы, а также доступностью статистических данных (так, база данных Всемирного банка «Индикаторы мирового развития» (*World Development Indicators*)[315] охватывает временной период с 1960 г.). В параграфе приводятся только некоторые статистические иллюстрации динамики распространения внутренних вооруженных конфликтов и тенденций развития «нестабильных государств», но не затрагиваются причинно-следственные связи между внутренними вооруженными конфликтами и экономическим развитием «нестабильных государств». Они более подробно рассматриваются в следующих параграфах главы.

2.1.1. Внутренние вооруженные конфликты в 1946-2019 гг.

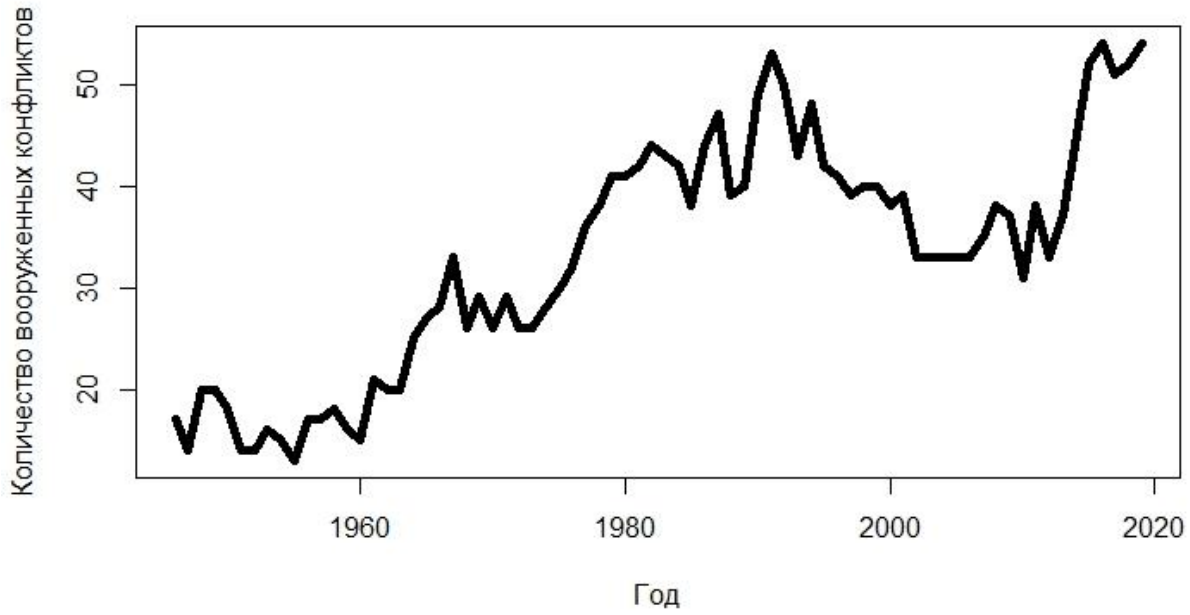
Тренд на заметное увеличение количества вооруженных конфликтов наметился после Второй мировой войны, причем эти изменения прослеживаются вне зависимости от источника используемых данных. Как база данных *Correlates of War*, так и *UCDP/PRIO* отражают эту динамику. В данном параграфе автором приводятся данные *UCDP/PRIO*, поскольку данная база данных охватывает более продолжительный временной период. Ключевые данные, характеризующие динамику распространения внутренних вооруженных конфликтов в рассматриваемый период, визуализированы автором графически.

Рисунок 2.1. отражает динамику распространения внутренних в период с 1946 по 2019 гг. Графический анализ позволяет выделить 3 пика конфликтной активности. Первый из них приходится на вторую половину 1960-х гг. и был связан в первую очередь с деколонизацией в странах т.н. Не-Запада, а также развернувшейся после нее политической борьбой в уже освободившихся странах. Второй пик глобальной вооруженной активности пришелся на 1990-е гг. Его традиционно связывают с распадом биполярной системы международных отношений. Новые вооруженные конфликты возникают на постсоветском пространстве в результате прекращения существования СССР и на Балканах вследствие распада Югославии. Очаги вооруженных конфликтов в других регионах связываются с сокращением поддержки со стороны США и СССР

[315] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

(военной и финансовой), которая во многом поддерживала стабильность ряда государств Африки и Азии.

Рисунок 2.1. Количество вооруженных конфликтов в мире в период с 1946 по 2019 гг.



Источник: UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

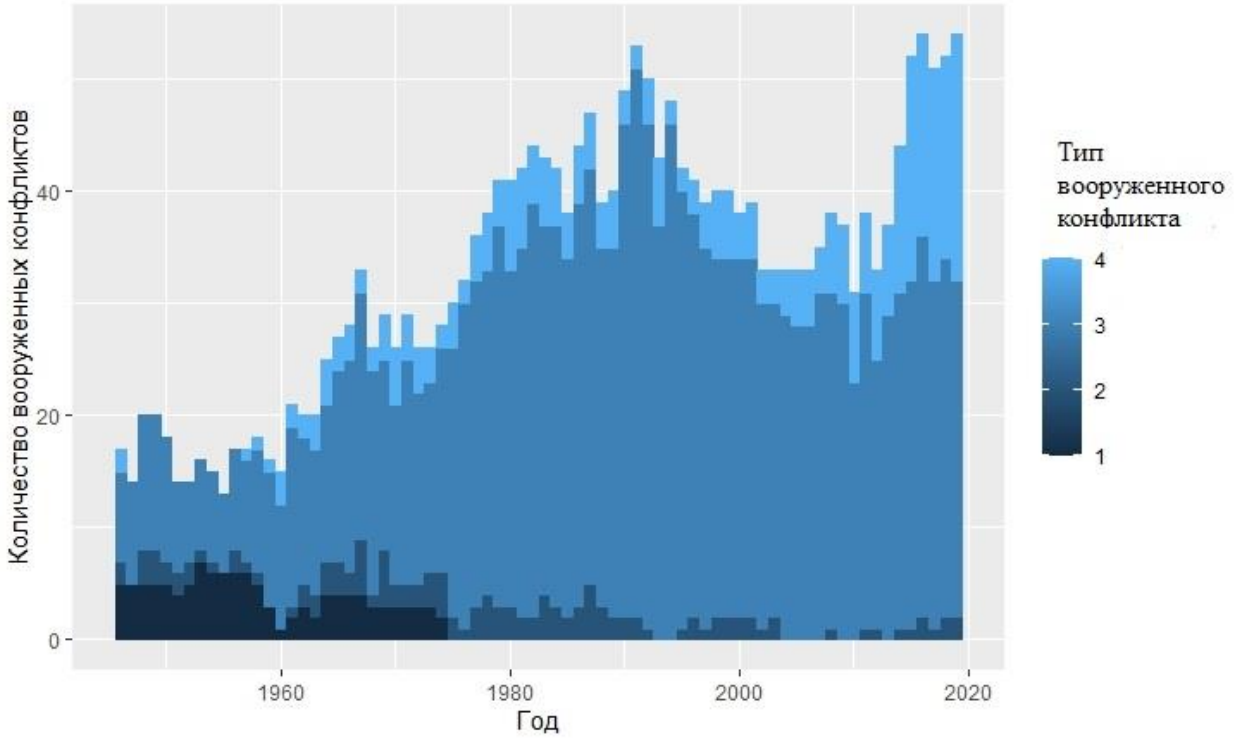
Третий, наиболее современный и значительный, пик вооруженной активности пришелся на 2010-е гг. Рост конфликтный активности отмечался преимущественно в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, что позволяет связать его с последствиями «Арабской весны», результатом которой стал всплеск конфликтной активности в нескольких арабских государствах (например, в Ираке, Йемене, Ливии, Сирии), а также прилежащих странах Африки Южнее Сахары (регион Сахеля)[316].

Эти наблюдения подтверждаются и данными о численности жертв вооруженных конфликтов. Исследователи указывают, что наибольшее количество жертв вооруженных конфликтов пришлось на 1994 г. В 2010-х гг. снова проявлялась тенденция

[316] Davies S., Pettersson T., Öberg M. Organized violence 1989–2021 and drone warfare // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 594-595.

к увеличению интенсивности вооруженных конфликтов, и новый, хотя и меньший, пик количества жертв внутренних вооруженных конфликтов был достигнут в 2014 г.[317]

Рисунок 2.2. Количество вооруженных конфликтов в 1946-2019 гг. по типам вооруженных конфликтов



Примечание: Типы конфликтов на Рисунке 2.2: 1 – межгосударственные; 2 – внесистемные, 3 – внутригосударственные (интернационализированные); 4 – внутригосударсвтенные.

Источник: UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

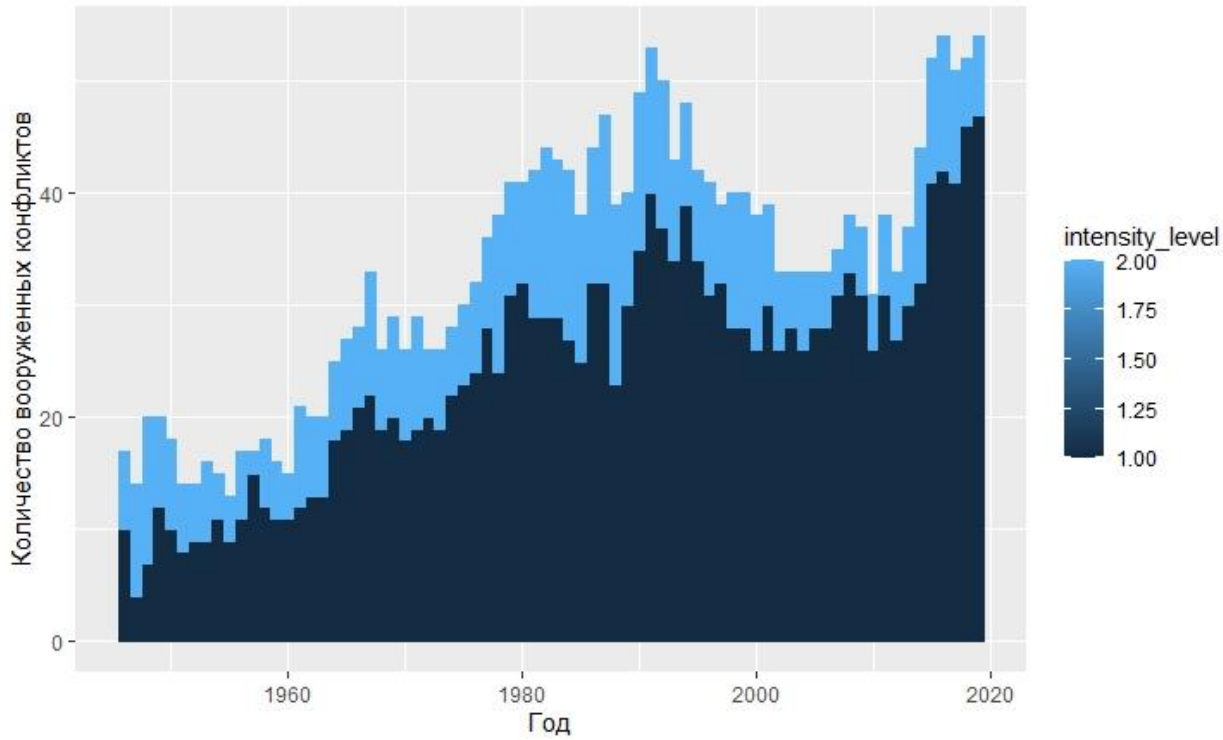
Как показывает Рисунок 2.2., большая часть вооруженных конфликтов относится к типу внутренних (включая интернационализированные, т.е. те, в которых принимают участие другие государства-члены международный системы). Кроме того, заметно, что пик глобальной внутригосударственной вооруженной активности также приходился на 1990-е и 2010-е гг. Конечно, крупные внутренние вооруженные конфликты, к примеру, Гражданская война в США или Гражданская война в России, происходили и раньше, однако их доля в общем количестве конфликтов была ниже, что связано и с меньшим

[317] Ibid. P. 594.

количеством независимых государств в международной системе в период до Второй мировой войны. На протяжении рассматриваемого нами периода с 1946 по 2019 гг. количество межгосударственных конфликтов не превышало 10 на протяжении календарного года, но в среднем составляло не более 5 за аналогичный период. Таким образом, до 90% вооруженных конфликтов в течение календарного года на протяжении рассматриваемого нами периода приходится на внутренние вооруженные конфликты.

На Рисунке 2.3 показана динамика развития конфликтов в зависимости от степени их интенсивности. К конфликтам высокой интенсивности относятся те, количество жертв в результате которых превышает 1 тыс. чел. в течение календарного года. Видно, что большая часть вооруженных конфликтов относится к типу конфликтов низкой интенсивности. Таким образом, непосредственно предметом анализа данного исследования является только относительно небольшое число вооруженных конфликтов, которые исследователи определяют как «гражданские войны», т.е. внутренние вооруженные конфликты высокой интенсивности.

Рисунок 2.3. Количество вооруженных конфликтов в 1946-2019 гг. по уровню интенсивности

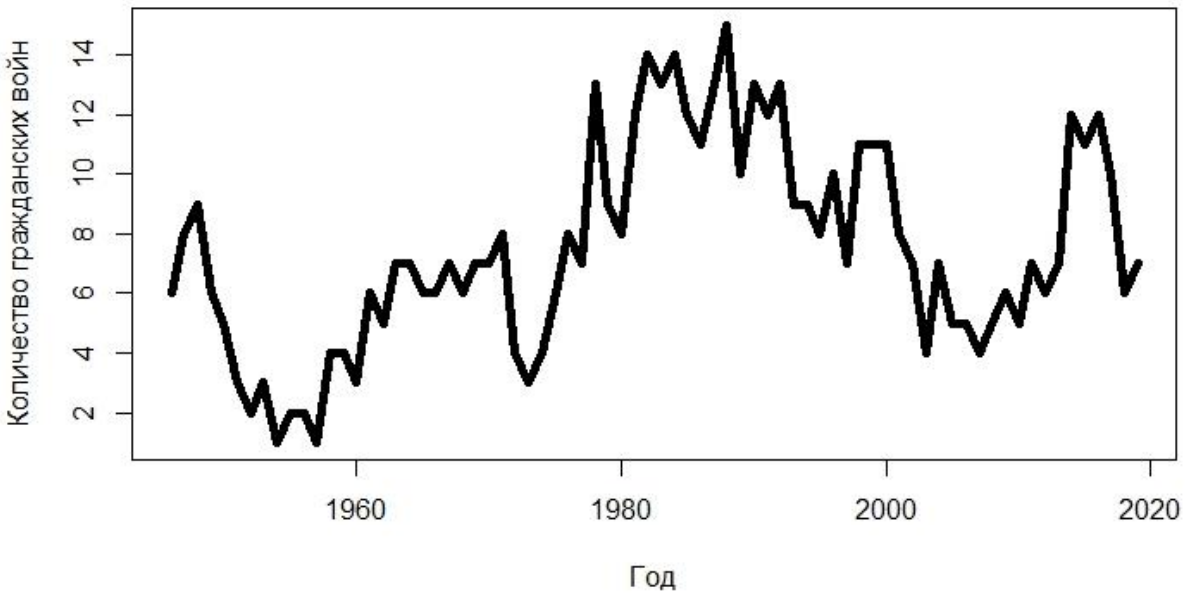


Примечание: Темным цветом обозначены конфликты низкой степени интенсивности, голубым – конфликты высокой степени интенсивности.

Источник: UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

Аналогично общей динамике вооруженной активности, Рисунок 2.4. показывает, что пики внутригосударственной вооруженной активности высокой степени интенсивности также приходились на 1990-е и 2010-е гг., однако заметно, что в конце 2010-х гг. произошел определенный спад интенсивности конфликтов. Количество конфликтов, относимых к типу гражданских войн (т.е. конфликтов высокой интенсивности), сократилось. Следует констатировать, что количество внутренних вооруженных конфликтов высокой степени интенсивности или гражданских войн относительно невелико и в период с 1946 по 2019 гг. не превышало 15 конфликтов в течение календарного года.

Рисунок 2.4. Количество внутренних вооруженных конфликтов в 1946-2019 гг., классифицируемых как гражданские войны (по определению базы данных UCDP/PRIO)



Источник: UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

На основе баз данных *UCDP/PRIO* и *Correlates of War* автором сформированы списки внутренних вооруженных конфликтов высокой интенсивности, служащие

предметом анализа в данном диссертационном исследовании. Они приведены автором в Приложениях 1 и 2.

На протяжении рассматриваемого в исследовании периода внутренние вооруженные конфликты не только стали более распространенным феноменом, но и характеризуются большей продолжительностью, чем раньше. Исследователи указывают, что продолжительность внутренних вооруженных конфликтов возрастает с 1971 г. Если конфликты, завершившиеся в 1970 г., в среднем длились 9,6 лет, то к 2014 г. этот показатель увеличился до 26,7 лет, хотя позднее и произошло его некоторое сокращение[318]. Продолжительные конфликты (а основной кейс данного исследования – вооруженный конфликт в Афганистане – продолжался более 40 лет) при прочих равных оказывают более глубокое трансформационное и сдерживающее воздействие на экономическое развитие стран, в которых они происходят.

Таблица 2.1. Вооруженные конфликты и распространенность циклического насилия.

Десятилетие	**Доля случаев вооруженного насилия в странах, где они ранее не отмечались (%)**	**Доля случаев вооруженного насилия в странах, где они ранее происходили (%)**	**Количество эпизодов применения вооруженного насилия**
1960-е	57	43	35
1970-е	43	57	44
1980-е	38	62	39
1990-е	33	67	81
2000-е	10	90	39

Источник: World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. P. 3.

Кроме того, внутренние вооруженные конфликты в основном возникают в тех странах, в которых они уже фиксировались ранее (см. Таблицу 2.1), что указывает на допустимость интерпретации подобного явления как одной из ловушек развития – «конфликтной ловушки» *(conflict trap)*, которая была рассмотрена автором в предыдущей главе. Доля повторных внутренних вооруженных конфликтов в 2000-е

[318] Pathways for Peace: Inclusive Approaches to Preventing Violent Conflict. Washington, D.C.: World Bank, 2018. P. 18.

превысила 90%, хотя во второй половине XX в. она не превышала 40%[319]. В числе причин более частого возобновления вооруженных конфликтов исследователи отмечают интернационализацию внутренних вооруженных конфликтов, неспособность участников добиться в них убедительной победы, экономические трансформации, которые претерпевают национальные экономики в ходе конфликта, что может затруднять их разрешение[320], а также низкое качество и неспособность обеспечить эффективное реформирование политических и экономических институтов в странах, где происходят внутренние вооруженные конфликты[321].

2.1.2. Особенности развития «нестабильных государств» и распространение в них внутренних вооруженных конфликтов

Можно обратить внимание на то, что в основном конфликты в современном мире распространены в наименее развитых и «нестабильных» государствах». По уровню своего развития они значительно отстают не только от развитых государств, но и от других развивающихся, причем это разрыв на протяжении долгого времени имел тенденцию к увеличению. Сегодня ВВП на душу населения в этой группе стран составляет в среднем только 21% от среднего показателя остальных развивающихся государств[322]. Такие глубокие проблемы, связанные со многими факторами экономического развития наименее развитых и «нестабильных» государств (например, влиянием колониализма, отсутствием современной инфраструктуры и эффективных институтов), могут грозить целым рядом экономических, социальных и политических проблем[323], в частности, вооруженными конфликтами. Отметим, что глубина социально-экономических проблем некоторых «нестабильных государств», в особенности тех, которые ОЭСР причисляет к «хронически нестабильным», острее, чем в среднем в наименее развитых странах[324].

---

[319] Von Einsiedel S. Major Recent Trends in Violent Conflict // United Nations University Centre for Policy Research Occasional Paper. 2014. No. 1. P. 3. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6114/MajorRecentTrendsinViolentConflict.pdf (accessed: 27.09. 2022).

[320] Ibid. P. 4-7.

[321] См.: Walter B.F. Does Conflict Beget Conflict? Explaining Recurring Civil War // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 371-388.; Walter B.F. Why Bad Governance Leads to Repeat Civil War // Journal of Conflict Resolution. Vol. 59. No. 7. P. 1242-1272.

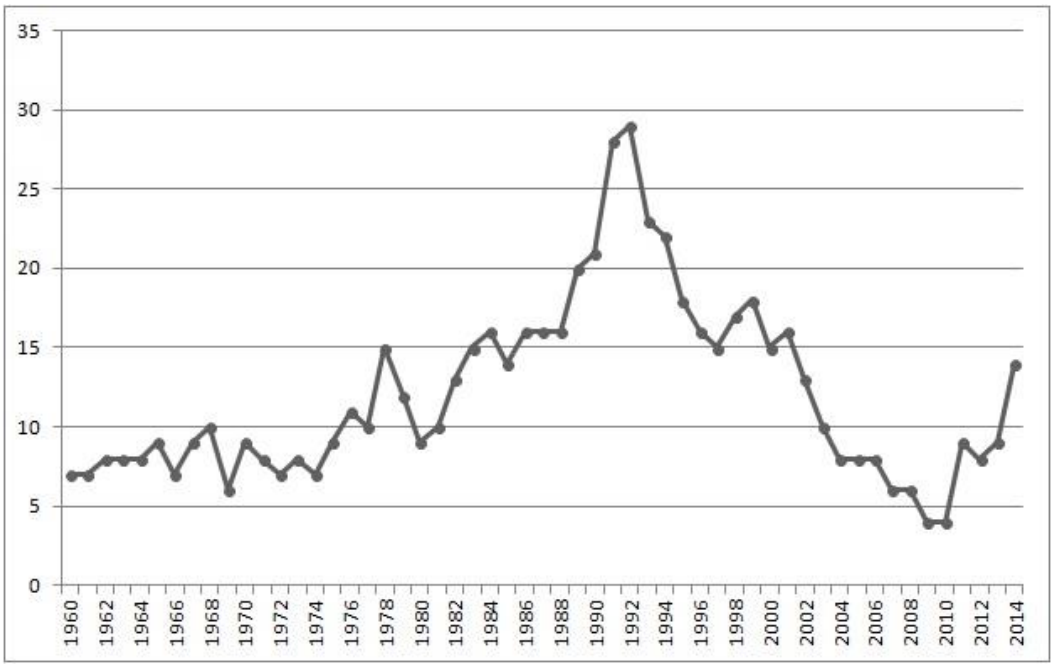
[322] Melyantsev V.A. Have the Least Developed Countries Stepped on a Path of Fast and Inclusive Growth? // Asia and Africa Today. 2018. No. 7. P. 3.

[323] Ibid.

[324] Прим.: Список «нестабильных государств» по определению ОЭСР и Всемирного Банка приведены автором в Приложении (см. Приложения 3, 4 и 5).

Рисунок 2.5. описывает динамику вооруженной активности в странах, относимых ОЭСР к категории «нестабильных». Пики вооруженной активности в данной группе стран не отличаются от общемировой динамики. Заметна динамика увеличения количества конфликтов в 1990-х и 2010-х гг.

Рисунок 2.5. Количество вооруженных конфликтов в 1960-2015 гг. в «нестабильных государствах» (по классификации ОЭСР)



Источники: рассчитано автором на основе States of Fragility // OECD. URL: https://www3.compareyourcountry.org/states-of-fragility (accessed: 17.02.2023).; UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

«Нестабильные государства» отличаются более низкими темпами экономического развития даже по сравнению с наименее развитыми государствами. Особенно низкие показателями экономического развития характерны для «наиболее нестабильных государств», к числу которых можно отнести, например, Афганистан, ЦАР, Сомали или ДРК. Некоторые сравнительные статистические данные по государствам, которые чаще всего относят к числу «нестабильных», и средние показатели по наименее развитым странам представлены в Табл. 2.2.

Таблица 2.2. Некоторые индикаторы социально-экономического развития для некоторых «нестабильных государств» в сравнении со средним показателем для наименее развитых стран и стран с низким и средним уровнем дохода (2021 г.).

	Афганистан	**ЦАР**	**Сомали**	**ДР Конго**	**«Нестабильные государства»** [325]	**Наименее развитые страны** [326]	**Страны с низким и средним уровнем дохода**
ВВП на душу населения (по ППС, долл. на душу населения)	1666	920	1249	1180	4766,3	3336	11861
ВВП на душу населения (по обменному курсу, долл. на душу населения)	369	461	447	577	1784,7	1150	5492
Темпы роста ВВП на душу населения (за последние 15 лет)	0,69	-1,25	-	2,24	0,28	1,7	3,74
Доля бедных (менее 2,15 долл. США в день)	-	61,9 (2008)	70,7 (2017)	69,7 (2012)	31	-	10 (2019)
Уровень безработицы	13,3	6,6	19,9	5,4	7,6	5,5	6,3
Уровень безработицы среди мужчин моложе 25 лет	18,6	10,6	32,5	12	15,1	11,1	17,8
Доля городского населения, проживающего в трущобах	73 (2020)	69 (2016)	-	78 (2020)	55 (2020)	57 (2020)	36 (2016)
Положение страны в	174	154	178	169	-	-	-

[325] Прим.: По определению Всемирного банка. См.: FY23 List of Fragile and Conflict-affected Situations // World Bank. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/69b1d088e3c48ebe2cdf451e30284f04-0090082022/original/FCSList-FY23.pdf (accessed: 17.02.2023).

[326] Прим.: По определению ООН. См.: Least Developed Countries (LDCs) // United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html (accessed: 17.02.2023).

индексе восприятия коррупции (место страны)							

Источник: Corruption Perception Index 2021 // Transparence International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2021 (accessed: 17.02.2023).; World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Как видно из представленных данных, отставание «нестабильных государств» от основной массы менее развитых государств оказывается весьма существенным. По некоторым из представленных индикаторов эти показатели могут быть более чем в 1,5-2 раза ниже, чем в среднем для менее развитых стран, что позволяет говорить об особой актуальности проблемы недоразвития в «нестабильных государствах» и выделять их в качестве отдельной группы. Это отставание может быть в значительной степени связано именно с распространением в них вооруженных конфликтов. Условия, в том числе экономические, существующие в этих странах, как будет показано в следующем параграфе, связываются исследователями с высокой вероятностью возникновения вооруженных конфликтов, что может рассматриваться одновременно и как причина, и как симптом, и как следствие «нестабильности»[327]. Обратим внимание также на то, что темпы экономического роста в «нестабильных государствах» на протяжении последних 15 лет в среднем незначительно превышали 0%, что существенно меньше, чем в группе наименее развитых стран (около 2%).

Глубина проблем «нестабильных государств» стала основой для выдвижения концепции «ловушки неустойчивости»[328] и даже утверждений о «развитии в обратном направлении»[329] в отношении подверженных вспышкам вооруженного насилия государств[330]. Эта тенденция в целом сохраняется и сейчас. По данным ОЭСР, 76,5% бедных проживали в «нестабильных государствах» (хотя на них приходится только 23%

[327] Breaking the Cycle of Fragility // UNDP. URL: https://www.undp.org/crisis/breaking-cycle-fragility (accessed: 17.02.2023).

[328] Escaping the fragility trap / LSE-Oxford Commision on State Fragility, Growth and Development. – 2018. – 76 p. – URL: https://www.theigc.org/wp-content/uploads/2018/04/Escaping-the-fragility-trap.pdf (accessed: 07.11.2021).

[329] Collier P., Elliott V.L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. A World Bank policy research report. Washington, DC: World Bank and Oxford University Press, 2003. – 221 p.

[330] Прим.: Ее некоторым подтверждением могут служить чрезвычайно низкие средние темпы экономического роста в данной группе стран.

населения мира)[331]. Притом темпы роста населения в них остаются высокими, что означает, что количество бедных может увеличиться. Проблемы «нестабильных государств» акцентируются и их отставанием в реализации Целей устойчивого развития (см. Таблицу 2.3). Так, ни один из контекстов, включенных ОЭСР в число «нестабильных», скорее всего, не сможет реализовать цели, связанные с ликвидацией проблемы голода, здравоохранением, гендерным равенством, притом отставание хронически «неустойчивых» контекстов только усилилось[332].

Таблица 2.3. Прогресс «нестабильных» и устойчивых контекстов в достижении Целей устойчивого развития

Цели устойчивого развития	Экстремально нестабильные контексты		Прочие нестабильные контексты		Устойчивые и прочие развивающиеся контексты	
	Доля стран, выполняющие условия достижения ЦУР	Доля стран, в которых отмечается стагнация или ухудшение ситуации	Доля стран, выполняющие условия достижения ЦУР	Доля стран, в которых отмечается стагнация или ухудшение ситуации	Доля стран, выполняющие условия достижения ЦУР	Доля стран, в которых отмечается стагнация или ухудшение ситуации
Цель 1 (ликвидация нищеты)	10%	90%	42%	58%	85%	15%
Цель 2 (ликвидация голода)	15%	85%	38%	62%	56%	44%
Цель 3 (хорошее здоровье и благополучие)	46%	54%	64%	36%	93%	7%
Цель 4 (качественное образование)	40%	60%	44%	56%	55%	45%
Цель 5 (гендерное равенство)	15%	85%	50%	50%	61%	39%
Цель 6 (чистая вода и санитария)	54%	46%	48%	52%	91%	9%
Цель 7 (недорогостоящая и	38%	62%	48%	52%	86%	14%

[331] States of Fragility 2020. Paris: OECD Publishing. 126 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/ba7c22e7-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/ba7c22e7-en&_csp_=89578a182071559ff79c670c40753038&itemIGO=oecd&itemContentType=book (accessed: 17.02.2023).

[332] Ibid.

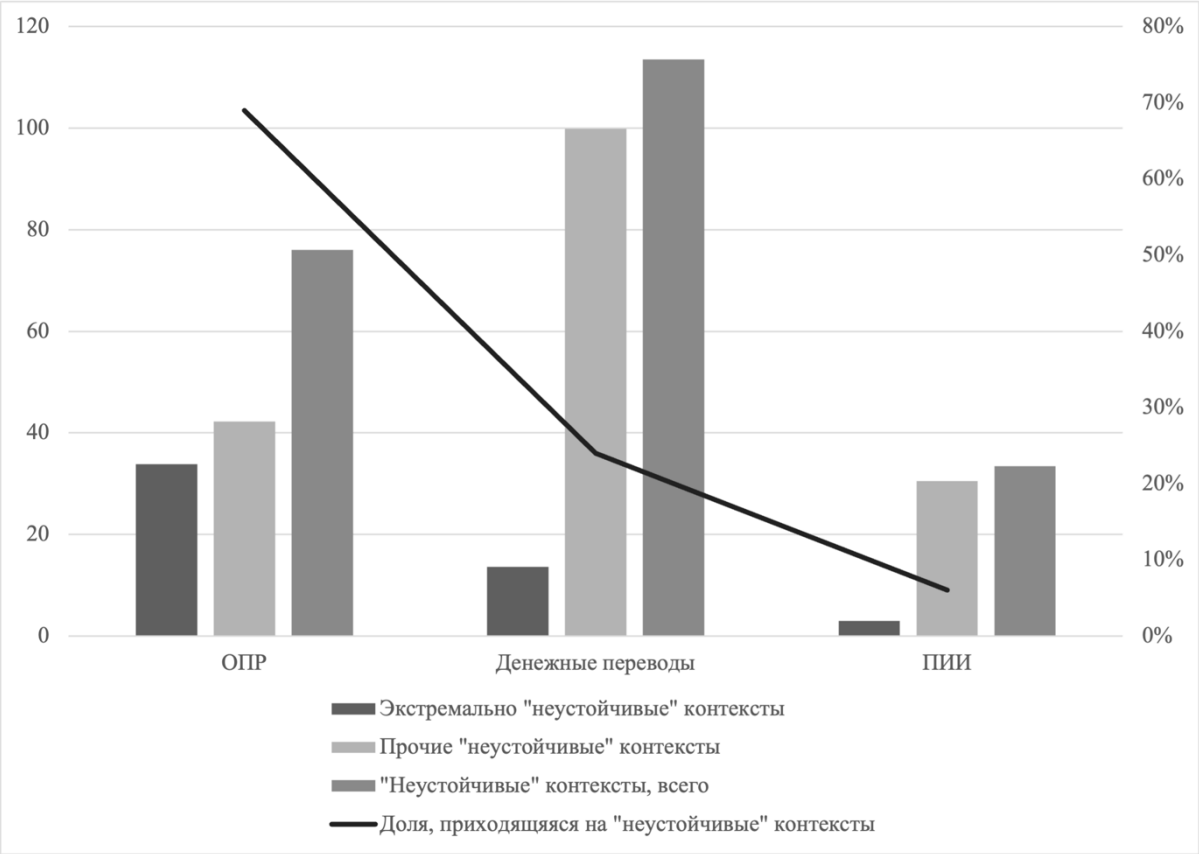
чистая энергия)						
Цель 8 (достойная работа и экономический рост)	100%	0%	93%	7%	84%	16%
Цель 9 (индустриализация, инновации и инфраструктура)	23%	77%	38%	62%	65%	35%
Цель 11 (устойчивые города и населенные пункты)	15%	85%	31%	69%	41%	59%
Цель 13 (борьба с изменением климата)	92%	8%	100%	0%	75%	25%
Цель 14 (сохранение морских экосистем)	29%	71%	35%	65%	33%	67%
Цель 15 (сохранение экосистем суши)	54%	46%	36%	64%	25%	75%
Цель 16 (мир, правосудие и эффективные институты)	8%	92%	29%	71%	51%	49%
Цель 17 (партнерство в интересах устойчивого развития)	25%	75%	31%	69%	46%	54%

Источник: States of Fragility 2020. Paris: OECD Publishing. 126 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/ba7c22e7-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/ba7c22e7-en&_csp_=89578a182071559ff79c670c40753038&itemIGO=oecd&itemContentType=book (accessed: 17.02.2023).

«Нестабильные государства» весьма зависимы от официальной помощи развитию (ОПР), предоставляемой им более развитыми государствами, и являются крупнейшими получателями ОПР. На них приходится около 70% предоставляемой ОПР,

что значительно больше их доли в других финансовых потоках (денежных переводах или ПИИ, см. Рисунок 2.6.). В 2018 г., по данным ОЭСР, они получили около 76 млрд долл. помощи, что больше, чем когда-либо ранее. Можно обратить внимание, что в наименее «устойчивых» контекстах объемы помощи развитию даже превышают получаемые из-за рубежа денежные переводы. Так как экстремально «нестабильные» контексты характеризуются крайне неблагоприятными условиями для ведения бизнеса, ОПР играет определяющую роль в их экономическом развитии. Хотя в среднем доля помощи в отношении к ВВП «неустойчивых государственных состояний» составляет всего около 5%, для некоторых стран эти показатели в несколько раз выше. Так, в Сирии этот показатель, по оценкам ОЭСР, достигал 70% ВНД, в Сомали, Йемене и ЦАР – более 20%. В среднем поступления помощи всего лишь в 2 раза ниже, чем доля налоговых поступлений в ВВП этих стран. Таким образом, в среднем до трети доходов бюджета «нестабильных государств» поступает из средств помощи развитию (см. Рисунок 2.6).

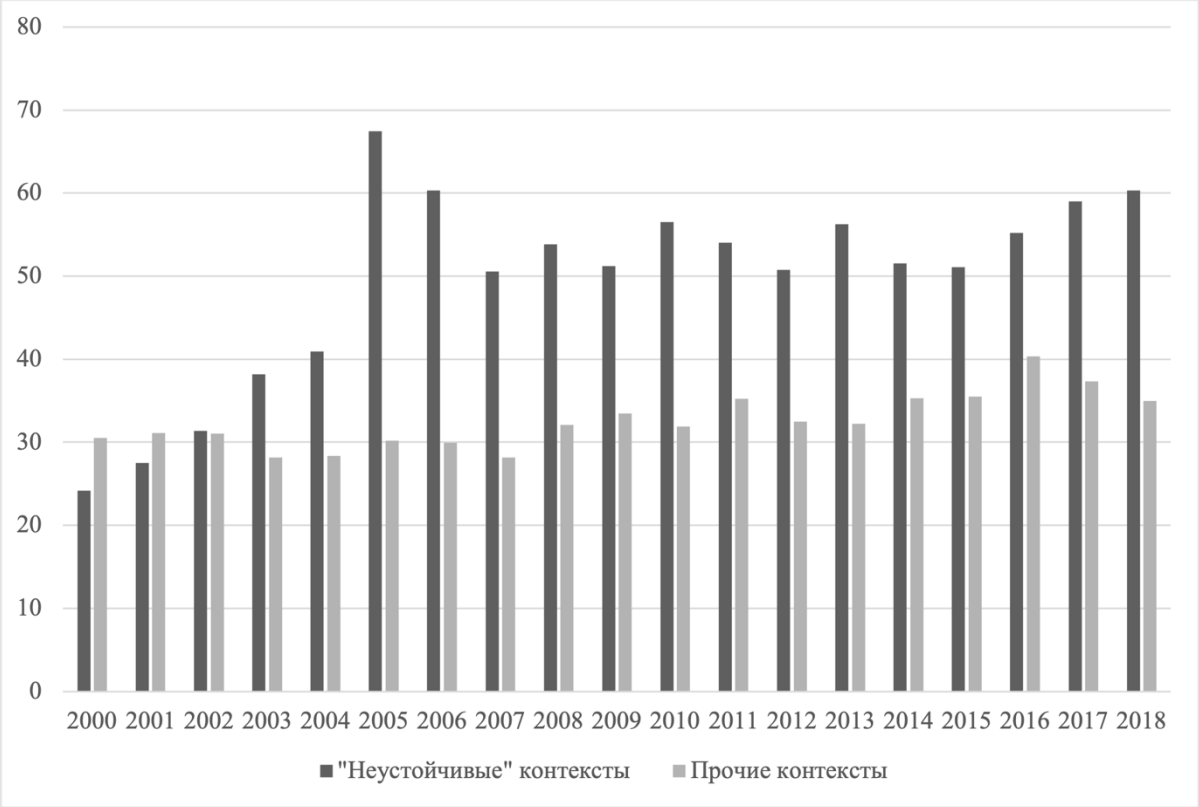
Рисунок 2.6. Объемы (в млрд долл.) и доля (в % от мировых объемов) официальной помощи развитию (ОПР), денежных переводов и прямых иностранных инвестиций, приходящаяся на «нестабильные государства»



Источник: States of Fragility 2020. Paris: OECD Publishing. 126 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/ba7c22e7-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/ba7c22e7-en&_csp_=89578a182071559ff79c670c40753038&itemIGO=oecd&itemContentType=book (accessed: 17.02.2023).

Рисунок 2.7. демонстрирует устойчивый тренд к росту объему помощи, предоставляемой «нестабильным» контекстам. После 2002 г. «неустойчивые» контексты получали больше помощи, чем другие развивающиеся страны. Своего пика эти потоки достигли в 2005 г., когда значительные средства выделялись на восстановление экономик Афганистана и Ирака. Значительная часть ОПР «нестабильным» контекстам приходилась на США, которые принимали непосредственное участие в вооруженных конфликтах в этих странах. В этих странах были размещены также и военные контингенты США и других стран НАТО (а также других стран-союзников по коалиции). После этого объемы помощи сократились и стабилизировались, однако после 2014 г. вновь наметилась тенденция к росту их ежегодных объемов, совпадающая с тенденцией роста вооруженной активности.

Рисунок 2.7. Объемы ОПР «неустойчивым» и прочим контекстам, предоставленные странами-членами КСР ОЭСР (в млрд долл.)



Источник: States of Fragility 2020. Paris: OECD Publishing. 126 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/ba7c22e7-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/ba7c22e7-en&_csp_=89578a182071559ff79c670c40753038&itemIGO=oecd&itemContentType=book (accessed: 17.02.2023).

Несмотря на то, что доноры уделяли им все большее внимание, их отставание по уровню экономического и социального развития усилилось. Официальная помощь развитию остается основным инструментом, с помощью которого международное сообщество воздействует на обстановку в «нестабильных государствах», в том числе стремясь содействовать снижению конфликтного потенциала этих стран.

§2.2. Экономические причины внутренних вооруженных конфликтов

В научной литературе, как правило, отмечается несколько экономических предпосылок, повышающих вероятность возникновения конфликта. В фокусе анализа чаще всего оказываются следующие факторы:

- уровень благосостояния;
- неравенство;

- наличие природных ресурсов;
- экономическая политика правительства[333].

В теоретическом отношении механизм воздействия данных факторов связан со снижением индивидуальных и групповых издержек участия в вооруженном конфликте, в результате чего конфликт может быть связан с получением в том числе и монетарных выгод, причем не только после его завершения, но и непосредственно в ходе вооруженных действий. Автором в данном параграфе приводится анализ используемых переменных, которые достаточно типичны для эконометрических исследований вооруженных конфликтов, дается описание и аналитический комментарий к полученным результатам. Отметим, что полученные результаты отражают только примерный, усредненный, характер зависимости между некоторыми независимыми переменными и вероятностью возникновения и развития вооруженных конфликтов, притом в различных кейсах они играют неодинаковое значение.

2.2.1. Описание переменных, используемых в эконометрическом анализе причин внутренних вооруженных конфликтов

Для эконометрического анализа и выявления общих экономических причин внутренних вооруженных конфликтов необходимо подобрать конкретные индикаторы развития, которые было бы удобно применять в количественном анализе. Чаще всего в кросс-страновых эконометрических моделях используются следующих переменные:

- ВВП на душу населения;
- Рост ВВП на душу населения;
- Доля сырья в экспорте страны;
- Социальная гетерогенность;
- Географические особенности территории;
- Доля молодежи в населении страны;
- Характер колониальной зависимости;
- Характер политического режима страны;
- Численность населения;
- Площадь страны;

[333] Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. P. 2-8. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

- Предыдущие вооруженные конфликты[334].

Также приводится описание зависимых и независимых переменных, применявшихся в логистической регрессионной модели[335], оценивающей вероятность возникновения внутренних вооруженных конфликтов и вероятность того, что страна находится в состоянии вооруженного конфликта. Затем автором с опорой на исследовательскую литературу выдвигаются некоторые статистически проверяемые гипотезы относительно воздействия данных факторов на вероятность возникновения вооруженных конфликтов, а также вероятность того, что на протяжении определенного временного интервала страна находится в состоянии вооруженного конфликта. Кроме того, приводится краткое описание характера взаимосвязи приводимых независимых переменных на зависимую.

Хронологически используемые данные охватывают период с 1960 по 2021 г. Данные рамки обусловлены доступностью необходимых статистических данных. Несмотря на то, что базы данных *Correlates of War*[336] и *UCDP* охватывают более широкий временной интервал, основные проблемы возникают с доступностью экономической статистики[337]. Как и некоторых других исследования, зависимые и независимые переменные исследования кодируются с пятилетней частотностью[338].

Зависимые переменные исследования

В данном параграфе в логистических регрессионных моделях используются четыре зависимые переменные, каждая из которых является бинарной. Две зависимые переменные описывают начало вооруженного конфликта на протяжении определенного

---

[334] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 7-11.

[335] Прим.: Применение логистической регрессионной модели в данном исследовании связано с тем, что зависимые переменные являются бинарными. Наряду с логистическими моделями при работе с такими переменными применяются также пробит-модели, однако логистические модели используются чаще, притом полученные в результате применения данных моделей результаты, как правило, отличаются незначительно. См.: Hahn E.D., Soyer R. Probit and Logit Models: Differences in the Multivariate Realm // The George Washington University. 2005. P. 1. URL: https://home.gwu.edu/~soyer/mv1h.pdf (accessed: 17.02.2023).

[336] Прим.: База данных *Correlates of War* охватывает интервал по 2018 г., база данных *UCDP* – по 2021 г.

[337] Прим.: До 1960 г. многие современные независимые государства в принципе были колониями. Сбор статистических данных там осуществлялся нерегулярно, либо, как в случае с некоторыми используемыми автором показателями, не осуществлялся вообще. В связи с этим расширение исследуемого временного интервала может привести к искажению результатов.

[338] Прим.: Это связано с тем, что внутренние вооруженные конфликты относительно редки. Ежегодная частотность данных в этом случае может привести к снижению предсказательного потенциала используемых моделей. Выбор такой частотности данных также обусловлен тем, что воздействие независимых переменных на зависимую проявляется не мгновенно, а на определенном временном интервале.

пятилетнего интервала согласно данным базам данных *Correlates of War*[339] и *UCDP*[340] (*Conflict onset*), соответственно. Другие две – нахождение страны в состоянии вооруженного конфликта на протяжении определенного пятилетнего интервала (*Conflict prevalence*) согласно данным базам данных *Correlates of War*[341] и *UCDP*[342]. Начало или наличие конфликта в стране на протяжении определенного 5-летнего интервала кодировалось как «1», отсутствие – «0».

Подобный позволяет выделить зависимость между независимыми переменными и началом вооруженных конфликтов или нахождением страны в состоянии вооруженного конфликта на протяжении определенного временного интервала. Необходимые данные были получены из баз данных *Correlates of War*[343] и *UCDP*[344]. Список внутренних вооруженных конфликтов, согласно данным базам данных, приведен в Приложениях 1 и 2.

Независимые переменные исследования

ВВП на душу населения (ln GDP PPP pc и ln GDP pc)

В контексте данного исследования ВВП на душу населения рассматривается как индикатор, позволяющий оценить примерный средний уровень благосостояния населения в различных странах, учитывая, что другие индикаторы, позволяющие оценить его более точно на кросс-страновом уровне отсутствуют. Опираясь на теоретические положения, изложенные в Главе 1, автор полагает, что ВВП на душу населения должен иметь негативную взаимосвязь с вероятностью возникновения и наличием внутренних вооруженных конфликтов.

Следует отметить, что данный индикатор отличает сложность его интерпретации, поскольку с ним может быть связан ряд других неучтенных переменных и показателей, связанных с проблемой конфликтогенности. В то же время низкий ВВП на душу населения свидетельствует о низком уровне благосостояния населения и, как следствие, низких издержках упущенных возможностей (или альтернативных издержках)

---

[339] Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

[340] UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

[341] Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

[342] UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

[343] Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

[344] UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

конфликта. Некоторые исследователи также указывают на эмпирическую взаимосвязь данного показателя со способностью государства контролировать территорию, а также эффективностью государственных институтов и государственного управления (например, в предоставлении общественных благ)[345].

Учитывая неравномерность доступных по различным странам данных, автором используется как ВВП по ППС на душу населения в постоянных ценах, который лучше отражает реальный уровень благосостояния в различных странах, так и ВВП по обменному курсу на душу населения. Данные были получены автором из баз данных *World Development Indicators*[346] и *Penn World Tables*[347].

Рост ВВП на душу населения (GDP PPP pc growth и GDP pc growth)

На основе теоретических положений, изложенных автором в Главе 1, можно предположить, что более высокие темпы роста ВВП на душу населения связаны с меньшей вероятностью внутренних вооруженных конфликтов. Интерпретация воздействия данной переменной основывается на том, что высокие темпы роста ВВП связаны с укреплением рынка труда (увеличением спроса на рабочую силу, созданием новых рабочих мест, увеличением оплаты труда). Следовательно, повстанческим организациям будет значительно сложнее привлекать индивидов к участию в вооруженном конфликте[348].

Данные были рассчитаны[349] автором на основе информации, полученной из баз данных *World Development Indicators*[350] и *Penn World Tables*[351].

Ресурсная рента

Изложенные в Главе 1 теоретические положения позволяют допустить, что природные ресурсы и некоторые категории сельскохозяйственной продукции (например, наркосодержащие растения, которые, однако, в официальной статистике не

---

[345] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 7.

[346] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[347] Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).

[348] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 7-8.

[349] Прим.: Расчеты были произведены по формуле:

$$\Delta y = \ln y_{t+1} - \ln y_t \quad (2.1)$$

[350] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[351] Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).

учитываются) могут стать чрезвычайно удобным источником финансовых ресурсов для повстанческих организаций. Это указывает на позитивный характер воздействия ресурсной зависимости на вероятность внутренних вооруженных конфликтов[352].

Другое вероятное воздействие ресурсной ренты связано с зависимостью поступлений в доходную часть бюджета страны от экспорта сырья. Подобная ситуация может стать причиной формирования неэффективной налоговой системы, отсутствия потребности у государства в ее налаживании ввиду наличия достаточных экспортных доходов. В результате система государственного управления может оказаться чрезвычайно неэффективной, государственные службы – неспособными предоставить населению основные услуги[353]. В таком случае индивидуальные издержки конфликта также будут снижаться.

Обилие природных ресурсов, как указывают исследователи, может оказывать и обратное влияние. Отмечалось, что, когда доля сырья в экспорте превышает 60%, вероятность возникновения конфликта заметно снижается[354]. В таких условиях при прочих равных обилие экспортных поступлений позволяет государству закупать современное вооружение и поддерживать армию в боеспособном состоянии, что снижает жизнеспособность повстанческого движения.

В моделях автором используется несколько индикаторов ресурсной ренты. Среди них индикатор доли ресурсной ренты в ВВП (оценка доли добавленной стоимости использования природных, *Resource rent*), доли сырья в экспорте (*primary commodity exports*), доли топливных ресурсов в экспорте страны (*fuel exports*). Данные были получены автором из базы данных *World Development Indicators*[355].

Социальная фракционализация (Fractionalization)

В качестве основного индикатора используется вероятность того, что два случайных человека из той или иной страны будут принадлежать к различным этническим или конфессиональным группам. Хотя ранее взаимосвязь между этническим и конфессиональным составом населения страны и вероятностью возникновения конфликта считалась неочевидной и даже препятствующей конфликтам

---

[352] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 8-9.

[353] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 8-9.; Ross M.L. What Have We Learned About the Resource Curse? // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 239-259.

[354] Ibidem.

[355] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

в обществах с очень высокой гетерогенностью, позднее данное предположение было опровергнуто, следовательно, высокая степень гетерогенности населения может вызывать конфликты. Это может быть объяснено высокими трансакционными издержками и издержками кооперации, хотя могут существовать и другие, альтернативные объяснения данного феномена[356]. Социальная фракционализация, вероятно, увеличивает вероятность возникновения внутренних вооруженных конфликтов.

Дополнительно в некоторых моделях используется схожая переменная этнической фракционализации (*ethnic fractionalization*), равная вероятность того, что два случайных человека из той или иной страны будут принадлежать к различным этническим группам. Автор предполагает, что воздействие этнической фракционализации должно быть аналогичной социальной.

Данные были получены автором из базы данных, сконструированной А. Алесиной и его соавторами[357]. Определенной проблемой их использования является актуальность данных, собранных А. Алесиной и его соавторами, – их исследование опиралось на данные 1960-х гг., а с тех пор состав населения стран мог существенно измениться, однако на данный момент более современные альтернативы данной базе данных отсутствуют.

Доля молодого мужского населения (young males share)

Молодые мужчины (в возрасте до 29 лет), как правило, составляет основу повстанческих движений[358]. Хотя ранее исследователями использовались показатели доли мужского населения до 25 лет, представляется возможным расширить этой критерий, так как фактический состав повстанческих движений оказывается несколько шире. Значительный риск участия в вооруженных конфликтах данной группы населения связан с низким спросом на рабочую силу в стране (отчего в первую очередь страдает именно молодое население), более высоким уровнем безработицы среди молодежи, что может говорить о большей привлекательности участия в конфликте именно для молодого населения. Значительная доля молодого населения, таким образом, должна быть связана с большей вероятностью внутренних вооруженных конфликтов.

---

[356] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 10.

[357] Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. No. 2. P 155-194.

[358] Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 10.

Данные были получены автором из базы данных *World Development Indicators*[359].

Предыдущие вооруженные конфликты (Former conflict)

Внутренние вооруженные конфликты происходят преимущественно в странах, в которых они уже происходили до этого[360]. Объяснить это можно целым рядом факторов, например, падением ВВП в результате конфликта, которое впоследствии не было компенсировано достаточным уровнем экономического роста, кроме того, обилие вооружений в данных странах (ввиду уже происходивших вооруженных столкновений) может стать фактором их доступности и невысокой стоимости, что, соответственно, снижает издержки повстанческого движения и делает его более жизнеспособным именно в постконфликтных ситуациях. Данный механизм лежит в основе повторяющихся циклов насилия во многих государствах. Прошлые вооруженные конфликты в стране, соответственно, должны быть связаны и с большей их вероятностью в будущем.

Прошлые вооруженные конфликты кодируются как бинарная переменная, принимающая значение «1» в случае, если в стране на протяжении предыдущих временных интервалов отмечались внутренние вооруженные конфликты. Необходимые данные были получены из баз данных *Correlates of War*[361] и *UCDP*[362].

Численность населения (ln pop)

В основе использования данной независимой переменной лежит предположение, что в отношении некоторых ключевых функций государства, например, обеспечения безопасности, действует экономия от масштаба, что позволяет более населенным и крупным государствам сдерживать организованное насилие и избегать внутренних вооруженных конфликтов. С другой стороны, существуют эмпирические данные, ставящие его под сомнение, к числу таких примеров можно отнести современную Нигерию, где, несмотря на очень высокую численность населения (213 млн. чел., 2021)[363], не удается сдержать вооруженное противостояние[364]. Кроме того, в небольших

---

[359] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[360] World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. P. 1.

[361] Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

[362] UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

[363] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[364] Nigeria // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/475 (accessed: 17.02.2023).

государствах вероятность того, что конфликт будет соответствовать критериям внутреннего вооруженного конфликта в определении современных баз данных, ниже. В этой связи автором не выдвигается конкретного предположения относительно ожидаемого знака перед коэффициентом данной переменной, однако она может быть статистически значимой.

Дополнительные независимые переменные

Кроме того, в регрессионном анализе также использовались и другие переменные, применявшиеся исследователями в моделях, основавшихся на подходе оценки устойчивости повстанческих движений. Дополнительные независимые переменные призваны отразить в модели политические, исторические и географические переменные, которые могут быть связаны с вероятностью внутренних вооруженных конфликтов. Так, в исследованиях применялись индикаторы политического развития (уровень демократизации, *Polity*[365]), исторические (период после завершения Холодной войны (*PostCW*), статус бывшей французской колонии (*Former French colony*)), географические (площадь страны (*ln area*)[366], доля гористой местности (*mt terrain*)[367]), которые также тестируются автором в модели[368].

2.2.2. Эконометрический анализ причин начала внутренних вооруженных конфликтов

Таким образом, тестируемые модели опираются на описанные в Главе 1 диссертационного исследования (см. формулу 1.4) и принимают следующий вид:

$$Conflict\ onset_t = \alpha_0 + \beta_1 \ln GDP\ pc_{t-1} + \beta_2 GDP\ pc\ growth_{t-1} + \beta_3 Resource\ rents_{t-1} + \beta_4 PostCW + \beta_5 Former\ conflict + \beta_6 Former\ French\ colony + \beta_7 Fractionalization + \beta_8 \ln pop_{t-1} + \beta_{10} \ln area_{t-1} + \beta_{10} young\ males\ share_{t-1} + \beta_{11} mt\ terrain + \beta_{12} Polity_{t-1} + \varepsilon_t \quad (2.2)$$

---

[365] Прим.: Данные были получены из базы данных Polity5. См.: Polity5: Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets // Center for Systemic Peace. URL: https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html (accessed: 17.02.2023).

[366] Прим.: Данные были получены из базы данных World Development Indicators. См.: World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[367] Прим.: Данные были получены из сконструированной исследователями базы данных. См.: Shaver A., Carter D.B., Shava T.W. Terrain ruggedness and land cover: Improved data for most research designs // Conflict Management and Peace Science. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 191-218.Terrain ruggedness and land cover: Improved data for most research designs // Harvard Dataverse. 2018. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/WXUZBN (17.02.2023).

[368] См., напр.: Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 1-27.

$$Conflict\ prevalence_t = \alpha_0 + \beta_1 \ln GDP\ pc_{t-1} + \beta_2 GDP\ pc\ growth_{t-1} + \beta_3 Resource\ rents_{t-1} + \beta_4 PostCW + \beta_5 Former\ conflict + \beta_6 Former\ French\ colony + \beta_7 Fractionalization + \beta_8 \ln pop_{t-1} + \beta_{10} \ln area_{t-1} + \beta_{10} young\ males\ share_{t-1} + \beta_{11} mt\ terrain + \beta_{12} Polity_{t-1} + \varepsilon_t \quad (2.3)$$

Автором применяется 7 спецификаций описанных моделей, которые незначительно отличаются друг от друга используемыми независимыми переменными. Это позволит проследить, насколько устойчивыми являются коэффициенты перед используемыми в моделях независимыми переменными и будут ли наблюдаться существенные изменения при их замене на аналогичные. Отсутствие изменений позволит говорить об устойчивости полученных результатов. Результаты регрессионного анализа представлены автором в таблицах 2.4-2.7. В таблицах 2.4 и 2.5 приведены оценки модели для зависимой переменной *Conflict onset*, в таблицах 2.6 и 2.7 – для зависимой переменной *Conflict prevalence*. Для каждой модели приведены значения полученных коэффициентов. В скобках приведены значения z-статистики. «*», «**», «***» означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно. В справочных целях также приводятся значения логарифма правдоподобия, информационного коэффициента Акаике (AIC) и псевдо-коэффициент детерминации (псевдо R^2 по методу МакФаддена).

Таблица 2.4. Результаты оценки коэффициентов логистической регрессии факторов начала внутренних вооруженных конфликтов

***Conflict onset* (*Correlates of War*)**							
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
ln *GDP PPP pc*	-0,74*** (-3,54)		-0,82*** (-3,59)	-0,6*** (-3,76)	-0,68*** (-3,33)	-0,74** (-3,59)	-0,61** (-2,83)
ln *GDP pc*		-0,62*** (-3,74)					
GDP PPP pc growth	-1,03 (-1,43)		-1 (-1,37)	-0,62 (-1,44)	-1,07 (-1,48)	-1,04 (-1,45)	-1,45 (-1,93)
GDP pc growth		-0,135 (-0,31)					
Primary commodity exports	2,28*** (3,49)	2,318*** (3,69)			2,22*** (3,4)	-1,21 (-0,51)	1,89** (2,83)

Primary commodity exports^2						3,48 (1,53)	
Fuel exports			2,13*** (3,49)				
Resource rent				2,8* (2,43)			
PostCW	-0,58 (-1,55)	-0,37 (-0,98)	0,87* (-2,26)	-0,44 (-1,56)	-0,49 (-1,34)	-0,65 (-1,71)	-0,73 (-1,93)
Former conflict	0,6 (1,57)	0,48 (0,37)	0,63 (1,58)	0,99** (3,2)	0,61 (1,6)	0,63 (1,63)	0,54 (1,36)
Former French colony	0,2 (0,38)	-0,07 (0,48)	0,1 (0,19)	-0,19 (-0,46)	0,16 (0,31)	0,36 (0,68)	0,13 (0,52)
Fractionalization	0,33 (0,92)	0,87 (0,96)	0,41 (0,45)	0,36 (0,51)	0,35 (0,38)	0,34 (0,38)	
Ethnic fractionalization							1,83* (2,09)
young males share	4,2 (0,37)	5,53 (0,5)	6,82 (0,57)	-7,91 (-0,85)		6,12 (0,53)	5,17 (0,44)
males increase					2,24 (1,06)		
Polity	0,03 (0,99)	0,03 (1,03)	0,02 (0,73)	-0,01 (-0,53)	0,03 (1,04)	0,03 (0,99)	0,03 (1,01)
mt terrain	1,36 (1,78)	1,24 (1,66)	1,13 (1,3)	0,4 (0,67)	1,34 (1,75)	1,44 (1,88)	1,42 (1,83)
ln *pop*	0,58** (3,06)	0,46* (2,53)	0,4* (2,23)	0,29* (2,01)	0,59 (3,13)	0,55** (2,88)	0,71*** (3,43)
ln *area*	-0,22 (-1,24)	-0,18 (-1,08)	-0,09 (-0,52)	-0,07 (-0,53)	-0,22 (-1,22)	-0,18 (-1)	-0,34 (-1,78)
AIC	314,06	330,05	295,54	460,94	313,08	313,73	304,73
Логарифм правдоподобия	-144,03	-152,03	-134,77	-217,43	-143,54	-142,86	- 139,37
Псевдо R^2	0,21	0,2	0,2	0,18	0,21	0,21	0,22
Количество наблюдений	798	788	773	990	798	798	797

Примечание: В скобках приведены значения z-статистики. Значения коэффициентов приведены с учетом гетероскедастичности. Значение псевдо R^2 приведены по методу МакФаддена. *, **, *** означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно.

Источник: расчеты автора.

Приведенные в таблице данные указывают, что несколько независимых переменных устойчиво статистически значимы. К ним относятся ВВП на душу населения, индикаторы ресурсной зависимости и переменная численности населения страны. Значения коэффициентов при этих переменных также устойчивы. Их устойчивость сохраняется также при использовании различных индикаторов ресурсной зависимости. Все из 7 моделей обладают примерно одинаковым объяснительным потенциалом, который является относительно невысоким, но, учитывая сложность изучаемых явлений, может быть признан удовлетворительным.

Таблица 2.5. Результаты оценки коэффициентов логистической регрессии факторов начала внутренних вооруженных конфликтов

***Conflict onset* (*UCDP*)**							
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
ln *GDP PPP pc*	-3,82 (-0,97)		-0,51* (-2,1)	-0,37* (-2,1)	-0,35 (-1,51)	-0,38 (-1,64)	-0,28 (-1,15)
ln *GDP pc*		-0,32 (-1,81)					
GDP PPP pc growth	0,71 (0,79)		-0,67 (0,74)	-0,04 (-0,08)	0,54 (0,62)	0,71 (0,81)	0,25 (0,26)
GDP pc growth		0,41 (1,42)					
Primary commodity exports	2,12** (2,6)	2,26* (2,93)			1,82* (2,25)	-0,13 (-0,04)	1,8* (2,13)
Primary commodity exports^2						2,21 (0,76)	
Fuel exports			1,65* (2,2)				
Resource rent				3,46* (2,56)			
PostCW	-1,22* (-2,49)	-0,85 (-1,76)	-1,22* (-2,48)	-0,53 (-1,49)	-1,18* (-2,41)	-1,27* (-2,55)	-1,31** (-2,65)
Former conflict	0,97 (1,93)	0,73 (1,48)	0,89 (1,74)	0,94* (2,41)	0,82 (1,67)	0,96 (1,88)	0,83 (1,6)
Former French colony	0,18 (0,27)	-0,19 (-0,31)	0,06 (0,1)	-0,02 (-0,04)	0,1 (0,16)	0,27 (0,41)	0,18 (0,28)

Fractionalization	-0,37 (-0,36)	0,09 (0,09)	-0,13 (0,13)	0,49 (0,57)	-0,4 (-0,4)	-0,39 (-0,38)	
Ethnic fractionalization							0,7 (0,68)
young males share	-17,37 (-1,28)	-12,29 (-0,94)	-17,94 (-1,3)	-22,76* (-2,07)		-16,38 (-1,2)	-16,66 (-1,22)
males increase					4,75 (1,88)		
Polity	0,01 (0,23)	0,003 (0,1)	0,0005 (0,02)		0,02 (0,54)	0,01 (0,21)	0,01 (0,15)
mt terrain	0,81 (0,81)	0.8 (0,83)	0,99 (0,95)	-0,02 (-1,36)	0,67 (0,67)	0,86 (0,86)	0,79 (0,78)
ln *pop*	0,59* (2,51)	0,52* (2,3)	0,43 (1,92)	0,4* (2,14)	0,57* (2,45)	0,58* (2,42)	0,66** (2,68)
ln *area*	-0,32 (-1,54)	-0,29 (-1,45)	-0,22 (-1,05)	-0,19 (-1,13)	-0,28 (-1,42)	-0,3 (-1,4)	-0,39 (-1,77)
AIC	229,75	242,9	229,82	342,32	227,93	231,16	225,33
Логарифм правдоподобия	-101,87	-108,45	-101,91	-158,16	-100,96	-101,58	-99,66
Псевдо R^2	0,16	0,15	0,16	0,14	0,17	0,16	0,15
Количество наблюдений	904	896	879	1103	904	904	903

Примечание: В скобках приведены значения z-статистики. Значения коэффициентов приведены с учетом гетероскедастичности. Значение псевдо R^2 приведены по методу МакФаддена. *, **, *** означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно.

Источник: расчеты автора.

Использование другой зависимой переменной[369] приводит к в целом похожим результатам. Однако из-за особенностей кодирования внутренних вооруженных конфликтов в базе данных *UCDP*, качество моделей оказывается ниже. В некоторой степени это происходит из-за меньшего количества наблюдений внутренних вооруженных конфликтов в используемой базе данных. Переменные ресурсной ренты и численности населения тем не менее остаются статистически значимыми, значения

[369] Прим.: Некоторое отличие может быть связано с тем, что в базе данных *UCDP* конфликты в одной стране рассматриваются как эпизоды предшествующих, в силу чего их количество меньше, чем в базе данных *Correlates of War*, где они чаще классифицируются как независимые.

коэффициентов перед ними устойчивы вне зависимости от спецификации используемой модели.

В целом, можно говорить о том, что более высокий уровень благосостояния связан с намного меньшей вероятностью внутренних вооруженных конфликтов, в то время как ресурсная рента и более высокая численность населения является важным фактором их начала. Эти результаты соответствуют выдвинутым ранее предположениям относительно характера зависимости между независимыми и зависимыми переменными исследования.

Таблица 2.6. Результаты оценки коэффициентов логистической регрессии факторов наличия внутренних вооруженных конфликтов

***Conflict prevalence* (*Correlates of War*)**							
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
ln *GDP PPP pc*	-0,72*** (-3,87)		-0,75*** (-3,81)	-0,5*** (-3,51)	-0,72*** (-3,91)	-0,71*** (-3,87)	-0,64*** (-3,38)
ln *GDP pc*		-0,62*** (-4,26)					
GDP PPP pc growth	-1,39* (-2,18)		-1,35* (-2,11)	-1,08** (-2,76)	-1,39* (-2,18)	-1,4* (-2,21)	-1,68* (-2,56)
GDP pc growth		-0,67 (-1,8)					
Primary commodity exports	1,54** (2,67)	1,64** (2,95)			1,53** (2,65)	-0,11 (-0,05)	1,33* (2,25)
Primary commodity exports^2						1,7 (-3,52)	
Fuel exports			1,62** (2,93)				
Resource rent				2,25* (2,12)			
PostCW	-1,16*** (-3,44)	-0,95** (-2,81)	-1,45*** (-4,11)	-0,87*** (-3,37)	-1,18*** (-3,51)	-1,2*** (-3,52)	-1,24*** (-3,64)
Former conflict	2,1*** (6,31)	1,98*** (6,13)	2,19*** (6,23)	2,27*** (8,15)	2,09*** (6,33)	2,12*** (6,33)	2,08*** (6,22)
Former French colony	0,27 (0,58)	0,11 (0,25)	0,26 (0,53)	-0,11 (-0,3)	0,28 (0,59)	0,33 (0,7)	0,26 (0,55)
Fractionalization	-0,02 (-0,02)	0,19 (0,25)	0,08 (0,1)	0,4 (0,64)	-0,03 (-0,04)	0,03 (0,04)	

Ethnic fractionalization							0,69 (0,97)
young males share	-1,79 (-0,18)	-1,52 (-0,16)	1,07 (0,11)	-11,79 (-1,48)		-0,98 (-0,1)	-1,6 (-0,16)
males increase					0,03 (0,02)		
Polity	0,05* (2,11)	0,05* (2,04)	0,05* (1,97)	0,02 (1,23)	0,05* (2,12)	0,05* (2,13)	0,05* (2,08)
mt terrain	1,08 (1,68)	0,94 (1,47)	1,03 (1,44)	0,72 (1,37)	1,08 (1,68)	1,12 (1,73)	1,14 (1,78)
ln *pop*	0,51** (3,09)	0,43** (2,18)	0,4* (2,57)	0,32* (2,48)	0,5** (3,1)	0,49** (2,97)	0,55** (3,25)
ln *area*	-0,1 (-0,64)	-0,09 (-0,58)	-0,01 (-0,09)	-0,03 (-0,29)	-0,1 (-0,63)	-0,08 (-0,5)	-0,14 (-0,88)
AIC	390,16	401,78	368,98	559,86	390,19	391,41	385,05
Логарифм правдоподобия	-182,08	-187,89	-171,49	-266,93	-182,1	-181,71	-179,53
Псевдо R^2	0,32	0,31	0,32	0,3	0,32	0,32	0,32
Количество наблюдений	798	788	773	990	798	798	797

Примечание: В скобках приведены значения z-статистики. Значения коэффициентов приведены с учетом гетероскедастичности. Значение псевдо R^2 приведены по методу МакФаддена. *, **, *** означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно.

Источник: расчеты автора.

В моделях, коэффициенты оценки которых представлены в Таблицах 2.6 и 2.7, используются другие зависимые переменные – наличие в стране внутреннего вооруженного конфликта на протяжении определенного 5-летнего интервала. Ряд независимых переменных остаются устойчиво статистически значимыми в любых спецификациях используемых моделей. Как показано в Таблице 2.6, в их число входят ВВП на душу населения, темпы роста ВВП, индикаторы ресурсной зависимости, наличие прошлых вооруженных конфликтов, численность населения, а также бинарная переменная для обозначения периода после окончания Холодной войны и индикатор характера политического режима страны. В целом все значения коэффициентов соответствуют нашим изначальным предположениям. Статистическая значимость индикатора темпов роста ВВП в некоторой степени указывает на подтверждение

теоретико-игровой модели С. Чассанга и Г. Падро-и-Микеля, представленной в Главе 1 диссертационного исследования. Модель указывает, что конфликты более вероятны в условиях внешних шоков, которые могут выражаться в снижении темпов роста ВВП[370].

Таблица 2.7. Результаты оценки коэффициентов логистической регрессии причин возникновения внутренних вооруженных конфликтов

***Conflict prevalence* (*UCDP*)**							
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
ln *GDP PPP pc*	-0,38* (-2,14)		-0,42* (-2,2)	-0,29* (-2)	-0,33 (-1,84)	-0,39* (-1,03)	-0,33 (-1,81)
ln *GDP pc*		-0,4** (-2,82)					
GDP PPP pc growth	-0,94 (-1,39)		-0,91 (-1,33)	-0,6 (-1,51)	-1,02 (-1,53)	-0,93 (-1,38)	-1,27 (-1,81)
GDP pc growth		0,05 (0,13)					
Primary commodity exports	0,88 (0,62)	1,01 (1,7)			0,76 (1,23)	-2,06 (-0,9)	0,66 (1,04)
Primary commodity exports^2						2,97 (1,34)	
Fuel exports			0,91 (1,52)				
Resource rent				2,17 (1,93)			
PostCW	-1,27*** (-3,44)	-0,93* (-2,44)	-1,37*** (-3,58)	-1,19*** (-4,02)	-1,17** (-3,14)	-1,36*** (-3,59)	-1,33*** (-3,59)
Former conflict	2,53*** (6,54)	2,35*** (6,3)	2,58*** (6,44)	2,76*** (8,38)	2,47*** (6,51)	2,54*** (6,52)	2,48*** (6,35)
Former French colony	-0,8 (0,6)	-0,66 (-1,26)	-0,82 (-1,34)	-0,88 (-1,92)	-0,88 (-1,44)	-0,74 (-1,21)	-0,77 (-1,28)
Fractionalization	-0,24 (-0,28)	-0,07 (-0,09)	-0,16 (-0,18)	0,1 (0,14)	-0,3 (-0,35)	-0,16 (-0,18)	
Ethnic fractionalization							0,47 (0,6)
young males share	-6,48	-4,96	-5,87	-9,55		-4,91	-6,25

[370] Прим.: Необходимо признать, что спецификация модели не позволяет однозначно опровергнуть вероятность наличия обратной причинно-следственной связи, т.е. именно уже начавшийся конфликт воздействует на снижение темпов экономического роста.

	(-0,63)	(-0,49)	(-0,55)	(-1,09)		(-0,48)	(-0,61)
males increase					3,22 (1,7)		
Polity	0,03 (1,05)	0,03 (1,03)	0,02 (0,83)	0,003 (0,19)	0,03 (1,17)	0,03 (1,07)	0,03 (1,1)
mt terrain	0,02 (0,03)	0,21 (0,31)	-0,14 (-0,18)	0,49 (0,85)	-0,03 (-0,04)	0,07 (0,1)	0,03 (0,04)
ln *pop*	0,39* (2,22)	0,3 (1,78)	0,31 (1,88)	0,25 (1,68)	0,39* (2,27)	0,35* (1,99)	0,42* (2,34)
ln *area*	-0,17 (-1,03)	-0,1 (-0,61)	-0,1 (-0,64)	-0,07 (-0,54)	-0,16 (-1,05)	-0,12 (-0,7)	-0,21 (-1,23)
AIC	337,24	349,18	323,96	459,55	334,76	337,44	332,56
Логарифм правдоподобия	-155,62	-161,59	-148,98	-216,78	-154,38	-154,72	-153,28
Псевдо R^2	0,28	0,27	0,29	0,31	0,28	0,28	0,28
Количество наблюдений	904	896	879	1103	904	904	903

Примечание: В скобках приведены значения z-статистики. Значения коэффициентов приведены с учетом гетероскедастичности. Значение псевдо R^2 приведены по методу МакФаддена. *, **, *** означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно.

Источник: расчеты автора.

Данные, представленные в Таблице 2.7, незначительно отличаются от описанных ранее результатов оценки аналогичной регрессионной модели, где в качестве зависимой переменной использовалось наличие в стране вооруженного конфликта, согласно базе данных *Correlates of War*. Важным исключением является недостаточная статистическая значимость переменной темпов роста ВВП, что не позволяет нам однозначно подтвердить предположения модели С. Чассанга и Г. Падро-и-Микеля в используемой спецификации регрессионной модели.

На основе проведенной оценки логистических регрессий причин возникновения внутренних вооруженных конфликтов можно отметить, что, несмотря на распространенность феномена, вероятность их возникновения относительно невелика и они затрагивают относительно небольшую долю государств мира.

В целом устойчиво значительно влияние нескольких переменных на возникновение внутренних вооруженных конфликтов – индикаторов уровня благосостояния (ВВП на душу населения), индикаторов ресурсной зависимости,

численности населения страны, а также возникновения конфликтов в прошлом. В некоторых спецификациях модели статистически значимым является и индикатор темпов экономического роста.

Можно сделать вывод о том, что конфликтам подвержены наиболее бедные государства мира – наименее развитые и «нестабильные» государства. Притом увеличение ВВП на душу населения на 1 единицу (по логарифмической шкале) ведет к заметному сокращению риска возникновения конфликтов. Таким образом, низкий уровень доходов является важной причиной конфликтов, что в целом соответствует выдвинутым ранее предположениям. Можно отметить, что ВВП на душу населения по ППС позволяет точнее описать вероятность возникновения конфликтов, вероятно вследствие того, что позволяет объективнее учесть фактический уровень благосостояния в стране.

Проведенное исследование также указывает на высокую значимость влияния обеспеченности природными ресурсами на вероятность возникновения конфликтов, которая также отмечалась во многих исследовательских работах. Это можно интерпретировать, с одной стороны, как значимость ресурсов как потенциального источника финансирования для повстанческих группировок. С другой стороны, результатом ресурсной зависимости может являться деградация и неэффективность экономических и политических институтов. Следствием этого, в свою очередь, может быть неспособность государственных институтов урегулировать социальные конфликты.

Высокая статистическая значимость коэффициентов перед переменными ВВП на душу населения (который рассматривается как прокси среднего уровня благосостояния населения) и ресурсной ренты эмпирически подтверждают ключевые положения группы теорий конфликта как соперничества за ресурсы. Полученные в результате регрессионного анализа данные указывают, что, как и прогнозирует данная группа теорий, внутренние вооруженные конфликты намного более вероятны в странах, которые обладают низким ВВП на душу населения при достаточно высокой обеспеченности природными ресурсами, которые могут выступать как источники средств для повстанцев, но одновременно и способствовать снижению эффективности функционирования государственных институтов. Все это может рассматриваться как фактор обеспечения низких издержек упущенных возможностей участия во внутреннем вооруженном конфликте.

Низкие темпы экономического роста в стране также могут влиять на вероятность возникновения конфликтов – такой механизм воздействия описан в ряде теоретико-игровых моделей, приведенных в Главе 1 исследования. Точная интерпретация влияния данной переменной затруднена, однако можно предположить, что низкие темпы экономического роста свидетельствуют о падении уровня деловой активности и инвестиций, снижению уровня благосостояния и т.д., что ведет к снижению издержек упущенных возможностей участия в конфликте. В целом, однако, темпы роста ВВП статистически значимы в моделях, где оценивается их воздействие на наличие конфликта. Это может быть результатом проявления обратной причинно-следственной связи, т.е. темпы экономического роста сокращаются уже в результате воздействия вооруженного конфликта. Кроме того, автору не удалось обнаружить устойчивой статистически значимой связи между темпами роста ВВП и вероятность внутренних вооруженных конфликтов.

Велика и значимость переменной прошлых вооруженных конфликтов, что с точки зрения экономического развития государств может быть связано с падением уровня экономического развития в результате конфликта и проблемами постконфликтного восстановления экономики.

Визуализация взаимосвязи между некоторыми из независимых переменных и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов представлена в приложениях 6-11. К примеру, при среднем по миру уровне ВВП по ППС на душу населения в 17 тыс. долл. США,[371] вероятность внутреннего вооруженного конфликта составляет около 10%.

Интерпретация остальных переменных затруднена ввиду нестабильности значений коэффициентов, что может свидетельствовать о сложности учета политических индикаторов (особенно индексов) или недостатке данных.

В целом, учитывая сложность объясняемого явления, возможности регрессионного анализа можно признать удовлетворительными. Коэффициент детерминации (псевдо-R^2) во всех случаях оказывался на относительно невысоком, но приемлемом уровне. В то же время результаты оценки логистической регрессии нуждаются в дополнительном уточнении, чтобы признать их действительно отражающими наличие причинно-следственных связей. В рамках данного исследования

[371] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

автор указывает только на наличие взаимосвязей (или корреляций) между используемыми зависимыми и независимыми переменными.

§2.3. Экономические эффекты внутренних вооруженных конфликтов

На макроуровне выбор в пользу конфликта едва ли может быть рациональным. Связанные с ним издержки, скорее, не могут привести к Парето-оптимальным результатам для людей, проживающих на территории государства. Разрушение объектов инфраструктуры и потери человеческого капитала, неизбежные в ходе вооруженного конфликта, могут становиться причиной замедления темпов экономического роста или даже падение уровня ВВП. В среднем, исследователи экономисты приходят к выводу, что на кросс-страновом уровне внутренние вооруженные конфликты приводят к замедлению темпов экономического роста в диапазоне от 2[372] до 17,5%[373]. В определенных случаях издержки конфликта могут оказаться намного более существенными (пример Сирии, в которой в результате конфликта ВВП, по оценкам, сократился почти вполовину[374]). Наряду с этим, весьма вероятным итогом конфликта становится деградация структуры экономики, что может оказывать воздействие на развитие страны и в долгосрочной перспективе[375]. Немаловажны и экстерналии внутреннего вооруженные конфликты – все его косвенные экономические эффекты чрезвычайно сложно квантифицировать, однако можно утверждать о том, что его общее негативное воздействие имеет более глубокий характер, чем приведенная «консервативная» оценка.

---

[372] См., напр.: Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. 25 p. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

[373] См., напр.: Costalli S., Moretti L., Pischedda C. The economic costs of civil war: Synthetic counterfactual evidence and the effects of ethnic fractionalization // Journal of Peace Research. 2017. Vol. 54. No. 1. P. 80-98.

[374] Gobat J., Kostial K. Syria's Conflict Economy // IMF Working Paper. 2016. No. 2016/123. 29 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Syrias-Conflict-Economy-44033 (accessed: 17.02.2023).

[375] Прим.: В то же время ранее некоторые исследователи (например, А. Органски и Я. Куглер) высказывали точку зрения, что по окончании конфликта страны возвращаются к своим долгосрочным темпам экономического роста. См., напр.: Organski A.F.K., Kugler J. The Costs of Major Wars: The Phoenix Factor // The American Political Science Review. 1977. Vol. 71. No. 4. P. 1347-1366.

Сегодня эта точка зрения не находит подтверждения. См.: Brück T., De Groot O.J., Bozzoli C. How Many Bucks in a Bang: On the Estimation of the Economic Costs of Conflict // The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. New York: Oxford University Press, 2012. P. 261.

2.3.1. Издержки внутреннего вооруженного конфликта и его влияние на экономическое развитие

Аспекты воздействия конфликтов на экономическое развития также могут быть рассмотрены через призму микро-, макро- и международно- экономического анализа, так как его влияние прослеживается как на национальном, так и на международном уровне. Некоторые примеры такого воздействия представлены в Таблице 2.8.

Таблица 2.8. Воздействие вооруженных конфликтов на экономическое развитие на разных уровнях экономического анализа.

Уровень воздействия	**Прямые издержки**	**Непрямые издержки**
Внешнеэкономические связи	- Рост внешней задолженности	- Снижение иностранных инвестиций и отток национального и иностранного капитала; - Рост масштабов международной миграции и «утечка мозгов»; - Сокращение объемов экспорта и импорта; - Сокращение потоков помощи развитию
Национальный уровень	- Уничтожение реального капитала и инфраструктуры; - Деградация земельных ресурсов; - Потери рабочей силы; - Увеличение военных расходов	- Сокращение производства и инвестиций из-за роста нестабильности; - Потери качества человеческого капитала; - Ориентация производственной деятельности на получение прибыли в краткосрочной перспективе; - Рост уровня инфляции
Микроуровень	- Риск гибели, получения травм и нетрудоспособности населения; - Возможности для нелегального заработка[376]	- Продовольственные проблемы; - Вынужденная миграция

Источники: составлено автором на основе Bozzoli C., Brück T., Sottsas S. A Survey of the Global Economic Costs of Conflict // Defence and Peace Economics. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 165-176.; Brück T., De Groot O.J. The Economic Impact of Violent Conflict // Defence and Peace Economics. 2013. Vol. 24. No. 6. P. 497-501.

[376] Прим.: Данное следствие развития конфликтов является, скорее, позитивным, так как способствует удовлетворению минимальных потребностей экономических агентов.

Рассмотрим подробнее основные экономические издержки внутренних вооруженных конфликтов.

Реакцией государства на возникновение вооруженных конфликтов, как правило, становится увеличение военных расходов, причем такое увеличение может быть весьма значительным. Исследователи указывают, что результатом часто становится фактически их двукратное увеличение[377]. Это может приводить к проявлению эффекта вытеснения. Проявление этого эффекта связано со значением мультипликатора, то есть будет ли увеличение военных расходов приводить к увеличению производства. В случае, если значение мультипликатора больше либо равно 1, рост военных расходов будет приводить также и к росту ВВП[378]. Однако в условиях современных внутренних вооруженных конфликтов сложно говорить о наличии в государствах, в которых эти конфликты происходят, существенного военно-промышленного сектора. Это позволяет предположить, что значение мультипликатора в большинстве стран будет существенно ниже 1. Следовательно, результатом увеличения военных расходов станет сокращение других статей расходов бюджета[379], например, инфраструктурных инвестиций, расходов на здравоохранение или образование. Учитывая, что правительство функционирует в условиях ограниченности ресурсов (бюджетного ограничения), то можно предположить, что финансирование дополнительных военных расходов будет связано с повышением налогов, увеличением государственных заимствований, ростом предложения денег в результате эмиссии или сокращением других статей расходов государственного бюджета[380]. Все эти решения потенциально связаны с негативными последствиями для уровня общественного благосостояния.

В то же время основной урон для национальной экономики связан все же не с изменениями в направлениях использования экономических ресурсов, а с уроном, который наносит их использование в ходе вооруженного противостояния. Наиболее очевидные издержки связаны, конечно, с разрушением инфраструктуры и реального капитала, причем урон наносится не только объектам стратегического значения, но и

---

[377] Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. P. 4. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

[378] Smith R.P. The economic costs of military conflict // Journal of Peace Research. 2014. Vol. 51. No. 2. P. 247.

[379] Anderton C.H., Carter J.R. Principles of Conflict Economics: A Primer for Social Scientists. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 123.

[380] Smith R.P. The economic costs of military conflict // Journal of Peace Research. 2014. Vol. 51. No. 2. P. 247.

гражданским строениям. Так как основной капитал является важным фактором экономического роста, его разрушение ведет к снижению общественного благосостояния и сокращению доходов в долгосрочном периоде[381].

Другим результатом внутренних вооруженных конфликтов становится установление в результате развертывания военных действий атмосферы неопределенности и негативных ожиданий, в которых вынуждены действовать экономические агенты. В результате этого индивиды принимают решение о свертывании инвестиций и выводе активов за рубеж. Эффект оттока капитала, по некоторым оценкам, оказывается чрезвычайно существенным, доля зарубежных активов резидентов, как указывают исследователи, может увеличиться в 1,5-2 раза[382]. Причем масштаб оттока капитала может недооцениваться из-за высоких масштабов его нелегального вывоза («бегства капитала»). Внутренние вооруженные конфликты также негативно влияют и на социально-экономическое развитие и уровень развития человеческого капитала. Прямыми издержками конфликта оказываются человеческие потери в результате непосредственных военных действий, а также вынужденная миграция населения[383], что ведет к сокращению численности экономически активного населения и падению уровня развития человеческого капитала страны. Следует отметить, что, по подсчетам исследователей, в современных конфликтах до 90% людских потерь связаны с жертвами именно среди гражданского населения. Хотя такой показатель подвергается сомнению, потери гражданского населения в любом случае оказываются выше, чем среди непосредственных участников конфликта[384]. Следствием этого также становится увеличение масштабов международной миграции (в том числе вынужденной), причем можно предположить, что страны покидают в том числе высококвалифицированные работники.

---

[381] Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. P. 5-6. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

[382] См.: Collier P., Hoeffler A., Pattillo C. Africa's Exodus: Capital Flight and the Brain Drain as Portfolio Decisions // Journal of African Economies. 2004. Vol. 13. No. suppl_2. P. ii15-ii54.; Collier P., Hoeffler A., Pattillo C. Flight Capital as a Portfolio Choice // The World Bank Economic Review. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 55-80.; Davies V.A.B. Capital Flight and Violent Conflict: A Review of the Literature. Washington, D.C.: World Bank, 2010. 12 p. URL: https://web.worldbank.org/archive/website01306/web/pdf/wdr%20background%20note_davies.pdf (accessed: 17.02.2023).

[383] Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. P. 7-8. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

[384] Roberts A. Lives and Statistics: Are 90% of War Victims Civilians? // Survival. 2010. Vol. 52. No. 3. P. 115-136.

Примеры некоторых исследований и приводимые в них монетарные оценки издержек конфликта, приведены автором в Таблице 2.9[385]. Хотя данные исследования отличаются с точки зрения используемых методов анализа, тем не менее все они указывают на значительное негативное воздействие внутренних вооруженных конфликтов на экономическое развитие.

Таблица 2.9. Монетарная оценка издержек конфликта в некоторых ключевых исследовательских работах.

Авторы	**Страна**	**Период**	**Оценка издержек конфликта**
В. Фитцджеральд (1987)	Никарагуа	1980-1984	5% ВВП в год
Г. Харрис (1997)	Шри-Ланка	1983-1992	1,3% ВВП в год
П. Кольер (1999)	19 государств	1960-1989	2,2% роста ВВП в год
П. Мардсен, Э. Самман (2001)	Афганистан	1980-1995	20% ВВП в 1980-1990 гг., 7,5% ВВП в 1990-1995 гг.
Ф. Стюарт, С. Хуанг, М. Ванг (2001)	14 государств	1960-1999	3,3% ВВП в год
А. Хеффлер. М. Рейнал-Керол (2003)	78 государств	1960-1999	2,4% роста ВВП в год
А. Абади, Х. Гардеасабал (2003)	Страна Басков (Испания)	1960-1998	10% ВВП
У. Лопез, К. Уодон (2005)	Руанда	1994-2001	25-30% ВВП
В. Черра, С.Ч. Саксена (2008)	190 государств	1960-2001	6% ВВП
Дж. Гобат, К. Костиал (2016)	Сирия	2011-2015	57% ВВП
С. Косталли, Л. Моретти, К. Пискедда (2017)	20 стран	1970-2008	17,5% ВВП на душу населения в год
О. Де Грут, К. Боццоли, А. Аламир, Т. Брюк (2022)	Глобальный уровень	1970-2014	12% ВВП, 0,9% роста ВВП в год

Источники: составлено автором на основе Abadie A., Gardeazabal J. The Economic Costs of Conflict: A Case Study of the Basque Country // American Economic Review. 2003. Vol. 93. No. 1. P. 113-132.; Brück T., De Groot O.J., Bozzoli C. How Many Bucks in a Bang: On the Estimation of the Economic Costs of Conflict // The Oxford Handbook of the

[385] Прим.: При формировании выборки исследований, приведенных в Таблице 2.9, автор опирался на влиятельность, количество цитирований и упоминания в ключевых обзорных исследованиях, посвященных экономике вооруженного конфликта. См.: Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 3-57.; Brück T., De Groot O.J., Bozzoli C. How Many Bucks in a Bang: On the Estimation of the Economic Costs of Conflict // The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. New York: Oxford University Press, 2012. P. 252-274.; Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 1-23.

Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. New York: Oxford University Press, 2012. P. 252-274.; Cerra V., Saxena S.C. Growth Dynamics: The Myth of Economic Recovery // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 1. P. 439-457.; Collier P. On the Economic Consequences of Civil War // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 1. P. 168-183.; Costalli S., Moretti L., Pischedda C. The economic costs of civil war: Synthetic counterfactual evidence and the effects of ethnic fractionalization // Journal of Peace Research. 2017. Vol. 54. No. 1. P. 80-98.; De Groot O.J., Bozzoli C., Alamir A., Brück T. The global economic burden of violent conflict // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 2. P. 259-276.; Fitzgerald E.V.K. An Evaluation of the Economic Costs to Nicaragua of U.S. Aggression: 1980-1984 // The Political Economy of Revolutionary Nicaragua / ed. by R.J. Spalding. London: Routledge, 1987. P. 195-213.; Gobat J., Kostial K. Syria's Conflict Economy // IMF Working Paper. 2016. No. 2016/123. 29 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Syrias-Conflict-Economy-44033 (accessed: 17.02.2023).; Harris G. Estimates of the economic cost of armed conflict: The Iran–Iraq war and the Sri Lankan civil war // Economics of conflict and peace / ed. by J. Bruaer, W.G. Gissey. Aldershot: Avebury, 1997. P. 269-291.; Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. 25 p. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).; Lopez H., Wodon Q. The Economic Impact of Armed Conflict in Rwanda // Journal of African Economies. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 586-602.; Marsden P., Samman E. Afghanistan: the Economic and Social Impact of Conflicts // War and Underdevelopment: Volume II: Country Experiences / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 21-56.; Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 1-23.; Stewart F., Huang C., Wang M. Internal Wars In Developing Countries: An Empirical Overview of Economic and Social Consequences // War and Underdevelopment: Volume 1: The Economic and Social Consequences of Conflict / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 67-103.

Существенные экономические потери от внутренних вооруженных конфликтов прослеживаются как на локальном (в отдельных странах), так и на глобальном уровне. Интерес в этой связи представляет недавняя работа О. Де Грута, К. Боццоли, А. Аламира и Т. Брюк, в которой они делают вывод, что издержки внутренних вооруженных

конфликтов в 1970-2014 гг. составили около 10% мирового ВВП[386]. Такие результаты позволяют говорить о внутренних вооруженных конфликтах как о глобальном общественном антиблаге (*global public bad*) – внутренние вооруженные конфликты имеют значительные трансграничные последствия, в силу чего их разрешение и предотвращение рассматривается как задача всего международного сообщества[387].

На основе приведенных в Главе 1 настоящего исследования инструментов анализа воздействия внутренних вооруженных конфликтов на экономическое развитие, автором предпринимается попытка оценить характер и степень их воздействия на темпы экономического роста (темпы роста ВВП на душу населения). Для этого автором оценивается линейная регрессия влияния внутренних вооруженных конфликтов на экономическое развитие, которое оценивается как средние темпы роста ВВП за 5-летний период. Оцениваемая модель опирается на методе передаточной функции, приведенной в Главе 1 исследования (см. формулу 1.15) и принимает следующий вид:

$$\partial y_t = \alpha y_{t-1} + \beta_1 Conflict_t + \beta_n X_{nt} + \varepsilon_t \quad (2.4)$$

В формуле 2.4 ∂y_t – темпы роста ВВП на душу населения в момент t, y_{t-1} – ВВП на душу населения в предыдущем периоде, *Conflict* – бинарная перменная, принимающая значение 1 в случае, если в момент t в стране отмечался внутренний вооруженный конфликт, X – вектор дополнительных независимых переменных, включающих численность населения и площадь страны. Подробные описания зависимых и независимых переменных, используемых в регрессионном анализе, даны в пункте 2.2.1 диссертационного исследования. Используемая модель позволяет оценить, как изменяются темпы роста ВВП на душу населения страны на 5-летнем интервале, если на его протяжении в ней отмечается внутренний вооруженный конфликт. Результаты оценки линейной регрессии представлены в Таблицах 2.10. и 2.11.

Таблица 2.10. Результаты оценки регрессии влияния внутренних вооруженных конфликтов на темпы экономического роста

Зависимая переменная – Рост ВВП по ППС на душу населения						
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**

[386] См.: De Groot O.J., Bozzoli C., Alamir A., Brück T. The global economic burden of violent conflict // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 2. P. 259-276.

[387] Buchholz W., Sandler T. Global Public Goods: A Survey // Journal of Economic Literature. 2021. Vol. 59. No. 2. P. 492.

Conflict CoW	-0,09** (-2,88)		-0,13*** (-3,47)		-0,1** (-2,91)	
Conflict UCDP		-0,07* (-2,21)		-0,09* (-2,04)		-0,07 (-1,45)
ln GDP PPP pc	0,04*** (5,9)	0,03*** (5,34)	0,24*** (7,12)	0,19*** (6,46)	0,28*** (7,9)	0,26*** (7,5)
ln *pop*	0,03*** (4,42)	0,03*** (4,04)	-0,00001 (-0,0004)	-0,02 (-0,53)	0,27*** (4,03)	0,24*** (4,08)
ln *area*	-0,01 (-1,85)	-0,01* (-2,06)	-0,3 (-0,37)	-0,69** (-2,85)	-0,38 (-0,51)	-0,4 (-1,63)
Временные фиксированные эффекты	Нет	Нет	Да	Да	Да	Да
Страновые фиксированные эффекты	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да
Значение p-статистики	$6,9*10^{-16}$	$1,4*10^{-12}$	$<2,22*10^{-16}$	$<2,22*10^{-16}$	$<2,22*10^{-16}$	$<2,22*10^{-16}$
R^2	0,07	0,05	0,17	0,11	0,13	0,11
Скорректированный R^2	0,07	0,05	0,04	-0,01	-0,01	-0,02
Количество наблюдений	1083	1227	1083	1227	1083	1227

Примечание: В скобках приведены значения t-статистики. Значения коэффициентов приведены с учетом гетероскедастичности. *, **, *** означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно.

Источник: расчеты автора.

В Таблице 2.10 приведены коэффициенты, полученные в результате оценки моделей, в которых в качестве зависимой переменной использовался рост ВВП по ППС на душу населения[388]. Полученные результаты указывают, что сокращение темпов роста ВВП по ППС на душу населения в результате конфликта составляет 7-13% за 5 лет. В большинстве случаев коэффициент воздействия конфликта является статистически значимым, в модели 6 приближается к уровню статистической значимости. Оценка издержек конфликта оказывается несколько выше при кодировании внутреннего вооруженного конфликта согласно базе данных *Correlates of War*. Полученные результаты в целом соответствуют приведенным результатам других исследований в Таблице 2.9.

[388] Прим.: Автором используются два варианта зависимой переменной из-за неравномерности доступных статистических данных по ВВП по ППС на душу населения и ВВП по обменному курсу на душу населения. Полученные результаты тем не менее отличаются незначительно.

Таблица 2.11. Результаты оценки регрессии влияния внутренних вооруженных конфликтов на темпы экономического роста

Зависимая переменная – Рост ВВП по обм. курсу на душу населения						
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Conflict CoW	-0,1* (-2,09)		-0,16** (-2,79)		-0,11* (-2,1)	
Conflict UCDP		-0,09 (-1,67)		-0,1 (-1,41)		-0,03 (-0,42)
ln GDP pc	0,04*** (4,94)	0,03*** (3,32)	0,17*** (3,64)	0,12** (2,9)	0,46*** (5,99)	0,45*** (6,99)
ln *pop*	0,02 (1,59)	0,02 (1,39)	-0,42*** (-4,57)	-0,39*** (-4,36)	0,82** (3,23)	0,76*** (3,93)
ln *area*	-0,02 (-1,56)	-0,01 (-1,37)	1,05 (0,59)	-2,8* (-1,97)	-1,96 (-1,52)	-2,17 (-1,61)
Временные фиксированные эффекты	Нет	Нет	Да	Да	Да	Да
Страновые фиксированные эффекты	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да
Значение p-статистики	$3,02*10^{-5}$	0,011	$1,7*10^{-7}$	$9,2*10^{-8}$	$<2,22*10^{-16}$	$<2,22*10^{-16}$
R^2	0,02	0,01	0,04	0,04	0,1	0,12
Скорректированный R^2	0,02	0,01	-0,12	-0,11	-0,07	-0,03
Количество наблюдений	1042	1192	1042	1192	1042	1192

Примечание: В скобках приведены значения t-статистики. Значения коэффициентов приведены с учетом гетероскедастичности. *, **, *** означают статистическую значимость при 10%, 5% и 1%, соответственно.

Источник: расчеты автора.

Данные, представленные в Таблице 2.11, указывают, что при использовании ВВП по обменному курсу на душу населения вместо ВВП по ППС на душу населения в качестве зависимой переменной, были получены похожие результаты. Полученные результаты свидетельствуют, что сокращение темпов роста ВВП по ППС на душу населения в результате конфликта составляет 9-16% за 5 лет, однако наблюдения внутренних вооруженных конфликтов согласно базе данных *UCDP* не приводят к статистически значимым результатам, хотя в моделях 2 и 4 близки к конвенциональным критериям статистической значимости. Полученные результаты в целом находятся в

пределах значений, полученных в других исследованиях, представленных автором в Таблице 2.9.

Таким образом, согласно авторским расчетам, результатом внутренних вооруженных конфликтов становится замедление средних темпов экономического роста на протяжения пятилетнего период (во время которого фиксировался вооруженных конфликт) приблизительно на примерно 7-16% вне зависимости от того, используется в модели ВВП на душу населения по ППС или по обменному курсу. В среднегодовом выражении сокращение ВВП на душу населения в результате внутреннего вооруженного конфликта будет находиться в диапазоне -1,4% – -3,5% ВВП в год – данный показатель также соответствует значениям, полученным в других исследованиях, и достаточно высок, что подтверждает тезис о существенном деструктивном воздействии внутренних вооруженных конфликтов на экономическое развитие. Отметим, что устойчивость результатов по сравнению с результатами прошлых исследований сохраняется, несмотря на замедление глобальных темпов экономического роста и использование автором большего массива данных, охватывающего и более современный период.

Внутренние вооруженные конфликты оказывают также и долгосрочное воздействие на национальную экономику. Трансформация национальной экономики и структурные изменения, происходящие в ней в ходе конфликта, несомненно, продолжают оказывать влияние на экономическое развитие и после его завершения. Это обусловливает необходимость проведения мероприятий, в том числе и экономического характера, в целях разрешения возникающих в ходе конфликта диспропорций и искажений, которые будут описаны автором в дальнейшем.

Существенно воздействие конфликтов на институциональную структуру. Как отмечалось, конфликты чаще всего возникают в «нестабильных государствах», отличающихся слабостью институтов и небольшими возможностями государства в предоставлении общественных благ. В результате конфликтов, как правило, не наблюдается сдвигов в сторону увеличения эффективности институтов[389]. Хотя сложно подобрать какую-то единую метрику для оценки их эффективности, возможным вариантом может быть «Оценка государственной политики и институтов» Всемирного банка *(CPIA)*. В среднем по данной шкале показатели постконфликтных государств

[389] Прим.: Ранее исследователи предполагали, что конфликты могут способствовать совершенствованию институтов. См., напр.: Organski A.F.K., Kugler J. The Costs of Major Wars: The Phoenix Factor // The American Political Science Review. 1977. Vol. 71. No. 4. P. 1347-1366.

оказываются на 0,2 балла ниже, чем в других государствах с низким уровнем дохода на д.н, причем о низкой эффективности институтов свидетельствуют все компоненты индекса: макроэкономическая политика остается нестабильной, структурные реформы, призванные содействовать развитию торговли и инфраструктуры, не ведут к ускорению экономического роста, социальная политика отличается недостаточной инклюзивностью, а государственный сектор плохо управляется[390].

Завершение конфликта часто не может стать фактором, обеспечивающим разрешение причин его возникновения. Многие проблемы, возникшие в ходе конфликта, напротив, сохраняются и иногда даже усугубляются. Так, в научной литературе существуют свидетельства того, что завершение конфликта не всегда ведет к изменению тенденций, связанных с оттоком капитала и увеличением государственных военных расходов[391], может не наблюдаться и увеличения эффективности государственной политики. Опасность отсутствия позитивных изменений может привести к высокому риску возобновления конфликта.

Это также говорит о необходимости поддержки таких государств со стороны международного сообщества, которая реализуется в виде оказания финансовой помощи (официальной помощи развитию), содействии проведению программ структурных трансформаций и экономических и институциональных реформ.

2.3.2. Трансформация экономических систем в условиях конфликта

В данном подпараграфе автором дается более подробная характеристика рассмотренным в предыдущей главе подсекторам «военной экономики». Данный подпараграф разделен на несколько соответствующих частей, особое внимание в них уделяется трансформационному воздействию конфликта на развитие национальной экономики. Анализ сопровождается дополнительными короткими иллюстрациями на примере страновых кейсов, которые позволяют, с одной стороны, показать разнообразие моделей поведения экономических агентов в условиях конфликта, а с другой, демонстрируют, что они в целом укладываются в предлагаемую модель.

Сектор экономики военных действий (combat economy)

---

[390] См.: Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. 25 p. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).; Hook K. The Cost of Conflict: Understanding the Ramifications of Internal Warfare // Beyond Intractability. 2013. URL: https://www.beyondintractability.org/essay/understanding-ramifications (accessed: 17.02.2023).

[391] Ibidem.

Главенствующая роль в секторе экономики военных действий принадлежит главам местных или региональных вооруженных формирований, которые «участвуют в вооруженных действиях не в целях защиты религиозных или этнических ценностей, но в первую очередь для того, чтобы получить прибыль и приобрести богатство и власть»[392]. В общем виде это может быть описано условием превышения доходов движения над его издержками при его заданном масштабе. Так как военные действия требуют значительных финансовых и материальных затрат (в соответствии с положениями рассмотренного нами в Главе 1 подхода оценки «устойчивости» повстанческого движения), мотивацией для ведения экономической деятельности становится попытка обеспечить доступ к ресурсам или каналам их получения. От этого во многом зависит способность движения как вести военные действия, так и достигать военных целей[393].

С точки зрения экономикотеоретического анализа, полевые и военные командиры, таким образом, заинтересованы в максимизации получаемых ими средств, так как от этого, с одной стороны, зависит военный потенциал вооруженной организации, а с другой, личные выгоды. Часть источников получения дохода может иметь внутренний характер (налогообложение производителей товаров и услуг или эксплуатация доступных природных ресурсов)[394]. Однако могут существовать и внешние источники дохода: добровольные пожертвования, денежные переводы, займы и прочие финансовые поступления, источниками которых могут выступать иностранные правительства, международные организации, НПО или диаспоры[395].

Способы получения экономических ресурсов могут включать как легальные, так и нелегальные методы. Однако ассиметричный характер большинства современных внутренних вооруженных конфликтов и различия в правовом статусе правительства и повстанческих группировок означают, что повстанческие движения часто неспособны использовать легальные инструменты формирования финансовой базы, они оказываются отрезанными от мирового рынка товаров и услуг. Потенциально каналы получения ими доходов достаточно широки. Повстанческие движения и полевые командиры могут использовать как инструменты налогообложения, в частности,

---

[392] Beyond Reconstruction in Afghanistan: Lessons from Development Experience / ed. by J.D. Montgomery, D.A. Rondinelli. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 135.

[393] См.: The Military as an Economic Actor: Soldiers in Business / ed. by J. Brömmelhörster, W.-C. Paes. London: Palgrave Macmillan, 2003. P. 1-17.

[394] Skaperdas S. Warlord Competition // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 4. P. 436.

[395] Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 569.; Skaperdas S. Warlord Competition // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 4. P. 440.

устанавливать «таможенные пункты» на контролируемых территориям с целью взимания пошлин, а также прибегать к вымогательству и рэкету по отношению к местным производителям, контролировать и самостоятельно управлять предприятиями по добыче природных ресурсов, продавая их впоследствии посредникам[396]. Фактически тем самым повстанческие движения начинают выполнять функции государства[397] (становясь своего роста квазигосударственными образованиями) и предоставляют определенный набор общественных благ взамен на налоговые поступления со стороны жителей территории (см. Пример 1).

Пример 1. Действия повстанческих движений в Демократической Республике Конго

Повстанческие движения в специфичных условиях внутреннего вооруженного конфликта могут принимать на себя некоторые функции, которые обычно выполняются государственными институтами. Это происходит в ситуациях, когда выгоды предоставления общественных благ вооруженными группировками на локальном уровне превышают издержки. Положительный баланс выгод и издержек обеспечивается налоговыми доходами от местных экономических агентов, а также их лояльностью к вооруженной группировке. Притом обеспечение вооруженной группировкой более высокого уровня безопасности на определенной территории приносит ей дополнительные выгоды, так как более предсказуемые и устойчивые условия способствуют росту деловой активности. Механизм действий повстанческого движения соответствует описанному Ч. Тилли[398].

Обстановка в ДРК всегда была достаточно нестабильной ввиду значительного присутствия неформальных вооруженных формирований, контролировавших некоторые регионы страны. В 1990-х гг. многочисленным вооруженным группировкам удалось взять под контроль востока страны, где также находятся крупные месторождения металлов. Р. Санчез де ла Сьерра в своей работе указывает, что некоторые вооруженные группировки на территории страны фактически принимали на себя функции государства, причем такое поведение наиболее отчетливо

[396] Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 13. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

[397] См.: Sánchez de la Sierra R. On the Origins of the State: Stationary Bandits and Taxation in Eastern Congo // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. No. 1. P. 32-74.

[398] См.: Tilly C. Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990. London: Blackwell, 1990. 288 p.

прослеживалось в условиях, когда группировкам удавалось эффективно контролировать и осуществлять мониторинг производства. Для этого группировка принимала на себя многие повседневные административные и полицейские функции и осуществляла налогообложения экономических агентов, осуществлявших добычу. Стремление группировок в ДРК более эффективно осуществлять мониторинг производства было вызвано ростом цен на колумбит-танталит, добычу которого на востоке ДРК носит трудоинтенсивный и организованный характер. После падения цен на него в результате финансового кризиса 2008-2009 гг. произошла переориентация местных производителей на золото. Поведение группировки также изменилось, так как добыча золота носила менее организованный характер и осуществлялась индивидуальными старателями. В результате этого местные вооруженные группировки отказались от прямого налогообложения местных производителей, осуществив переход к индивидуальному налогообложению.

Подобная модель было выгодна агентам всех секторов «военной экономики» - добывающая отрасль в ДР Конго носит трудоинтенсивный характер из-за низкой капиталооснащенности отрасли. Более предсказуемые условия, соответственно, улучшали условия для функционирования добывающих предприятий, в результате чего те могли нанимать больше работников, что способствовало росту уровня благосостояния сообщества в целом. Косвенным подтверждением этого является то, что местное населения стало позитивно относиться к вооруженной группировке[399].

Источники: Koenig M., Rohner D., Thoenig M., Zilibott F. Networks in Conflict: Theory and Evidence from the Great War of Africa // Econometrica. 2017. Vol. 85. No. 4. P. 1093-1132.; Nest M., Grignon F., Kisangani E.F. The Democratic Republic of Congo: Economic Dimensions of War and Peace. London: Lynne Rienner Publishers, 2011. 164 p.; Raeymaekers T. Post-war Conflict and the Market for Protection: The Challenges to Congo's Hybrid Peace // International Peacekeeping. 2013. Vol. 20. No. 5. P. 600-617.; Sánchez de la Sierra R. On the Origins of the State: Stationary Bandits and Taxation in Eastern Congo // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. No. 1. P. 32-74.

Объем необходимых для выполнения критерия устойчивости движения доходов зависит как от внутренних факторов его развития, так и от внешних условий. Издержки

[399] Sánchez de la Sierra R. On the Origins of the State: Stationary Bandits and Taxation in Eastern Congo // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. No. 1. P. 55.

движения будут возрастать или снижаться в зависимости от стоимости ресурсов, разработкой которых занимается движение, на мировом легальном и «черном» рынке, уровня безработицы в стране, доступа к вооружению и т.п. Существенное влияние на устойчивость движения и объем необходимых для его выживания финансовых ресурсов оказывают и внешние факторы. Доход движения также зависит и от действий правительства. Например, в случае активизации усилий правительства по подавлению очагов конфликта или противодействия каналам финансирования движения, вырастают риски и издержки участия в конфликте, что увеличивает и минимальный уровень доходов, необходимый для обеспечения устойчивости движения[400].

Действия негосударственных субъектов конфликта можно рассматривать через призму концепции *lootable goods* (ресурсы, которые наилучшим образом подходят для присвоения, грабежа или получения легкой прибыли), автором которой стал французский исследователь Ф. Ле Биллон[401]. Под ними, как правило, подразумеваются сырьевые товары (природные ресурсы), легко доступные для правительств и вооруженных группировок, наилучшим образом подходящие для налогообложения или установления над ними прямого контроля[402]. Проблема формирования финансовой базы повстанческими группировками и дилемма выбора подходящих для этого ресурсов, как она рассматривается в концепции, представлена ниже в виде логико-интуитивной модели (см. Рисунок 2.8.).

Рисунок 2.8. Дилемма выбора источников финансирования для вооруженных группировок во внутренних вооруженных конфликтах

[400] Anderton C.H., Carter J.R. Principles of Conflict Economics: A Primer for Social Scientists. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 115-116.

[401] См.: Le Billon P. The political ecology of war: natural resources and armed conflicts // Political Geography. Vol. 20. No. 5. P. 561-584.

[402] Vahabi M. The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Escape. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 245.

Источник: Le Billon P. The political ecology of war: natural resources and armed conflicts // Political Geography. Vol. 20. No. 5. P. 573.

М. Росс обращает внимание на другой факт, отмеченный в выше приведенной модели. Он увязывает наличие ресурсов первого типа, включая наркотики, с высокой вероятностью возникновения повстанческих движений несепаратистского толка (собственно гражданских войн)[403]. Производство и экспорт наркотических веществ (или другие формы нелегальной торговли) становятся ответом вооруженных группировок на сравнительно низкую обеспеченность природными ресурсами, доступными для «коммерческого» использования, или сложность разработки и транспортировки ресурсов ввиду отсутствия необходимой инфраструктуры и технологий (см. Пример 2)[404].

Пример 2. Мали: нелегальная торговля как фактор конфликтного потенциала в условиях отсутствия доступных ресурсов
В Мали отмечались вспышки вооруженного насилия еще в 1990-х гг. и начале 2000-х гг., однако они носили периферийный характер, происходили в основном на

[403] Ross M.L. Oil, Drugs, and Diamonds: The Varying Roles of Natural Resources in Civil War // The Political Economy of Armed Conflict: Beyond Greed and Grievance / ed. by K. Ballentine, J. Sherman. Boulder: Lynne Rienner, 2003. P. 66-67.

[404] Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. Москва: Весь мир, 2005. С. 30.

севере страны и не приобретали того масштаба, который они получили в 2010-х гг. Конфликты носили преимущественно локальный характер без значительной внутренней или внешней финансовой поддержки, а их воздействие на экономическое развитие Мали было относительно незначительным, так как они охватывали периферийные и слабо экономически интегрированные регионы севера страны.

На протяжении долгого времени Мали считалась примером удачного демократического развития и эффективного использования средств официальной помощи развитию. В современных исследованиях[405] отмечается, что это не вполне соответствовало действительности. Наряду с общими для «нестабильных государств» проблемами, такими как коррупция, средства помощи распределялись неравномерно между регионами. Северные регионы, одни из наиболее проблемных с точки зрения экономического развития, где существенную долю населения составляют туареги и где часто происходили вспышки вооруженного насилия, получали ее в недостаточных объемах для активизации экономического развития. В то же время присутствие государственных институтов в регионе носило достаточно ограниченный характер.

Фактором возобновления конфликта и формирования устойчивой финансовой базы повстанцев стало воздействие глобализационных процессов на северные регионы Мали. Глобализация в условиях слабого контроля за государственными границами привела к активизации нелегальной торговли, а позднее и к росту торговли людьми и наркотиками в условиях активизации потока беженцев из африканских стран в Западную Европу. Активизации нелегальных торговых операций способствовало распространение технических средств, попадавших в регион в результате его глобализации – мобильные и спутниковые телефоны, средства навигации и пр. Основными товары для контрабанды стали сигареты из Алжира, оружие из Ливии, субсидируемые товары и наркотические вещества из Мали (прежде всего кокаин, поступавший в Мали через другие страны из Южной Америки). По имеющимся оценкам, в конце 2000-х гг. до 27% кокаина, потреблявшегося в Европе, попадало туда через территорию Мали[406]. Вероятно, именно доходы от торговли наркотиками имели наиболее важное значение для вооруженных группировок в 2010-е гг.

[405] См.: Bøås M., Torheim L.E. The Trouble in Mali—corruption, collusion, resistance // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34. No. 7. P. 1279-1292.

[406] Raineri L., Strazzari F. State, Secession, and Jihad: The Micropolitical Economy of Conflict in Northern Mali // African Security. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 254.

В результате глобализации также происходит проникновение глобальных джихадистских организаций на севере Мали и частичная интеграция местных элит в рамках уже существовавших и формирующихся движений. Прибытие глобальных джихадистских организаций приносит в регион дополнительные финансовые ресурсы, что также способствует большей устойчивости повстанческих движений в Мали. Интеграция агентов экономики выживания в сформировавшуюся на севере Мали систему «военной экономики» происходила через патронажные связи и возможность занятости в теневой экономике, что было чрезвычайно важно в преимущественно аграрном и бедном регионе.
Источники: Bastagli F., Toulmin C. Mali: Economic Factors Behind the Crisis // European Parliament: Directorate-General for External Policies. 2014. 43 p. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/433754/EXPO-DEVE_ET(2014)433754_EN.pdf (accessed: 17.02.2023).; Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London: Routledge, 2015. 184 p.; Bøås M., Torheim L.E. The Trouble in Mali—corruption, collusion, resistance // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34. No. 7. P. 1279-1292.; Raineri L., Strazzari F. State, Secession, and Jihad: The Micropolitical Economy of Conflict in Northern Mali // African Security. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 249-271.

Преимущество производства наркотических веществ перед другими возможными альтернативами объясняется, наряду с относительной легкостью и низкими издержками их производства, стабильностью и низкой эластичностью глобального спроса на них. Хотя различные исследования по-разному оценивают эластичность спроса на наркотические вещества. В современных исследования она оценивается как отрицательная, но, как правило, составляет по модулю значительно меньше единицы[407]. При учете регулярности употребления наркотических веществ показатели оказываются несколько ниже для наркотических веществ, вызывающих сильную зависимость (таких как опиаты или кокаин, производство которых распространено в зонах конфликтов)[408]. Кроме того, можно предположить, что, несмотря на усилия международного сообщества по борьбе с наркопотреблением и

[407] См.: Saffer H., Chaloupka F. The Demand for Illicit Drugs // Economic Inquiry. 1999. Vol. 37. No. 3. P. 401-411.; Olmstead T.A., Alessi S.M., Kline B., Pacula R.L., Petry N.M. The price elasticity of demand for heroin: matched longitudinal and experimental evidence // Journal of Health Economics. 2015. Vol. 41. P. 59-71.

[408] Olmstead T.A., Alessi S.M., Kline B., Pacula R.L., Petry N.M. The price elasticity of demand for heroin: matched longitudinal and experimental evidence // Journal of Health Economics. 2015. Vol. 41. P. 59-71.

наркопроизводством, определенная (и относительно стабильная) доля населения продолжит предъявлять спрос на эту группу товаров.

Сектор теневой экономики (shadow economy)

Теневой сектор *(shadow economy)* включает в себя широкий спектр неформальных экономических отношений, не подпадающих под государственное регулирование и развивающихся в ходе конфликта. В теневом секторе основными экономическими агентами зачастую также выступают крупные полевые командиры (но выполняют другую функцию, занимаясь продажей товаров и ресурсов), однако заметную роль там играют контрабандисты, наркоторговцы, производители наркотических веществ и другие субъекты. Таким образом, «участники черного рынка получают выгоды от продолжения вооруженного конфликта, этнической и конфессиональной напряженности и слабости государства»[409]. Основными источниками доходов в такой ситуации становятся разнообразные минеральные ресурсы, наркотические вещества, денежные переводы и обмен валют или другие нелегальные финансовые и торговые операции, например, связанные с незаконным присвоением средств финансовой помощи (см. Примеры 3 и 4). Зачастую существование обширного теневого сектора предшествует возникновению конфликта и может оказываться важным фактором его возникновения и развития, становясь каналом и источником дохода для потенциальных повстанческих движений[410]. Соответственно, теневой сектор экономики может являться основой для последующего развития сектора экономики военных действий и источником ресурсов для него.

Пример 3. Южный Судан: нефтяной сектор как фактор сохранения конфликтного потенциала
Южный Судан стал независимым государством только в 2011 г., однако нефтяные ресурсы и контроль над ними играли важную роль в политике и экономике страны и ранее. В результате продолжительной борьбы за независимость, в 2005 г. региональные власти Южного Судана получили право на сохранение 50% нефтяных доходов. Эти доходы стали основой для системы патронажа, на которую опирались политико-экономические элиты страны. Учитывая высокую гетерогенность

[409] Beyond Reconstruction in Afghanistan: Lessons from Development Experience / ed. by J.D. Montgomery, D.A. Rondinelli. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 135-136.

[410] Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 18. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

населения страны, конкурирующие группы стремились обеспечить себе контроль над ресурсами и рентой. В итоге уже после получения независимости президенту страны С. Кииру удалось консолидировать контроль над рентой, что ухудшило позиции других групп.

Нефтяная рента (наряду с финансовой помощью) формировала большую часть государственных финансов страны (до 97% доходов бюджета). До 2012 г. этих ресурсов было достаточно для перераспределения внутри политической и экономической элиты, которая осуществлялась путем поддержания высоких военных расходов (до 9% ВВП) и системы государственных контрактов. В относительных масштабах государственные расходы в Южном Судане были в 3,5 раза выше, чем в Кении, и в 7 раз выше, чем в Эфиопии, хотя соседи Южного Судана обладали более развитыми и диверсифицированными экономиками. Однако неспособность договориться о транзите нефти через территорию Судана и вызванное этим решение о прекращении добычи привели к деградации этой рентной модели и активизации внутреннего вооруженного конфликта. На современном этапе конфликт приобрел отчетливый этнический характер и во многом фокусируется на контроле над нефтересурсами как ключевым источником ренты, необходимой для поддержания патрон-клиентских связей.

В случае Южного Судана, в экономике которого чрезвычайно велика доля занятых в сельском хозяйстве, нефтяной сектор не имеет такой значимости для агентов экономики выживания, поскольку не входит в число трудоинтенсивных отраслей. В стране сформировалась экономическая система, в рамках которой агенты экономики выживания в большей степени зависят от перераспределения в рамках системы патронажных связей.

Источники: De Waal A. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan // African Affairs. 2014. Vol. 113. No. 452. P. 347-369.; Oil or Nothing: Dealing with South Sudan’s Bleeding Finances // International Crisis Group. October 6, 2021. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/305-oil-or-nothing-dealing-south-sudans-bleeding-finances (accessed: 17.02.2023).

Пример 4. Добыча алмазов в Либерии и Сьерра-Леоне и Кимберлийский процесс

Две небольшие страны Западной Африки, Либерия и Сьерра-Леоне, оказались охваченными конфликтами в 1990-2000-х гг. Обе страны обладали достаточно крупными (учитывая небольшие масштабы их экономик) запасами алмазов.

Следствием начала внутренних вооруженных конфликтов стала деградация экономической структуры этих стран (и без того бедных и характеризующихся невысокой степенью диверсификации экономики). В результате все большее значение приобретала алмазодобывающая отрасль, причем добыча часто носила нелегальный характер и контролировалась вооруженными группировками на территории этих стран. Такой контроль устанавливался уже после начала вооруженных конфликтов.

Нелегальный и полулегальный экспорт из этих стран привел к появлению термина «кровавые алмазы» (*blood diamonds*). Доля алмазов, поступавших из Либерии и Сьерра-Леоне на мировой рынок, была невелика (около 1%), однако являлась важным источником финансов для вооруженных группировок. В то же время занятость населения в алмазодобывающей отрасли была в значительной степени «вынужденной» в силу неблагоприятных условий труда и отсутствия альтернативных возможностей занятости. Таким образом, она может быть рассмотрена как одна из доступных стратегий для агентов экономики выживания. Несмотря на это, даже в рассматриваемых странах участники «военной экономики» приобретали определенные выгоды, хотя и распределялись они менее симметрично, чем в случае ДРК, описанном в Примере 1. Выгоды концентрировались среди агентов сектора экономики военных действий, которые получали возможность финансировать вооруженную активность, и агентов теневой экономики, которые получали доход за счет осуществления посреднических функций при выводе алмазов на международный рынок.

Запущенный в мае 2000 г. Кимберлийский процесс ограничил нелегальный экспорт алмазов из Либерии и Сьерра-Леоне, что отрезало вооруженные группировки двух стран от устойчивых финансовых потоков. Вскоре после этого активная фаза внутренних вооруженных конфликтов в этих странах завершилась. Несмотря на запуск Кимберлийского процесса, М. Боас указывает, что проблема нелегальной добычи и экспорта алмазов в рассматриваемых странах не была полностью решена.

Источники: Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London: Routledge, 2015. 184 p.; Grant J.A. The Kimberley Process at Ten: Reflections on a Decade of Efforts to End the Trade in Conflict

Diamonds // The Global Diamond Industry: Economics and Development: Volume II / ed. by R. Grynberg, L. Mbayi. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 119-142.; Hirsh J.L. Sierra Leone: Diamonds and the Struggle for Democracy. London: Lynne Rienner, 2001. 175 p.; What is the Kimberley Process? // Kimberley Process. URL: https://www.kimberleyprocess.com/en/what-kp (accessed: 17.02.2023).

Сектор экономики выживания (coping economy)

Сектор экономики выживания включает в себя большое количество различных стратегий и видов экономической деятельности, которые позволяют удовлетворить основные потребности мирных жителей, в особенности лучше – в особенности представителей наиболее бедных и уязвимых слоев[411]. Значение данного сектора в условиях внутреннего вооруженного конфликта связано с ограниченными возможностями участия в официальной экономической системе и невозможностью поддержания традиционных форм экономической деятельности[412]. Субъекты данного сектора могут быть в большей степени заинтересованы в установлении мира, поскольку условия вооруженного конфликта существенно ограничивают возможности взаимодействия в рамках формальной экономики и, как правило, ведут к снижению уровня благосостояния.

Стратегии субъектов экономики выживания отличаются значительным разнообразием[413], что связано со спецификой влияния вооруженного конфликта в рамках той или иной экономической системы, доступными экономическими ресурсами и т.д. Ответом на различные угрозы, возникающие в результате конфликта, и разрушение условий для ведение привычной экономической деятельности может становиться сокращение потребления или миграция[414]. Стратегии субъектов экономики выживания часто оказываются связанными с эксплуатацией и добычей природных ресурсов или производством продукции сельского хозяйства (в том числе

[411] Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 18. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

[412] См.: Mwanasali M. The View from Below // Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars / ed. by M. Berdal, D.M. Malone. Boulder: Lynne Rienner, 2000. P. 137-153.; Power, livelihoods and conflict: case studies in political economy analysis for humanitarian action / ed. by S. Collison // Humanitarian Policy Group Report. 2003. No. 3. 98 p. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/289.pdf (accessed: 17.02.2023).

[413] Power, livelihoods and conflict: case studies in political economy analysis for humanitarian action / ed. by S. Collison // Humanitarian Policy Group Report. 2003. No. 3. P. 4-5. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/289.pdf (accessed: 17.02.2023).

[414] Ibid. P. 13.

наркотических веществ, например, выращиванием наркосодержащих растений, распространенных во многих зонах конфликта), которые выступают одним из немногих источников финансовых и прочих ресурсов для масс населения в условиях конфликта. Кроме того, экономика выживания может предполагать и другие стратегии, такие как ведение натурального хозяйства, участие в мелкой торговле, контрабанде товаров, получение денежных переводов от членов семей или представителей диаспоры, покинувших зону конфликта (причем напрямую в нелегальной деятельности участвует, как правило, относительно незначительная часть населения, но ее позитивные экстерналии на локальном уровне охватывают уже заметно большую долю населения)[415].

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на выделение различных секторов «военной экономики», развивающихся в географических пределах зоны конфликта, границы между этими секторами оказываются весьма размытыми и неопределенными[416]. Это связано с совпадением и пересечением акторов, являющихся участниками данных секторов. Так, полевые командиры являются основными акторами в секторе экономики военных действий, но также очень часто оказываются связанными с взаимодействием в рамках теневой экономики. Не является исключением и сектор экономики выживания, где мирные жители могут заниматься не только ведением натурального хозяйства, но и выращиванием наркосодержащих растений, что делает их агентами теневой экономики.

По мнению автора, некоторым недостатком большинства исследовательских работ, посвященных анализу структуры «военной экономики», является отказ от рассмотрения формального сектора экономики и, соответственно, его невключение в структуру «военной экономики». В то же время есть основания говорить (за исключением относительно редких случаев, когда государственные институты регулирования экономической деятельности и государственные институты перестают полностью или почти полностью функционировать) о взаимосвязи формального сектора экономики с рассмотренными автором раннее компонентами «военной экономики». Большинство субъектов рассмотренных автором секторов могут ситуативно вступать в

---

[415] Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 18. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

[416] Power, livelihoods and conflict: case studies in political economy analysis for humanitarian action / ed. by S. Collison // Humanitarian Policy Group Report. 2003. No. 3. P. 5. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/289.pdf (accessed: 17.02.2023).

различные отношения в рамках формального сектора. С другой стороны, неэффективность государственных институтов и распространение коррупционных практик создают каналы для взаимодействия субъектов формального сектора экономики с субъектами экономики военных действий или теневой экономики. Например, так как государство выступает получателем помощи развитию и гуманитарной помощи, коррупция может способствовать активизации и продолжению вооруженного противостояния, поскольку из-за коррумпированности чиновников и местных администраций значительная часть средств финансовой помощи может оказываться в руках повстанческих движений[417].

§2.4. Применение экономических инструментов в целях предотвращения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов и их эффективность

На современном этапе экономические инструменты широко применяются в целях предотвращения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов. Их популярность обусловлена тем, что их использование связано с меньшими политическими и экономическими издержками по сравнению с дорогостоящими военными интервенциями, эффективность которых в то же время не является гарантированной. На практике примеры Афганистана, Ирака и других стран показывают, что и в случае вооруженного вмешательства реформирование экономики и финансирование программ содействия развитию сопутствуют военно-политическим методам трансформации конфликтов.

На сегодняшний день существует проработанный инструментарий и наборы рекомендаций, которые касаются как проведения экономической политики в постконфликтных и «нестабильных государствах», так и действий международного сообщества (стран и организаций-доноров) в подобных контекстах. Цель этих инструментов состоит в том, чтобы вывести контекст из состояния «конфликтной ловушки». Это цель реализуется путем укрепления устойчивости и самодостаточности стран, обеспечения роста уровня благосостояния населения через создание рабочих мест, развитие частного сектора, выхода национальных товаров на рынки иностранных государств. Предполагается, что большие экономические возможности, устойчивость национального правительства и рост благосостояния населения сделают участие в

[417] Sexton R. Aid as a Tool against Insurgency: Evidence from Contested and Controlled Territory in Afghanistan // American Political Science Review. 2016. Vol. 110. No. 4. P. 747-748.

вооруженном конфликте менее привлекательным для населения и менее эффективным средством решения политических целей для повстанцев.

В то же время вопрос об эффективности существующего инструментария остается открытым. В данном пункте Главы автором указывается, что на практике существующий инструментарий может быть эффективен только при соблюдении ряда условий. Раздел завершается кратким обзор нескольких кейсов нестабильных постконфликтных контекстов. Так как комплексное применение экономических инструментов в целях предупреждения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов обусловливает их холистское рассмотрение и делает анализ практической реализации невозможным в отдельности, автор концентрируется на нескольких кейсах, иллюстрирующих проблемы предотвращения и разрешения конфликтов в «нестабильных государствах». К сожалению, обозначенные автором условия достижения устойчивого и мирного экономического развития, как правило, в «нестабильных государствах» не достигаются.

2.4.1. Параметры эффективности и ключевые проблемы применения экономических инструментов в целях предотвращения и разрешения внутренних вооруженных конфликтов

Ключевой задачей в постконфликтных и «нестабильных» контекстах является институциональное строительство или восстановление институтов. Его значимость связана с тем, что институты экономического регулирования либо требуют восстановления в силу деградации за время конфликта, либо неэффективны в решении задач экономического развития, а потому требуют укрепления. Современные количественные исследования указывают на то, что недостаточная подотчетность и низкая эффективность работы государственных институтов являются важными факторами возникновения вооруженных конфликтов, в том числе их повторного возникновения[418]. Долгосрочной целью институционального строительства является построение таких экономических институтов, которые бы гарантировали суверенитет экономических агентов, предоставляли экономическим агентам возможность участия в принятии решений в экономической сфере, способствовали бы экономическому росту и

[418] См.: Fearon J.D. Governance and Civil War Onset. Washington, D.C.: World Bank, 2010. 70 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/9123 (accessed: 17.02.2023).

росту среднего уровня благосостояния. По подсчетам, такие трансформации в современном мире занимают от 15 до 30 лет[419].

На практике в постконфликтных и «нестабильных государствах» чаще всего применялись методы строительства или трансформации институтов «сверху вниз», причем ведущую роль в определении приоритетов и направления институционального строительства или трансформаций приобретали ведущие доноры Запада[420]. Направления институциональных реформ, как правило, определялись концепцией «либерального мира». Она предполагала заимствование моделей институциональной организации ведущих экономик мира, демократизацию, дерегулирование экономики, развитие рыночной экономики при доминирующей роли частного сектора, внешнеторговую открытость при стимулировании экспорта как драйвера экономического роста. Де-факто это адаптация, версия Поствашингтонского консенсуса для «нестабильных» контекстов, которая реализовывалась путем технической помощи и внедрения «лучших практик» - тех, что показали свою эффективность в других похожих контекстах или более развитых экономиках. Заимствование западных практик и моделей институциональной организации определялось тем, что именно они выступали спонсорами изменений – обеспечивали их реализацию через предоставление помощи развитию, а иногда и с помощью военного присутствия. Демократизация была призвана создать и укрепить механизмы обратной связи и обеспечить участие населения в принятии решений. Это, как полагалось, создаст дополнительные инструменты решения проблем, что сделает участие в повстанческой деятельности менее привлекательным. Все остальные меры призваны обеспечить возможности участия населения в экономической жизни и рост уровня благосостояния[421].

В современных исследованиях указывается, что программы развития «сверху вниз», как правило, неэффективны. Их неэффективность связывается с универсализмом и недостаточной адаптивностью, с тем, что они не вполне отвечают специфическим потребностям контекстов. Неудачи в использовании зарубежных моделей развития и организации экономических институтов могут привести к тому, что формальные

---

[419] World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. P. 10.

[420] См.: Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. Москва: Ленанд, 2016. 320 с.; King E., Samii C. Fast-Track Institution Building in Conflict-Affected Countries? Insights from Recent Field Experiments // World Development. 2014. Vol. 64. P. 740-754.

[421] Suhrke A. Reconstruction as Modernisation: The 'Post-Conflict' Project in Afghanistan // Third World Quarterly. 2007. Vol. 28. No. 7. P. 1292-1294.

институты будут уступать неформальных нормам и практикам организации экономической деятельности. В частности, если «нестабильным» контекстах не удается создать механизмы обратной связи, то возникают мотивации для рентоориентированного поведения в рамках государственных институтов, что подрывает экономическое развитие. Кроме того, финансирование таких проектов донорами при недостаточном мониторинге может привести к интенсификации рентоориентированного поведения на местном уровне, зависимости от помощи и ее неэффективности[422]. Таким образом, сложится ситуация, когда содействие и «лучшие практики» будут поддерживать существование системы, которая неспособна конвертировать инвестиции в экономический рост.

Альтернативой модели институционального развития «сверху вниз» являются проекты «развития, инициированного сообществами» (*Community Driven Development, CDD*), т.е. институциональное строительство снизу вверх. Их эффективность может отличаться. Воздействие на принятие и эффективность решений на национальном уровне может оставаться низкой, если представительство интересов населения на высшем уровне принятия решений не обеспечено. В частности, в отдельных исследованиях указывалось, что продвижение таких проектов донорами не приводило к ожидаемым эффектам. В ДР Конго проект «развития, инициированного сообществами» не привел к росту активности людей в институтах принятия решений на местном уровне, увеличению электоральной активности, а также к росту осведомленности о предоставляемом в рамках проекта финансировании[423]. Похожие результаты продемонстрировал проект в Сьерра-Леоне[424]. В Афганистане, напротив, исследователями были обнаружены позитивные эффекты[425], но они редко трансформировались в более эффективные решения на национальном уровне[426]. Хотя на местном уровне у участников проекта «развития, инициированного сообществами» сложилось впечатление об улучшении ощущаемого ими уровня благосостояния, проект

---

[422] King E., Samii C. Fast-Track Institution Building in Conflict-Affected Countries? Insights from Recent Field Experiments // World Development. 2014. Vol. 64. P. 741.

[423] См.: Humphries M., Sánchez de la Sierra R., Van der Windt P. Exporting democratic practices: Evidence from a village governance intervention in Eastern Congo // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 140. P. 279-301.

[424] См.: Casey K., Glennerster R., Miguel E. Reshaping Institutions: Evidence on Aid Impacts Using a Preanalysis Plan // The Quarterly Journal of Economics. 2012. Vol. 127. No. 4. P. 1755-1812.

[425] См.: Beath A., Christia F., Enikolopov R. The National Solidarity Programme: Assessing the Effects of Community-Driven Development in Afghanistan // International Peacekeeping. 2015. Vol. 22. No. 4. P. 302-320.

[426] Brick Murtazashvili J. Informal Order and the State in Afghanistan. – New York: Cambridge University Press, 2016. P. 197-204.

не оказал существенного воздействия на рост их реального располагаемого дохода, уровень потребления или уровень их обеспеченности продовольствием[427].

В условиях «неустойчивых» государств все модели являются рискованными в силу большого количества рисков, присущих подобным контекстам. Вне зависимости от выбранной донорами или национальными правительствами модели есть ряд ключевых проблем, которые требуют решения для того, чтобы обеспечить устойчивость институтов и возможности для экономического роста. Среди этих проблем выделяют следующие[428]:

- Во-первых, проблему формулирования стратегии, которая свяжет миростроительство, институциональное строительство и экономическое развитие. Ни одна из существующих стратегий не позволила эффективно связать эти цели таким образом, чтобы ее применение было бы допустимым во всех «нестабильных государствах».
- Во-вторых, проблему финансирования. Основным инструментом поддержки «нестабильных государств» является официальная помощь развитию, которая оказывается недостаточно оперативным инструментом для решения проблем таких контекстов, где вызовы развитию могут проявляться неожиданно. Кроме того, доноры стремятся избегать рискованных решений, в силу чего может происходить маргинализация государственных институтов, т.е. помощь распределяется не через них, а роль правительства в принятии решений в сфере содействия развитию незначительна. Это может препятствовать укреплению способности национальных правительств к эффективному управлению[429].
- В-третьих, проблему эффективности применяемых инструментов и решений, которая связана с недостатком знаний в специализированных областях, связанных, например, с функционированием неформальных институтов в «нестабильных государствах», где они часто играют определяющую роль в принятии экономических решений, особенно на местном уровне.

---

[427] Beath A., Christia F., Enikolopov R. The National Solidarity Programme: Assessing the Effects of Community-Driven Development in Afghanistan // International Peacekeeping. 2015. Vol. 22. No. 4. P. 310-311.

[428] Hearn S. Peacebuilding and Institution-building. Helsinki: United Nations University Centre for Policy Research, 2015. P. 3. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:3221/unu_cpr_peacebuilding_and_institution.pdf (accessed: 17.02.2023).

[429] Сегодня некоторые доноры, например, ЕС и Африканский банк развития пытаются решить эту проблему, предоставляя оперативное финансирование реципиентам в кризисных ситуациях, однако объемы такой помощи незначительны. См.: Ibid. P. 6.

Следствием неспособности разрешить эти проблемы становятся неудачные интервенции и программы институционального строительства и экономического восстановления в «нестабильных государствах». Их результатом может быть затянутость интервенций (ДРК), неудачные попытки миростроительства и институционального строительства с неудовлетворительными результатами для экономического развития (Афганистан) или необходимость повторения интервенций в результате повторных вспышек насилия или неожиданного ослабления институтов, которым оказывалась поддержка (Восточный Тимор)[430].

Причина неудач кроется в том, что при планировании институционального строительства доноры и национальные правительства крайне редко учитывают необходимые факторы, которые связаны с предконфликтным состоянием их институтов и экономического развития, непосредственным воздействием конфликта и особенностями постконфликтного состояния. Институциональное строительство должно сопровождаться реформами в других сферах – как отмечено в Главе 1, исследователи выделяют несколько ключевых направлений.

Во-первых, это денежно-кредитная политика, которая призвана создать эффективную денежно-кредитную систему. В ее рамках важно создание и поддержание устойчивого финансового сектора, который был бы способен выполнять функции финансового посредника. С этим часто возникают проблемы ввиду высокой нестабильности и неопределенности, характерных для «нестабильных государств».

Во-вторых, это налогово-бюджетная политика, целью которой должен статьи постепенный переход к самодостаточности, укрепление внутренних источников дохода, что позволит постепенно уйти от зависимости от помощи. Этому должна также содействовать диверсификация экспорта, учитывая, что многие «нестабильные государства» зависимы от экспорта природных ресурсов, волатильность цен на которые может тормозить их экономическое развитие. Более эффективная налогово-бюджетная политика также должна позволить перейти странам к более разносторонней социальной политике, в частности обеспечению широкого доступа к государственным системам здравоохранения и образования. Зачастую они спонсируются донорами, однако целью должна быть передача ответственности за предоставление общественных благ национальному правительству и национальному частному сектору.

[430] Ibid. P. 3.

2.4.2. Кейс-стади применения экономических инструментов в целях разрешения и предотвращения вооруженных конфликтов

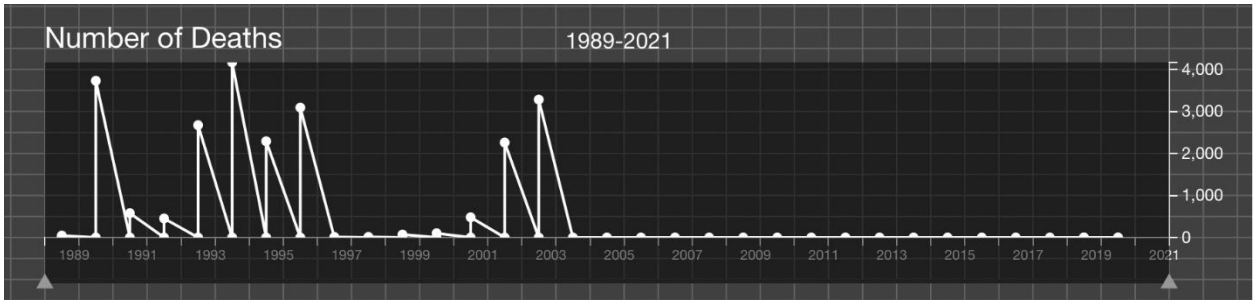
Для более детального рассмотрения эффективности применения экономических инструментов в целях разрешения и предотвращения вооруженных конфликтов автором были отобраны 3 страны, которые сталкивались с масштабными вспышками вооруженного насилия на протяжении последних 30 лет. Критерием для их отбора были принадлежность к категории «нестабильных государств», значительные отличия в траекториях миростроительства и их способности выйти из «конфликтной ловушки». К таким странам для проведения кейс-стади на основе качественного сравнительного анализа были выбраны Либерия, Мали и Южный Судан. Все они были рассмотрены в качестве примеров в предыдущем параграфе настоящей главы[431]. Данные страны отличаются относительно схожими предконфликтными условиями при различных итоговых результатах, что и обусловило их выбор для более подробного анализа.

Приведем краткий обзор динамики вооруженных конфликтов в рассматриваемых странах.

В Либерии возникали вооруженные конфликты в 1990-е и начале 2000-х гг. Впоследствии, однако, стране удалось выйти на траекторию устойчивого мира. Значимые вспышки вооруженного насилия в стане на протяжении 2010-х гг. не фиксировались.

Рисунок 2.9. Численность жертв в результате вспышек насилия в Либерии в 1989-2021 гг.

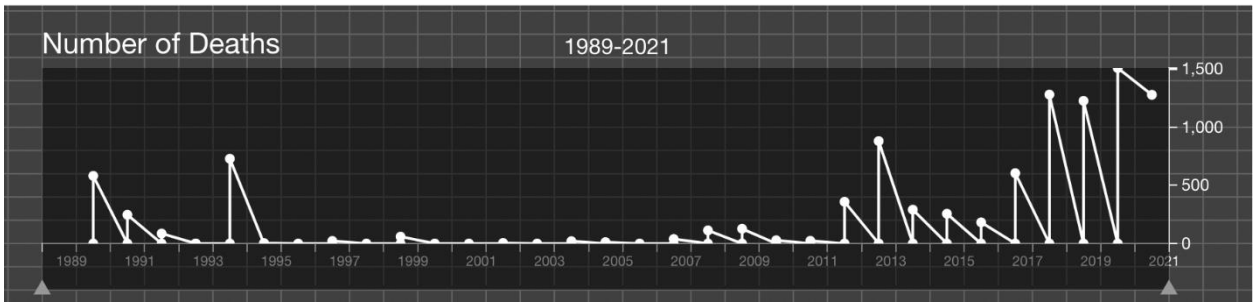
[431] Прим.: Кейс ДР Конго был исключен, так как по динамике вооруженного насилия страна очень схожа с другими кейсами. После окончания Второй конголезской войны (1998-2002 гг.) в стране происходили меньшие по масштабу и продолжительности всплески вооруженного насилия. С точки зрения траектории постконфликтного восстановления экономики и институционального строительства кейс ДР Конго близок к Мали. В стране не произошло устойчивого переустройства институтов, преобразования и выгоды от предоставления официальной помощи развития мало воздействовали на некоторые периферийные регионы страны, где продолжали активно действовать различные вооруженные группировки. См.: DR Congo (Zaire) // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/490 (accessed: 17.02.2023).; Katoka B. How good is aid for institution building in the Democratic Republic of Congo? // Global Social Policy. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 228-234.; Lake M. Building the Rule of War: Postconflict Institutions and the Micro-Dynamics of Conflict in Eastern DR Congo // International Organization. Vol. 71. No. 2. P. 281-315.



Источник: Liberia // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/450 (accessed: 17.02.2023).

Кейс Мали значительно отличается и является примером периодических вспышек насилия, как правило, невысокой интенсивности, которые тем не менее могут быть классифицированы как внутренний вооруженный конфликт. Кроме того, для Мали характерно нарастание вооруженной активности на протяжении последнего десятилетия. Некоторые факторы конфликтной динамики в стране описаны автором в предыдущем пункте данной главы в Примере 2.

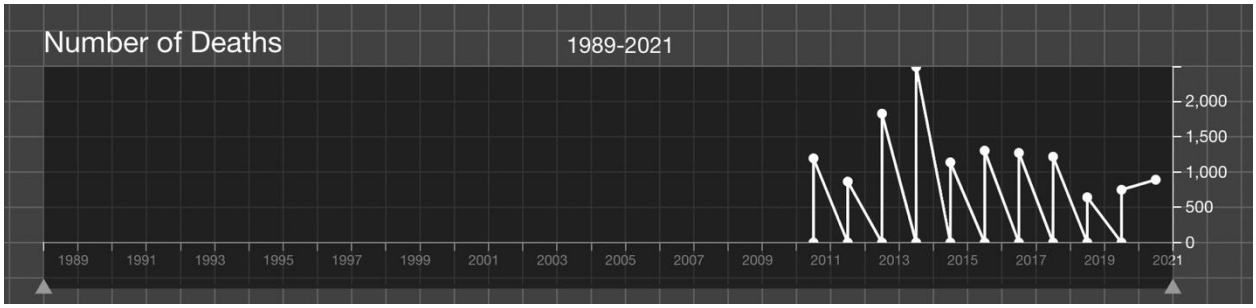
Рисунок 2.10. Численность жертв в результате вспышек насилия в Мали в 1989-2021 гг.



Источник: Mali // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/432 (accessed: 17.02.2023).

Южный Судан выступает кейсом, где устойчивое прекращения насилия так и не было достигнуто. Страна находится в состоянии внутреннего вооруженного конфликта с момента получения независимости в 2011 г. при сохранении высокой интенсивности вооруженного насилия, которое может быть классифицировано как внутренний вооруженный конфликт.

Рисунок 2.11. Численность жертв в результате вспышек насилия в Южном Судане в 1989-2021 гг.



Источник: South Sudan // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/626 (accessed: 17.02.2023).

Автором применяется метод сравнительного анализа. Проводится сравнение отобранных кейсов по ключевым параметрам, позволяющим оценить эффективность постконфликтных интервенций и экономической политики в «нестабильных» и постконфликтных государствах, которые были рассмотрены в Главе 1 диссертационного исследования. Предметом сравнения выступают предконфликтные условия, характер воздействия конфликта, особенности постконфликтного развития и результаты попыток трансформации конфликта (которые тем не менее носят на данный момент в случае Мали и Южного Судана весьма предварительный характер).

К каждому фактору, по которым проводится сравнение кейсов, был подобран ряд параметров и показателей на основании ключевых проблем и направлений взаимного воздействия вооруженных конфликтов и экономического развития, описанных ранее в диссертационном исследовании.

Для предконфликтных условий используются следующие параметры сравнения:

- ВВП на душу населения на момент начала конфликта;
- площадь страны и численность населения;
- природно-ресурсный потенциал и доля ресурсной ренты в ВВП;
- модель организации институтов до начала конфликта;
- продолжительность независимости[432].

[432] Прим.: Он используется автором как индикатор устойчивости государственных институтов, в чем автор следует логике, описанной в Политическом атласе современности. См.: Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Москва: «МГИМО–Университет», 2007. С. 73.

Для характера воздействия конфликта используются следующие параметры сравнения:

- ВВП на душу населения после вспышки насилия;
- состояние институтов после эпизодов внутреннего вооруженного конфликта;
- характер трансформации экономики в результате воздействия внутреннего вооруженного конфликта.

Для характеристики постконфликтного экономического состояния используются следующие параметры сравнения:

- модель организации институтов в постконфликтный период;
- денежно-кредитная политика и ее эффективность;
- фискальная политика и ее эффективность;
- масштабы поддержки доноров (официальная помощь развитию (ОПР) на душу населения);
- качество контроля и мониторинга со стороны доноров.

В качестве параметров результативности применения экономических инструментов рассматриваются:

- масштабы насилия;
- средние темпы экономического роста.

Часть параметров были получены автором из основных статистических баз данных, другие предполагают авторскую качественную оценку на основе критического анализа релевантной литературы по каждому из рассматриваемых в данном подпараграфе кейсу.

Автором выдвигается предположение, что некоторые отличия могут быть важными с точки зрения возможности объяснения различных траекторий развития стран, некоторым из которых удается выйти из «конфликтной ловушки», когда другие оказываются неспособными с ней справиться. Ключевая информация по отобранным кейсам приведена автором в Таблице 2.12.

Таблица 2.12. Сравнение изначальных и постконфликтных условий в странах, отобранных для проведения кейс-стади

	Либерия	**Мали**	**Южный Судан**

Характеристика кейса	Нет возобновления вооруженного конфликта	Возобновление вооруженного насилия	Нет устойчивого прекращения вооруженного конфликта
Предконфликтные условия			
ВВП на душу населения на момент начала конфликта	1719	750	-
Территория (тыс. км^2)	111,37	1240,19	633,907
Население (млн чел.)	2,1064	8,4499	4,9532
Природно-ресурсный потенциал	Значительный	Существенный	Значительный
Ресурсная рента (% ВВП)	-	12,1	57,2
Модель организации институтов до начала конфликта	Сформирована по англо-американскому образцу	Сформирована по французскому (континентальному) образцу	Национальные институты до начала конфликта отсутствовали
Продолжительность независимости	142	30	0
Постконфликтные условия			
ВВП на душу населения после вспышки насилия	610	974	2913
Численность населения после конфликта	3,1357	9,586	7,5359
Ресурсная рента (% ВВП)	34,2	9,4	-
Характер трансформации экономики	Существенное с опорой на эксплуатацию природных ресурсов (прежде всего алмазов) и при высоких масштабах вынужденной внутренней и внешней миграции	Незначительное воздействие, так как конфликт затронул преимущественно периферийные регионы	Существенное, но эксплуатация ресурсов осложняется недоразвитием инфраструктуры и борьбой сторон конфликта за контроль над ними
Характеристика постконфликтного развития			
Модель организации институтов и их состояние после вспышек насилия	Восстановление прежней модели организации	Не претерпела изменений в силу незначительного воздействия на начальном этапе	Попытка создания новых национальных институтов на основе разделения власти между конкурирующими этническими группами
Эффективность денежно-кредитной политики	Высокая	Умеренная	Низкая

Эффективность налогово-бюджетной политики	Умеренная	Умеренная	Низкая
Характеристика прогресса в развитии человеческого капитала[433]	13%	22,7%	-
ОПР на душу населения (в среднем на каждом 5-летнем интервале после окончания конфликта), долл.	114,8; 234,8; 170,8	43; 37,2; 81,6; 74,2; 78,2	127,6; 161,2
Качество контроля и мониторинга со стороны доноров	Высокий	Умеренный	Низкий
Результаты воздействия экономических инструментов			
ВВП на душу населения	1258,2	2446,2	1600
Средние темпы экономического роста	4,1%	3,9%	-5,8%
Масштабы насилия	Значимые повторные вспышки насилия отсутствовали	Повторение незначительных эпизодов вооруженного насилия с их интенсификацией после 2017 г.	Нет устойчивого прекращения вооруженного насилия
Экономические причины удачи или неудачи воздействия	Более эффективные ограничения со стороны доноров, более эффективный контроль за контрабандой природных ресурсов	Существенная степень неравенства в уровнях экономического развития между регионами, нежелание и неспособность правительства проводить институциональные преобразования	Политическая нестабильность и контроль за доступ к ресурсам ограничивали возможности институциональных реформ и контроля со стороны доноров

Источники: составлено автором на основе Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London: Routledge, 2015. 184 p.; De Waal A. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan // African Affairs. 2014. Vol. 113. No. 452. P. 347-369.; Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM (accessed: 17.02.2023).; Global Debt Database // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD (accessed: 17.02.2023).; Mulbah S. State-building Interventions in Post-Conflict Liberia: Building a State without Citizens.

[433] Прим.: Рост отдачи от продолжительности образования и средней продолжительности жизни. Рассчитано автором на основе Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).

London: Routledge, 2017. 280 p.; Oil or Nothing: Dealing with South Sudan's Bleeding Finances // International Crisis Group. October 6, 2021. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/305-oil-or-nothing-dealing-south-sudans-bleeding-finances (accessed: 17.02.2023).; Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).; World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Три рассматриваемых кейса относительно близки по изначальным условиям. Общей характеристикой является достаточно низкий уровень благосостояния населения[434], немногочисленным, но гетерогенным составом населения, существенным природно-ресурсным потенциалом. Отметим, что он выше в Либерии и Южном Судане[435]. Основные отличия между рассматриваемыми кейсами состоят в площади, модели организации институтов и продолжительности независимого развития (она может косвенно свидетельствовать об устойчивости институтов страны).

Некоторые особенности развития стран в условиях внутренних вооруженных конфликтов описаны авторов в Примерах 2, 3 и 4 в предыдущем параграфе Главы. Отметим, что степень воздействия конфликта на экономики стран существенно отличается. В случаях Либерии и Южного Судана оно было значительным и привело в том числе и к существенному экономическому спаду. Так, ВВП на душу населения Либерии сократился почти в 3 раза. В случае Мали же это воздействие изначально было незначительным, так как конфликт затронул преимущественно периферийный северный регион страны.

Рассмотрим ключевые особенности постконфликтного развития трех стран.

После окончания внутреннего вооруженного конфликта Либерия прошла этап реформ, которые проводились под контролем основных стран-доноров и в условиях присутствия в стране миротворческой миссии ООН. Постепенно в стране удалось наладить достаточно эффективную налогово-бюджетную политику, в результате чего

[434] Прим.: ВВП на душу населения существенно выше в Южном Судане, однако это связано с зависимостью страны от экспорта углеводородов. Нефтяная рента составляла около 56% ВВП. См.: World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[435] Прим.: Мали также обладают достаточно существенными запасами природных ресурсов, однако они не имели существенного значения в экспорте, а добывающие отрасли – в структуре ВВП. Показатель ресурсной ренты в Мали был относительно невысоким.

удалось решить наиболее актуальную задачу по сокращению огромного (658% ВВП) государственного долга, накопленного за годы внутреннего вооружённого конфликта, до относительно устойчивого объема в 37% ВВП в 2018 г. до начала пандемии[436]. Отношение доходов бюджета к ВВП выросло в 2 раза (до 24% ВВП – на уровне развивающихся экономик)[437], однако зависимость страны от финансовой помощи сохраняется, хотя и сокращается (сейчас ОПР составляет около 20% ВНД страны)[438]. Для денежно-кредитной политики характерен меньший уровень эффективности. Уровень инфляции был достаточно высоким, но волатильным, при некотором улучшении ситуации в конце 2010-х гг. в результате укрепления независимости ЦБ. Отмечаются также некоторые улучшения в развитии банковского сектора (отношение выданных кредитов частному сектору к ВВП выросло в 7 раз до 17%)[439], хотя отставание от более развитых стран остается значительным – пока финансовый сектор не может должен образом поддерживать развитие частного сектора. Страна получала значительные масштабы финансовой помощи[440], притом в отличие от многих других «нестабильных» контекстов в Либерии донором удалось установить высокую степень контроля за функционированием государственных институтов и распределением помощи. Учитывая компактность территории и размещения населения Либерии, можно предположить, что сделать это было относительно проще, чем в других странах. Щедрые поступления помощи дополнялись достижения Процесса Кимберли, который ограничил нелегальный экспорт алмазов из страны, что ударило по финансовой устойчивости повстанческих движений.

Кейс Мали является примером незначительной постконфлкитной трансформации экономических институтов, что отчасти объясняется меньшими потерями страны в результате вооруженного насилия. Эффективность фискальной и денежно-кредитной политики можно охарактеризовать как умеренную, причем качество денежно-кредитной политики и системы в Мали было выше, чем в Либерии, что проявляется в более стабильном уровне инфляции и более эффективной работе банковского сектора (доля выданных банковским сектором кредитов по отношению к

---

[436] Global Debt Database // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD (accessed: 17.02.2023).

[437] Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM (accessed: 17.02.2023).

[438] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[439] Ibid.

[440] Прим.: При рассмотрении ее объемов в относительных масштабах показатели Либерии оказываются одними из самых высоких в истории содействия международному развитию.

ВВП на 10% выше[441]). В фискальной сфере Мали, напротив, несколько уступает Либерии, которая опередила Мали по отношению доходов бюджета по отношению к ВВП. Проблемой Мали в то же время было отсутствие значительного улучшения показателей качества работы государственных институтов и экономического развития. Страна получала относительно умеренные масштабы ОПР, однако считалось, что эффективность использования этих ресурсов в Мали достаточно велика. Несмотря на это, значительного прогресса достичь не удалось. Одной из существенных проблем было неравномерное распределении помощи – проблемные северные регионы ее недополучали, оттого выгоды постконфликтного восстановления коснулись их незначительно, а в условиях глобализации они стали хабом нелегальной торговли (более подробно эти проблемы описаны в Примере 2 в предыдущем параграфе главы)[442]. Кроме того, в отличие от Либерии никаких международных инициатив, позволивших бы таргетированно решить проблему нелегальной торговли, не существует, а в случае Мали для этого также необходимо трансграничное сотрудничество соседних государств. Кроме того, институциональные преобразования носили в большей степени фасадный характер, и мало коснулись проблемы коррупции на локальном уровне, что не позволило разрешить причины вооруженного конфликта[443].

Южный Судан испытал значительный приток международной помощи при неэффективном мониторинге ее использования. За счет помощи удалось во многом справиться со спровоцированными руководством страны фискальными проблемами (долг достигал 102% ВВП, потом сократился[444]). Несмотря на ощутимые в относительных масштабах доходы бюджета за счет экспорта углеводородов, есть проблемы с поддержанием бюджетного баланса, 30-40% расходов составляли военные расходы – такая их направленность рассматривается исследователями как средство поддержания патрон-клиентских связей[445]. В итоге результаты развития страны после провозглашения независимости в 2011 г. можно признать неубедительными, что осложняется отсутствием опыта институционального строительства. В Южном Судане не удалось добиться устойчивого прекращения насилия, из борьбы за независимость

---

[441] Ibid.

[442] См.: Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London: Routledge, 2015. P. 88-91.

[443] Bøås M., Torheim L.E. The Trouble in Mali—corruption, collusion, resistance // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34. No. 7. P. 1284-1286.

[444] Global Debt Database // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD (accessed: 17.02.2023).

[445] De Waal A. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan // African Affairs. 2014. Vol. 113. No. 452. P. 356-357.

страна перешла в состояние внутреннего вооруженного конфликта, значимую роль в котором играет контроль над месторождениями углеводородов и каналами распределения ОПР. И то, и другое – источник ренты и средство поддержания патрон-клиентских связей на местном уровне. Все это сопровождается дальнейшим экономическим спадом, хотя динамика экономического роста страны зависит от состояния нефтедобывающей отрасли[446].

Отметим, что для всех отобранных кейсов характерна в целом невысокая результативность использования экономических инструментов, что в целом типично для «нестабильных государств». В то же время необходимо отметить, что Либерии в отличие от других стран удалось избежать возобновления внутреннего вооруженного конфликта. Одна из причин относительной удачи в Либерии состоит в том, что донорам удалось обеспечить достаточно жесткий мониторинг использования помощи развития. Он сопровождался щедрой и достаточно стабильной финансовой поддержкой страны. Вероятно, немаловажен и фактор компактности территории и размещения населения, что упрощает задачу контроля по сравнению с более крупными странами с несколькими удаленными центрами размещения населения, например, Мали. Несмотря на в целом позитивные результаты, многие проблемы страны остаются нерешенными, она остается «неустойчивым контекстом». Кроме того, для нее по-прежнему характерна зависимость от иностранной помощи, недостаточное развитие фискальной системы, а также весьма скромные успехи в диверсификации национальной экономики (хотя доля ресурсной ренты в ВВП страны существенно сократилась до 15,7% ВВП в 2021 г.[447]).

Изначально удачным, но демонстрирующим резкое ухудшение ситуации кейсом является Мали. Несмотря на то, что там были отмечены самые высокие темпы экономического роста, это не смогло предотвратить масштабных вспышек насилия. Вероятным объяснением может быть недостаточный акцент на реформировании институтов, которое объясняется периферийным характером насилия в стране. В результате этого вспышки насилия в 1990-х и 2000-х гг. не оказали существенного воздействия на их работу, как и в принципе трансформационного воздействия на экономику, как в Либерии и Южном Судане. Южный Судан оказывается негативным примером институционального строительства. Институты в стране создавались с нуля.

---

[446] Oil or Nothing: Dealing with South Sudan’s Bleeding Finances // International Crisis Group. October 6, 2021. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/305-oil-or-nothing-dealing-south-sudans-bleeding-finances (accessed: 17.02.2023).

[447] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Широкая финансовая поддержка привела к распространению рентоориентированного поведения и конфликтам за контроль над властными институтами, что существенно затормозило решение проблем развития.

Можно выделить несколько экономических факторов, которые способствуют более эффективной трансформации и прекращению внутренних вооруженных конфликтов:

- акцент на реформирование национальных институтов в постконфликтный период
- акцент на решение ключевых проблем функционирования налогово-бюджетной и денежно-кредитной системы
- предоставление донорами значительных масштабов помощи развитию при внимательном контроле за их использованием, который проще осуществить в условиях стран с компактной территорией и размещением населения.

Отметим, что в любом случае успех носит весьма относительный характер, а выполнение указанных условий потребует значительных уступок суверенитета от страны, что может быть чувствительной проблемой для некоторых стран. Кроме того, больше проблем постконфликтное институциональное строительство, вероятно, вызывает в странах, не имеющих существенного опыта самостоятельного развития, чем могут объясняться более глубокие проблемы Южного Судана.

Выводы к Главе 2:

1. В Главе 2 настоящего диссертационного исследования дан краткий обзор динамики распространения внутренних вооруженных конфликтов и состояния экономического развития «нестабильных государств». Это позволяет лучше раскрыть эмпирический контекст данного исследования.

1.1. Проведенный анализ динамики внутренних вооруженных конфликтов указывает, что подавляющее большинство конфликтов в период с 1946 по 2019 гг. относится к типу внутренних вооруженных, хотя доля конфликтов высокой степени интенсивности (гражданских войн) не так велика. Были обнаружены два пика вооруженной активности – 1990-е и 2010-е гг. Они объясняются распадом биполярной системы в 1990-х гг. и его последствиями и распространением конфликтов на Ближнем Востоке и Африке в 2010-х гг. в результате событий и последствий «Арабской весны». Немаловажно также, что конфликты в современную эпоху стали продолжительнее и

часто носят циклический (повторяющийся) характер, т.е. отмечается высокий риск повторения внутренних вооруженных конфликтов в странах, в которых они уже происходили.

1.2. Проведенный анализ динамики внутренних вооруженных конфликтов также указывает, что доля конфликтов, приходящихся на «нестабильные государства» достаточно велика. В 1990-е гг. на них приходилось больше половины, в 2010-е гг. – чуть менее половины всех внутренних вооруженных конфликтов. Кроме того, экономисты считают, что именно «нестабильные государства» в наибольшей степени соответствуют факторам, которые связываются с риском внутренних вооруженных конфликтов. Несмотря на существенную гетерогенность стран, входящих в данную группу, это подтверждается низкий уровнем благосостояния населения «нестабильных государств», крайне низкой динамикой экономического роста, в чем данная группа стран уступает даже группе наименее развитых стран. «Нестабильные государства» существенно отстают в реализации Целей устойчивого развития ООН. Эта группа государств привлекает значительное внимание со стороны более развитых государств-доноров, они получают около 60% официальной помощи развитию. Внимание доноров связано с глобальными рисками, которые происходят из этих стран, к числу которых относится и риск вооруженных конфликтов и их трансформация в региональные конфликты.

2. В Главе 2 настоящего диссертационного исследования проведен регрессионный анализ факторов возникновения (*conflict onset*) и нахождения стран в состоянии внутреннего вооруженного конфликта (*conflict prevalence*). При выборе набора переменных для проведения регрессионного анализа автор опирался на существующие исследовательские наработки по данной теме.

2.1. Автором была сформирована база данных из различных источников, содержащая необходимый набор переменных. Расчеты были проведены с использованием специализированного ПО. Результаты оценки коэффициентов логистической регрессии указывают, что несколько факторов устойчиво статистически значимо воздействуют на вероятность внутренних вооруженных конфликтов. Среди них индикатор уровня благосостояния (ВВП на душу населения), индикаторы ресурсной зависимости, численности населения страны, а также вооруженные конфликты в прошлом.

2.2. Полученные результаты в целом несущественно отличаются от проведенных ранее исследований. Они указывают, что конфликты наиболее вероятны в бедных

странах со значительными запасами природных ресурсов. Такие результаты, с одной стороны, эмпирически подтверждают предположения группы теорий конфликта как соперничества за ресурсы, указывающей, что конфликты в основном мотивируются получением доступа к ресурсной ренте. С другой стороны, альтернативным объяснением может быть другая трактовка, отражающая положения теории устойчивости повстанческих движений. Наличие природных ресурсов позволяет вооруженным группировкам сформировать базу доходов, которая дает им возможность поддерживать вооруженную активность, из-за чего сохраняется высокая интенсивность вооруженного конфликта.

3. В Главе 2 настоящего диссертационного исследования описаны наиболее типичные издержки внутреннего вооруженного конфликта, а также дана их количественная оценка, полученная в результате регрессионного анализа.

3.1. Автором показано, что внутренний вооруженный конфликт порождает экономические издержки на микро, макро- и международноэкономическом уровнях. На микроуровне издержки связаны с риском гибели, получения травм и нетрудоспособности населения, продовольственными проблемами, вынужденной миграцией, однако возникают и определенные выгоды, связанные с возможностью заработка для индивидов, более склонных в рискованному поведению. На макроуровне издержки конфликты вызваны разрушением реального капитала и инфраструктуры, потерями рабочей силы, ростом военных расходов и отвлечением их из других сфер, деградацией структуры эклономики из-за сокращения нормы прибыли в большинстве отраслей и концентрацией активности в нескольких наиболее рентабельных секторах, как правило, связанных с добычей ресурсов. На международноэкономическом уровне издержки конфликты проявляются в росте государственного долга, бегстве капитала и вынужденной международной миграции, сокращении внешней торговли и, вероятно, даже международной помощи. Долгосрочные издержки связаны с деградацией национальных экономических институтов и человеческого капитала. Исследования подтверждают, что прошлые конфликты замедляют экономический рост.

3.2. На основе проведенного автором анализа релевантной исследовательской литературы приведены примерные монетарные оценки издержек внутреннего вооруженного конфликта. Как правило, они составляют 1,5-6% ВВП. Внутренние вооруженные конфликты также имеют глобальные негативные последствия, что позволяет рассматривать их как глобальное общественное антиблаго, требующее реакции со стороны всего мирового сообщества. Автором также проведен

регрессионный анализ, указывающий, что внутренние вооруженные конфликты приводят к замедлению темпов роста ВВП на душу населения на 1,4-3,5% в год. Полученные результаты незначительно отличаются от результатов, приводимых другими исследователями.

3.3. В диссертационном исследовании описаны направления трансформации экономических систем в условиях конфликта. Показано, что вооруженные группировки зачастую принимают на себя функции государственных институтов, причем их поведение зависит от баланса выгод и издержек принятия на себя таких обязательств. Они часто используют доступ к природному ресурсам для финансирования своей деятельности, однако их действия могут отличаться в зависимости от типов ресурсов, возможности контролировать его добычу. Альтернативой добыче ресурсов может выступать нелегальная торговля или наркопроизводство. В развитии таких секторов в условиях «военной экономики» могут быть заинтересованы и другие агенты ее секторов. Агенты теневого сектора получают возможность получить дополнительный доход из-за увеличения уровня риска, в котором оперируют участники системы. Агенты «экономики выживания» получают защиту и источники доходов в обмен на лояльность, хотя их положение наиболее уязвимо среди всех агентов «военной экономики». Из-за этого агентами этого сектора применяются стратегии, которые позволяют диверсифицировать риск в рамках отдельных домохозяйств. Описанные кейсы в целом соответствуют рассмотренной модели «военной экономики». Несмотря на выделение различных секторов «военной экономики», границы между этими секторами оказываются весьма размытыми и неопределенными. Это связано с совпадением и пересечением агентов, являющихся участниками данных секторов. Проблемой модели следует признать то, что в ней часто игнорируется наличие формального сектора экономики и деятельность национального правительства в экономической сфере.

4. В диссертационном исследовании проведен сравнительный анализ факторов более эффективного постконфликтного восстановления и институционального строительства, которые могут позволить решить проблему «конфликтной» ловушки. Подобный подход связан с тем, что при взаимодействии с постконфликтными и «нестабильными» контекстами необходимо комплексное применение мер национальной политики при одновременном содействии со стороны международного сообщества. Это не позволяет анализировать их независимо от других мероприятий.

4.1. Для проведения сравнительного анализа были отобраны три кейса, схожие по изначальным условиям, но отличающиеся по динамике развития вооруженного

насилия. Все страны были достаточно бедными (отличались достаточно низким ВВП на душу населения) при высоком ресурсном потенциале и ресурсной зависимости. В случае Либерии удалось избежать возобновления внутреннего вооруженного конфликта, в Мали эпизоды вооруженного насилия повторялись, в Южном Судане не удалось добиться прекращения вооруженного конфликта.

4.2. Анализ кейсов постконфликтного восстановления и институционального строительства позволяет выделить несколько экономические факторов, которые способствуют более эффективной трансформации и прекращению внутренних вооруженных конфликтов. В их число входят акцент на реформировании национальных институтов в постконфликтный период, акцент на решении ключевых проблем функционирования налогово-бюджетной и денежно-кредитной систем, предоставление донорами значительных масштабов помощи развитию при внимательном контроле за их использованием, который проще осуществить в условиях стран с компактной территорией и размещением населения. По мнению автора, именно это обусловило большие успехи Либерии в постконфликтном восстановлении, что позволяет ей избегать возобновления вооруженного насилия. Притом в условиях «нестабильности» даже выполнение этих условий не может обеспечить устойчивости результатов.

Глава 3. Экономическое измерение внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане

Вооруженный конфликт в Афганистане продолжается уже несколько десятилетий (условной датой его начала обычно признается 1978 или 1979 г.[448]). С тех пор проблемы страны привлекали внимание международного сообщества, и до сих пор становятся предметом обсуждений на международных конференциях и встречах на высшем уровне. Попытки стабилизировать обстановку на современном этапе привели как к военному (после начала операции «Несокрушимая свобода» в 2001 г.), так и к экономическому вмешательству (в ходе реализации масштабной программы финансового содействия стране). Предоставляемая помощь была призвана поспособствовать в том числе миростроительству и разрешению причин вооруженного конфликта[449]. Несмотря на все попытки изменить обстановку в стране, следует констатировать, что в последние годы наметилась тенденция к увеличению интенсивности конфликта (см. Рисунок 3.1.)[450]. После непродолжительной «паузы» непосредственно после операции «Несокрушимая свобода», внутренний вооруженный конфликт в стране возобновился. Начиная с 2012 г. (и особенно после вывода большей части иностранных войск из страны в 2014 г.) интенсивность вооруженного конфликта (если оценивать ее по количеству жертв) возрастала и достигла уровня, которые не отмечался ранее. Итогом стало возвращение Движения талибов (ДТ) к власти в стране в 2021 г. и, как представляется, угасание конфликтной динамики в конце 2021г. – начале 2022 г.

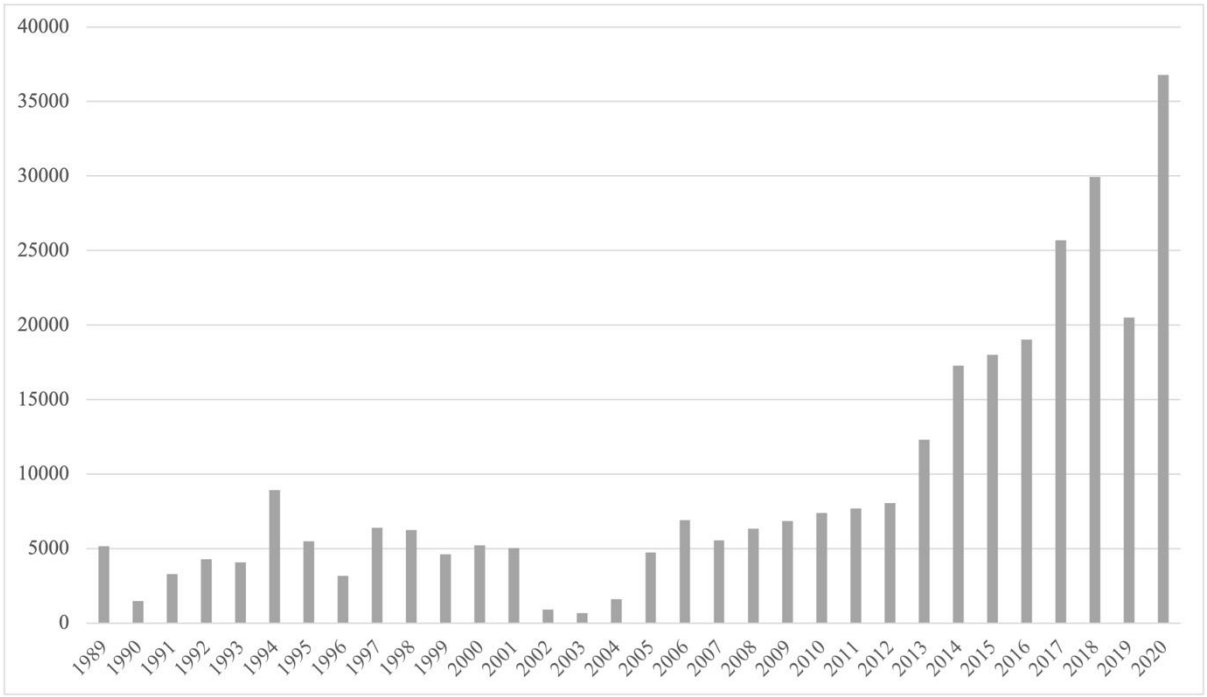
---

[448] Прим.: 1978 г. обозначен в качестве года начала конфликта в базах данных Correlates of War и UCDP. Хотя непосредственно дата начала полномасштабного внутреннего вооруженного конфликта остается дискуссионной. Начала конфликта часто связывается исключительно с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г., однако интенсивное вооруженное противостояния внутри страны де-факто началось до этого. См.: Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 228-239.

[449] См., напр.: Co-chairs' Summary of Conclusions The International Conference on Reconstruction Assistance to Afghanistan January 21-22, 2002 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2002. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/min0201/summary.pdf (accessed: 17.02.2023).; Tokyo Conference on Afghanistan The Tokyo Declaration Partnership for Self-Reliance in Afghanistan From Transition to Transformation July 8, 2012 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2012. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/tokyo_conference_2012/tokyo_declaration_en1.html (accessed: 17.02.2023).; What We Need to Learn: Lessons from Twenty Years of Afghanistan Reconstruction // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. August, 2021. P. vii, 3-4, 6. URL: https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/SIGAR-21-46-LL.pdf (accessed: 27.09. 2022).

[450] Прим.: Данные о количестве жертв внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане в период 1978-1988 гг., к сожалению, носят неполный характер, поэтому не приводятся автором на Рисунке 3.1.

Рисунок 3.1. Количество жертв в ходе вооруженного конфликта в Афганистане в 1989-2020 гг.



Источник: Afghanistan // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/700 (accessed: 17.02.2023).

Не вызывает больших сомнений, что конфликт оказал существенное негативное воздействие на экономическое развитие Афганистана. В то же время количественная оценка этого воздействия представляется затруднительной из-за отсутствия достаточного количества статистических данных за период 1979-2001 гг.[451] Тем не менее автором приводятся некоторые оценки издержек внутреннего вооруженного конфликта для Афганистана. Не менее значительно и трансформационное воздействие конфликта на экономическую модель Афганистана, результатом которого стало формирование «военной экономики» *(war economy)*. В Главе 3 приводится обзор ключевых направлений трансформации и механизма функционирования системы «военной экономики» в Афганистане. Несмотря на масштабное финансовое содействие (помощь

[451] Прим.: Кроме того, исследователи подвергают сомнению валидность статистических данных, публиковавшихся в 1979-1991 гг., указывая, что они носили в большей степени пропагандистский характер и были призваны подчеркнуть успехи Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) в экономическом развитии, в частности, в продвижении индустриализации. См.: Marsden P., Samman E. Afghanistan: the Economic and Social Impact of Conflicts // War and Underdevelopment: Volume II: Country Experiences / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 21-56.

развитию Афганистана достигала до 6 млрд долл. США в год[452]) и относительно высокие темпы роста (достигавшие двузначных показателей), все эти достижения не способствовали трансформации «военной экономики» в «мирную», что во многом связано со сформировавшейся в стране экономической моделью. В главе приводятся объяснения данной динамики, что и привело в итоге к возвращению ДТ власти в Афганистане летом 2021 г.

§3.1. Экономические причины и трансформационные эффекты внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане в 1978-2001 гг.

В данном параграфе автором приводится анализ экономических факторов, воздействовавших на начало вооруженного конфликта в Афганистане. Предварительно дается краткий обзор состояния и ключевых проблем экономического развития Афганистана в период до 1978 г. Показано, что кейс Афганистана в целом соответствует теоретическим основаниям, изложенным в Главе 1.

В параграфе также анализируются трансформационные эффекты внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане, что привело к формированию модели «военной экономики» в стране и распространению наркопроизводства. Автором приводятся некоторые оценки экономических издержек внутреннего вооруженного конфликта в период до 2001 г.

3.1.1. Экономические причины вооруженного конфликта в Афганистане

Конфликт в Афганистане был вызван в том числе и экономическими причинами, которые, однако, остаются недостаточно освещенными в научной литературе. Можно указать на несколько факторов, оказавших влияние на формирование конфликтогенной обстановки в стране. Сперва, однако, представляется необходимым дать краткий обзор тенденций развития экономики Афганистана в преддверии начала вооруженного конфликта в 1978 г.

К началу вооруженного конфликта Афганистан был чрезвычайно бедным и экономически отсталым государством. В 1980 г. доля населения, занятого в сельском хозяйстве, составляла 85%, а ВВП на душу населения составлял 13% от среднемирового уровня. При этом в 1970-х гг. отставание страны от более развитых государств все

[452] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

увеличивалось. В то же время в 1960-х гг. догоняющее развитие было более успешным, и страна несколько приблизилась к более развитым экономикам, ВВП на душу населения составлял до 25% от среднемирового показателя[453]. Значимость сельского хозяйства также подтверждается и его ролью в экспорте страны, где 30% приходилось на каракуль[454].

Образ жизни большинства населения на протяжении XX в. изменился незначительно. Большая часть населения была занята в сельском хозяйстве, которое носило в значительной степени натуральный характер. Учитывая климатические и рельефные условия Афганистана, страна подвержена засухам и прочим климатическим катаклизмам, вследствие чего земледелие носило рискованный характер. В сельской местности были распространены проблемы бедности, безземелья (в 1970-х гг. до 40% жителей сельской местности не владело землей), задолженности. Поскольку системы ирригации получили достаточное развитие только в семи регионах страны[455], показатели урожайности были достаточно низкими, что не позволяло коммерциализировать земледелие. Из-за недостаточного развития транспортной инфраструктуры только 20% продукции отрасли поступало на рынок, что также было причиной низкой рентабельности сельскохозяйственного производства[456].

Причиной замедления темпов экономического развития в 1970-х гг. стала неспособность центра реализовать мероприятия по обеспечению диверсификации экономики. Хотя объемы сельскохозяйственного производства увеличились, спрос на рабочую силу в сельском хозяйстве на фоне высоких темпов прироста экономически активного населения, особенно в сельской местности, сокращался, а неравенство в сфере землевладения переходила в неравенство доходов и богатства. Это создавало противоречия на местном уровне, так как размывались традиционные формы иерархии

---

[453] Прим.: Данные приведены в текущих ценах. К сожалению, более устойчивые данные в постоянных ценах по Афганистану недоступны. См.: Roy T. Reading the Economic History of Afghanistan // LSE Economic History Working Papers. 2020. No. 309. P. 16. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106957/1/Roy_reading_the_economic_history_of_afghanistan_published.pdf (accessed: 17.02.2023).

[454] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 204.

[455] Roy T. Reading the Economic History of Afghanistan // LSE Economic History Working Papers. 2020. No. 309. P. 6-7. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106957/1/Roy_reading_the_economic_history_of_afghanistan_published.pdf (accessed: 17.02.2023).

[456] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 204.

и неравенства, а также размывались институты традиционного лидерства в сельской местности, например, институт ханов[457].

В 1960-е гг. и 1970-е гг. правительством были реализованы некоторые мероприятия в сфере индустриализации, преимущественно в рамках развития государственного сектора. В основном эти производства не имели большого внешнеэкономического значения и были ориентированы на внутренний рынок. Исключением стало начало газодобычи на севере страны в 1960-е гг., однако газ экспортировался в СССР на бартерной основе и в целом не имел большого внутриэкономического значения. Также появилась проблема зависимости бюджета Афганистана от внешнеторговых пошлин, которая лишь усилилась на фоне сокращения внутренних поступлений. Правительство не принимало существенных мер по укреплению налоговой дисциплины, а небольшой объем собираемых подоходных налогов приводил к невысокой заинтересованности в реформировании налоговой системы.

Налоговые и финансовые проблемы Афганистана особенно обострились в 1970-х гг. Т. Барфилд указывает, что Афганистан в 1970-х гг. был в числе худших стран по качеству собираемости налогов, т.е. отношения собранных налоговых поступлений к потенциальным налоговым доходам. Прежде значимые земельный налог и налог на животных составили только около 1% доходов государственного бюджета[458]. При этом политика индустриализации требовала от государства значительных расходов. В условиях, когда внутренние доходы сокращались, правительство стало существенно зависеть от помощи, в основном со стороны СССР. В 1973 г. помощь составляла около 67% доходов бюджета[459]. Отметим, что в целом зависимость от иностранных источников финансирования была характерна для Афганистана и ранее. Она сохранится как ключевая проблема развития и в современный период развития страны, причем уровень зависимости бюджета страны от внешних поступлений в 2001-2021 гг. находился на схожем уровне.

---

[457] Roy T. Reading the Economic History of Afghanistan // LSE Economic History Working Papers. 2020. No. 309. P. 18. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106957/1/Roy_reading_the_economic_history_of_afghanistan_published.pdf (accessed: 17.02.2023).

[458] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 205.

[459] Ibid.

Некоторые долгосрочные экономические предпосылки конфликта можно усмотреть еще в конце 1960-х гг.-начале 1970-х гг. Т. Руттиг указывает на два немаловажных фактора[460].

Первая ключевая проблема напрямую связана с диспропорциями развития экономики Афганистана в 1960-1970-е гг. С одной стороны, политика правительства поощряла развитие промышленности и получение жителями страны навыков, необходимых для его развития. Результатом стало увеличение количества образованных людей в крупнейших городах страны. Проблемой стало то, что в стране не создавалось достаточного количества рабочих мест для молодых выпускников высших учебных заведений. В 1970-х гг. на промышленность приходилось около 15% ВВП, но только около 5% занятых[461], при этом экономически активное население страны достаточно быстро увеличивалось.

Другая проблема имела, вероятно, даже большее значение, однако относительно редко упоминается в исторической и экономической литературе по Афганистану. На протяжении 1966-1977 гг. уровень осадков в бассейне реки Кабул[462] был ниже среднего уровня для периода 1956-1983 гг. в 312 мм в год, что позволяет классифицировать этот период как засушливый. Наиболее засушливый период пришелся на начало 1970-х гг. Засуха в наибольшей степени затронула центральные регионы страны (Хазараджат), а также территории современных провинций Бадгис, Герат, Гор, Урузган и Фарьяб[463]. Засуха привела к неурожаю, росту цен на продовольствие и голоду в отдельных регионах (хуже всего ситуация была в Хазараджате), а также к снижению производства пшеницы на 20%, в результате чего в 1970 г. цены на пшеницу и пшеничную муку выросли на 65-110% в зависимости от региона. В 1971 г. дефицит пшеницы составлял 538 тыс. т. Проблемой также стала и гибель сельскохозяйственных животных[464].

---

[460] T. Ruttig. How It All Began: A Short Look at the Pre-1979 Origins of Afghanistan's Conflicts // Afghan Analysts Network Occasional Paper. 2013. No. 1. P. 4-6. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2013/02/20130111Ruttig-How_It_All_Began_FINAL.pdf (accessed: 17.02.2023).

[461] Ibid. P. 5.

[462] Прим.: На площади бассейна этой реки проживает значительная часть населения страны, включая столицу г. Кабул и густонаселенную провинцию Нангархар. Для удобства карта административно-территориального деления Афганистана приведена в Приложении 12.

[463] Прим.: В 1970-х гг. административно-территориальное деление Афганистана не совпадало с современным.

[464] Прим.: Каракуль был важным источником экспортных доходов, но из-за засухи отрасль также начала приходить в кризисное состояние и деградировать на протяжении всего конфликта. Негативные последствия засухи в виде более низких урожаев и высоких цен на продовольствие сохранялись в Афганистане на протяжении 1970-х гг. См.: Ibid. P. 11-13.

Последующая аграрная реформа, проведенная НДПА, еще более усугубила воздействие экологического шока. Воздействие экологических шоков как фактор возникновения вооруженных конфликтов описан в экономической литературе. Э. Мигель и его соавторы обнаруживают, что экологические шоки, в частности связанные с уровнем осадков, являются статистически значимым фактором возникновения внутренних вооруженных конфликтов[465].

Можно также выделить несколько политэкономических факторов, которые способствовали началу внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане.

Во-первых, стоит отметить, что государственные институты в Афганистане никогда не были достаточно прочными и эффективными для того, чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие. В частности, центр никогда полностью не контролировал периферийные области, которые представляли из себя регионы, где государство фактически отсутствовало *(non-state spaces)*[466]. Это позволяло вооруженным группировкам использовать их для создания собственных баз и находить там поддержку населения. В результате слабости институтов также возникали и благоприятные условия для развития теневых и неформальных сфер экономики. Они были наиболее прочными в сельской местности, где доминировали традиционные формы финансовых отношений (денежные переводы, кредитование, формы организации труда). Также можно отметить и традиционную автономию пуштунских племен периферии страны, которые долгое время были в принципе освобождены от уплаты налогов, а впоследствии де-факто не выплачивали их. Государство, не обладавшее достаточными ресурсами, не было способно обеспечить выполнение норм экономической политики в периферийных регионах, где его присутствие было незначительным[467].

Кроме того, доминирующую роль в экономике страны играло государство, формулировавшее повестку модернизации, связанную с попытками развития национальной промышленности. Ключевым инструментом экономической политики

---

[465] См.: Burke M., Hsiang S.M., Miguel E. Climate and Conflict // Annual Review of Economics. 2015. Vol. 7. P. 577-617.; Miguel E., Satyanath S. Re-examining Economic Shocks and Civil Conflict // American Economic Journal: Applied Economics. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 228-232.

[466] Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 194.

[467] Roy T. Reading the Economic History of Afghanistan // LSE Economic History Working Papers. 2020. No. 309. P. 2. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106957/1/Roy_reading_the_economic_history_of_afghanistan_published.pdf (accessed: 17.02.2023).

было планирование и развитие государственного сектора[468], что заметно как в период, когда страной руководил М. Дауд, так и при режиме НДПА. Хотя это позволяло добиваться определенных позитивных изменений (например, промышленное производство росло в середине 1980-х гг. даже уже после начала конфликта[469]), многие периферийные регионы (особенно юг страны), находившиеся вне пределов эффективного государственного контроля, недополучали инвестиции и не приобретали импульса к развитию. Редкие попытки проведения преобразований и упрочения центральной власти в таких регионах, например, Гильмендский проект, не приводили к желаемым результатам и даже становились причинами экологических проблем, которые препятствовали увеличению эффективности сельскохозяйственного производства[470]. Модернизационные мероприятия также осложнялись этнической гетерогенностью и межэтническими противоречиями, что увеличивало трансакционные издержки попыток модернизации и усложняло ее проведение на территории периферии[471].

Во-вторых, слабость контроля государственных границ способствовала развитию трансграничных связей (по обе стороны границы с Пакистаном проживали в основном пуштуны). Дополнительным фактором их развития было Соглашение о транзитной торговле между Афганистаном и Пакистаном 1965 г. (*Afghanistan-Pakistan Transit Trade Agreement, APTTA)*, которое предусматривало беспошлинный импорт товаров в Афганистан через территорию Пакистана. Соответственно, товары, импортировавшиеся в Афганистан, впоследствии нелегально реэкспортировались в Пакистан, где тогда проводилась политика импортозамещения и были установлены высокие ввозные пошлины на многие группы товаров. Также развивались нелегальные торговые связи между Ираном и Афганистаном (во многом из-за субсидирования иранскими властями цен на топливо[472]). Подобные торговые связи стали фактором включения Афганистана

---

[468] Fishtein P., Amiryar M. E. Afghan Economic Policy, Institutions, and Society Since 2001 // United States Institute of Peace Special Report. 2015. No. 383. P. 2. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR383-Afghan-Economic-Policy-Institutions-and-Society-Since-2001.pdf (accessed: 27.09. 2022).

[469] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 424.

[470] Cullather N. Damming Afghanistan: Modernization in a Buffer State // Journal of American History. 2002. Vol. 89. No. 2. P. 532.

[471] Roy T. Reading the Economic History of Afghanistan // LSE Economic History Working Papers. 2020. No. 309. P. 4. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106957/1/Roy_reading_the_economic_history_of_afghanistan_published.pdf (accessed: 17.02.2023).

[472] См.: Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1789-1803.

в процессы глобализации, которые, как и в случае Мали, приняли криминализованный характер,

Наконец, важным катализатором конфликта стала недостаточно продуманная и неэффективная экономическая политика, в частности, попытка проведения НДПА аграрной реформы, которая предполагала борьбу с крупным землевладением и перераспределение земельных ресурсов в пользу беднейших слоев сельского населения[473].

В ноябре 1978 г. был принят Декрет о земельной реформе, установивший максимальный размер земельной собственности в 30 джерибов (6 га) для земли 1-го разряда, к которой были отнесены поливные земли, сады, виноградники (это поливные земли, дающие 2 урожая в год). Для поливных земель, дающих один урожай, максимум составлял 10 га, для богарных земель – 12 га. Между тем, на практике гражданам выделялось не больше 5 джерибов (около 1 га). Примечательно, что земля предоставлялась только тем, кто ее обрабатывал; было запрещено продавать участки или сдавать их в аренду. Таким образом, она давалась в пожизненное владение, а не в собственность[474].

Реформа начала проводиться НДПА с начала 1979 г. в южных и юго-западных провинциях, затем – по всей стране. За первые полгода около 300 тыс. крестьянских семей, в первую очередь безземельных и малоземельных, получили право на бесплатное владение собственными участками земли. Всего было распределено 600 тыс. га. Уже к концу 1979 г. было объявлено, что реформа завершена, а класс помещиков-феодалов ликвидирован[475].

Однако аграрная реформа не встретила полной поддержки населения, т.к. она проводилась насильственными методами. Земельные участки конфисковывались (без

---

[473] Прим.: В то же время некоторые специалисты полагали, что в Афганистане до 1978/79 г. де-факто сохранялось феодальное крепостное право с сохранением племенных структур, а на севере страны около 2% афганских помещиков владели 70% всех земель, тем самым оправдывая необходимость реформы. См.: Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 407. Однако такая точка зрения не разделяется всеми исследователями. Так, А.Д. Давыдов считал реформу, как и тезис о феодальном характере отношений в сельском хозяйстве необоснованным. Напротив, по его мнению, начинаю с реформ Аманулла-хана происходит коммерциализация и модернизация аграрных отношений. Традиционные формы собственности сменялись на частную в более современном понимании. См.: Давыдов А.Д. Афганистан: войны могло не быть : крестьянство и реформы. Москва: «Наука» - «Восточная литература», 1993. С. 89.

[474] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 406-407.

[475] Там же.

Прим.: Впоследствии власти Афганистана признали, что статистика о перераспределенных землях была завышена в несколько раз. См.: Rubin B.R. The fragmentation of Afghanistan: State formation and collapse in the international system. New Haven: Yale University Press, 1995. P. 115-120.

компенсации) не только у крупных помещиков, но и у средних. Новая собственность не оформлялась шариатским судом, что делало ее получение нелегитимным с точки зрения исламских норм. Новые собственники не имели доступа ни к семенному фонду, ни к финансовым ресурсам, которые могли бы обеспечить доступ к необходимым семенам. Земельный фонд в целом был крайне ограничен, а его качество сильно разнилось. Фактически эту реформу следует признать неудачной. В оборот поступали земли, которые крупные помещики обрабатывали на условиях отсталой издольной аренды[476]. Начиная реформу, НДПА в принципе не обладала информацией о лицах, обладавших правом собственности на землю, власти не могли по формальным основаниям отличить местного хана или крупного землевладельца от крестьянина, что объяснялось низким уровнем развития правовых институтов[477]. Реформы также отличались слабой институциональной организацией при чрезвычайно амбициозных целях[478], в связи с чем исследователи сравнивают их итог с реформами Аманулла-хана в 1920-х гг.[479], которые также привели к началу вооруженному конфликту.

Неблагоприятным последствием аграрной реформы стало сокращение посевных площадей, падение производительности сельского хозяйства (производство зерновых сократилось на 10%, а технических культур – на 25-30%) и снижение ВВП на душу населения на 14%[480]. В результате снизился уровень благосостояния населения и расширялось недовольство действиями правительства, росли масштабы международной миграции. Афганцы, покидавшие страну, как правило, оказывались в Иране или Пакистане, где уровень их жизни был достаточно низким. Так как ресурсы (в частности, иностранная помощь) в значительной степени перераспределялись через организации моджахедов, многие впоследствии вступали в состав вооруженных группировок[481]. В результате интенсивность конфликта нарастала. Земельная реформа, таким образом, выступила в роли экономического шока, которая снизила издержки упущенных

[476] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 406-407.

[477] Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 76.

[478] Давыдов А.Д. Афганистан: войны могло не быть : крестьянство и реформы. Москва: «Наука» - «Восточная литература», 1993. С. 123.

[479] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 164-165.; Halliday F., Tanin Z. The communist regime in Afghanistan 1978–1992: Institutions and conflicts // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 8. P. 1357-1380.

[480] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 415.

[481] Ruiz H.A. Afghanistan: conflict and displacement 1978 to 2001 // Forced Migration Review. 2002. No. 13. P. 8-10. URL: https://www.fmreview.org/sites/fmr/files/FMRdownloads/en/september-11th-has-anything-changed/ruiz.pdf (accessed: 17.02.2023).

возможностей участия в войне для значительной части населения. Эта трактовка в целом соответствует таковой в модели С. Чассанга и Г. Падро-и-Микеля[482], рассмотренной в Главе 1 диссертационного исследования. В их модели возникновение конфликта связывается с негативным внешним шоком, которые воздействует на уровень благосостояния населения и делает обычно непривлекательное участие в вооруженном конфликте привлекательным в новых «экстремальных» условиях.

В то же время это были далеко не единственные причины начала вооруженного конфликта в стране. Дополнительное воздействие также оказали политические шоки в виде ввода в страну советских войск, а также описанный ранее невысокий уровень развития государственных институтов, которые были неспособны контролировать территорию и границы страны. В целом оценка вероятности внутреннего вооруженного конфликта в 1965-1975 гг.[483], полученная на основе модели, представленной авторов в параграфе 2.2. (см. формулы 2.2 и 2.3), составляет около 10-30% в зависимости от используемой модели при значении стандартного отклонения в 20%[484]. Эти значения достаточно высоки, учитывая, что вооруженные конфликты в целом являются достаточно редким явлением.

Меры, которые пыталось предпринимать правительство, не смогли переломить политическую ситуацию, еще в 1979 г. было сформировано альтернативное переходное правительство, поддерживаемое США. В мае 1988 г. начался вывод советских войск. В феврале 1989 г. они были выведены окончательно. Это, однако, не привело к прекращению гражданской войны. В апреле 1992 г. М. Наджибулла был отстранен от руководства страной, к власти пришли моджахеды, а президентом стал Б. Раббани. Афганистан получает новое название – Исламское государство Афганистан.

Так как произошел распад СССР, новому руководству Афганистана было необходимо налаживать внешнеполитические связи не только со старыми соседями, но и с каждым из образовавшихся в Центральной Азии постсоветским государством. При этом внутриполитическая борьба не прекращалась. Обострились отношения между различными военизированными группировками моджахедов, некогда воевавших единым фронтом против правительства НДПА. Проявились противоречия и на

---

[482] См.: Chassang S., Padró i Miquel G. Economic Shocks and Civil War // Quarterly Journal of Political Science. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 211-228.

[483] Прим.: Не представляется возможным дать подобную оценку для Афганистана в более поздние периоды из-за недостатка доступных статистических данных по Афганистану.

[484] Прим.: Максимальное значение вероятности внутреннего вооруженного конфликта, полученное автором, составляет всего чуть более 50%, что говорит о достаточно высокой вероятности начала конфликта в Афганистана по сравнению с другими странами.

национальной почве[485]. Впервые в Афганистане, где исторически основателями государственности были пуштуны, президентом оказался таджик Б. Раббани, что тоже не могло не оказать влияния на ход внутриполитической борьбы. Формально сумев взять власть в стране, моджахеды так и не смогли сформировать правительство, которое бы удовлетворило все политические партии и движения[486]. В этих условиях правительство моджахедов не смогло за недолгое время своего пребывания у власти разработать даже сколько-нибудь четкую программу дальнейшего социально-экономического развития страны. 1990-е гг. стали периодом оформления модели «военной экономики», что происходило на фоне продолжавшегося вооруженного конфликта в стране.

3.1.2. Формирование модели «военной экономики» в Афганистане

Модель «военной экономики» формировалась в Афганистане постепенно и прошла в своем развитии несколько этапов. В результате начала вооруженного противостояния в 1978 г. и ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. в экономическом развитии Афганистана произошли некоторые изменения, способствовавшие формированию модели «военной экономики» в стране. Среди них:

- формирование зависимости лидеров вооруженных группировок от политически мотивированной финансовой и военной помощи[487];
- снижение эффективности и производительности натурального сельского хозяйства в результате расширения зоны военных действий[488];
- «вынужденная урбанизация» и рост масштабов международной миграции, следствием чего стало возникновение лагерей беженцев и военных лагерей в приграничных зонах Пакистана и Ирана[489];
- рост уровня монетизации экономики в результате дополнительной эмиссии и притока иностранной валюты в результате нелегальных торговых операций,

[485] Босин Ю. В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте // Афганистан: проблемы войны и мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт исследований Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2000. С. 70–74.

[486] Арунова М. Р. Афганистан: трудные поиски путей к примирению // Афганистан: проблемы войны и мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт исследований Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2000. С. 211–224.

[487] Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1792.

[488] Ibid.

[489] Ibid.

что приводило к росту инфляции, неравномерной в различных регионах страны, и падению курса национальной валюты[490];

- ухудшение условий для ведения внутренней и внешней торговли и поиск альтернативных стратегий, что приводило к децентрализации экономической системы, распространению традиционных форм финансовых и хозяйственных отношений (например, хавалы) и расширению нелегальной экономической деятельности[491].

Это отражалось и на состоянии экономики. Если взять ВВП в текущих ценах в 1985 г. за 100%, то в 1988 г. он составлял менее 85%, в 1990 г. – 76,7%, в 1992 г. – 78,1%, в 1993 г. – 75,5%, в 1994 г. – всего 73,5%[492]. ВВП на душу населения в 1985 г. оценивался в 279 долл., то в 1990 г. – в 287 долл., а к 1994 г. снизился до 100 долл. США[493]. К сожалению, данные в постоянных ценах, равно как и данные об уровне инфляции или динамике курса афгани за рассматриваемый период недоступны, учитывая, что централизованного курса не было (как и единого центра эмиссии афгани) и он мог существенно отличаться в зависимости от региона.

Некоторые отрывочные доступные данные также позволяют говорить о том, что уровень инфляции в стране также был достаточно высоким. Так, данные по Кабулу свидетельствуют о том, что рост цен на некоторые основные товары, например, муку в 1998-2000 гг. мог составлять более 200%[494]. В этот же период сильно упал и курс национальной валюты Афганистана. Ее курс по отношению к доллару сократился примерно в 2 раза[495]. Все это говорит о том, что оценки, не учитывающую динамику валютного курса и уровня инфляции, не позволяют полноценно оценить издержки вооруженного конфликта в Афганистане. В совокупности с высокими темпами вынужденной урбанизации это приводило к падению уровня жизни даже в крупных городах Афганистана. В Кабуле, Кандагаре, Джелалабаде, Герате, Мазари-Шарифе и Файзабаде покупательная способность населения резко сократилась — в Мазари-Шарифе на 32%, в Файзабаде – на 57%, в Герате – на 50%. Увеличение предложения

---

[490] См.: Давыдов А.Д. Война и внутренний рынок // Афганистан: война и проблемы мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт Востоковедения РАН, 1998. С. 19-30.; Давыдов А.Д. Традиционный рынок Афганистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 1999. 244 с.; Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1792-1793.

[491] Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1790, 1792.

[492] UN Data // United Nations. URL: https://data.un.org/Default.aspx (accessed: 17.02.2023).

[493] Ibid.

[494] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. С. 94-95.

[495] Там же.

труда повлияло и на его относительную стоимость. Так, в Мазари-Шарифе оплата труда поденного рабочего снизилась до 36 центов в день[496].

П. Марсден и Э. Самман приводят схожую оценку издержек внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане за 1978-1995 г. По их расчетам, которые опирались на сравнение Афганистана с Непалом[497], экономические потери от внутреннего вооруженного конфликта составили около 25% ВВП[498]. Данное значение представляется весьма существенным, но, к сожалению, не охватывает весь период с 1978 по 2001 гг. Статистические данные по уровню благосостояния в Афганистане доступны в очень фрагментированном формате, преимущественно по отдельным провинциям, что не позволяет дать оценку издержек конфликта за весь период. Однако некоторые доступные данные свидетельствуют о снижении уровня жизни населения в крупных провинциальных городах[499].

На начальном этапе формирования «военной экономики» в Афганистане, продолжавшимся до начала 1990-х гг., вооруженные группировки ориентировались в большей степени на внешние источники финансирования, получая необходимые им ресурсы из-за рубежа (в основном через территорию Пакистана). Доходы группировок от торговли оружием и доступ к распределению гуманитарной помощи позволяли им аккумулировать капитал, необходимый для налаживания контрабандной сети и инвестиций в развитие доходных производств на территории Афганистана, например, в выращивание опиатов.

Заметные изменения произошли уже в начале 1990-х гг. Можно говорить о начале нового этапа в развитии «военной экономики». После вывода советских войск финансовая помощь как со стороны СССР, так и со стороны государств, поддерживавших оппозицию, значительно сократились (по существующим оценкам, ее объемы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. могли составлять около от 1[500] до 2-3 млрд

---

[496] Там же. С. 103.

[497] Прим.: По их мнению, данная страна близка к Афганистану по изначальным условиям развития.

[498] См.: Marsden P., Samman E. Afghanistan: the Economic and Social Impact of Conflicts // War and Underdevelopment: Volume II: Country Experiences / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 21-56.

[499] См.: Давыдов А.Д. Война и внутренний рынок // Афганистан: война и проблемы мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт Востоковедения РАН, 1998. С. 19-30.

[500] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 236.

долл.[501] ежегодно). При этом вооруженный конфликт в стране не завершился, трансформировавшись в противостояние между бывшими моджахедами. Сокращение внешней помощи вынудило их переориентироваться на внутренние источники доходов.

Одновременно усиливалась децентрализация экономической системы страны. Например, из-за падения спроса и нестабильности фактически прекратилась ранее весьма интенсивная торговля животными между Бадахшаном и Кабулом. Различные регионы страны стали все больше ориентироваться на развитие экономических отношений с соседними государствами. Уровень цен и инфляции в различных регионах страны заметно отличались (иногда в несколько раз), единый национальный рынок в этот период фактически перестал существовать. Одновременно развивалась нелегальная торговля товарами, которая оценивалась экспертами и исследователями в несколько млрд долл. ежегодно, и контрабанда наркотических веществ в результате резкого роста посевных площадей опиума, ставшего основной товарной культурой в сельском хозяйстве страны[502].

Бывшие полевые командиры, сформировавшие новую экономическую элиту, выработали стратегии, которые позволяли им увеличивать собственное влияние и поддержку. Например, они фактически устанавливали собственные налоги и обеспечивали их регулярный сбор на местном уровне, взамен предоставляя ограниченный набор общественных благ (в основном, обеспечение безопасности на контролируемых территориях).

Определенные изменения произошли с выходом на авансцену Движения талибов (ДТ), которым удалось взять под контроль большую часть территории страны во второй половине 1990-х гг. Благодаря этому произошло некоторое укрепление организационных основ экономики, однако в целом она оставалась неэффективной и представляла из себя рентоориентированную и криминализованную экономическую систему. Талибы, в принципе, уделяли не так много внимания развитию экономики, что приводило к дальнейшей стагнации в большинстве отраслей ее отраслей.

Однако важным достижением талибов стало обеспечение ими безопасности на контролируемой территории, что упрощало условия для ведения торговли, в том числе нелегальной, объемы которой в этот период выросли. Это было выгодно талибам,

---

[501] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 426, 444.

[502] Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1793.

выигрывавшим от более эффективной и организованной хозяйственной деятельности в тех сферах, которые были для них источниками дохода[503].

Успех талибов был в том числе связан и с экономическими интересами внутренних и внешних акторов. Пакистан был заинтересован в определенной стабилизации обстановки в стране и оказывал финансовую поддержку, а также содействие в военной подготовке боевиков ДТ. Финансовая поддержка оказывалась и Саудовской Аравией до 1998 г., когда она была свернута из-за отказа талибов прекратить поддержку Осамы бин Ладена[504]. США по меньшей мере не препятствовали политике талибов в Афганистане, рассчитывая на реализацию трубопроводного проекта (из Туркменистана в Пакистан), стабилизацию обстановки в стране, а также усиление международной изоляции Ирана[505].

Афганские и пакистанские торговцы и предприниматели также были заинтересованы в менее рискованных и более предсказуемых условиях торговли. Более стабильная обстановка в стране в условиях отсутствиях жестких институциональных ограничений означала и более благоприятные условия для ведения нелегальной экономической деятельности. К 1998 году у талибов фактически не осталось заметных соперников на территории государства (за исключением А.Ш. Масуда на севере страны), ими в основном контролировалась и экономика страны.

В период 1994-2001 гг. талибы и другие вооруженные группировки на территории Афганистана обладали весьма диверсифицированными источниками дохода (как внешними, так и внутренними), которые позволяли получать необходимые для ведения военных действий ресурсы, выплачивать жалование участникам движения, взаимодействовать с мировыми нелегальными рынками. Внешние поступления, вероятно, имели большее значение, чем внутренние (по крайней мере для ДТ в период до 2001 г.), однако установление их даже приблизительных объемов затруднительно.

Внутренние поступления, основными источниками которых являлись доходы от выращивания и контрабанды опиатов, а также от нелегальной торговли были весьма значимыми. Весомую долю доходов составляло налогообложение. Талибами оно формировалось в двух формах, соответствовавших нормам ислама – ушра (10%-й налог

---

[503] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. С. 93-94.

[504] Там же. С. 99.

[505] Там же. С. 44.

на продукцию сельского хозяйства) и закята (2,5%-й налог)[506], однако, по некоторым данным, талибы взимали его по заметно более высокой ставке с торговцев опиатами на юге страны[507]). Налоговые доходы ДТ от «опиумной экономики» (а посевы данной культуры в стране в этот период расширялись) могли достигать 45 млн долл. в 1999 г., из которых 15 млн – доходы от ушра, остальные 30 млн – от закята[508].

Нелегальная торговля товарами развивалась по маршруту Дубай-Афганистан-Пакистан. Некоторые товары до введения запрета на международные перелеты для компании «Ариана» поступали напрямую в Кабул, однако более распространенной формой нелегальной торговли была контрабанда товаров в Пакистан, ранее ввезенных в Афганистан по условиям соглашения о транзитной торговле. По оценке Всемирного Банка, в конце 1990-х гг. объемы такой торговли достигали 2,5 млрд долл., что составляло около половины тогдашнего ВВП страны, и около 10-12% товарооборота Пакистана[509]. По существующим оценкам, налоговые доходы ДТ от нелегальной торговли и контрабанды товаров могли составлять до 75 млн долл.[510]. Хотя эта сумма представляется весьма значительной, она оказывалась существенно ниже пошлин, которые бы пришлось заплатить импортерам в случае ввоза товаров напрямую в Пакистан.

Контрабанда товаров находились в основном под контролем талибов, за исключением торговли драгоценными камнями (преимущественно лазуритом), которые добывались на севере страны (в основном на территории современной провинции Панджшер), где располагались силы А.Ш. Масуда. Добыча и торговля полезными ископаемыми приносила ему, по оценкам, до 200 млн долл., хотя большинство исследователей приводят более скромные оценки – около 40-60 млн долл.[511] или даже 8 млн долл.[512] В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев утверждают, что «полевые командиры,

---

[506] First report of the Analytical Support and Sanctions Implementation Monitoring Team submitted pursuant to resolution 1988 (2011) concerning the Taliban and associated individuals and entities // United Nations Security Council. 2012. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2012_683.pdf (accessed: 17.02.2023).

[507] Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1796.

[508] Ibid.

[509] Naqvi Z.F. Afghanistan-Pakistan trade relations. Islamabad: World Bank, 1999. 22 p. URL: http://afghandata.org:8080/xmlui/handle/azu/7657 (accessed: 17.02.2023).

[510] Ibid.

[511] Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1796.

[512] Byrd W.A., Noorani J. Industrial-Scale Looting of Afghanistan's Mineral Resources // United States Institute of Peace Special Report. 2017. No. 404. P. 9. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2017-05/sr404-industrial-scale-looting-of-afghanistan-s-mineral-resources.pdf (accessed: 17.02.2023).

контролировавшие районы, где находились залежи драгоценных и полудрагоценных камней, вели их хищническую разработку, а добытые камни (изумруды, рубины, ляпис-лазурь – в Бадахшане, бирюза, аквамарин – в Нуристане) контрабандным путем переправляли в Пакистан»[513]. Соответственно, этот вид деятельности, вероятно, был достаточно распространен.

«Военная экономика» в Афганистане в этот период характеризовалась активным развитием внешних связей, несмотря на деградацию экономической структуры и институтов страны и фрагментацию экономики страны. Участие Афганистана в процессах глобализации в то же время сводилось скорее к криминализованной форме его интеграции в мировое хозяйство. Страна заняла устойчивое положение одного из крупнейших глобальных центров нелегальной экономической деятельности.

Немаловажно и то, что центрами развития «военной экономики» (как и «опиумной экономики») в Афганистане являются приграничные и периферийные регионы страны. Именно там концентрируются посевы опиума и проходят основные пути контрабанды товаров и наркотиков. Слабость государства в этих регионах, высокий уровень бедности и другие проблемы приводят к привлекательности нелегальной деятельности (причем как экономической, так и военной) в этих регионах, где альтернативные возможности занятости чрезвычайно невелики. Возможно, из-за этого даже талибы не шли на непопулярные меры по ограничению посевов и сбора наркосодержаших растений[514].

«Военная экономика» часто несправедливо воспринимается как явление исключительно негативное. В то же время пример Афганистана демонстрирует, что подобные институциональные структуры возникают в целях поддержания жизнедеятельности людей на той или иной территории, выполняют функцию сетей социальной защиты *(safety net)*. Как для беднейших слоев крестьянства, так и для обеспеченных землевладельцев и полевых командиров – для всех них участие в военной экономике может быть рассмотрено как рациональное решение, принимаемое в условиях дефицита альтернативных возможностей.

Соответственно, эффекты развития «военной экономики» также не являются исключительно негативными. Она может становится источником ресурсов для развития тех или иных территорий, особенно для периферийных регионов, которые часто

---

[513] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. С. 93.

[514] Там же. С. 98.

оказываются вне государственного внимания и контроля. В таких условиях борьба с отдельными компонентами данной системы чревата негативными последствиями для других секторов экономики из-за переплетения формального сектора и нелегальной экономической деятельности, перелива капитала и трудовых ресурсов между ними. Устойчивость «военной экономики» обеспечивается отсутствием эффективных институтов, которые позволили бы с одной стороны, обеспечить эффективный контроль над территорией страны, а с другой – добиться повышения уровня благосостояния благодаря проведению более эффективной и инклюзивной экономической политики и создать мотивации для отказа от участия в нелегальной экономической и военной деятельности.

3.1.3. Распространение наркопроизводства как трансформационный эффект вооруженного конфликта

Опиумный мак[515] можно признать традиционной для Афганистана культурой. Культивация и использование опиатов в медицинских и рекреационных целях распространились на территории страны еще в Средние века[516]. В 1930-е гг. правительство Афганистана даже взимало пошлину в размере 10% за экспорт опиума[517]. В то же время до начала вооруженного конфликта данная культура не играла важной роли ни в сельскохозяйственном производстве, ни в экономике страны в целом. После начала конфликта произошел резкий рост культивации, а уже в 1990-е гг. Афганистан стал ключевым производителем опиатов в мире[518].

В ходе конфликта производство опиатов эволюционировало в отдельную и значительную по своему масштабу отрасль, часто называемую «опиумной экономикой». Под ней понимают экономическую деятельность, связанную с производством, переработкой, транспортировкой и торговлей опиатами и необходимых для производства прекурсоров. Более широкое понимание включает и другие, легальные виды экономической деятельности, развитие которых связано с производством и торговлей опиатами (например, различные отрасли сферы услуг).

---

[515] Прим.: Биологическое наименование - мак снотворный (лат. *Papaver somniferum*).

[516] Todd C.S., Safi N., Strathdee S.A. Drug use and harm reduction in Afghanistan // Harm Reduction Journal. 2005. No. 2. P. 2.

[517] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 237-238.

[518] Ward C., Mansfield D., Oldham P. Byrd W. Afghanistan : Economic Incentives and Development Initiatives to Reduce Opium Production. Washington, D.C.: World Bank, 2008. 101 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6272?locale-attribute=en (accessed: 17.02.2023).

Актуальность наркопроизводства связана с концентрацией в Афганистане до 82% мирового производства опиума[519]. По этому показателю страна во много раз превосходит «конкурентов». Доля «опиумной экономики» (в ее узком понимании) может составлять до 30% ВВП страны[520]. Соответственно, проблема наркопроизводства имеет как национальное, так и глобальное значение.

Взаимосвязь между увеличением посевных площадей и уровнем производства опиума в Афганистане с началом вооруженного конфликта в стране указывает на то, что, весьма вероятно, решения экономических агентов о производстве данной культуры определялись не только экономическими соображениями. Это обусловливает использование методологического и концептуального инструментария международной политэкономии, которая позволяет рассмотреть в том числе и «политические предпосылки/факторы экономических процессов на международной арене»[521]. Развитие «опиумной экономики» в Афганистане анализируется на основе концепции «военной экономики» *(war economy)*, предложенной Дж. Гудхендом[522], которая была описана автором в предыдущих главах диссертационного исследования.

На основе теоретико-игровой модели, предложенной В.А. Гринфилд и др. и описывающий выбор домохозяйств между товарной культурой (опиумом) и культурой для потребления (например, пшеницей)[523], проводится оценка векторных авторегрессий зависимости посевных площадей опиума от различных переменных. Дополнительно в качестве переменных в модель вводятся индикаторы экономического роста, а также индикатор интенсивности вооруженного конфликта (количество погибших военнослужащих Афганских национальных сил безопасности, АНСБ).

Анализ опирается на предположение, что на микроуровне опиум выполняет функцию товарной культуры, доход от производства которой может быть использован домохозяйствами для расширения потребления. Соответственно, решение домохозяйств

---

[519] World Drug Report 2019: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2019. P. 13. URL: https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR19_Booklet_1_EXECUTIVE_SUMMARY.pdf (accessed: 17.02.2023).

[520] Afghanistan Opium Survey 2017: Challenges to sustainable development, peace and security. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. P. 5. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-opium-survey-2017-challenges-sustainable-development-peace-and (accessed: 17.02.2023).

[521] Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 57.

[522] Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 157.

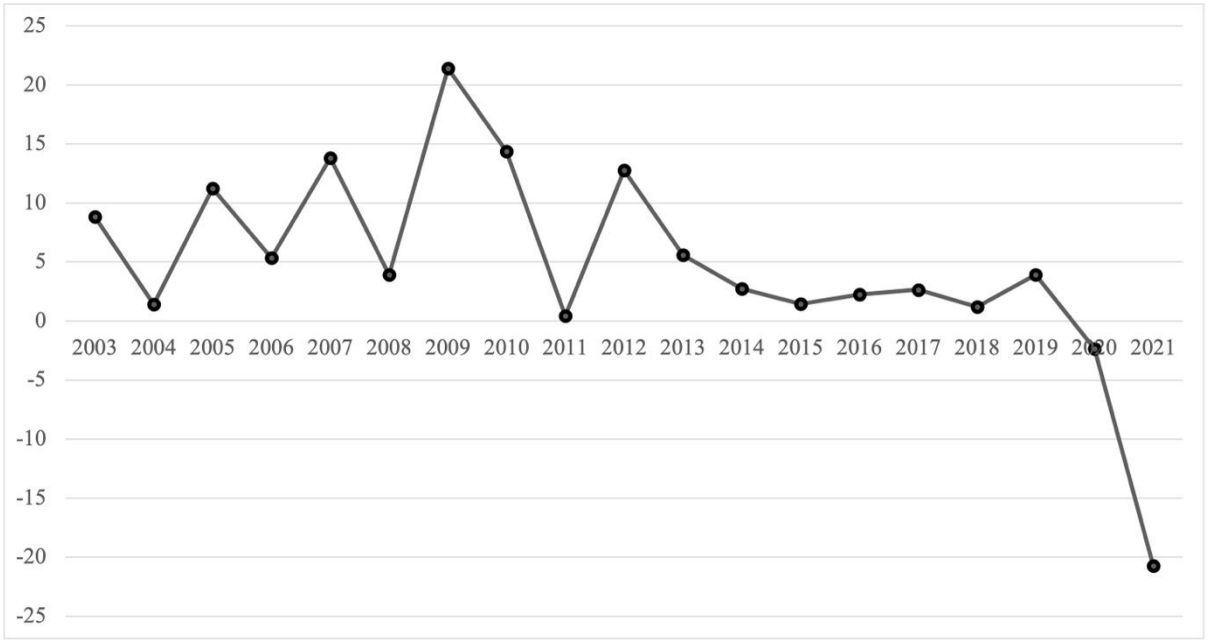
[523] Greenfield V.A., Bond C.A., Crane K.W. A household model of opium-poppy cultivation in Afghanistan // Journal of Policy Modeling. 2017. Vol. 39. No. 5. P. 746-749.

об увеличении или сокращении производства зависит от ряда факторов, которые влияют на полезность культивации опиума[524].

Это позволяет выдвинуть несколько гипотез, которые могут быть проверены статистически[525].

Гипотеза 1. Устойчивый рост ВВП на душу населения (динамика роста ВВП Афганистана приведена на рис. 3.2) при прочих равных будет способствовать расширению занятости и появлению альтернативных, связанных с меньшим риском, видов экономической деятельности. Следовательно, увеличение уровня благосостояния приведет к снижению привлекательности культивации опиума и сокращению посевных площадей.

Рисунок 3.2. Темпы роста ВВП на душу населения Афганистана в 2003-2018 гг. (в %).



Источник: World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Гипотеза 2. Решение домохозяйств об уровне производства может зависеть от урожайности культуры в предыдущем сезоне. Высокая урожайность и ожидания о ее

[524] Ibid.

[525] Прим.: Не все параметры, используемые авторами в модели, могут быть проверены из-за неполноты или отсутствия надежных статистических данных.

сохранении приведут к сокращению посевных площадей, что позволит расширить посевы культур для потребления и сохранить денежный доход на прежнем уровне.

Гипотеза 3. Можно предположить, что подобным образом будет воздействовать и снижение/увеличение цен, по которым производители продают готовую продукцию на местном уровне. Увеличение цен позволит увеличить посевы культур для потребления и сохранить прежний уровень денежного дохода. Учитывая высокую вероятность взаимосвязи между урожайностью и уровнем цен, данные параметры оцениваются отдельно.

Гипотеза 4. Уничтожение посевов вынудит производителей увеличить посевные площади, чтобы гарантировать прежний уровень денежного дохода при увеличении воспринимаемых рисков культивации опиума. Однако решение может быть продиктовано и другими факторами[526]. Данная переменная является бинарной и кодируется как уничтожение не менее 5% от национальных посевных площадей опиума, так как влияние данных мероприятий должно быть достаточно существенным, чтобы оказать влияние на решения домохозяйств.

Гипотеза 5. Интенсивность конфликта (которая оценивается как количество жертв среди военнослужащих) и расширение его зоны может быть важным фактором расширения посевных площадей. Во-первых, вооруженные группировки могут быть более толерантно настроены к культивации наркосодержащих растений, получая доходы от ее налогообложения. Кроме того, более активные вооруженные действия осложняют логистические цепочки и доступ к рынкам культур для потребления, создавая более благоприятные условия для производства товарной культуры (опиума).

Оцениваемые уравнения регрессий имеют следующий вид:

$$Cult_t = \alpha_0 + \alpha_1 GDPgr_{t-1} + \alpha_2 Yield_{t-1} + \alpha_3 Eradication_{t-1} + \alpha_4 Casualties_{t-1} + \varepsilon_t \quad (3.1)$$

$$Cult_t = \alpha_0 + \alpha_1 GDPpcgr_{t-1} + \alpha_2 Yield_{t-1} + \alpha_3 Eradication_{t-1} + \alpha_4 Casualties_{t-1} + \varepsilon_t \quad (3.2)$$

$$Cult_t = \alpha_0 + \alpha_1 GDPgr_{t-1} + \alpha_2 Price_{t-1} + \alpha_3 Eradication_{t-1} + \alpha_4 Casualties_{t-1} + \varepsilon_t \quad (3.3)$$

[526] Прим.: Более подробный анализ данной проблемы см.: Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 205.; Greenfield V.A., Bond C.A., Crane K.W. A household model of opium-poppy cultivation in Afghanistan // Journal of Policy Modeling. 2017. Vol. 39. No. 5. P. 741-761.; Greenfield V.A., Crane K., Bond C.A., Chandler N., Luoto J.E., Oliker, O. Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan. Santa Monica: RAND, 2015. 233 p.

$$Cult_t = \alpha_0 + \alpha_1 GDPpcgr_{t-1} + \alpha_2 Price_{t-1} + \alpha_3 Eradication_{t-1} + \alpha_4 Casualties_{t-1} + \varepsilon_t \quad (3.4)$$

где *Cult* – посевные площади опиума, *GDPgr* – уровень роста ВВП, *Yield* – урожайность опиума, *Eradication* – бинарная переменная, оценивающая уровень уничтожения посевов опиума, *Casualties* – потери АНСБ, *GDPpcgr* – уровень роста ВВП на душу населения, *Price* – цена опиума на местном уровне.

Данные о динамике экономического роста Афганистана были получены из базы данных Всемирного Банка[527]. Источником статистических данных о наркопроизводстве в Афганистане является база данных Управления ООН по наркотикам и преступности *(UNODC)*[528]. Данные о потерях АНСБ были получены из публикаций Брукингского института *(Brookings Institution)* [529].

Хотя опиум являлся традиционной для Афганистана культурой, резкий рост его культивации произошел уже после начала вооруженного конфликта. Если в конце 70-х гг. уровень нелегального экспорта опиатов составлял около 250 т, то к середине 80-х гг. он увеличился в 3 раза, а дальнейшее увеличение произошло в 90-е гг. Уровень достиг пикового значения в 4,7 тыс. т в 1999 г., что составляло около 75% мирового уровня[530] и было приблизительно в 20 раз выше, чем до начала конфликта (данные о динамике культивации и производства представлены на Рисунок 3.3). Отметим, что международные структуры не проводили регулярной оценки посевных площадей и урожайности опиума на территории Афганистана до 1990 г., поэтому более ранние данные имеют исключительно оценочный характер.

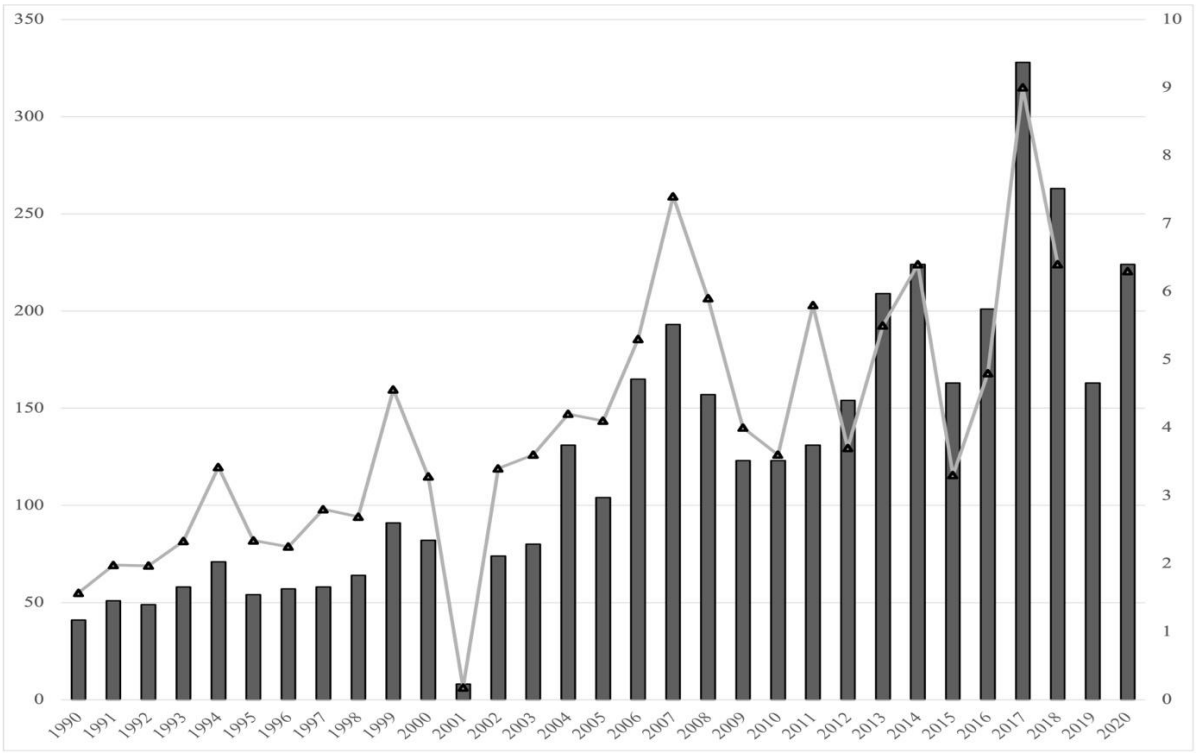
Рисунок 3.3. Посевные площади и уровень производства опиатов в Афганистане в 1990-2020 гг.

[527] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[528] Data / United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/data.html (accessed: 17.02.2023).

[529] Afghanistan Index // Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/afghanistan-index/ (accessed: 17.02.2023).

[530] Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 200.



Источники: Afghanistan Opium Survey 2020: Cultivation and Production – Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. P. 4, 7.**;** Data / United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/data.html (accessed: 17.02.2023).

Такой резкий рост уровня наркопроизводства может быть объяснен рядом факторов, значение которых усиливалось по мере развития конфликта.

Во-первых, распространенность культивации опиума в стране может быть связана с низким риском ведения такой деятельности, что объясняется слабостью или отсутствием институциональных ограничений. Южные периферийные районы страны (где концентрируется значительная часть посевных площадей[531]) всегда слабо контролировались государством, а в 90-е гг. представляли регионы, где государство фактически отсутствовало *(non-state spaces)*[532], что и стало основой для резкого роста уровня производства в этот период. Отсутствие эффективных механизмов контроля и противодействия культивации опиума способствовало формированию среды, где она не

[531] Прим.: Культивация опиатов исторически сосредотачивалась на юге страны (за исключением провинции Бадахшан на севере Афганистана). Даже сегодня на южные провинции страны приходится 69% посевных площадей. См.: Afghanistan Opium Survey 2018: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. P. 15. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2018.pdf (accessed: 17.02.2023).

[532] Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 194.

рассматривалась как противоправное действие и не была связана с негативными санкциями. Это означает, что культивация опиума не воспринималась как высокорискованная экономическая деятельность, а выбор экономических агентов не был связан с ограничительным воздействием социальных норм и практик в условиях отсутствия государственного регулирования.

Во-вторых, если до начала 90-х гг. стороны конфликта сильно зависели от внешнего содействия, которое составляло около 1-3 млрд долл. США ежегодно[533], то после вывода советских войск потоки финансовой помощи сторонам конфликта сократились. Группировки моджахедов, теперь уже противостоявшие друг другу, были вынуждены модифицировать свои стратегии и в большей степени опираться на внутренние источники доходов. Результатом этого в условиях отсутствия конкурентоспособной продукции и доступа к мировому рынку стала активизация нелегальной экономической деятельности (нелегальная торговля, культивации опиума, нелегальная добыча полезных ископаемых). Хотя налогообложение культивации и торговли опиатами, как правило, не было основным источником дохода вооруженных группировок, оно все же было достаточно существенным[534]. Кроме того, развитию нелегальной торговли и наркопроизводства начиная с середины 90-х гг. в значительной степени содействовала консолидация власти талибами, которые контролировали большую часть территории страны и обеспечивали относительную безопасность транспортировки[535].

В-третьих, опиумный мак обладает сравнительными преимуществами по отношению к другим сельскохозяйственным культурам, производящимся в Афганистане, что определяет его привлекательность как для потенциальных производителей, так и для торговцев или контрабандистов. В их числе можно отметить:

- более высокая стоимость по сравнению с альтернативными культурами[536];

---

[533] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 426, 444.

[534] Степанова Е.А. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2. С. 71.

[535] Степанова Е.А. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2. С. 71.

[536] Прим.: Ожидаемый доход от культивации 1 га опиума в 3-4 раза превышает аналогичный показатель для пшеницы (наиболее распространенной культуры в стране). См.: Afghanistan Opium Survey 2015: Socio-economic analysis. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2016. P. 19. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/-AFG-Afghanistan_opium_survey_2015_socioeconomic.pdf (accessed: 17.02.2023).

- простота хранения и транспортировки[537];
- большая трудоемкость и меньшая капиталоемкость производства по сравнению с другими культурами[538];
- в отличие от других культур обеспечивает доступ к кредитованию[539];
- готовая продукция чаще приобретается у производителей напрямую[540];
- высокая маржинальность – цены на местном уровне в несколько раз отличаются от цен на рынках соседних государств[541].

«Опиумная экономика» исторически охватывала все сектора «военной экономики»[542], бенефициарами ее существования и развития в разной степени были участники всех секторов.

Производство опиатов имеет различное функциональное назначение в секторах «военной экономики». Для сельского населения оно является важной частью стратегий выживания, позволяя получать дополнительный доход и расширять потребление. В «теневой экономике» торговля опиатами является источником прибыли, которая, учитывая значительную разницу цен на афганском рынке и рынках соседних стран, может быть весьма значительной. Лидерами вооруженных группировок доходы от налогообложения производства и торговли опиатами могут использоваться для финансирования военных действий[543].

На современном этапе «опиумная экономика» сохраняет свое значение в экономике Афганистана, что подтверждается расширением уровня производства и площади посевов после 2001 г.[544] Для определения степени влияния различных переменных на площадь посевов опиума в стране на основе выдвинутых гипотез

---

[537] Goodhand J. From holy war to opium war? A case study of the opium economy in North Eastern Afghanistan // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 272-273.

[538] Ibid.

[539] Greenfield Greenfield V.A., Crane K., Bond C.A., Chandler N., Luoto J.E., Oliker, O. Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan. Santa Monica: RAND, 2015. P. 45-51.

[540] Afghanistan Opium Survey 2017: Challenges to sustainable development, peace and security. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. P. 5. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-opium-survey-2017-challenges-sustainable-development-peace-and (accessed: 17.02.2023).

[541] Прим.: На переработку и транспортировку приходится от 42% до 59% стоимостной оценки «опиумной экономики». См.: Afghanistan Opium Survey 2018: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. P. 24. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2018.pdf (accessed: 17.02.2023).

[542] Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 202.

[543] Ibid.

[544] Afghanistan Opium Survey 2017: Challenges to sustainable development, peace and security. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. P. 6. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-opium-survey-2017-challenges-sustainable-development-peace-and (accessed: 17.02.2023).

используется регрессионный анализ. Результаты оценивания модели приведены в Таблице 3.1.

Таблица 3.1. Результаты оценивания коэффициентов моделей динамики посевных площадей опиума в Афганистане.

	1	**2**	**3**	**4**
const	189,03 (0,019)*	184,57 (0,019)*	79,93 (0,004)**	78,36 (0,005)**
Рост ВВП	-1,01 (0,379)		0.017 (0,987)	
Рост ВВП на душу населения		-0,97 (0,37)		0,12 (0,914)
Урожайность	-1,23 (0,299)	-1,21 (0,312)		
Цена готовой продукции			0,412 (0,126)	0,421 (0,133)
Уничтожение посевов	20,97 (0,25)	20,62 (0,271)	18,26 (0,271)	17,67 (0,308)
Потери АНСБ	0,0124 (0,0071)**	0,0125 (0,0062)**	0,0151 (0,0035)**	0,0151 (0,00346)**
Ст. ошибка модели	50,12	50,16	48,92	48,92
Логарифм правдоподобия	-55,33	-55,34	-55,07	-55,07
R^2	0,63	0,63	0,64	0,65
Скор. R^2	0,38	0,38	0,41	0,42
Крит. Акаике	122,66	122,68	122,13	122,13
Крит. Шварца	125,05	125,07	124,52	124,52

Примечание: Для каждой модели приведены значения коэффициентов и значение z-статистики (в скобках). Звездочками (*, **) указана значимость при 10% и 5% соответственно.

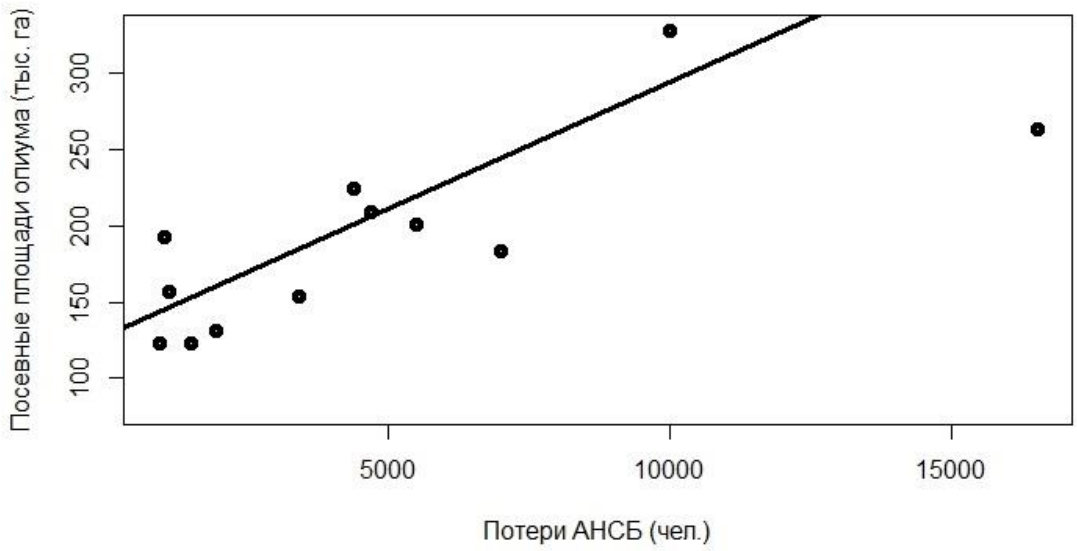
Источник: расчеты автора.

Оцениваемые модели обладают достаточным объяснительным потенциалом, что подтверждается значением коэффициента детерминации и скорректированного коэффициента детерминации. Информационные критерии указывают на незначительную разницу в относительном объяснительном потенциале используемых моделей. Коэффициенты и их знаки при объясняющих переменных в основном устойчивы.

В то же время немногие рассматриваемые переменные обладают достаточной статистической значимостью. Наиболее значимой являются потери АНСБ (которые рассматриваются как индикатор интенсивности вооруженного конфликта). Это указывает на то, что рост военной активности толерантно настроенных и, вероятно,

финансово заинтересованных в культивации опиатов вооруженных группировок ведет к увеличению посевных площадей, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Графически зависимость между переменными показана на рисунке (см. Рисунок 3.4).

Рисунок 3.4 Зависимость между посевными площадями опиума и потерями АНСБ.



Источник: расчеты автора.

В то же время значения других коэффициентов не превышают уровня статистической значимости, хотя знаки перед коэффициентами в целом соответствуют выдвинутым предположениям (за исключением влияния ценового фактора, который, как следует из оценок, напротив, ведет к увеличению посевных площадей). Оценка регрессии указывает на отсутствие статистически значимой зависимости между ростом ВВП и площадью посевов опиума, что не позволяет подтвердить *гипотезу 1*. Кроме того, значения коэффициентов для данной переменной существенно отличаются в зависимости от включения в модель дополнительных переменных.

Резкий рост культивации опиума в Афганистане можно объяснить совместным влиянием следующих факторов:

- отсутствие институциональных ограничений;
- возможность использования доходов от производства опиатов в целях ведения военных действий, ставшая особенно актуальной после сокращения внешнего финансового содействия в начале 90-х гг. XX в.;

- сравнительные преимущества относительно других культур для потенциальных производителей.

«Опиумная экономика» охватывает все сектора «военной экономики» и по-прежнему представляет собой значительную в масштабах страны отрасль экономики. Выгоды от ее развития могут получать экономические агенты, действующие во всех секторах «военной экономики», хотя их распределение оказывается в значительной степени неравномерным. Так, больше половины совокупной оценки сектора приходится на переработку, транспортировку и торговлю.

§3.2. Политическая экономия развития Афганистана в 2001-2021 гг.

В данном параграфе автором рассматривается динамика и ключевые тенденции политэкономического развития Афганистана с момента начала операции «Несокрушимая свобода» и до возвращения Движения талибов к власти в Афганистане летом 2021 г. Автором дается краткий обзор состояния экономического развития Афганистана в начале 2000-х г. и описываются причины, которые привели к формированию в стране хрупкого порядка закрытого доступа (*fragile limited access order*)[545]. Подобный порядок оказывался устойчивым на протяжении достаточно долгого времени, что обусловливалось сочетанием внутренних и внешних факторов. Даны некоторые объяснения относительно факторов, способствовавших продолжению внутреннего вооруженного конфликта в стране и его интенсификации в 2010-х гг., а также деградации порядка закрытого доступа после 2014 г. Итогом этого стало падение режима М.А. Гани летом 2021 г.

3.2.1. Политэкономический контекст Афганистана в начале 2000-х гг.

Представляется необходимым дать краткую характеристику изначальному политическому и экономическому контексту, сформировавшемуся в стране к 2001 г. и в

[545] В подобных контекстах правительства часто слабы и не способны в полной мере осуществлять основные функции государства (например, контролировать территорию, обеспечивать безопасность и монополию на применение легитимного насилия). В результате в них велика роль неформальных институтов, которые часто принимают на себя функции предоставления общественных благ. Из-за этого такие контексты испытывают существенные проблемы с устойчивостью – внешние или внутренние шоки могут привести к коллапсу государственных институтов, что может провоцировать вспышки вооруженного насилия. Данная концепция является одним из подвариантов концепции порядков закрытого доступа (*limited access order*) и была предложена в работе Д. Норта, Дж. Уоллиса, С. Уэбба и Б. Уайнгаста. Автор считает, что данная концепция может быть применена к Афганистану. См.: In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development / ed. by D.C. North, J.J. Wallis, S.B. Webb, B.R. Weingast. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 366 p.

значительной степени определившего траекторию развития политэкономической системы Афганистана. Страна, вышедшая, как тогда казалось, из затяжного вооруженного конфликта и сильно от него пострадавшая, потеряла значительную часть своего производственного потенциала[546]. При этом отметим, что Афганистан изначально отличался низким уровнем развития и дефицитом собственных источников дохода, что определяло реализацию рентоориентированной модели экономического развития с опорой на иностранную помощь. Некоторые эксперты утверждают, что иностранная помощь (в различных формах) была определяющим фактором устойчивости всех существовавших в Афганистане политических режимов, обеспечивая их финансовую стабильность[547].

Продолжительные вооруженные действия на территории страны, безусловно, оказывают заметное воздействие негативное на экономическое развитие страны, и Афганистан тут не является исключением. Хотя точная количественная оценка экономических потерь страны в результате конфликта затруднительна, можно привести несколько показателей. Например, к 2001 г. промышленное производство в стране было фактически полностью прекращено: из более 366 предприятий продолжали функционировать только 6[548]. ВВП страны за 20-летний период к моменту начала операции «Несокрушимая свобода» сократился приблизительно на 40%[549], хотя численность населения страны продолжала увеличиваться. В 1990 г. ВВП страны составлял 3,6 млрд долл., в 1995 г. — 3,2 млрд долл., а к 2000 г. – 2,7 млрд долл. По объему ВВП на душу населения Афганистан в 2000 г. среди 190 стран мира находился на 186-м месте[550]. Таким образом, экономика Афганистана к началу 2000-х гг. оказалась отброшенной к уровню 1960–1970-х гг. прошлого века. Действительно, покупательная способность большей части населения была крайне низка и сокращалась на протяжении всех 1990-х гг. Так, в Мазари-Шарифе один работающий мог прокормить лишь еще одного человека, в Герате — с трудом двух, только в Джелалабаде и Кандагаре один

---

[546] Окимбеков У.В. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 112.

[547] Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 6.

[548] Афганистан. Справочник / под ред. А.Д.Давыдова, В.Г.Коргуна и Р.Р.Сикоева. Москва: Издательская фирма «Восточная Литература» РАН, 2000. С. 126.

[549] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[550] Statistical Yearbook for Asia and The Pacific 2009. Bangkok: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (COR), 2010. P. 103.

работающий мог обеспечить семью из шести человек[551]. Ситуация ухудшалась также вынужденной миграцией населения в крупные города и снижением ставок заработной платы. Все это говорит об установлении крайне неблагоприятной ситуации в экономике Афганистана к 2001 г.

Важной характеристикой страны была также политическая и экономическая децентрализация.

Политическая децентрализация проявлялась в наличии большого количества региональных групп интересов, представителями которых были крупнейшие региональные «полевые командиры» (*warlords*), при этом общенациональные силы с высокой степенью институционализации в виде политических партий фактически отсутствовали. В ходе операции «Несокрушимая свобода» США часто заключали неформальные соглашения с лидерами антиталибского сопротивления, впоследствии многие из них заняли крупные позиции в государственном аппарате или на провинциальном уровне[552]. Этническая, племенная и конфессиональная гетерогенность населения страны стала причиной того, что многие участники властных институтов отражали интересы лояльных им групп, а между самими этими группами в постконфликтной среде существовало значительное недоверие, препятствовавшее эффективному сотрудничеству. Крупные полевые командиры, как правило, обладали также собственными финансовыми источниками, которые могли быть связаны с реализацией таможенного контроля[553], добычей и нелегальным транспортировкой природных ресурсов или наркотических веществ[554]. Это стало основой для патрон-клиентских связей, которые формировали полевые командиры самых разных уровней, как те, кем контролировались крупные регионы страны, так и те, под чьим контролем находились только относительно небольшие населенные пункты[555].

Экономически децентрализация была связана с воздействием конфликта и вызванной им структурной деформацией экономики страны. Разрушение инфраструктуры препятствовало развитию экономических связей в национальном масштабе. Проявлением этого стали низкий уровень торговой связанности страны

---

[551] Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004. С. 144.

[552] Malkasian C. The American War in Afghanistan: A History. New York: Oxford University Press, 2021. P. 25.

[553] Giustozzi A. Empires of Mud: Wars and Warlords in Afghanistan. London: Hurst, 2012. P. 127.

[554] Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 45.

[555] Coburn N. Elections and the failure of democratisation: how voting has made Afghanistan less democratic from the ground up // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 6. P. 545.

(фактически не существовало единого национального рынка); имели хождение разные версии национальной валюты (афгани), следствием чего были диспропорции в уровнях инфляции в разных регионах страны[556].

Несмотря на децентрализацию политической экономии страны, в Афганистане было создано унитарное государство с концентрацией властных полномочий в руках центрального правительства и очень ограниченными возможностями провинциальных администраций[557]. При этом центральное правительство было чрезвычайно слабым и было неспособно контролировать территорию и предоставлять общественные блага. Многие из этих полномочий фактически осуществлялись внешними агентами, либо влиятельными внутренними агентами политической экономии, в частности, полевыми командирами, которые обладали собственными военизированными формированиями. Позднее они были частично разоружены и расформированы, либо интегрированы в состав Афганских национальных сил безопасности (АНСБ). На более поздних этапах операции в Афганистане США применяли тактику организации местных ополчений в целях противодействия наступлению Талибана, основу которых могли составлять лица, лояльные местным влиятельным полевым командирам[558]. Так, обеспечение безопасности де-факто долгое время осуществлялось Международными силами содействия безопасности (МССБ), а организацией восстановления инфраструктуры и предоставления общественных благ в регионах занимались Провинциальные восстановительные команды (*Provincial Reconstruction Teams, PRT*), состоявшие преимущественно из военнослужащих коалиционных сил[559].

Провинциальные и уездные власти не обладали достаточными ресурсами для исполнения своих полномочий, хотя формально и обладали полнотой власти. Правительственные институты на протяжении долгого времени не получали значительных средств помощи, которые в основном предоставлялись по внебюджетным каналам. Даже во второй половине 2010-х гг. значительная часть помощи развитию предоставлялась по внебюджетным каналам, хотя точные данные об объемах такой помощи отсутствуют. По оценкам Всемирного банка, по состоянию на 2018 г. около 66% помощи на цели безопасности и 34% гражданской помощи предоставлялось по

---

[556] Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1793.

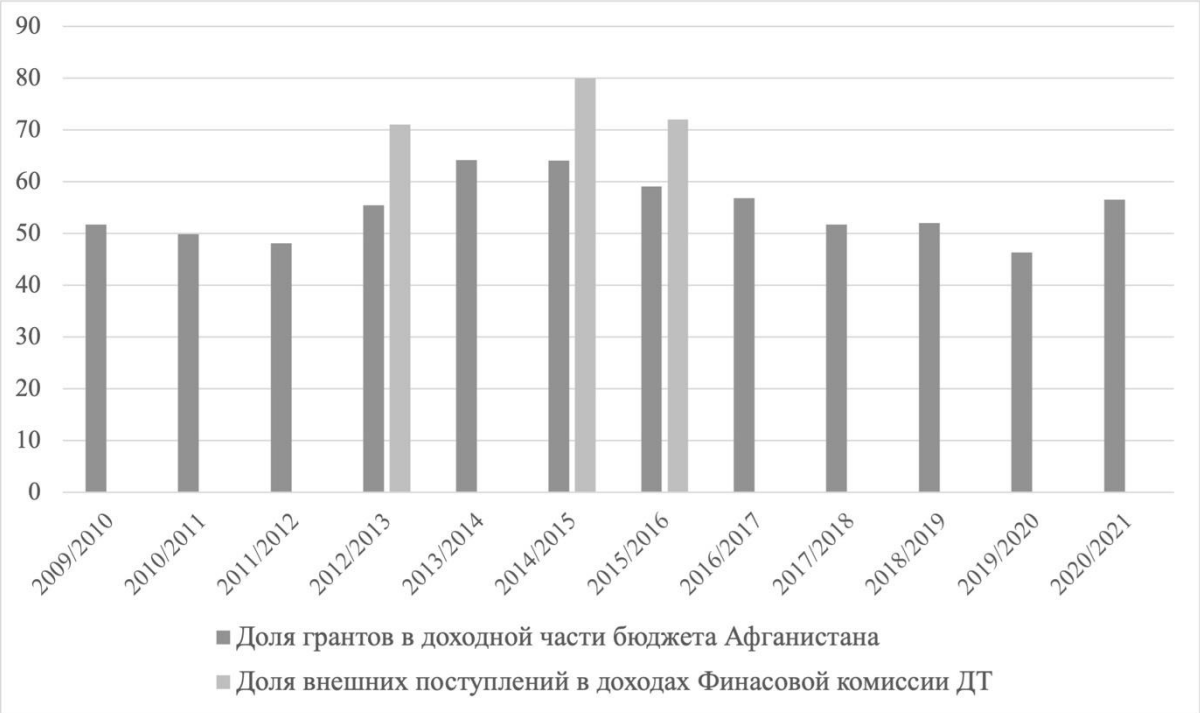
[557] Murtazashvili I., Murtazashvili J. Does the sequence of land reform and political reform matter? Evidence from state-building in Afghanistan // Conflict, Security & Development. 2016. Vol.16. No. 2. P. 163.

[558] Malkasian C. The American War in Afghanistan: A History. New York: Oxford University Press, 2021. P. 28.

[559] Ibid.

внебюджетным каналам. Ранее доля такой помощи была существенно выше, достигая 70% и более[560]. Ее доля в расходах составляла не менее 50-60%, причем подобное положение сохранялось до падения правительства Афганистана летом 2021 г. (см. Рисунок 3.5). Наряду с другими факторами, это обусловливало слабость формальных институтов власти, их неспособность обеспечивать имеющиеся у них полномочия и низкий уровень развития обратных связей с населением страны.

Рисунок 3.5 Доля внешних поступления в доходной части национального бюджета Афганистана и Финансовой комиссии движения «Талибан» (в %).



Примечание: Данные национальной афганской статистики не полностью совпадают с данными международной статистики. Данные по доходам талибов носят оценочный характер и приведены по данным, собранным А. Джиустоцци в ходе интервью с участниками движения.

Источники: Fiscal Reports // Ministry of Finance. Directorate General Budget– URL: https://www.budgetmof.gov.af/index.php/en/2012-12-06-22-51-13/fiscal-bulletin/85-news/294-fiscal-bulletins-2 (дата обращения: 29.07.2022); Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. 408 p.

[560] Прим.: Более современные оценки отсутствуют. См.: Afghanistan: Public Expenditure Update. Washington, D.C.: World Bank, 2019. 49 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/696491564082281122/pdf/Afghanistan-Public-Expenditure-Update.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

Вакуум власти, вызванный недостаточной дееспособностью региональных властей, заполнялся региональными элитами, прежде всего полевыми командирами, установившими патронажные связи, обладавшими собственными источниками доходов, а также подчиненными им военизированными формированиями. После 2001 г. полевые командиры сохраняли высокую степень автономии и политического влияния. Это обусловливалось тем, что за период гражданской войны и непосредственно инициированной США военной операции им удалось накопить значительный финансовый, военный и социальный капитал.

Центр был неспособен открыто им противостоять. Стратегией правительства Х. Карзая стала кооптация отдельных региональных лидеров при одновременной попытке ограничения их влияния в контролируемых регионах. Инструментами реализации стратегии могла быть формализация их властных полномочий, назначение таких лидеров на пост губернаторов провинций, например, А.М. Нура в Балхе или Г.А. Шерзая в Кандагаре, а затем в Нангархаре. Другие полевые командиры получали посты в национальном правительстве, что можно также рассматривать как попытку ограничить их влияние в регионах. Так, правительство Х. Карзая действовало с А.Р. Достумом в северной части страны или М. Исмаил-ханом в Герате. Разница в стратегиях определялась уровнем конкуренции, с которыми сталкивались полевые командиры на региональном уровне – правительство действовало более решительно в отношении агентов, действующих в регионах с низким уровнем политической и экономической конкуренции[561]. На примере М. Исмаил-хана в Герате видно, что стратегия правительства по ограничению контроля полевых командиров в регионах страны не приносила значительных успехов, так как те сохраняли достаточное количество рычагов влияния на ситуацию в периферийных регионах в форме устойчивых патронажных связей, обеспечивавших лояльность населения[562].

Полевые командиры уровнем ниже брали под свой контроль отдельные регионы Афганистана вокруг крупных населенных пунктов, где также устанавливали патрон-клиентские связи и получали ренту за счет контроля над распределением средств помощи и реализации проектов в сфере развития. Они могли занимать неформальные или формальные позиции, узурпировать власть в местных органах власти, например, в

[561] Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 38.
[562] Ibid.

Советах по развитию сообществ (*Community Development Council*), создаваемых донорами. Это позволяло им иметь достаточные финансовые ресурсы, которые можно было трансформировать в политический (в виде голосов на выборах в национальный парламент) или военный капитал (в виде содержания лояльных военизированных формирований)[563].

Внешние агенты (иностранные правительства и НПО) определяли направления государственного строительства и финансировали его, в значительной степени осуществляя и предоставление общественных благ, что реализовывалось, как правило, через структуры доноров, провинциальные восстановительные команды, негосударственные организации, местные институты власти или органы распределения помощи, например, локальные советы развития[564].

Правительство и полевые командиры пользовались асимметрией информации между ними и донорами в целях направления средств помощи в своих собственных интересах. В результате помощь становилась инструментом накопления финансового капитала и источником средств для поддержания патрон-клиентских связей. Некоторым экс-полевым командирам, занявших после 2001 г. позиции губернаторов провинций, удалось обеспечивать преференциальное отношение со стороны доноров за счет проведения мероприятий, соответствовавших приоритетам политики доноров в Афганистане. Примером могут быть относительно успешные режимы запрета выращивания опиума в Нангархаре и Гильменде[565]. Опосредованно она также могла способствовать укреплению политического капитала региональных лидеров, если им удавалось относительно эффективно воспользоваться доступными ресурсами в целях развития, либо обеспечить их использование в собственных интересах. Примером может быть получение аффилированных с полевыми командирами компаниями контрактов на реализацию проектов в сфере развития, когда административные рычаги, находившиеся в руках у таких влиятельных агентов периферии, позволяли существенно ограничить конкуренцию. Неспособность доноров эффективно контролировать реализацию таких проектов в Афганистане позволяло влиятельным агентам периферии накапливать

[563] Coburn N. Elections and the failure of democratisation: how voting has made Afghanistan less democratic from the ground up // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 6. P. 549.

[564] Brick Murtazashvili J. The Collapse of Afghanistan // Journal of Democracy. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 48.

[565] Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan. New York: Oxford University Press, 2016. P. 205.

дополнительный финансовый капитал, который мог быть использован в политических целях[566].

Локальные сообщества стремились к обеспечению уровня жизни, необходимого для выживания. Для этого они могли использовать различные стратегии и могли ситуативно объединяться с различными агентами в случае, если их интересы совпадали. Такое взаимодействие можно описать как своеобразный обмен, когда полевые командиры получали лояльность и электоральную мобилизацию в обмен на занятость или проекты развития. В случае взаимодействия с правительством он мог принимать форму лояльности в обмен на предоставление общественных благ[567]. Установившаяся система патронажных связей фактически ограничивала возможности воздействия населения на политическое развитие страны. Сохранение зависимости населения в регионах от влиятельных полевых командиров, которые часто становились представителями их интересов в местных и национальных органах власти, привело к созданию системы институтов закрытого доступа в Афганистане. В то же время в период до 2014 г. относительно высокие темпы экономического роста Афганистана (средние темпы экономического роста с 2003 по 2014 гг. составляли около 8,3%, а ВВП вырос в 2,6 раза[568]), вероятно, позволяли сохранять относительную лояльность населения.

Демократизация же, парадоксально, способствовала укреплению системы закрытого доступа, так как влиятельные лица в регионах (например, полевые командиры) сохранили в своих руках инструменты политической мобилизации[569]. Локальные институты управления, часто носившие демократический характер, донорами и государством зачастую игнорировались. Вместо них функцию распределения средств помощи исполняли советы по развитию, создаваемые донорами и часто испытывавшие дефицит легитимности. Сами советы нередко попадали под контроль влиятельных лиц (например, полевых командиров местного уровня), которые использовали их для реализации проектов в собственных интересах[570].

В итоге, сформировавшаяся система даже на местном уровне, несмотря на наличие традиционных демократических процедур, превращалась в хрупкую систему

---

[566] Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 49.

[567] Ibid. P. 54.

[568] Рассчитано по: World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[569] Coburn N. Elections and the failure of democratisation: how voting has made Afghanistan less democratic from the ground up // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 6. P. 551.

[570] Brick Murtazashvili J. Informal Order and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2016. P. 101.

закрытого доступа, где интересы населения не оказывали существенного воздействия на процесс принятия политических решений. Правительства и влиятельные агенты периферии, таким образом, получали возможность действовать в собственных интересах, а их рентоориентированное поведение могло быть ограничено только внешними агентами, которые в условиях асимметрии информации выполняли эту функцию неэффективно. Всем участникам системы было выгодно сохранение ее устойчивости при ее одновременной хрупкости. Таким образом, никто из агентов не не имел возможности полностью доминировать над другими. Дополнительным ограничением была их рентозависимость от поступлений иностранной помощи – нарушение баланса могло ограничить доступную ренту.

Равновесие такой системы дополнительно укреплялось наличием внешней по отношению к ней угрозы – вооруженной оппозиции. Талибы как основные конкуренты установленного порядка фактически потеряли краткосрочную способность к проведению масштабных военных операций после 2001 г., однако смогли сохранить структуру организации, сделав ее более децентрализованной. Постепенно им удалось восстановить свои позиции. Это было возможно за счет внешней поддержки. Существуют свидетельства того, что пакистанские власти могли попустительствовать и даже способствовать реорганизации талибов на территории Зоны племен и Белуджистана[571]. В то же время ДТ удалось сохранить каналы получения финансовых ресурсов, в том числе за счет сохранения неформальных связей с Аль-Каидой[572]. Кроме того, существуют свидетельства того, что на местном уровне талибы также часто получали доходы от контроля над наркопроизводством и другими видами нелегальной экономической деятельности, взимали налоги на контролируемых ими территориях[573]. Однако, вероятнее всего, внешние поступления играли большую роль в доходах движения[574]. Следствием укреплений позиций талибов стал рост интенсивности вооруженного конфликта после 2005 г. (см. Рисунок 3.1.).

[571] Abbas H. Abbas H. The Taliban Revival: Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier. New Haven: Yale University Press, 2014. P. 200.

[572] Запрещенная в России террористическая организация.

[573] Peters G. Seeds of Terror: How Drugs, Thugs, and Crime Are Reshaping the Afghan War. London: Picador, 2010. P. 207.

[574] Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. P. 48.

3.2.2. Факторы устойчивости хрупкой системы закрытого доступа в Афганистане

Опираясь на методологию, изложенную ранее, автор выделяет 5 основных групп агентов политической экономии властных отношений и управления в Афганистане, оформившихся после проведения в стране операции «Несокрушимая свобода» и установления нового политического режима в стране. Эти 5 групп агентов составляют правительство, внешние агенты (иностранные правительства и частный сектор), агенты периферии (полевые командиры), локальные сообщества (городские и сельские) и повстанцы. Эти агенты связаны между собой сложной системой взаимоотношений, в основе которых лежит доступ к ресурсам и патронажные связи. Эти связи в упрощенном виде отражены автором в Таблице 3.2 и на Рисунке 3.6.

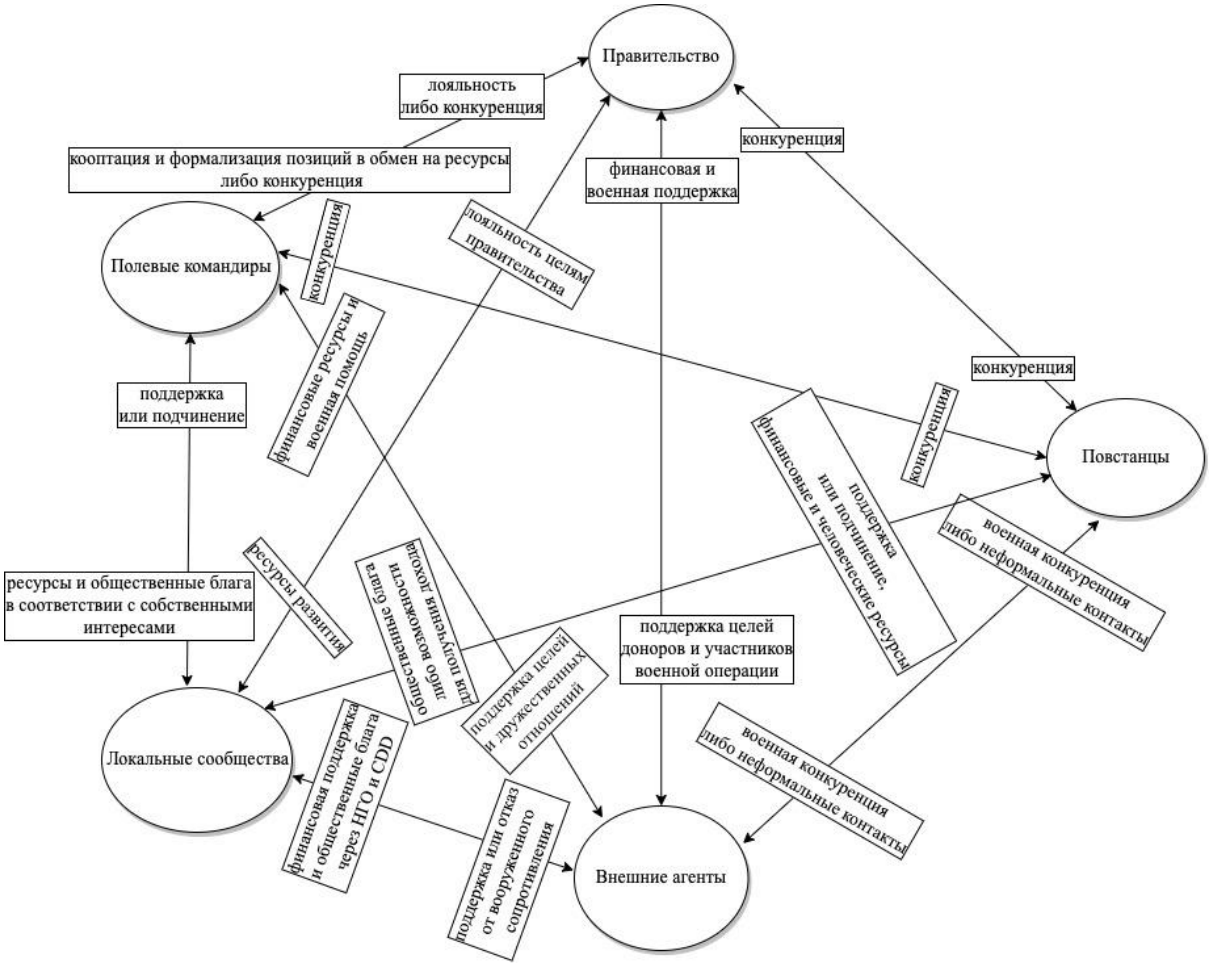
Таблица 3.2. Характеристика отношений агентов политической экономии властных отношений и управления в Афганистане в 2001-2021 гг.

Правительство			
Повстанцы	*Агенты периферии*	*Локальные сообщества*	*Внешние агенты*
конкуренция с ситуативными контактами, иногда коррупционного характера	конкуренция либо кооптация при попытках ослабления их влияния *Получает*: лояльность, поддержка и исполнение целей правительства *Передает*: позиции в государственном аппарате, доступ к ресурсам	поддержание лояльности, часто через посредников в лице полевых командиров, либо противостояние *Получает*: выполнение целей правительства, участие в вооруженных силах *Передает*: ресурсы на цели развития, доступ к общественным благам	сотрудничество либо неформальное противостояние *Получает*: финансовая и военная поддержка *Передает*: поддержка целей участников военной операции и доноров
Повстанцы			
Правительство	*Агенты периферии*	*Локальные сообщества*	*Внешние агенты*
конкуренция с ситуативными контактами, иногда коррупционного характера	конкуренция с ситуативными неформальными контактами	поддержка либо противостояние *Получает*: ресурсы в форме налогов, участие в вооруженной борьбе против правительства *Передает*: общественные блага (безопасность, правосудие)	противостояние при поддержании неформальных контактов *Получает*: финансовые ресурсы, вооружение, территория для лагерей подготовки, возможности рекрутирования *Передает*: действия в соответствии с интересами внешних агентов
Агенты периферии			

Правительство	*Повстанцы*	*Агенты периферии*	*Внешние агенты*
лояльность либо конкуренция *Получает*: формализация позиций и сохранение автономии, ресурсы *Передает*: номинальная лояльность и приверженность целям правительства	конкуренция с ситуативными неформальными контактами	поддержка в рамках системы патронажных связей либо противостояние *Получает*: соответствие целям и интересам региональных лидеров, возможности рекрутирования *Передает*: доступ к ресурсам и общественным благам, неформальные льготы и трансферты взамен на лояльность или договоренности	кооперация либо ограниченный характер контактов *Получает*: финансовые ресурсы, вооружение *Передает*: поддержка и соответствие целям и интересам доноров
Локальные сообщества			
Правительство	*Повстанцы*	*Агенты периферии*	*Внешние агенты*
лояльность либо конкуренция, часто отношения носят непрямой характер и строятся через региональных лидеров *Получает*: ресурсы на цели развития, доступ к общественным благам *Передает*: выполнение целей правительства, участие в вооруженных силах	поддержка либо противостояние *Получает*: общественные блага (безопасность, правосудие) *Передает*: ресурсы в форме налогов, участие в вооруженной борьбе против правительства	лояльность в рамках патронажных связей либо противостояние *Получает*: доступ к ресурсам и общественным благам, неформальные льготы и трансферты взамен на лояльность или договоренности *Передает*: соответствие целям и интересам региональных лидеров, возможности рекрутирования	сотрудничество либо противостояние *Получает*: доступ к финансовым ресурсам и общественным благам (прежде всего, безопасности) *Передает*: лояльность, поддержка целей внешних агентов
Внешние агенты			
Правительство	*Повстанцы*	*Агенты периферии*	*Локальные сообщества*
сотрудничество либо неформальное противостояние *Получает*: поддержка целей участников военной операции и доноров *Передает*: финансовая и военная поддержка	противостояние при поддержании неформальных контактов *Получает*: действия в соответствии с интересами внешних агентов *Передает*: финансовые ресурсы, вооружение, территория для лагерей подготовки, возможности рекрутирования	кооперация либо ограниченный характер контактов *Получает*: поддержка и соответствие целям и интересам доноров *Передает*: финансовые ресурсы, вооружение	сотрудничество либо противостояние *Получает*: лояльность, поддержка целей внешних агентов *Передает*: доступ к финансовым ресурсам и общественным благам (прежде всего, безопасности)

Источник: составлено автором.

Рисунок 3.6. Модель политической экономии властных отношений и управления в Афганистане в 2001-2021 гг.



Источник: составлено автором.

Важнейшую роль в обеспечении равновесия политической экономии Афганистана играли поступавшие от внешних агентов финансовые и прочие ресурсы, от которых зависели как правительство, так и противостоявшие ему вооруженные формирования, причем как талибы, так и, например, Исламское государство в Хорасане[575]. Некоторые эксперты указывают, что поступления из-за рубежа составляли большую часть доходов Финансовой комиссии ДТ. Согласно собранной им информации, 54% поступало от правительств иностранных государств, 10% – от частных зарубежных доноров, еще 16% – от других джихадистских организаций, в

[575] Запрещенная в России террористическая организация.

основном от Аль-Каиды. В то же время непосредственно вооруженные подразделения талибов на местах (так называемые «большие фронты») в меньшей степени зависели от внешних доходов и частично самостоятельно финансировали свою операционную деятельность[576]. По оценкам А. Джиустоцци, доля их собственных доходов составляла около 50%, значительную часть которых составляли косвенные доходы от наркоторговли, а также местные налоги, которые, однако, взымались не повсеместно, в зависимости от характера взаимоотношений талибов с местным населением[577].

Внешние агенты, предоставляя военную и финансовую помощь, поддерживали устойчивость национального правительства в условиях дефицита его собственных доходов, а также фактически осуществляли полномочия по обеспечению безопасности, так как армия в целом не отличалась высокой боеспособностью[578]. Они же напрямую, через НПО или местных подрядчиков, предоставляли общественные блага, например, услуги здравоохранения или образования, на которые у правительства часто недоставало ресурсов[579]. Поступавшие в страну трансферты составляли часть перераспределяемой между агентами политической экономии административной ренты.

Исследователями приведены также свидетельства того, что внешние агенты поддерживали вооруженные повстанческие группы, обеспечивая сохранение ими военных возможностей, что, вероятно, было одной из причин, по которым правительство и участники операции были неспособны нанести поражение вооруженной оппозиции[580]. Это позволяет говорить о том, что как агенты формальной системы, так и их конкуренты из вооруженной оппозиции были зависимы от иностранного содействия и их «выживание» во многом от него зависело (см. Рисунок 3.5.).

Равновесие системы также поддерживалось сохранением автономии ряда влиятельных агентов периферии Афганистана. Неспособность правительства взять их под свой полный контроль, притом что попытки это сделать часто оказывались неэффективными, дополнялась неспособностью либо нежеланием агентов периферии

---

[576] Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. P. 237-251.

[577] Ibid.

[578] Malkasian C. The American War in Afghanistan: A History. New York: Oxford University Press, 2021. P. 229.

[579] Building a New Afghanistan / ed. by R.I. Rotberg. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. P. 90.

[580] Abbas H. The Taliban Revival: Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier. New Haven: Yale University Press, 2014. P. 252.

отделиться или радикально повысить свой статус[581]. Неформальная автономия полевых командиров при интеграции части таких агентов в формальный политический процесс позволяла им сохранить существенные привилегии в форме административной ренты. С молчаливого согласия центра они могли сохранять в провинции часть доходов от таможенных пошлин и, соответственно, использовать их в своих интересах[582]. Баланс обеспечивался тем, что правительство стремилось к дестабилизации их власти на периферии и укреплению собственных возможностей там.

Демократизация способствовала укреплению агентов периферии локального уровня – они часто становились представителями регионов в национальном или региональных парламентах, что удавалось им с помощью использования доступного им капитала и административной ренты[583]. Итогом стала закрытость формальных политических институтов, ограниченность доступа рядового населения к участию в принятии политических решений. Через перераспределение ренты, источником для которой в основном выступала иностранная помощь, ключевые полевые командиры и чиновники получали возможность действовать в собственных интересах, которые ни у агентов правительства, ни у агентов периферии часто не совпадали с интересами афганского общества. Выборы в то же время не выполняли функцию механизма обратной связи. Следствием этого стал хронически высокий уровень коррупции (см. Таблица 3.3.) и невысокий уровень доверия между населением и правительством[584].

Таблица 3.3. Индикаторы восприятия коррупции в Афганистане в 2007-2020 гг.

Год	**Позиция страны в Индексе восприятия коррупции**	**Контроль над коррупцией Индикаторов качества государственного управления Всемирного банка, перцентиль**
2007	172	1

[581] Прим.: Политический, экономический и военный капитал агентов периферии концентрировался на региональном уровне и с трудом мог быть трансформирован в национальный.

[582] Прим.: Например, А.М. Нур сохранял часть доходов от взимания таможенных пошлин, хотя постепенно и увеличивал долю доходов, передаваемых в национальный бюджет. Г.А. Шерзай в Кандагаре и Нангархаре самостоятельно вводил дополнительные налоги. Доподлинно неизвестно, было ли у него какое-либо дозволение центра, однако правительству наверняка было известно об мероприятиях, проводимых губернатором. Из собранных средств Г.А. Шерзай формировал фонд по восстановлению провинций, средства которого находились под частичным контролем администрации провинции. Вероятно, что центр игнорировал введение подобных мер Г.А. Шерзаем, поскольку тот поддерживал Х. Карзая. См.: Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 153, 175, 182, 206, 208.

[583] Coburn N. Elections and the failure of democratisation: how voting has made Afghanistan less democratic from the ground up // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 6. P. 553.

[584] Brick Murtazashvili J. The Collapse of Afghanistan // Journal of Democracy. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 53.

2008	176	0,5
2009	179	1
2010	176	1
2011	180	0,9
2012	174	2,4
2013	175	1,9
2014	172	5,3
2015	166	6,3
2016	169	3,4
2017	177	3,8
2018	172	4,8
2019	173	6,7
2020	165	5,3

Источники: Corruption Perception Index // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2021 (accessed: 17.02.2023).; Worldwide Governance Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators (accessed: 17.02.2023).

Дополнительным фактором устойчивости оставалась внешняя угроза системе в виде вооруженной оппозиции. Она несколько ограничивала свободу действий и рентоориентированное поведение участников политической экономии Афганистана. Важно отметить, что активное участие в борьбе с вооруженной оппозицией принимали МССБ, самостоятельные операции АНСБ против ДТ и других вооруженных группировок носили весьма ограниченный характер.

Соответственно, можно выделить три ключевых фактора относительной устойчивости системы в период до 2014 г. К ним можно отнести:

- помощь из-за рубежа, от которой зависели все агенты политэкономии Афганистана;
- слабость правительства при сохранении автономии периферии[585];
- неспособность одержать военную победу или существенно усилить собственные позиции по сравнению с другими агентами.

[585] Прим.: Она ограничивала конфликтность и вынуждала правительство идти на договоренности в виде интеграции региональных элит в формальную политическую систему при сохранении ими преимущественного контроля за периферийными регионами, что позволяло сохранять относительное равновесие между центростремительными и центробежными силами.

3.2.3. Трансформация системы после 2014 г.: нарушение равновесия и коллапс

После 2014 г. наблюдается постепенное нарушение равновесия политэкономической системы Афганистана, что связано с ослаблением факторов, обеспечивавших ее устойчивость. Признаки дестабилизации равновесия проявлялись еще во время второго президентства Х. Карзая в виде выражения нелояльности со стороны региональных элит, например, А.М. Нура[586], однако в период президентства Х. Карзая их удавалось в основном контролировать.

США объявили о постепенном выводе своих войск из Афганистана, что означало и сокращение расходов на Афганистан (по крайней мере военных). В то же время роль присутствия иностранных войск в стране была велика. С присутствием иностранных военных были связаны и значительные позитивные экстерналии для экономики Афганистана – иностранные военные вносили существенный вклад в занятость и потребительский спрос[587]. Постепенный вывод войск и ограничение их мандата на территории Афганистана намекало и на постепенное сокращение помощи, что в перспективе означало сокращение административной ренты и возможностей для кооптации региональных элит.

Другой проблемой (уже непосредственно политического характера) стала деградация консенсуса по поводу кандидатуры нового президента. Итогом стал раскол по преимущественно этническому принципу. Прежде номинально сохранявшие лояльность Х. Карзаю полевые командиры Севера, например, А.М. Нур, поддержали кандидатов-представителей своей этнической группы. Отсутствие единства и невозможность формирования консенсуса представляло угрозу для системы, одним из важнейших факторов устойчивости которой была кооптация части региональных элит.

В итоге уже перед началом президентских выборов два важных фактора, обеспечивавших равновесие политэкономической системы власти и управления в Афганистане, оказались под угрозой.

Вывод иностранных войск ударил по финансовым возможностям правительства и населения. Он привел к сокращению занятости, особенно в формальном секторе экономики, и, соответственно, потребительского спроса, значительная часть которого

---

[586] Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 157.

[587] Nasery J.A. The Economic Shock to Afghanistan Caused by Aid Reduction and Troops Withdrawal // IEE Working Paper. 2014. No. 202. P. 53. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/183556/1/wp-202.pdf (accessed: 17.02.2023).

формировалась и стимулировалась за счет присутствия в стране иностранных сил[588]. Это привело к сокращению доступных для перераспределения ресурсов, снижению уровня жизни населения в условиях сокращения доступных источников средств для существования.

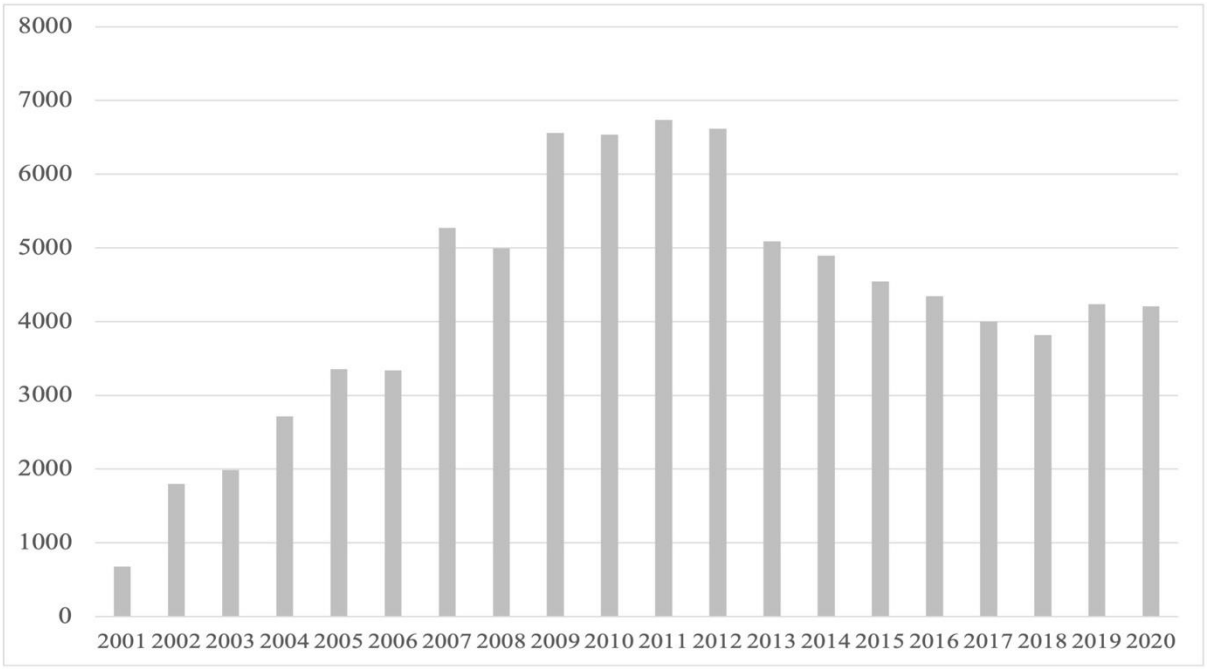
Одновременно происходит сокращение предоставляемой Афганистану помощи развитию (см. Рисунок 3.7.). Следует констатировать, что помощь не смогла стать инструментом миростроительства и устойчивого экономического роста. На начальных этапах она не смогла дать импульс развитию в силу невысокой заинтересованности Администрации Дж. Буша в Афганистане. Постепенно, по мере увеличения объемов содействия развитию, она стала играть стабилизирующую роль в системе закрытого доступа, сформировавшейся в Афганистане. Ключевой проблемой стала асимметрия информации и коррупция, а также невозможность эффективного мониторинга и контроля за исполнением проектов на территории страны. Асимметрия информации позволяла агентам афганской политической экономии распределять и использовать средства доноров в собственных интересах. Этого удавалось добиваться за счет недобросовестной конкуренции на тендерах, контроля влиятельных лиц над институтами принятия решений на местном уровне, использования контрактов на обеспечение безопасности как источника административной ренты[589]. В связи с рисками в сфере безопасности доноры не могли создать систему эффективного контроля за распределением средств. На фоне ухудшения ситуации в сфере безопасности представители стран-доноров и НГО были вынуждены ограничить мобильность из-за более высоких рисков в сфере безопасности, что могло дать импульс рентоориентированному поведению на местном уровне и, как следствие, снижению эффективности помощи развитию[590]. Следствием низкой эффективности содействия развитию стала проблема зависимости от помощи, которую Афганистану так и не удалось преодолеть. Несмотря на сокращение объемов помощи, самодостаточность правительства страны оставалась недостижимой (см. Рисунок 3.5).

Рисунок 3.7 Официальная помощь развитию Афганистана в 2001-2020 гг.

[588] Ibid.

[589] Murtazashvili I., Murtazashvili J. Does the sequence of land reform and political reform matter? Evidence from state-building in Afghanistan // Conflict, Security & Development. 2016. Vol.16. No. 2. P. 169.

[590] Weigand F., Andersson R. Institutionalized Intervention: The ‘Bunker Politics’ of International Aid in Afghanistan // Journal of Intervention and State Building. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 508



Источник: OECDstat // OECD. URL: https://stats.oecd.org/ (accessed: 17.02.2023).

Паритет сил и двоевластие в правительстве, сформировавшиеся по итогам выборов 2014 г., тормозили его работу и ограничивали и без того невысокую эффективность. Фактором его ослабления также стало изменение лояльностей. Двоевластие означало осложнение кооптации ключевых агентов периферии в силу отсутствия устойчивой иерархии политических лидеров осложнена. Многие из прежде лояльных «агентов государственного строительства»[591] периферии перестали играть таковую роль, сохранив свои позиции в органах государственной власти и ресурсы на региональном уровне. Правительство в попытках укрепления налоговой базы и своего положения вступило в конфликтные отношения с некоторыми из полевых командиров, лояльность которых обеспечивала равновесие системы. Примером может служить конфронтация между вице-президентом А.Р. Достумом и губернатором провинции Балх А.М. Нуром[592]. Правительство оказалось в тяжелом положении: укрепление его состоятельности требовало ресурсов, поток которых от доноров сокращался, качественно подготовленных и многочисленных вооруженных сил, сформировать которые в Афганистане так и не удалось, а также лояльности агентов периферии, которые также могли обеспечить равновесие и оказать поддержку в противостоянии с

[591] Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 297.

[592] Brick Murtazashvili J. Informal Order and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2016. P. 289.

ДТ. Неспособность и нежелание правительства страны сохранять систему в прежнем равновесном состоянии стало существенной проблемой в условиях нарастающей вооруженной активности[593].

Некоторые попытки реформ, которые могли бы позволить укрепить правительство и увеличить его состоятельность, оставались неполными и на фоне ухудшения военно-политической обстановки не привели к быстрым результатам. Да и в принципе институциональные реформы, включающие борьбу с коррупцией, укрепление налоговой системы и способности налоговых органов собирать налоги и т.п., скорее, способны принести ощутимые эффекты в средне- и долгосрочной перспективе[594]. Так, проведенные во второй половине 2010-х гг. реформы в сфере ведения бизнеса, в частности, упрощение процедур регистрации и пр., не привели к существенному росту собираемости налогов (они составляли около 10% ВВП, что не могло компенсировать постепенное сокращение помощи[595]). Правительство продолжало на 50-60% зависеть от средств доноров, хотя те поступали в объемах, сократившихся в 2 раза относительно начала десятилетия (см. Рисунки 3.5 и 3.7).

Все это привело к постепенной дестабилизации равновесия политической экономии Афганистана.

Движению «Талибан», напротив, постепенно удалось наладить неформальные контакты с рядом внешних агентов, что укрепило их позиции. К сожалению, о характере этих контактов нам известно мало, оттого говорить о значении помощи внешних агентов проблематично. А. Джиустоцци указывает, что успех ДТ связан с централизацией движения, военными инновациями и улучшением финансового положения талибов за счет привлечения больших объемов зарубежного финансирования[596]. Успех приносила и их стратегия. Однако сделаем оговорку, что четкой социально-экономической повестки у ДТ не было. Стратегический успех был возможен в силу следующих причин:

---

[593] Прим.: Отметим, что в этот период она развивалась не так динамично из-за внутренних противоречий и борьбы в составе ДТ, а также появления на территории Афганистана Исламского государства, которое в итоге вступило в противостояние с талибами

[594] См.: Elagin D.P. Small and medium enterprise development in fragile contexts: Analyzing the experience of Afghanistan // Vostok (Oriens). 2020. No. 6. P. 65-77.

[595] Прим.: Государственные расходы в Афганистане традиционно составляют более 30% ВВП. Источник: World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[596] Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. P. 355.

- «Талибы» часто использовали в своих интересах существовавшие на местном уровне противоречия, в том числе этноконфессионального характера, что приносило им поддержку[597];
- Действовали более прагматично, отказываясь от ограничений, к которым принуждало правительство[598];
- Использовали отрицательный имидж АНСБ и иностранных военных, допускавших жертвы среди мирного населения, в целях рекрутирования;
- Были способны привлекать рекрутов финансовыми стимулами;
- Обеспечивали более оперативное и эффективное принятие и реализацию решений в сфере правосудия и местного управления[599];
- Поддерживали низкий по сравнению с правительственными институтами уровень коррупции[600];
- На идеационном уровне использовали мотив борьбы с иностранным захватчиками-иноверцами и апелляции к религиозным нормам, что добавляло легитимности их борьбе[601];
- Локальные подразделения талибов были весьма автономны в своей экономической стратегии, принимая пожертвования от влиятельных лиц, взимая налоги (закят и ушр), предоставляя взамен безопасность, правосудие, иногда дополняя их здравоохранением и образованием[602].

Структуры, институты и связи, образовывавшие сектор «экономики вооруженных действий» сохранились и даже усилились после падения режима талибов, что можно связать со слабостью центральной власти и сохранением позиций многих полевых командиров на местном уровне. Кроме того, еще в 2003 г. (всего лишь через 2 года после начала международной операции) потерявшие военные возможности талибы могли получать около 150 млн долл. от торговли опиатами, когда общие объемы

---

[597] Terpstra N. Rebel governance, rebel legitimacy, and external intervention: assessing three phases of Taliban rule in Afghanistan // Small Wars & Insurgencies. 2020. Vol. 31. No. 6. P. 1155.

[598] Прим.: Относительно предсказуемая система реализации властных полномочий на территориях, контролировавшихся талибами, приносила позитивные эффекты и в ключевых наркопроизводящих регионах, чем весьма произвольная политика властей (хотя формально талибы заявляли о неприятии производства и употребления наркотических веществ). См.: Koehler J., Bhatia J., Mosakhel G.R. Modes of governance and the everyday lives of illicit drug producers in Afghanistan // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. No. 11. P. 2597-2617.

[599] Terpstra N. Rebel governance, rebel legitimacy, and external intervention: assessing three phases of Taliban rule in Afghanistan // Small Wars & Insurgencies. 2020. Vol. 31. No. 6. P. 1155.

[600] Ibid.

[601] Ibid.

[602] Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. P. 355.

торговли опиатами превышали 1,3 млрд долл.[603] По оценкам ООН, в 2011 г. доходы талибов составили около 400 млн долл., из которых 125 млн использовались на местном уровне, а оставшиеся средства перераспределялись централизованно. Расходы ДТ только на проведение военных операций оценивались в 100-150 млн долл. Доходы талибов от налогообложения наркоторговли, по оценкам ООН, оставались стабильными и составляли около 150 млн долл. в зависимости от уровня цен, урожайности и других факторов[604]. По другим оценкам, доходы талибов существенно возросли после 2011 г. (в результате расширения зоны контроля) и могли составлять до 1,5 млрд долл.[605] (что всего лишь в 3-4 раза ниже расходов государственного бюджета и только на 1 млрд долл. меньше доходов бюджета страны).

Не менее устойчивым оставался и теневой сектор. Уровень производства опиатов оставался чрезвычайно высоким. Не сокращалась и доля остальных видов нелегальной экономической деятельности: объем нелегального сектора в 2003 году (не включая в него «опиумную экономику») составлял до 40% ВВП страны[606], хотя сейчас несколько снизился в результате высоких темпов экономического роста в конце 00-х гг. Доля неформального сектора и сейчас остается чрезвычайно высокой, достигая 80%[607]. Все это косвенно поддерживало финансовую устойчивость подразделений Движения «Талибан» на местном уровне.

На фоне сокращения доступных ресурсов для развития и ослабления возможностей контроля территории правительством, влиятельными полевыми командирами или местными чиновниками произошел спад темпов экономического роста и рост наркопроизводства. Прежде на местном уровне влиятельные агенты периферии стремились поддерживать режим запрета на выращивание наркосодержащих растений, отчасти для того, чтобы добиться благосклонности правительства и

---

[603] Peters G. How opium profits the Taliban // Peaceworks. 2009. No. 62. P. 24. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/resources/taliban_opium_1.pdf (accessed: 17.02.2023).

[604] First report of the Analytical Support and Sanctions Implementation Monitoring Team submitted pursuant to resolution 1988 (2011) concerning the Taliban and associated individuals and entities // United Nations Security Council. 2012. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2012_683.pdf (accessed: 17.02.2023).

[605] Afghanistan: How does the Taliban make money? // BBC. December 22, 2018. URL: https://www.bbc.com/news/world-46554097 (accessed: 17.02.2023).

[606] Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 163.

[607] Mashal M. Small and Medium Enterprises Development and Regional Trade in Afghanistan // University of Central Asia – Institute of Public Policy and Administration (IPPA) Working Paper. 2014. No. 24. P. 8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2943895 (accessed: 17.02.2023).

доноров[608], что также могло способствовать укреплению положения талибов и доступных им ресурсов. Наркопроизводство обеспечивало источниками существования часть жителей сельской местности (в основном за счет косвенных эффектов наркопроизводства) в условиях стагнации экономического развития, а также рентой определенную часть региональных элит[609]. Итогом неспособности правительства и полевых командиров решить нарастающие проблемы стало занятие силами талибов Кабула в августе 2021 г. и их возвращение к власти в стране. По состоянию на 2022 г. многие влиятельные агенты политической экономии Афганистана до 2021 г. находятся в эмиграции, либо не принимают активного участию в политической жизни страны.

Хотя кажется, что талибам удалось достаточно прочно укрепиться во власти, будущее нового режима в Афганистане по-прежнему остается неопределенным по ряду причин.

Во-первых, вероятность возобновления вооруженного конфликта в контекстах, подобных Афганистану, высока. Она особенно велика в течение нескольких лет после его завершения. Дополнительным вызовом становятся экономические проблемы, которые традиционно рассматриваются как важный фактор всплесков вооруженного насилия[610].

Во-вторых, некоторые решения талибов могут иметь проблематичные последствия в среднесрочной перспективе. Проблема даже не в ограничении политических и бытовых прав определенных категорий населения, в частности женщин. Проблематичными может стать решение о запрете на выращивание наркотических веществ (Д. Мансфилд указывал, что такие запреты эффективны при соблюдении ряда условий, сохранение устойчивости которых в долгосрочном периоде маловероятно)[611], учитывая, что де-факто наркопроизводство является крупнейшей отраслью экономики Афганистана, а перспективы масштабных инвестиций остаются неопределенными, несмотря на существенную заинтересованность региональных партнеров[612].

В-третьих, не очень понятно, способны ли талибы эффективно решать задачи укрепления государственной состоятельности в стране, учитывая, что для решения этой

---

[608] Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan. New York: Oxford University Press, 2016. P. 302.

[609] Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. P. 370.

[610] Collier P., Hoeffler A., Söderbom M. Post-Conflict Risks // Journal of Peace Research. 2008. Vol. 45, No. 4. P. 466.

[611] Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan. New York: Oxford University Press, 2016. P. 138.

[612] Afghan minister holds talks with Chinese mining firm, progress to be expected // Global Times. July 18, 2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202207/1270825.shtml (accessed: 17.02.2023).

проблемы Афганистан традиционно нуждался в притоке ресурсов из-за рубежа. Региональные игроки, несмотря на их заинтересованность, едва ли готовы взять на себя масштабные финансовые обязательства, а реализация проектов займет определенное время, вероятнее всего, не меньше нескольких лет.

§3.3. Использование инструментов содействия международному развитию и экономической политики в целях разрешения вооруженного конфликта в Афганистане

В заключительном параграфе Главы 3 автором рассматриваются проблемы эффективности содействия развитию и институционального строительства в Афганистане. Оценка эффективности осуществляется на основе оценки прогресса страны в достижении целей содействия развитию. Далее приводится анализ опыта институционального строительства в стране и эффективности экономической политики. На основе этого производится сравнение Афганистана с кейсами, рассмотренными автором в Главе 2. Это сравнение показывает, что условия, необходимые для обеспечения эффективности институционального строительства и постконфликтного восстановления, не были обеспечены в Афганистане.

3.3.1. Значимость содействия развитию Афганистана в условиях постконфликтного восстановления после 2001 г.

На современном этапе проблема содействия развитию Афганистана неоднократно становилась одной из центральных тем международных конференций по афганской тематике, привлекала внимание ведущих стран-доноров. В период между 2002—2020 гг. суммарные дотации стран-доноров Афганистана составили не менее 77,85 млрд долл.[613], что делает содействие развитию Афганистана «самой крупной в мировой истории программой помощи отдельно взятой стране»[614].

Рассмотрение эффективности помощи представляет большой интерес именно с точки зрения макроэкономического и сравнительного анализа. Такой подход позволит оценить действительный прогресс страны и эффективность и результативность ОПР как инструмента развития, особенно принимая во внимание скептицизм многих

[613] Прим.: Приводимые данные не учитывают содействие развитию со стороны значительной части «новых доноров», которые не предоставляют или не полностью предоставляют данные КСР ОЭСР. См.: OECDstat // OECD. URL: https://stats.oecd.org/ (accessed: 17.02.2023).

[614] Бартенев В.И. «План Маршалла» для Афганистана: парадоксы реализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. С. 59.

исследователей по данному вопросу. «В современном мире ключевым показателем при оказании международной помощи является ее эффективность»[615]. Под оценкой эффективности и результативности понимается «проведение анализа прогресса в достижении определенных результатов»[616]. Оценка эффективности проведена автором на основе сравнительного статистического анализа целей и результатов взаимодействия в рамках международного содействия развитию Афганистана на основе официальных документов, принятых по итогам международных конференций, посвященных данной тематике, и официальных документов, принятых правительством страны.

По мнению автора, помощь, безусловно, является важнейшим инструментом и фактором развития Афганистана в 2001-2021 гг., в то же время, как будет показано в данном исследовании, она не позволила в полной мере достичь всех поставленных целей, что свидетельствует о ее весьма ограниченной эффективности и результативности.

Отметим, что на протяжении длительного времени «нестабильные государства» считались трудными партнерами и подвергались маргинализации при получении финансовой помощи. Переосмысление этого отношения было непосредственно связано с Афганистаном. События 11 сентября 2011 г. сформировали устойчивое представление о «нестабильных государствах» как источниках трансграничных угроз. Расширение масштабов взаимодействия предполагало и формулирование целей, потенциально достижимых и соответствующих потребностям стран, что является важнейшим элементом стратегического планирования в сфере содействия международному развитию.

Постталибский Афганистан являлся одним из наименее развитых государств мира, не обладавшим внутренним потенциалом для успешного экономического развития, да и все еще находившимся в состоянии вооруженного конфликта (хотя его интенсивность и снизилась)[617]. Страна столкнулась не просто с проблемой восстановления экономики, перед ней стоял целый ряд вызовов, связанных с

---

[615] Дегтерев Д.А. Основные подходы к оказанию содействия международному развитию // Вестник МГИМО. 2011. № 4. С. 99.

[616] Содействие международному развитию: Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. Москва: Всемирный банк, 2012. С. 267.

[617] Прим.: Необходимо отметить, что де-факто постконфликтного восстановления в Афганистане не было, так как сам конфликт возобновился и достиг высокой степени интенсивности уже в 2004 г. В то же время во многих документах используется термин «постконфликтное восстановление» при описании содействия развитию Афганистана. Содействие развитию фактически происходило в условиях вооруженного конфликта, что, конечно, негативно воздействовало на его эффективность.

перспективами миростроительства и государственного строительства, причем многие институты фактически пришлось создавать с нуля.

Эволюция целей содействия развитию Афганистана происходила на протяжении достаточно продолжительного времени в ходе многочисленных международных конференций по Афганистану. Однако долгое время они не были квантифицированы, отмечались только приоритетные сферы взаимодействия.

Важнейшей вехой на данном направлении стал доклад «Обеспечивая будущее Афганистана» (*Securing Afghanistan's Future*), принятый по итогам Берлинской конференции 2004 г. и впервые утвердивший конкретные цели экономического развития страны, увязав их с достижением Целей развития тысячелетия (ЦРТ) (именно в 2004 г. Афганистан присоединился к Декларации тысячелетия ООН)[618]. Важнейшая роль в достижении этих целей придавалась получению и использованию официально помощи развитию (ОПР). Реализовать эти цели изначально планировалось к 2015 г., однако в результате того, что Афганистан присоединился к Декларации тысячелетия ООН несколько позже, чем большинство стран и, соответственно, позже приступил и к их реализации, было решено отложить сроки реализации некоторых из целей на несколько лет (точный срок так и не был определен).

Кроме того, были установлены цели развития страны, связанные с совершенствованием институциональной среды, которые «правительство Афганистана считает реалистичными и достижимыми при содействии международного сообщества»[619]. В качестве срока их реализации были установлены 2015 и 2020 гг.[620] К числу основных целей развития Афганистана были отнесены повышение эффективности расходования бюджетных средств и увеличение доходов бюджета, борьба с коррупцией, создание благоприятного инвестиционного климата, критериями оценки которых выступали показатели страны по соответствующим комплексным индикаторам и рейтингам.

---

[618] Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2004. 122 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/securing-afghanistans-future-accomplishments-and-strategic-path-forward (accessed: 17.02.2023).

[619] Towards a Self-Sustaining Afghanistan: An Economic Transition Strategy // The Government of Islamic Republic of Afghanistan. November 29, 2011. P. 2. - http://mfa.gov.af/Content/files/205581080230%20Nov%20JCMB%20Bonn%20Paper%20FINAL.pdf (accessed: 17.02.2023).

[620] Прим.: Данные за эти годы используются автором для оценки результативности содействия развитию Афганистана. Отметим, однако, что актуальные данные доступны далеко не по всем показателям.

Данные показатели, таким образом, также могут служить критериями оценки эффективности ОПР Афганистана на современном этапе.

Следует отдельно отметить, что ОПР была призвана содействовать миростроительству и стабилизации обстановки в Афганистане. Страны-доноры вкладывают средства в Афганистан, «потому что от нелегального производства и транспортировки наркотиков исходит угроза, потому что необходимо обеспечить безопасность, подрываемую терроризмом, потому что необходимо бороться с коррупцией и нарушением прав человека»[621]. Таким образом, наряду с отмеченными ранее показателями социально-экономического и институционального развития, именно установление прочного мира в Афганистане воспринималось как одна из приоритетных целей взаимодействия.

В исследовательской среде существуют различные мнения о роли финансовой помощи в постконфликтном восстановлении страны. Большинство исследователей как минимум неоднозначно оценивают значение финансовой помощи для экономического развития страны и ее эффективность. По их мнению, финансовая помощь не смогла оказать ожидаемого воздействия и придать импульс экономическому развитию Афганистана.

Так, афганский исследователь А.Атайи считал, что, несмотря на вложенные донорами средства, «экономика страны продолжает оставаться в кризисном состоянии»[622], а «правительству Афганистана так и не удалось … перейти к самообеспечению и самостоятельности»[623]. Схожего мнения придерживается и сотрудник Кабульского университета, профессор Р.Фарзам, утверждавший, что иностранная помощь «в действительности так и не смогла стать ответом на нужды афганцев»[624].

Однако существует и другая точка зрения. Многие авторы, хотя и признавая наличие определенных проблем, все же говорят о существенных позитивных эффектах

---

[621] Коргун В.Г. Конференция по Афганистану в Лондоне // Afghanistan.ru. 27.02.2006. URL: http://afghanistan.ru/doc/5248.html (режим доступа: 17.02.2023).

[622] Атайи А. Ислахати мусер барайе рашде иктисад дар Афганитсан [Реформы, необходимые для экономического развития в Афганистане] // Вадсам. 20.09.2015. URL: https://dari.wadsam.com/%d8%a7%d8%b5%d9%84%d8%a7%d8%ad%d8%a7%d8%aa%db%8c-%d9%85%d9%88%d8%ab%d8%b1-%d8%a8%d8%b1%d8%a7%db%8c-%d8%b1%d8%b4%d8%af-%d8%a7%d9%82%d8%aa%d8%b5%d8%a7%d8%af-%d8%af%d8%b1-%d8%a7%d9%81%d8%ba%d8%a7%d9%86/ (режим доступа: 17.02.2023).

[623] Там же.

[624] Farzam R., Seerat R.A. The Failure of Foreign Aid in Afghanistan // The Diplomat. October 18, 2016. URL: http://thediplomat.com/2016/10/the-failure-of-foreign-aid-in-afghanistan/ (accessed : 17.02.2023).

иностранной помощи. Так, афганский исследователь и журналист М.Б.Додьяль утверждал, что «в Афганистане произошли значительные изменения, как с качественной, так и с количественной точки зрения»[625]. Так же считают и некоторые американские исследователи, например, Т.Фиппен, говоривший «о некоторых признаках улучшения ситуации» за счет содействия развитию[626].

Пожалуй, наиболее проработанное и детальное исследование по данному вопросу провели американцы П.Фиштейн и А.Уилдер, авторы работы, посвященной влиянию иностранной финансовой помощи на ситуацию в сфере безопасности в Афганистане. Авторами был проведен опрос общественного мнения в некоторых из провинций страны, который показал, что, по мнению их жителей, «ничего не было сделано»[627], и «хотя многие опрошенные знали о некоторых достижениях, в большинстве своем они заявляли, что этого было недостаточно по сравнению с нуждами страны»[628]. По мнению авторов, достижения ОПР зачастую оказываются недооцененными ввиду того, что не трансформируются в улучшение ситуации в сфере безопасности[629], а также из-за самого объема средств, потраченных донорами в стране. Схожую оценку эффективности международной финансовой помощи Афганистану дает и Международная кризисная группа, эксперты которой отмечают, что «несмотря на миллиарды долларов помощи, государственные институты остаются слабыми и неспособны предоставить базовые услуги большей части населения страны или обеспечить безопасность людей»[630].

Очевидно, что мнения исследователей и политиков не всегда объективно отражают действительность. Для преодоления подобных расхождений и объективного анализа ОПР Афганистану автором был проведен мониторинг достижения поставленных целей на основе выделенных индикаторов социально-экономического и институционального развития, одобренных странами-донорами, по выделенным ранее

---

[625] Додьяль М.Б. Ды Афганистан йава лянда дйарлас каляна таджруба [Краткий тринадцатилетний опыт Афганистана]. Кабул, 2015. С. 7.

[626] Phippen T. Govt Investigator: Aid Money Sloshed Around Afghanistan ‘Like A Bathtub Running Over’ // The Daily Caller. October 20, 2016. URL: http://dailycaller.com/2016/10/20/govt-investigator-aid-money-sloshed-around-afghanistan-like-a-bathtub-running-over/ (accessed : 17.02.2023).

[627] Fishstein P., Wilder A. Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Medford: Tufts University, 2012. P. 42. URL: https://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf (accessed: 17.02.2023).

[628] Ibid.

[629] Ibid. P. 25.

[630] Aid and Conflict in Afghanistan // International Crisis Group. August 4, 2011. URL: https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/aid-and-conflict-afghanistan (accessed: 17.02.2023).

официальным документам, устанавливающим цели развития страны. Результаты представлены в Таблицах 3.4-3.7.

Принятые правительством Афганистана цели развития разбиты на несколько групп, это – экономический рост, ликвидация наркопроизводства, повышение уровня жизни, финансовая стабильность, искоренение бедности, повышение уровня образования, культурное и инфраструктурное развитие. Для каждой из этих целей были утверждены несколько показателей, которые предполагалось достичь к 2015 г. (хотя, как уже было указано автором, позднее сроки были сдвинуты на неопределенный период), имевшие, как правило, количественный характер, что значительно упрощает оценку прогресса страны в социально-экономическом развитии. Автором приводятся данные по состоянию прогресса в достижении целевых показателей по состоянию на 2015-2016 и 2019-2020 гг.

Таблица 3.4. Результаты ОПР Афганистану в сфере экономического и финансового развития.

Цели развития:	**Показатель:**	**Предполагаемый результат:**	**Результаты по состоянию на 2015-2016 гг.**	**Результаты по состоянию на 2019-2020 гг.**
Экономический рост	Уровень роста ВВП	7-9% в год до 2015 г.	7,2% в год в среднем	5,7% в год в среднем
Ликвидация наркопроизводства	Объемы производства наркотиков	«минимальный» уровень к 2015 г.	4800 т	6300 т
Обеспечение финансовой стабильности и самодостаточности	Доля налогов в доходной части госбюджета	Не менее 12,5%	21%	-
	Объем налогов и сборов	Не менее $1,8 млрд	$1,3 млрд	-
	Доля ОПР к ВНД	не более 20%	21,2%	20,7%

Источники: Afghanistan Opium Survey 2015: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 12 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2015.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2020: Cultivation and Production – Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 62 p.; Securing

Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2004. 122 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/securing-afghanistans-future-accomplishments-and-strategic-path-forward (accessed: 17.02.2023).; World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Рассматривая достижения содействия развитию в экономическом и финансовом развитии страны, следует обратить внимание на то, что страна была относительно близка к реализации большинства из заявленных целей. Так, по состоянию на 2015 г. был достигнут показатель необходимого экономического роста, что в тоже время не отменяет трудностей возникших в этой сфере у страны после вывода иностранных войск в 2014 г., а также высокой волатильности темпов экономического роста. Собираемость налогов в стране также заметно улучшилась, хотя намеченные результаты так и не были достигнуты. Основным препятствием для стабильного и успешного экономического развития оставалась проблема наркопроизводства, где не удалось добиться сокращения. Напротив, уровень производства опиатов в Афганистане в период с 2001 по 2021 гг. имел тенденцию к росту.

Таблица 3.5. Цели и результаты содействия развитию Афганистана в социальной сфере.

Цели развития:	**Показатель:**	**Предполагаемый результат:**	**Результаты по состоянию на 2015-2016 гг.**	**Результаты по состоянию на 2019-2020 гг.**
Повышение уровня жизни населения	ВВП на душу населения	не менее $500 на душу населения	$593 на душу населения	$517 на д.н
	Уровень младенческой смертности	Не более 55 случаев на 1000 рождений	41 случай на 1000 рождений	35 случаев на 1000 рождений
	Уровень материнской смертности	Не более 205 случаев на 100000 рождений	701 случаев на 100000 рождений	-
	Доступ к чистой питьевой воде, %населения	80%	55,3%	-

	Количество заболевших полиомиелитом	Искоренение полиомиелита	3 случая в 2015 г.	56 случаев в 2020 г.
Искоренение бедности	Доля бедных, %сельского населения	Не более 21%	54,5%*	-
Повышение уровня образования населения	Уровень грамотности	Не менее 56%	-	37%**
	Охват начальным образованием	100%	104%***	107%***
Культурное развитие	Доступ к телевидению и радио, %населения	100%	Есть на 85% территории страны	-
Повышение уровня образования населения	Количество функционирующих вещательных компаний	Не менее 150	Более 300	-

Примечания: * - % всего населения, оценка 2016 г. ** - данные 2021 г. *** - учитывается и вторичные поступления в школу.

Источники: Окимбеков У.В. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 447 с.; Securing Afghanistan’s Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2004. 122 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/securing-afghanistans-future-accomplishments-and-strategic-path-forward (accessed: 17.02.2023).; World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

В сфере социального и культурного развития отмеченные результаты свидетельствуют о не слишком благополучной ситуации. Материнская и младенческая смертность все еще остаются на очень высоком уровне, несколько превышающем средний уровень для наименее развитых стран[631]. Свидетельством этого также являются

[631] Прим.: Кроме того, более детальные исследования дают основания полагать, что реальный уровень материнской смертности может находиться выше, чем свидетельствуют официальные данные. См.: Barlett L., LeVevre A., Zimmerman L., Saeedzai S.A., Turkmani S., Zabih W. Progress and inequities in

и зарегистрированные случаи заболевания полиомиелитом, который предполагалось искоренить в стране к 2015 г., однако на деле в 2020 г. было зарегистрировано 36 случаев. Существующие оценки уровня грамотности и бедности также заметно отстают от целей взаимодействия в сфере ОПР.

Таблица 3.6. Результаты ОПР Афганистану в сфере инфраструктурного и технологического развития.

Показатель	**Предполагаемый результат**	**Результаты по состоянию на 2015-2016 гг.**
Доля дорог с твердым покрытием	Не менее 48,1%	Не более 30%*
Количество аэропортов, соответствующих международным стандартам	30, в том числе 5 международных	3 международных аэропорта, не более 15 соответствуют стандартам ИКАО
Количество генерируемой эдектроэнергии	Увеличение на 180 тыс. МВт в час	Показатель превышен в несколько раз
Доступ к электроснабжению	Не менее 33% населения страны	84%
Уровень распространения мобильной связи	120 мобильных телефонов на 1000 человек	61 мобильный телефон на 100 человек

Источники: Дауров Р.Д., Нессар О., Окимбеков У.В. Афганистан: политика, экономика (2001-2019). Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. 412 с.; Окимбеков У.В. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 447 с.; Securing Afghanistan’s Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2004. 122 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/securing-afghanistans-future-accomplishments-and-strategic-path-forward (accessed: 17.02.2023).

В сфере инфраструктурного и технологического развития можно с определенной долей уверенности говорить о заметных успехах Афганистана. Несомненно, можно отметить положительную динамику распространения мобильной связи, электроснабжения. В то же время наличие подобных услуг не дает им никакой качественной характеристики. Несмотря на наличие доступа к электроснабжению,

maternal mortality in Afghanistan (RAMOS-II): a retrospective observational study // The Lancet. 2017. Vol. 5. No. 5. P. E545-E555.

стране недостает электроэнергии, что становится причиной отключений и перебоев в электроснабжении, которые регулярно происходят даже во всех крупных городах страны.

Наряду с этим афганскими властями выдвигались и другие критерии, которые позволили бы оценить эффективность ОПР стране в сфере институционального строительства и развития, связанные с ее положением в различных международных рейтингах.

Таблица 3.7. Цели и результаты ОПР Афганистана (оценка по комплексным индикаторам и рейтингам).

Цель	**Результат (по состоянию на 2015 г.)**	**Результат (по состоянию на 2020 г.)**
Подняться на 150 место в рейтинге восприятия коррупции организации *Transparency International*	169-е место	165-е место
Подняться на 15 позиций в рейтинге *Doing Business*, сохранить или улучшить позиции страны по всем составляющим его подиндексам	Подняться на 15 позиций не удалось, показатели страны по большинству подиндексов улучшились	173-е место
Увеличение индекса человеческого развития (ИЧР) на 25%	Улучшение на 4,8%	Улучшение на 5,9%
Улучшить результат страны в рейтинге эффективности использования средств государственного бюджета *Open Budget Index* на 40% и исполнению бюджета на 75%	Рейтинг страны снизился на 17 пунктов к 2015 году	-

Источники: Corruption Perception Index 2015 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/cpi2015 (accessed: 17.02.2023).; Corruption Perception Index 2020 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2020 (accessed: 17.02.2023).; Doing Business // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/doing-business (accessed: 17.02.2023).; Human Development Index (HDI) // UNDP. URL: https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI (accessed: 17.02.2023).; International Budget Project Open Budget Index (OBI) // World Bank. URL: https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/downLoadFile?fileName=OBI.xlsx#:~:text=The%20Open%20Budget%20Index%20(OBI,of%20central%20government%20budget%20

documents (accessed: 17.02.2023).; Towards a Self-Sustaining Afghanistan: An Economic Transition Strategy. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2011. 12 p. URL: http://afghandata.org:8080/jspui/bitstream/123456789/21626/1/azu_acku_pamphlet_hc417_t693_2011_w.pdf (accessed: 17.02.2023).

На основе приведенных данных можно отметить, что отставание страны от намеченных целей оказалось весьма значительным, стране не удалось добиться ни одной из поставленных задач. Большой проблемой является то, что именно эти индикаторы, индексы и рейтинги отражают прогресс страны в ключевых сферах институционального развития, в частности, в противодействии коррупции, улучшении инвестиционного климата и условий для ведения бизнеса, а также в увеличении эффективности формирования и расходования средств государственного бюджета.

На основе приведенных автором данных была составлена шкала, в которой цели развития были сгруппированы в зависимости от успешности их реализации. Были выделены 4 группы: успешная реализация цели (когда она была достигнута или фактические результаты оказались даже лучше намеченных), относительно успешная (когда страна продемонстрировала заметный прогресс в реализации цели, однако, несмотря на позитивную динамику, не смогла ее достичь), относительно неуспешная (наблюдались определенные позитивные сдвиги, однако сами результаты сложно назвать удовлетворительными), неуспешная (цели не были достигнуты, фактические результаты оказались чрезвычайно скромными).

Таблица 3.8. Степень успеха реализации целей международной помощи.

Показатель	**Установленная цель**	**Оценка реализации цели**
Распространение мобильной связи	120 мобильных телефонов на 1000 человек	успешно
Обеспечение доступа к электроснабжению	33% жителей страны	успешно
Создания вещательных компаний	150 новых компаний	успешно
Снижение детской (до 5 лет) смертности	130 сл. на 1000 рождений	успешно
Повышение ВВП на душу населения	500 долл. на душу населения	успешно
Обеспечение необходимого уровня экономического роста	7-9% в год	относительно успешно

Увеличение доли налогов в доходной части гос.бюджета	12,5%	относительно успешно
Снижение зависимости от ОПР	ОПР к ВНД – 20%	относительно успешно
Снижение младенческой смертности	55 сл. на 1000 рождений	относительно успешно
Обеспечение всеобщего доступа к телевидению	100% жителей страны	относительно успешно
Обеспечение доступа к чистой питьевой воде	80% жителей страны	относительно неуспешно
Повышения уровня грамотности	56%	относительно неуспешно
Увеличение доли дорог с твердым покрытием	48,1% от общей протяженности	относительно неуспешно
Увеличение количества генерируемой электроэнергии	180 тыс. МВт в ч	относительно неуспешно
Снижение риска заражения опасными заболеваниями	Искоренение ряда заболеваний, минимизация рисков по другим	относительно неуспешно
Обеспечение притока иностранных инвестиций	7 млрд долл. США	неуспешно
Снижение материнской смертности	205 сл. на 100000 рождений	неуспешно
Обеспечение центрального водоснабжения для жителей г. Кабула	80% жителей города	неуспешно
Постепенное уничтожение наркопроизводства	«минимальный» уровень	неуспешно

Источник: составлено автором.

Конечно, нельзя отрицать наличия определенных достижений. Так, индекс человеческого развития увеличился на 5%, улучшились показатели, свидетельствующие об инвестиционной привлекательности страны, есть определенные улучшения и в сфере противодействия коррупции.

На основе приведенного выше сопоставления целей и результатов программы можно утверждать, что программа помощи, конечно, не является абсолютно успешной, хотя, вопреки заявлениям многих экспертов и исследователей, ее также сложно назвать и полностью неудачной. По состоянию на 2020 г. стране удалось реализовать, по крайней мере, некоторые из поставленных задач, в частности, обеспечить запланированные показатели среднегодового экономического роста, довести до

установленного уровня ВВП на душу населения. В то же время в динамике показателей экономического и социального развития наметилось некоторое ухудшение после 2014 г, Также были реализованы и некоторые из целей, связанные с инфраструктурным развитием страны, обеспечением доступа жителей страны к электроснабжению и другим услугам, удалось увеличить долю налогов и сборов в государственном бюджете страны.

Наиболее сложной оставалась ситуация в сфере здравоохранения и образования, где ОПР так и не стала эффективным инструментом развития, именно здесь фактические результаты наиболее сильно отстают от установленных целей, несмотря на то, что правительство Афганистана и страны-доноры заявляли о приоритетном значении данных программ. Наименее значительными оказались достижения страны в сфере привлечения иностранных инвестиций, реальный уровень которых на данный момент в несколько раз ниже намеченного.

Кроме того, стране не удалось добиться заметного прогресса по ключевым индикаторам, отражающим социально-политическое и институционального развитие страны, в частности, в сфере борьбы с коррупцией, расходования бюджетных средств, развития человеческого капитала. Такое положение, несмотря на определенные успехи страны, демонстрирует, что к 2020 г. страна по-прежнему страдала от тех же проблем, что и ранее, когда страны-доноры только начинали свое взаимодействие с Афганистаном. Дополним, что хотя подсчитать экономические эффекты содействия развитию в Афганистане проблематично, учитывая дефицит надежных статистических данных, отдельные исследования дают основания утверждать, что они были недостаточными. В условиях отсутствия других сравнимых источников инвестиций в национальную экономику отдача от 1 долл. ОПР составляла около 0,6[632]. Также исследователи отмечают, что помощь могла способствовать распространению коррупционных практик в Афганистане, что негативно сказывалось на эффективности все институциональной системы в целом[633].

Можно утверждать, что стране так и не удалось перейти на принципиально новый уровень развития, не удалось продвинуться в создании эффективных институтов.

---

[632] См.: Nasery J.A. The Economic Shock to Afghanistan Caused by Aid Reduction and Troops Withdrawal // IEE Working Paper. 2014. No. 202. 63 p. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/183556/1/wp-202.pdf (accessed: 17.02.2023).

[633] См.: Felbab-Brown V. Afghanistan Affectations: How to Break Political-Criminal Alliances in Contexts of Transition // United Nations University Centre for Policy Research Crime-Conflict Nexus Series. 2017. No. 8. 37 p. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6422/Afghanistan_Affectations.pdf (accessed: 17.02.2023).; Pavlik J.B., Young A.T. Sorting out the aid–corruption nexus // Journal of Institutional Economics. 2021. Vol. 18. No. 4. P. 637-653.

Проведенные в стране преобразования не привели к заметному улучшению качества государственного управления, сохраняют свое значение проблемы коррупции, нецелевого расходования бюджетных средств. Особую обеспокоенность в этой связи вызывает и то, что стране были предоставлены значительно большие объемы помощи по сравнению с тем уровнем, который был заявлен как необходимый для реализации отмеченных целей развития.

Невысокую эффективность и результативность ОПР Афганистана характеризует также и ее неспособность обеспечить и стать инструментом стабилизации военно-политической обстановки в стране, на что прежде всего рассчитывали доноры. Ситуация в государстве продолжает оставаться нестабильной, что подтверждалось нарастанием активности ДТ и других террористических организаций в 2010-х гг..

3.2.2. Институциональные преобразования в экономической сфере и их эффективность в контексте разрешения вооруженного конфликта в Афганистане

После завершения активной фазы операции международной коалиции в Афганистане в 2001 г. и, как тогда казалось, победы над движением талибов, на повестке дня ключевых международных конференций и встреч, касавшихся афганской тематики, оказался вопрос о государственном строительстве и, как следствие, институциональном строительстве и трансформации, в том числе и в экономической сфере. Было очевидно, что прежние органы управления и неформальные институты, сложившиеся в период существования Исламского эмирата и ранее, с одной стороны, продемонстрировали свою неэффективность и неспособность дать позитивный импульс экономическому развитию. С другой, в силу своего весьма радикального характера не отвечали потребностям и интересам ни стран-доноров Запада, ни зарождавшегося тогда афганского государства, его элиты и населения в целом. Все это обозначило актуальность и необходимость проведения институциональных реформ и трансформации экономики страны.

Ответ на вопрос о необходимости проведения коренных преобразований в экономической сфере после завершения активной фазы операции международных сил в 2001 г. представляется очевидным. Проведение институциональных реформ в стране было чрезвычайно важно и даже неизбежно по нескольким причинам.

Во-первых, эта необходимость диктовалась невозможностью сохранения прежней институциональной структуры. Это связано с неэффективностью прежних институтов, которые были мало ориентированы на экономическое развитие страны в

принципе. Как указывают П. Фиштейн и М.Э. Амиръяр, сложно сказать, справедливо ли в принципе говорить о проведении движением талибов (ДТ) экономической политики (хотя определенные ее аспекты все же реализовывались, пусть и в ограниченных масштабах). В результате этого в Афганистане продолжалась деградация и экономических институтов, и инфраструктуры[634]. В любом случае в условиях продолжавшегося конфликта экономическое развитие не было приоритетной целью ДТ, уступая военно-политическим интересам. В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев, в частности, указывают, что действия талибов напоминали «действия победителей, наложивших контрибуцию на побежденных»[635] – в таком случае и укрепление безопасности, и попытки талибов наладить более эффективный сбор налогов служили цели сбора ресурсов для реализации военно-политических целей. Тем более о каких-либо действительно крупных проектах, которые талибы намеревались реализовать самостоятельно в 1996–2001 гг., исследователям неизвестно[636]. В итоге сохранение прежней институциональной структуры оказывалось невозможным.

Во-вторых, сам вооруженный конфликт привел к трансформации экономической модели в Афганистане, которую можно условно назвать «военной экономикой» *(war economy)*[637]. В подобной системе стратегии экономических агентов, адаптировавшихся к условиям конфликта, связаны либо с получением доходов и выгод в условиях вооруженного противостояния, либо с попытками «выживания». Тем самым формальные механизмы экономических отношений оказываются незадействованными, а сама структура – несовместимой с целями миростроительства.

Кроме того, важность реформирования экономических институтов отмечалась также в актуальных исследованиях экономистов и политэкономистов, эконометрически подтвердивших высокие риски возобновления вооруженных конфликтов[638]. Подобная взаимосвязь стала основой для концепции «конфликтной ловушки» *(conflict trap),* указывавшей на необходимость ускорения темпов экономического развития для того,

---

[634] Fishtein P., Amiryar M. E. Afghan Economic Policy, Institutions, and Society Since 2001. Special Report 383. United States Institute of Peace, 2015. P.3.

[635] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. С. 95.

[636] Прим.: Однако талибами были проведены некоторые меры, связанные с разминированием части территорий, в первую очередь сельскохозяйственных угодий; восстановлением системы ирригации, например, в Джелалабадской долине, ремонтом и вводом в эксплуатацию электростанций Сароби и Наглу и электросетей в Кабуле, Кандагаре и других городах. См.: Там же. С. 100.

[637] Goodhand J. From War Economy to Peace Economy? Reconstruction and State-Building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 157-158.

[638] Collier P., Sambanis N. Understanding Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 3-5.

чтобы минимизировать риски возникновения конфликтов. В то же время устойчивый экономический рост невозможен без более эффективных экономических институтов и, соответственно, более результативной экономической политики.

Таким образом, новая попытка модернизации страны воспринималась как попытка перехода к более устойчивой модели экономического развития, которая могла бы гарантировать рост благосостояния населения и содействовала бы миростроительству.

Необходимо отметить, что влияние международной коалиции стран Запада стало ключевым фактором, определившим направление институциональной трансформации в Афганистане. Очевидно, что именно государства, участвовавшие и поддерживавшие международную операцию в Афганистане, стали основными стейкхолдерами в стране, так как именно они внесли существенный вклад в победу над движением талибов. Они же несли ответственность и за постконфликтное восстановление страны, в частности, в виде финансового содействия и предоставления помощи развитию. В этой связи допустимо говорить о навязывании модели институтов и модели развития Афганистана – альтернативные позиции о направления постконфликтного развития страны не были бы услышаны. В то же время необходимо признать, что был сформирован определенный консенсус, по крайне мере с представителями элиты, тесно связанной с западными кругами и возглавившей проведение реформ на национальном уровне. В результате значительного внешнего влияния новая попытка модернизации экономики страны существенно отличалась от предыдущих.

Надо сказать, что сами направления преобразований в Афганистане скорее следовали определенной базовой модели и мало отличались от реформ, проводившихся в других странах в тот же период при поддержке ведущих международных экономических организаций и государств-доноров. Базой для преобразований стали концепция «либерального мира» *(liberal peace)* и положения Поствашингтонского консенсуса, который акцентировал внимание на формировании дееспособных институтов и эффективного управления как основы для восстановления экономики и экономического роста[639]. В экономикотеоретическом измерении Поствашингтонский консенсус связан с неолиберальным направлением экономической мысли и основывался на западном опыте экономического развития, поэтому инструментами преобразований

[639] Suhrke A. Reconstruction as modernisation: the ‘post-conflict’ project in Afghanistan // Third World Quarterly. 2007. Vol. 28. Issue 7. P. 1292.

должны были стать формирование рыночной экономики, либерализация, минимизация государственного вмешательства в экономику.

В целом, система органов управления и формальных институтов, созданных в Афганистане, соответствовала и копировала принятые на Западе структуры и разделение полномочий между ними. Так, были созданы министерства экономики, финансов, торговли и промышленности, Центральная статистическая организация, другие профильные министерства, компетенции которых косвенно затрагивали экономические вопросы и проблемы функционирования отдельных отраслей национальной экономики.

Важным отличием от предыдущих попыток модернизации стала ориентация Афганистана на построение рыночной экономики – это было новым для Афганистана явлением. При прошлых попытках модернизации экономической системы страны использовались другие методы управления. Центральную роль в экономике страны играло государство, осуществлявшее основные капиталовложения. В то же время экономику страны нельзя было назвать именно командной. В Афганистане скорее существовала смешанная экономическая система, в которой командные элементы управления играли очень важную роль (например, существовало централизованное экономическое планирование)[640], что заметно как в период, когда страной руководил М. Дауд, так и при режиме НДПА. Большая часть экономической деятельности в то же время носила неформальный характер и государством не контролировалась.

Вследствие влияния ведущих стран Запада и ключевых международных экономических организаций основой экономической политики Афганистана стал либеральный подход, предусматривавший минимизацию государственного вмешательства в экономику. Следовательно, основой развития новой экономической модели страны должно было стать развитие частного сектора, что находило отражение и в официальных документах, указывавших, что стратегия развития экономики Афганистана опирается на развитие частного сектора и инклюзивный рост[641]. Таким образом, именно расширение деловой активности в частном секторе, которому должна была способствовать государственная экономическая политика и содействие со стороны доноров, было призвано стать основой развития формального сектора экономики и, как следствие, роста уровня благосостояния и миростроительства.

---

[640] Fishtein P., Amiryar M. E. Afghan Economic Policy, Institutions, and Society Since 2001. Special Report 383. United States Institute of Peace, 2015. P.2.

[641] Ibid. P.3.

Кроме того, хотя в новом государстве ислам и был объявлен государственной религией, а сама страна названа Исламской Республикой Афганистан, созданные в стране формальные экономические институты (в отличие от предыдущего периода развития страны, когда у власти находились представители ДТ) не были связаны с религиозными нормами. В то же время это заметно отличает Афганистан от своих региональных соседей, например, Ирана и Пакистана. Можно отметить, что «исламская банковская система и исламские фонды, придающие наибольшую «исламскую специфику» иранской экономике»[642] в целом существуют и в Афганистане. Однако в отличие от указанных государств исламские принципы не получили институционального оформления в Афганистане. Это говорит о глубоком влиянии западных экономических моделей на формирование экономических институтов в Афганистане в условиях, когда страна не обладала ни достаточными ресурсами, ни опытом для проведения самостоятельных институциональных преобразований. В то же время религиозные продолжали играть важную роль в жизни страны и большей части ее населения.

Таким образом, можно говорить о заимствовании Афганистаном основных идей и принципов построения экономических институтов и экономической политики, основывавшихся на опыте развития государств Запада. Принцип *local ownership* в то же время предполагал, что ответственность за внедрение передовых институтов, идей, технологий и методов управления экономикой несут национальные кадры, а внешние акторы только оказывают содействие в целях увеличения эффективности их использования[643]. Такой подход был призван в короткие сроки добиться коренных изменений в экономике страны, достичь устойчиво высоких темпов экономического роста, выйти из состояния «конфликтной ловушки» за счет развития формального сектора экономики на рыночных принципах.

Сейчас, 20 лет спустя после начала проведения институциональных реформ в Афганистане, можно попытаться оценить, насколько они эффективны и позволили ли они решить ключевые проблемы экономического развития.

Оценить эффективность экономических институтов можно при помощи комплексных индикаторов, например, оценки государственной политики и институтов

---

[642] Мамедова Н.М. Исламская экономика в Турции и Иране // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №3 (5). С. 61.

[643] Suhrke A. Reconstruction as modernisation: the ‘post-conflict’ project in Afghanistan // Third World Quarterly. 2007. Vol. 28. Issue 7. P. 1292.

Всемирного банка *(CPIA)*. Хотя показатели для Афганистана в начальный период проведения реформ отсутствуют, с 2006 г. индикатор оценки эффективности управления экономикой снизился с 3,3 баллов до 2,68 в 2019 г.[644], то есть за последнее десятилетие институциональная основа экономической модели страны не стала эффективнее. Не наблюдалось значительных позитивных изменений и по другим показателям, использующимся в данном рейтинге[645]. Новая институциональная модель оказалась связана с рядом проблем, на некоторые из которых следует обратить особое внимание.

Следует признать, что созданные в стране институты оказались несамодостаточными. Лучше всего эти проблемы можно проиллюстрировать с помощью показателей развития налогово-бюджетной сферы. В постконфликтный период ключевой задачей государственной налогово-бюджетной политики, призванной содействовать разрешению причин конфликта, становится восстановление системы предоставления общественных благ и государственных услуг, активизация государственных инфраструктурных инвестиций. Это в свою очередь требует от государства укрепления финансовой базы, увеличения доходов государственного бюджета, которые связаны с налоговой политикой, системой управления доходами и общим уровнем деловой активности[646].

В то же время задача обеспечения устойчивости институтов налогово-бюджетной политики до сих пор не решена (см. Таблицу 3.9.). Хотя правительством страны ставилась цель увеличения внутренних налоговых поступлений в 2 раза[647] (приблизительно до уровня в 15% ВВП), их уровень продолжает оставаться чрезвычайно низким и составляет на протяжении последних лет не более 8%, причем очевидной тенденции к увеличению налоговых доходов не наблюдается. С другой стороны, даже несмотря на заметное сокращение поступлений помощи развитию и снижения интереса к Афганистану государств-доноров, разочарованных результатами взаимодействия, роль помощи оставалась значительной. Бюджет страны по-прежнему на 60-70% формировался за счет поступлений официальной помощи развитию, причем этот

---

[644] FCS Lists from FY06 to FY22 // World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/fragilityconflictviolence/brief/harmonized-list-of-fragile-situations (accessed: 17.02.2023).

[645] Ibid.

[646] См.: Carnahan M. Options for Revenue Generation in Post-Conflict Environments // Political Economy Research Institute Working Paper. 2007. No. 137. 14 p. URL: https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1110&context=peri_workingpapers (accessed: 17.02.2023).

[647] Suhrke A. Reconstruction as modernisation: the ‘post-conflict’ project in Afghanistan // Third World Quarterly. 2007. Vol. 28. Issue 7. P. 1301.

показатель не снижается. В случае их сокращения, страна может оказаться в тяжелом положении и будет испытывать трудности с поддержанием текущего уровня государственных расходов, что сделает поддержание современной институциональной структуры невозможным.

Таблица 3.9. Некоторые индикаторы развития государственных финансов Афганистана в 2011-2020 гг..

Показатель	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**
Доходы бюджета за исключением грантов (% ВВП)	11,5%	10,2%	9,4%	8,6%	10,1%
Налоги на доходы, прибыль и прирост капитала (% доходов бюджета)	2,7%	3,7%	3,6%	4,9%	6%
Налоговые поступления (% ВВП)	8,9%	7,7%	7,1%	6,9%	7,6%
ОПР (млрд долл.)	6,74	6,67	5,15	4,94	4,27
ОПР (% ВНД)	37,1%	32,9%	25%	24%	21,2%
Гранты и прочие доходы (% расходов)	90,2%	88%	88,9%	87,5%	85,4%
Показатель	**2016**	**2017**	2018	2019	2020
Доходы бюджета за исключением грантов (% ВВП)	12,7%	13%	-	-	-
Налоги на доходы, прибыль и прирост капитала (% доходов бюджета)	4%	4,5%	-	-	-
Налоговые поступления (% ВВП)	9,5%	9,9%	-	-	-
ОПР (млрд долл.)	4,07	3,81	3,79	4,14	4,21
ОПР (% ВНД)	22,4%	19,9%	20,4%	21,5%	20,7%
Гранты и прочие доходы (% расходов)	81%	78,8%	-	-	-

Источник: World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Проблемы функционирования налоговой системы связаны также с неэффективностью системы налогового надзора. Объяснениями этого может служить, во-первых, очевидный недостаток квалифицированных кадров для управления экономикой, особенно на местном уровне. Во-вторых, высокой остается роль неформальных институтов и коррупционных практик, которые, несмотря на создание новых формальных институтов, сохранили свое положение как основы экономических

отношений в стране, а большая часть экономической деятельности остается неформальной.

Как указывают исследователи, современную институциональную структуру афганской экономики можно разделить на две части – формальные институты, сложившиеся в результате заимствования бюрократических практик, выполняющие роль фасада трансформации, а также – традиционные институты, ставшие основой реальной экономики и оказавшиеся стабильнее формальных институтов[648]. То есть в целом можно говорить о сохранении структуры «военной экономики» в стране и констатировать, что проведенные преобразования не способствовали расширению формального сектора и достаточного увеличения уровня занятости в нем. Доходы значительной части населения страны по-прежнему связаны с теневой и нелегальной экономической деятельностью. Так, только наркотический сектор в широком смысле может достигать, по оценкам ООН, около 20-30% ВВП страны, причем в 2017 г. был зафиксирован как наибольший уровень площади посевов опиума, так и наиболее высокий уровень наркопроизводства (см. Таблицу 3.10.). В дальнейшем произошло сокращение, которое могло быть продиктовано наличием избыточных запасов опиума в результате перепроизводства в 2017 г., а не другими соображениями[649]. Необходимо признать, что доля неформального сектора в экономике страны на деле значительно выше, поскольку не существует надежных оценок объемов нелегальной торговли и контрабанды товаров в Афганистане, а по оценкам некоторых экспертов, они не уступают доли наркотического сектора.

Таблица 3.10. Динамика показателей наркопроизводства в Афганистане в 2011-2020 гг.

Показатель	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**
Площадь посевов (тыс. га)	131	154	209	224	183
Урожайность (кг/га)	44,5	23,7	26,3	28,7	18,3
Уровень производства опиума (тыс. т)	5,8	3,7	5,5	6,4	3,3
Доля Афганистана в мировом производстве (%)*	68,6	69,2	74,1	73,4	67,6

[648] См.: Brick Murtazashvili J. Informal Order and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2016. 325 p.

[649] См.: Afghanistan Opium Survey 2018: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. 69 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2018.pdf (accessed: 17.02.2023).

Доля сектора (% ВВП)	9-16%	4%**	4-15%	4%[650]	-
Показатель	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**
Площадь посевов (тыс. га)	201	328	263	163	224
Урожайность (кг/га)	23,8	27,3	-	-	28
Уровень производства опиума (тыс. т)	4,8	9	-	-	6,3
Доля Афганистана в мировом производстве (%)*	86,6	80,9	78,8	81,2	-
Доля сектора (% ВВП)	-	20-32%***		7-12%	-

Примечание: * - доля страны в мировом производстве опиатов может быть завышена, так как данные Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) содержат данные только по нескольким странам-основным производителям опиатов. ** - оценка только вклада выращивания опиума в ВВП. *** - включает «опиумную экономику» в широком смысле.

Источники: Afghanistan Opium Survey 2012. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2013. 111 p. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/Afghanistan_OS_2012_FINAL_web.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2013: Summary findings. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2013. 25 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2013.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2014: Socio-economic analysis. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 62 p. URL: http://anf.gov.pk/library/surveys/Afghanistan_Opium_Survey_Socio-economic_analysis_2014_web.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2015: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 12 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2015.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2016: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2016. 12 p. URL: https://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2017: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2017. 73 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-

[650] Прим.: Оценка учитывает только добавленную стоимость выращивание наркосодержащих растений.

monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2018: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. 69 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2018.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2019: Socio-economic survey report: Drivers, causes and consequences of opium poppy cultivation. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 75 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/20210217_report_with_cover_for_web_small.pdf (accessed: 17.02.2023).; Afghanistan Opium Survey 2020: Cultivation and Production – Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 62 p.; World Drug Report 2021 pre-publication // United Nations Office for Drugs and Crime. URL: https://dataunodc.un.org/j4g54hA/WDR_prepub_2021 (accessed: 17.02.2023).

Кроме того, высокие показатели экономического роста, достигавшие 10-20% в 2005-2010 гг. и вселявшие оптимизм в реализацию институциональной трансформации в экономике страны, наряду с распространенными объяснениями, связанными с эффектом «низкой базы», меньшей интенсивностью конфликта, ростом капиталовложений и т.п., объясняются также и ролью международных сил в генерировании эффективного спроса. Достаточно высокие темпы экономического роста, таким образом, вероятно, не были следствием роста эффективности институтов и экономической политики государства. Графически данную взаимосвязь можно проследить на Рисунке 3.8. Заметно, что сокращение присутствия иностранных военных в Афганистане в целом совпало с падением темпов экономического роста страны, которые в последние несколько лет не превышали нескольких процентов. Также стагнировали после 2014 г. и темпы роста потребительского спроса, что говорит о падении уровня деловой активности в стране. Влияние присутствия иностранных войск на развитие афганской экономики может быть связано с воздействием на сферу услуг, которая фактически стала основой афганской экономики (так как в ней производится сегодня большая часть ВВП страны), за счет предоставления транспортных услуг, торговли и пр.

Рисунок 3.8 Взаимосвязь между экономическим ростом, потребительским спросом и присутствием иностранных войск в Афганистане.

Источники: Afghanistan Index // Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/afghanistan-index/ (accessed: 17.02.2023).; World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Дж.А. Насери указывает, что присутствие иностранных военных было значимым для экономики Афганистана и в значительной степени обеспечивало ее положительную динамику, скрываю дефицит внутренних факторов экономического роста в условиях неэффективной институциональной системы. Это воздействие связывается с проводимой иностранными военными политикой «*Afghan First*», которая отдавала приоритет местным фирмам как поставщикам товаров и услуг для нужд иностранных военных. Учитывая высокую численность иностранных военных (больше 100 тыс. человек на пике) и то, что они предъявляли платежеспособный спрос на достаточно широкую номенклатуру товаров и услуг, значительная часть афганских фирм зависели от контрактов с МССБ[651]. Кроме того, иностранные военные также напрямую генерировали занятость. Напрямую на американских военных, например, работало около 46 тыс. граждан Афганистана в 2011 г., что делало американских военных де-факто крупнейшим работодателем в стране[652].

Дж.А. Насери также указывает, что даже само объявление о выводе иностранных войск в Афганистане уже стало экономическим шоком для экономики страны, что

[651] Nasery J.A. The Economic Shock to Afghanistan Caused by Aid Reduction and Troops Withdrawal // IEE Working Paper. 2014. No. 202. P. 42. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/183556/1/wp-202.pdf (accessed: 17.02.2023).

[652] Ibid. P. 43.

привело к замедлению темпов экономического роста. Например, в 2011-2012 гг., уже после объявления о завершения вывода войск к 2014 г., цены на недвижимость в Кабуле упали на примерно 20%[653], что привело к стагнации важной для экономики города строительной отрасли. Непосредственно вывод войск напрямую затронул около 60 тыс. занятых[654]. Его косвенные эффекты более значительны, однако дефицит качественных данных не позволяет дать его более точную оценку. Тем не менее не вызывает больших сомнений, что он повлек за собой сокращение спроса, который после 2014 г. так и не был компенсирован внутренними источниками экономического роста. Напротив, как показано в предыдущем параграфе, по мере углубления политического кризиса в Афганистане углублялся и экономический кризис, что выражалось в темпах экономического роста, близким к 0% в подушевом выражении.

В Таблице 3.11, аналогично Главе 2, автором приводится сравнение кейса Афганистана с тремя кейсами, рассмотренными в предыдущей главе диссертационного исследования (Либерия, Мали, Южный Судан). Это позволит выяснить, насколько кейс Афганистана похож или отличается от других постконфликтных «нестабильных» контекстов, а также позволит понять, насколько опыт Афганистана соответствовал выделенным в Главе 2 критериям, необходимым для устойчивого прекращения насилия в постконфликтных контекстах.

Таблица 3.11. Сравнение изначальных и постконфликтных условий в странах, отобранных для проведения кейс-стади, и Афганистане.

Характеристика кейса	**Либерия**	**Мали**	**Южный Судан**	**Афганистан**
	Нет возобновления вооруженного конфликта	Возобновление вооруженного насилия	Нет устойчивого прекращения вооруженного конфликта	Нет устойчивого прекращения вооруженного конфликта
Предконфликтные условия				
ВВП на душу населения на момент начала конфликта	1719	750	-	-
Территория (тыс. км^2)	111,37	1240,19	633,907	652,23
Население (млн чел.)	2,1064	8,4499	4,9532	13,411

[653] Ibid. P. 46.
[654] Ibid. P. 49.

Природно-ресурсный потенциал	Значительный	Существенный	Значительный	Умеренный
Ресурсная рента (% ВВП)	-	12,1	57,2	1,6
Модель организации институтов до начала конфликта	Сформирована по англо-американскому образцу	Сформирована по французскому (континентальному) образцу	Национальные институты до начала конфликта отсутствовали	Вестеринизированная традиционная монархическая система; опыт исламизации при талибах
Продолжительность независимости	142	30	0	Де-юре оставался независимым государством
Постконфликтные условия				
ВВП на душу населения после вспышки насилия	610	974	2913	1280
Численность населения после конфликта	3,1357	9,586	7,5359	21,607
Ресурсная рента (% ВВП)	34,2	9,4	-	1
Характер трансформации экономики	Существенное с опорой на эксплуатацию природных ресурсов (прежде всего алмазов) и при высоких масштабах вынужденной внутренней и внешней миграции	Незначительное воздействие, так как конфликт затронул преимущественно периферийные регионы	Существенное, но эксплуатация ресурсов осложняется недоразвитием инфраструктуры и борьбой сторон конфликта за контроль над ними	Существенное с опорой на наркопроизводство и нелегальную торговлю
Характеристика постконфликтного развития				
Модель организации институтов и их состояние после вспышек насилия	Восстановление прежней модели организации	Не претерпела изменений в силу незначительного воздействия на начальном этапе	Попытка создания новых национальных институтов на основе разделения власти между конкурирующими этническими группами	Создание новых институтов с опорой на американскую модель институциональной организации
Эффективность денежно-кредитной политики	Высокая	Умеренная	Низкая	Низкая
Эффективность налогово-	Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая

бюджетной политики				
Характеристика прогресса в развитии человеческого капитала[655]	13%	22,7%	-	-
ОПР на душу населения (средняя на каждом 5-летнем интервале после окончания конфликта), долл.	114,8; 234,8; 170,8	43; 37,2; 81,6; 74,2; 78,2	127,6; 161,2	87,1; 191,1; 174,4; 111
Качество контроля и мониторинга со стороны доноров	Высокий	Умеренный	Низкий	Низкий
Результаты воздействия экономических инструментов				
ВВП на душу населения	1258,2	2446,2	1600	1968
Средние темпы экономического роста	4,1%	3,9%	-5,8%	2,29%
Масштабы насилия	Значимые повторные вспышки насилия отсутствовали	Повторение незначительных эпизодов вооруженного насилия с их интенсификацией после 2017 г.	Нет устойчивого прекращения вооруженного насилия	Нет устойчивого прекращения вооруженного насилия
Экономические причины удачи или неудачи воздействия	Более эффективные ограничения со стороны доноров, более эффективный контроль за контрабандой природных ресурсов	Существенная степень неравенства в уровнях экономического развития между регионами, нежелание и неспособность правительства проводить институциональные преобразования	Политическая нестабильность и контроль за доступ к ресурсам ограничивали возможности институциональных реформ и контроля со стороны доноров	Политическая нестабильность и контроль за доступ к ресурсам ограничивали возможности институциональных реформ и контроля со стороны доноров

Источники: составлено автором на основе Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. 408 p.; Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London:

[655] Прим.: Рост отдачи от продолжительности образования и средней продолжительности жизни. Рассчитано автором на основе Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).

Routledge, 2015. 184 p.; De Waal A. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan // African Affairs. 2014. Vol. 113. No. 452. P. 347-369.; Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM (accessed: 17.02.2023).; Global Debt Database // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD (accessed: 17.02.2023).; Mulbah S. State-building Interventions in Post-Conflict Liberia: Building a State without Citizens. London: Routledge, 2017. 280 p.; Oil or Nothing: Dealing with South Sudan's Bleeding Finances // International Crisis Group. October 6, 2021. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/305-oil-or-nothing-dealing-south-sudans-bleeding-finances (accessed: 17.02.2023).; Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).; Weigand F., Andersson R. Institutionalized Intervention: The 'Bunker Politics' of International Aid in Afghanistan // Journal of Intervention and State Building. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 503-523.; World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

Источник: составлено автором.

Сравнение траектории развития Афганистана со странами, отобранными автором для кейс-стади и рассмотренными в Главе 2 исследования, показывает, что модель Афганистана наиболее похожа на ту, что сформировалась в Южном Судане. И там, и там были сформированы модели, ориентировавшиеся на западный опыт, прежде всего американскую модель организации политических и экономических институтов. В обоих случаях эти институты стали ареной экономической конкуренции, которая часто носила межэтнический характер. В обоих случаях институты приобрели отчетливый рентозависимый характер. Если в Южном Судане источником ренты выступала как помощь развитию, так и нефтяные доходы, то в Афганистане ее основным источником стала помощь развития. Иностранная помощь, поступавшая в страны в схожем объеме в подушевом масштабе, поддерживала «выживание» таких систем, но была неспособна запустить устойчивый экономический рост, а также не стала инструментом постепенного перехода стран к большей самодостаточности в условиях недостаточной эффективности институтов. Отметим, однако, что Афганистан получал помощь в чуть меньших относительных масштабах по сравнению с Либерией, однако, по мнению автора, эту разницу и ее последствия не стоит переоценивать.

Кроме того, учитывая, что воздействие конфликта привело к существенной трансформации экономики Афганистана, что в условиях глобализации имело последствия в виде распространения в стране наркопроизводства. В отличие от других стран (однако это в некоторой степени сближает кейс Афганистана с Мали) наркопроизводство не может быть интегрировано в формальный сектор экономики, что значительно затрудняло задачу постконфликтного институционального строительства и экономического восстановления в Афганистане. В силу этого для преодоления трудностей необходима была достаточно эффективная экономическая политика.

К сожалению, добиться реализации этой цели в Афганистане не удалось. В данном параграфе автором уже были приведены некоторые данные, позволяющие судить об эффективности налогово-бюджетной политики. Следует констатировать, что собираемость налогов и их доля в формировании бюджета страны постепенно увеличивалась, однако оставалась достаточно невысокой при сохранении существенной зависимости страны от иностранной помощи. По данным Всемирного Банка, доля грантов в доходах бюджета даже во второй половине 2010-х гг. превышала 70%[656], несмотря на постепенное сокращение объемов предоставляемой помощи. Эффективность использования помощи оставалась невысокой. По имеющимся расчетам, каждый 1 долл. генерировал только 0,66 долл. роста ВВП[657]. Кроме того, на протяжении всего периода активного содействия развитию Афганистана проблемой оставался мониторинг использования средств помощи в силу проблем в сфере безопасности. Эти проблемы ухудшились после 2014 г. в результате интенсификации вооруженного конфликта в стране. Из-за ужесточения норм безопасности для сотрудников, занятых в сфере мониторинга помощи, были прекращены многие мероприятия, позволявшие отслеживать расходование средств помощи местными НГО и правительством Афганистана[658].

Эффективность денежно-кредитной политики оказывалась еще ниже. Несмотря на достижение значительных успехов поначалу, правительство не справилось с задачей их трансформации в долгосрочную эффективность денежно-кредитной системы. Основным успехом стала денежная реформа, которая была проведена в 2002 г. под

---

[656] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[657] Nasery J.A. The Economic Shock to Afghanistan Caused by Aid Reduction and Troops Withdrawal // IEE Working Paper. 2014. No. 202. P. 49. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/183556/1/wp-202.pdf (accessed: 17.02.2023).

[658] См.: Weigand F., Andersson R. Institutionalized Intervention: The ‘Bunker Politics’ of International Aid in Afghanistan // Journal of Intervention and State Building. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 503-523.

руководством будущего президента Афганистана М.А. Гани. Реформа проводилась в соответствии с рекомендациями МВФ, пользовалась поддержкой доноров. Была реализована достаточно успешная кампания по ознакомлению афганского общества с целями и планом проведения реформы, что позволило успешно завершить ее в достаточно короткие сроки, даже несмотря на логистические проблемы. Реформа была завершена уже в январе 2003 г.[659], то есть всего за несколько месяцев, хотя достаточно широкое использование иностранных валют остается проблемой до сих пор. Этот успех, однако, остался локальным.

На протяжении 2001-2021 гг. уровень инфляции в стране оставался волатильным[660], а Банк Афганистана (Ды Афганистан Банк) так и не перешел к проведению процентной политики, хотя объявлял о подобных намерениях. Отдельной проблемой был высокий уровень долларизации – фактически на территории страны свободно использовались валюты других государства, США, ЕС и соседних Пакистана, Ирана, даже Индии. Очень велика была доля долларовых вкладов[661]. Все это существенно затрудняло проведение эффективной денежно-кредитной политики. Банковский сектор страны серьезно пострадал от кризиса Кабул банка, произошедшего в конце 2010 г. и вызванного несправедливыми инсайдерскими практиками кредитования. После 2010 г. доля кредитов, выданных банковской системой по отношению к ВВП Афганистана, упала с 10% до 2%, что делало ее самой низкой в мире согласно данным Всемирного банка[662]. Существенно улучшения состояния банковского сектора в 2010-х гг. не отмечалось.

Следует констатировать, что опыт Афганистана не соответствует выделенным автором в Главе 2 критериям, позволяющим эффективно использовать средства помощи и инструменты экономической политики. Эффективность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики оставалась низкой при незначительном увеличении эффективности налогово-бюджетной политики в 2010-х гг. Несмотря на достаточно большие (даже в относительных масштабах) объемы предоставляемой Афганистану

---

[659] Starr M.A. Monetary Policy in Post-Conflict Countries: Restoring Credibility // American University Department of Economics Working Paper. 2004. No. 2004-07. P. 15-16. URL: http://w.american.edu/cas/economics/repec/amu/workingpapers/2004-07.pdf (accessed: 17.02.2023).

[660] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

[661] Muzaffari S.M., Miraj A.K. Dollarization in Afghanistan: Issues and Concerns. Kabul: Da Afghanistan Bank, 2019. P. 8-9. URL: https://dab.gov.af/sites/default/files/2019-06/DollarizationinAfghanistanIssuesandConcerns.pdf (accessed 17.02.2023).

[662] World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

помощи, эффективность использования средств была достаточно низкой, а возможность мониторинга их использования отсутствовала из-за проблем в сфере безопасности. Институциональные изменения в стране в то же время привели к формированию рентозависимой системы, которая была неспособна решить ключевые проблемы социально-экономического развития.

Таким образом, попытка заимствования западной институциональной модели в Афганистане на основе так называемого Поствашингтонского консенсуса и концепции «либерального мира» не оказалась по-настоящему удачной. Конечно, в стране вырос уровень доходов и благосостояния, наблюдался экономический рост (порою достаточно высокий), однако эти достижения, вероятно, оказались недостаточными для выхода из состояния «конфликтной ловушки». Напротив, на протяжении последних лет наблюдается устойчивая тенденция к интенсификации вооруженного противостояния. В условиях слабости институтов это создавало дополнительные риски для развития экономики, темпы роста которой упали, наблюдалась стагнация уровня реальных располагаемых доходов, проявлявшаяся, в частности, в росте уровня бедности на протяжении 2010-х гг. (по национальным критериям она выросла с 39% до более 55% во второй половине 2010-х гг.)[663].

Построение рыночной экономики и реализация либеральной экономической политики едва ли в полной мере соответствовали динамике исторического и экономического развития страны, то есть такие институты едва ли возникли бы в Афганистане эволюционным путем. Неготовность страны к подобной трансформации привела к ряду проблем, в том числе и укреплению неформальных институтов и связей, которые продолжают оставаться основой экономических отношений в стране. В то же время в условиях, когда необходимо было в короткие сроки создать структуры, которые взяли бы на себя регулирование экономических отношений в стране, когда после операции международных сил страна встала на демократический путь развития, решение вряд ли могло бы быть другим. Это связано с недостатком опыта прямого взаимодействия с государствами, подверженными внутренним конфликтам, и постконфликтными государствами, что привело к попыткам проведения преобразований по всем направлениям в короткие сроки, хотя современная практика указывает на предпочтительность градуалистского подхода к реформам в постконфликтных и «нестабильных государствах».

---

[663] Ibid.

Выводы к Главе 3:

1. В Главе 3 диссертационного исследования автором были рассмотрены экономические причины и трансформационные эффекты внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане, оказавшие влияние на экономическое развитие страны.

1.1.1. Экономические предпосылки внутреннего вооруженного конфликта начали складываться в Афганистане задолго до его начала. Страна традиционно была бедной и одной из наименее развитых в мире. В 1960-1970-х гг. она столкнулась с рядом серьезных проблем. Во-первых, страна существенно пострадала от экологического кризиса в 1970-х гг., что привело к росту цен на продовольственные товары. Кроме того, проводимая правительством страны политика индустриализации не позволяла создать достаточное количество рабочих мест в условиях увеличения экономически активного населения и роста его образованности, что приводило к росту безработицы, преимущественно среди молодого населения в крупных городах.

1.1.2. Кроме того, можно также выделить несколько политэкономических причин внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане. Исследователи, как правило, обращают внимание на традиционную слабость государства в Афганистане. Это способствовало развитию теневых и неформальных сфер экономики, а также неформальных трансграничных сетей. Однако наиболее важным экономическим фактором внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане стала недостаточно продуманная и неэффективная экономическая политика, в частности попытка проведения НДПА аграрной реформы. Ее неблагоприятным последствием стало сокращение посевных площадей, падение производительности сельского хозяйства (производство зерновых сократилось на 10%, а технических культур – на 25-30%) и снижение ВВП на душу населения на 14%.

1.1.3. Рассмотренные причины в целом укладываются в объяснения возникновения внутренних вооруженных конфликтов, приводимых в современной экономической литературе. Так, теории конфликта как соперничества за ресурсы постулировали, что они более вероятны в обществах с низким уровнем благосостояния, а теории асимметрии информации и неполных контрактов указывали, что конфликты более вероятны в условиях воздействия внешних шоков, включая продовольственные и экологические.

1.2.1. 1980-1990-е гг. стали период формирования в Афганистане модели «военной экономики». Ее основными чертами в стране стали формирование

зависимости лидеров вооруженных группировок от внешней помощи, объемы которой составляли 1-3 млрд долл. в год, снижение эффективности и производительности натурального сельского хозяйства в результате военных действий, «вынужденная урбанизация» и рост масштабов международной миграции, рост уровня глобализации и монетизации экономики в результате дополнительной эмиссии и притока иностранной валюты в результате нелегальных торговых операций, децентрализация экономической системы.

1.2.2. Эта трансформация оказала существенное негативное воздействие на экономическое развитие Афганистана, привела к деградации инфраструктуры и падению уровня жизни основной массы населения. Потери экономики страны от вооруженных действий по состояния на середину 1990-х гг. оценивается примерно в 25% ВВП.

1.2.3. Так как после вывода советских войск вооруженный конфликт в стране не завершился, трансформировавшись в противостояние между бывшими моджахедами. Сокращение внешней помощи вынудило их переориентироваться на внутренние источники доходов. В результате экономика Афганистана во все большей степени стала зависеть от нелегальной экономической деятельности, в особенности от нелегальной торговли, нелегальной добычи природных ресурсов и наркопроизводства. Нелегальная торговля в 1990-е гг. могла достигать 2,5 млрд долл., что составляло около половины тогдашнего ВВП страны и около 10-12% товарооборота Пакистана. Объемы нелегальной добычи природных ресурсов в 1990-е гг. оцениваются в 8-200 млн долл. в год.

1.3. Хотя опиумный мак можно считать традиционной для Афганистана культурой, распространение его культивации происходило в результате конфликта на фоне процессов глобализации. Сегодня на Афганистан приходится более 80% мирового произвосдтва. Это распространение было обусловлено рядом сравнительных преимуществ опиума над другими культурами в условиях «военной экономики». В их числе можно отметить более высокую стоимость по сравнению с альтернативными культурами, простоту хранения и транспортировки, большую трудоемкость и меньшую капиталоемкость производства, более высокую маржинальность. Кроме того, автором была выявлена взаимосвязь между ростом военной активности толерантно настроенных и, вероятно, финансово заинтересованных в культивации опиатов вооруженных группировок и увеличением посевных площадей, что говорит о важной роли опиума в «военной экономике». В то же время не была обнаружена статистически значимая

зависимость между ростом ВВП и площадью посевов опиума, что говорит о том, что выгоды экономического роста в 2000-е гг. незначительно затронули основные регионы наркопроизводства.

2. Автором были рассмотрены динамика и ключевые тенденции политэкономического развития Афганистана с момента начала операции «Несокрушимая свобода» и до возвращения Движения талибов к власти в Афганистане летом 2021 г.

2.1. В диссертационном исследовании показано, что начальные характеристики в виде политической и экономической децентрализации, а также деградации формальных институтов и экономической инфраструктуры сыграли значимую роль в определении траектории политэкономического развития Афганистана в 2000-х гг. Результатом этого стала значительная степень ответственности внешних агентов за восстановление экономики, институциональное строительство и попытки миростроительства в Афганистане. Из-за значительной степени децентрализации влиятельные агенты периферии страны (бывшие полевые командиры) сохранили доступ к ресурсам и автономию в обмен на формальную поддержку центра. В Афганистане была сформирована рентоориентированная система, базировавшаяся на перераспределении средств содействия развитию, предоставляемых странами Запада.

2.2. Равновесие сформировавшейся после 2001 г. системы опиралось на ряд факторов. Во-первых, важную роль в этом отношении играли поступавшие от внешних агентов финансовые и прочие ресурсы, от которых зависели как правительство, так и противостоявшие ему вооруженные группировки. Во-вторых, равновесие системы поддерживалось сохранением автономии ряда влиятельных агентов периферии Афганистана. Их неформальная автономия при интеграции части таких агентов в формальный политический процесс позволяла им сохранить существенные привилегии в форме административной ренты в обмен на поддержку действий центра. Дополнительным фактором устойчивости оставалась внешняя угроза системе в виде вооруженной оппозиции – она несколько ограничивала свободу действий и рентоориентированное поведение участников политической экономии Афганистана.

2.3. После 2014 г. сформировавшаяся система приходит в кризисное состояние, что приводит к росту интенсивности вооруженного конфликта в Афганистана и ее итоговому распаду летом 2021 г. Вывод США своих войск из Афганистана привел к сокращению как военных расходов, так и содействия развитию. В то же время присутствие иностранных войск в стране имело значительные позитивные

экстерналии для экономики Афганистана. Другой проблемой (уже непосредственно политического характера) стала деградация консенсуса по поводу кандидатуры нового президента. Итогом стал раскол по преимущественно этническому принципу. Некоторые попытки реформ, которые могли бы позволить укрепить правительство и увеличить его состоятельность, оставались неполными и на фоне ухудшения военно-политической обстановки не привели к быстрым результатам. Все это привело к постепенной дестабилизации равновесия политической экономии Афганистана на фоне определенных успехов ДТ и неспособности трансформировать «военную экономику» в «мирную».

3. Автором дана оценка эффективности содействия развитию и институциональных реформ, проводившихся в Афганистане после 2001 г. Кроме того, проведен сравнительный анализ эффективности применения содействия развитию и мер экономической политики с другими «нестабильным» постконфликтными кейсами. Это позволило оценить эффективно и обнаружить, насколько Афганистан соответствовал критериям эффективного использования инструментов содействия развитию и экономической политики в условиях продолжавшегося внутреннего вооруженного конфликта.

3.1. Автором проведен сравнительный анализ целей и результатов содействия развитию Афганистану. Цели были выделены из официальных документов правительства Исламской Республики Афганистан. Проведенный анализ показывает, что прогресс в достижении целей содействия развитию был достаточно скромным. Стране удалось добиться реализации немногих показателей, причем прогресс замедлился во второй половине 2010-х гг. после вывода иностранных войск из Афганистана и сокращения помощи развитию. В результате этого снизились темпы экономического роста, увеличился уровень бедности, не удалось добиться роста уровня грамотности населения.

3.2. Успехи Афганистана в реализации мер экономической политики и институциональном строительстве также следует признать незначительными. Процесс институционального строительства характеризовался значительным влиянием стран Запада и игнорированием традиционных институтов, в результате чего деятельность государственных институтов и экономическая политика ориентировались на либеральные западные принципы. Временами это приводило к возникновению противоречий между экономической политикой и нормами ислама. Эффективность работы институтов оставалась низкой при сохранении их очень высокой зависимости от

помощи со стороны стран Запада, что стало долгосрочным фактором их уязвимости, который не удалось преодолеть.

3.3. Автором проводится сравнительный анализ кейса Афганистана с другими постконфликтными «нестабильными государствами», где проводились мероприятия по институциональному и метростроительству. Он указывает, что опыт Афганистана не соответствует условиям, необходимым для обеспечения эффективности подобных мероприятий. Несмотря на значительную помощь со стороны доноров, условия для эффективного мониторинга ее использования были сильно ограничены, что препятствовало реализации целей. Эффективность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики оставались на низком уровне при незначительном увеличении эффективности налогово-бюджетной политики в 2010-х гг. и одновременном кризисе в денежно-кредитной системе страны в этот период. В результате, как и, например, в случае с наиболее схожим кейсом Южного Судана, добиться прекращения насилия в Афганистане не удалось.

Заключение

1990-е и 2010-е гг. стали периодом нарастания вооруженной активности, прежде всего, в развивающихся странах, и особенно в «нестабильных государствах». Эта тенденция определила исследовательский интерес к этой проблеме, в том числе к экономическим причинам и экономическим эффектам внутренних вооруженных конфликтов. Одной из стран, столкнувшихся с проблемой конфликтов в конце XX в., стал Афганистан, где вооруженное противостояние в интенсивной форме с небольшими перерывами продолжалось с 1979 по 2021 гг. Афганистан является одним из наиболее известных, но при этом недостаточно исследованным кейсом в экономических исследованиях по вооруженным конфликтам. В данном диссертационном исследовании автором были раскрыты особенности взаимовлияния экономических факторов и внутренних вооруженных конфликтов на примере вооруженного конфликта в Афганистане.

В диссертационном исследовании были рассмотрены основные теоретические подходы к анализу взаимовлияния экономических факторов и внутренних вооруженных конфликтов. Автором выделены основные группы теорий, которые появились за несколько десятилетий исследований вооруженных конфликтов в экономической и политэкономической науке. Показано, что каждая следующая группа вносила определенные дополнения и уточнения в представления об основных причинах вооруженных конфликтов. Теории конкуренции за ресурсы показали, что решение о начале вооруженного конфликта может быть рациональным и зависит от вероятности победы в нем, которая в свою очередь связана с издержками упущенных возможностей для экономических агентов – потенциальных участников. Теории асимметрии информации показали, что из-за неполноты информации, в которой принимают решения экономические агенты, важна не сама вероятность победы в конфликте, а представления агентов о ней, которые не всегда соответствуют действительности. Теории микрооснований группового действия сместили анализ на микроуровень и дали ответы на вопросы о мотивах мобилизации и роли этноконфессиональных групп в вооруженных конфликтах. Проведенные исследователями эконометрические исследования подтвердили, что экономические мотивации являются значимым фактором начала конфликтов, а важным условием начала конфликта является финансовая и военная устойчивость повстанческого движения. Автором показано, что теоретические условия, которые исследователи-экономисты считают наиболее вероятным причинами внутреннего вооруженного конфликта, наиболее характерны для «нестабильных

государств», которые отличаются, как правило, невысоким уровнем дохода, уязвимостью к внутренним и внешним шокам, часто проистекающая из низкой степени диверсификации их экспорта или ресурсной зависимости.

Вооруженный конфликт также оказывает непосредственное влияние на траекторию экономического развития страны. На основе анализа воздействия конфликтов на примере моделей экономического роста было показано, что конфликты оказывают негативное воздействие на динамику национального экономического развития. Автором была приведена типологизация издержек конфликта, рассмотрены и отобраны методики их оценки. На примере концепции «военной экономики» (*war economy*) были рассмотрены качественные изменения, происходящие в национальных экономиках в ходе вооруженных конфликтов. «Военная экономика» обычно находит проявление в росте неформального сектора и т.н. «черного» рынка при одновременном размывании границ между официальным, неформальным и криминальным секторами экономики, использовании участниками конфликта насилия для приобретения контроля над прибыльными активами, торговыми путями, переводами от представителей диаспоры и т.п. в целях финансирования вооруженной деятельности, высокой степени децентрализации экономической системы страны и др. Отметим, что такая система может быть достаточно устойчивой и препятствовать разрешению конфликта.

Также были рассмотрены возможности применения экономических инструментов в целях разрешения и предотвращения внутренних вооруженных конфликтов. Их широкое применение в современном мире, в частности в форме официальной помощи развитию, обусловлено, во-первых, необходимостью восстановления экономик стран, в которых происходили или происходят внутренние вооруженные конфликты, а также меньшими издержками экономических инструментов по сравнению с мерами военно-политического характера. Актуальность применения обусловлена также проблемой «конфликтной ловушки», указывающей на тенденцию к возобновлению вооруженных конфликтов, необходимость международного содействия и более эффективной национальной экономической политики во избежание этого. Эти меры, согласно теоретическим рекомендациям, должны стремиться к реализации трех основных целей: внедрению стимулирующих экономический рост мер государственной политики, реформированию государственных институтов и решению актуальных проблем национальной экономики с тем, чтобы снизить вероятность возобновления конфликта и заложить основы устойчивого экономического роста. Все это должно трансформировать «военные» экономики в «мирные». Отметим, что универсальных мер

по трансформации экономических систем в «мирные» не существует, важное значение имеет местный контекст, от которого проводимые реформы и мероприятия должны отталкиваться.

В диссертационном исследовании были установлены экономические факторы, которые способствуют возникновению внутреннего вооруженного конфликта. Для этого был применен метод регрессионного анализа. Результаты оценки коэффициентов логистической регрессии указывают, что несколько факторов устойчиво статистически значимо воздействуют на вероятность внутренних вооруженных конфликтов. Среди них индикатор уровня благосостояния (ВВП на душу населения), индикаторы ресурсной зависимости, численности населения страны, а также вооруженные конфликты в прошлом. Полученные результаты указывают, что конфликты наиболее вероятны в бедных странах со значительными запасами природных ресурсов. Такие результаты, с одной стороны, эмпирически подтверждают предположения группы теорий конфликта как соперничества за ресурсы, указывающей, что конфликты в основном мотивируются получением доступа к ресурсной ренте. С другой стороны, альтернативным объяснением может быть другая трактовка, отражающая положения теории устойчивости повстанческих движений. Наличие природных ресурсов позволяет вооруженным группировкам сформировать базу доходов, которая позволяет им поддерживать вооруженную активность, из-за чего и поддерживается высокая интенсивность вооруженного конфликта.

Также в диссертационном исследовании была дана оценка влиянию внутренних вооруженных конфликтов на развитие национальных экономик. С помощью регрессионного анализа было установлено, что внутренние вооруженные конфликты приводят к замедлению темпов роста ВВП на душу населения на 1,4-3,5% в год. Полученные результаты незначительно отличаются от полученных другими исследователями, которыми, как правило, приводятся оценки в 1,5-6% ВВП в год.

Кроме того, рассмотрены особенности трансформационного воздействия внутренних вооруженных конфликтов на национальные экономики. Оно выражается в формировании «военных экономик», в которых агенты (в том числе вооруженные группировки) стремятся получить доступ к доходам от природных ресурсов или другим «ликвидным» активам (например, наркотическим веществам), которые могут обеспечить их устойчивость в долгосрочном периоде. Модель поведения основной массы населения сводится к «выживанию» путем диверсификации источников доходов на уровне домохозяйств. Стратегии домохозяйств, таким образом, могут включать

ведение натурального хозяйства, ведение товарного хозяйства при производстве «ликвидных» товаров, участие в вооруженном противостоянии. Долгосрочными экономическими эффектами формирования «военных экономик» являются деформализация экономической деятельности, децентрализация национальных экономических систем при возможности деградации и разрушения единого национального рынка, монетизация, связанная с потерей контроля над предложением денег в экономику и их притоком из-за рубежа в результате нелегальной торговли.

В исследовании были оценены возможности применения существующих экономических инструментов, направленных на предотвращение и разрешение вооруженных конфликтов. Указано, что их применение в «нестабильных государствах», где велика вероятность возникновения внутренних вооруженных конфликтов, связано с рисками в силу нестабильности и непредсказуемости ситуации в таких контекстах. Основной моделью взаимодействия с такими странами были институциональные реформы «сверху вниз», базирующиеся в целом на модели Вашингтонского или Поствашингтонского консенсуса. Их финансирование обеспечивалось помощью развитию со стороны основных государств-доноров. Эти инструменты характеризуются недостаточной адаптивностью и избыточной универсальностью, хотя современные исследования показывают, что для успешного разрешения причин и эффектов конфликтов необходимо стратегическое планирование, учитывающее предконфликтные условия стран, характер структурных изменений в экономике, произошедших в результате конфликта, а также постконфликтное состояние экономике страны.

Анализ страновых кейсов на основе метода сравнительного анализа показывает, что даже относительный успех существующих моделей поддержки и институциональной трансформации в «нестабильных государствах» возможен в условиях эффективного мониторинга реформ и использования средств помощи, что зачастую невозможно в «нестабильных» контекстах. Дополнительным фактором, облегчающим трансформацию экономик «нестабильных государств», является их компактность и плотность размещения населения, что позволяет наладить механизмы контроля проводимых институциональных преобразований и использования средств иностранной помощи. Проведенный анализ показывает, что из отобранных кейсов только в Либерии подобные условия выполнялись, что привело к устойчивому прекращению вооруженного насилия.

В диссертационном исследовании также было подробно проанализировано экономическое измерение внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане, включая его экономические причины, экономические эффекты, а также попытки его разрешения с помощью инструментов содействия развитию и экономической политики.

Экономические предпосылки внутреннего вооруженного конфликта начали складываться в Афганистане задолго до его начала. Страна традиционно была бедной и одной из наименее развитых в мире, в 1970-х гг. также столкнулась с воздействием экологических шоков, которые негативно воздействовали на уровень благосостояния населения. Кроме того, исследователи, как правило, обращают внимание, на традиционную слабость государственных институтов в Афганистане, следствием чего был слабый контроль над периферией и распространением трансграничных экономических связей. Однако наиболее важным экономическим фактором внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане стала недостаточно продуманная и неэффективная экономическая политика, в частности попытка проведения НДПА аграрной реформы. Она привела к сокращению посевных площадей, падению производительности сельского хозяйства (производство зерновых сократилось на 10%, а технических культур – на 25-30%) и снижению ВВП на душу населения на 14%. Рассмотренные причины в целом укладываются в объяснения возникновения внутренних вооруженных конфликтах, приводимые в современной экономической литературе, в частности в теориях конфликта как соперничества за ресурсы и теориях асимметрии информации и неполных контрактов.

1980-1990-е гг. стали периодом формирования в Афганистане модели «военной экономики». Ее основными чертами в стране стали формирование зависимости лидеров вооруженных группировок от внешней помощи, снижение эффективности и производительности натурального сельского хозяйства, «вынужденная урбанизация» и рост масштабов международной миграции, более активное включение экономики Афганистана в процессы глобализации. Сокращение внешней помощи в 1990-е гг. вынудило вооруженные группировки переориентироваться на внутренние источники доходов. В результате экономика Афганистана во все большей степени стала зависеть от нелегальной экономической деятельности, в особенности от нелегальной торговли, нелегальной добычи природных ресурсов и наркопроизводства. Объем нелегальнарй торговли в 1990-е гг. могла достигать 2,5 млрд долл., что составляло около половины тогдашнего ВВП страны и около 10-12% товарооборота Пакистана, одного из основных внешнеторговых партнеров Афганистана. Объемы нелегальной добычи природных

ресурсов в 1990-е гг. оцениваются в 8-200 млн долл. в год. Наряду с этим произошло значительное распространение производства наркотиков. Сегодня на Афганистан приходится более 80% мирового производства опиатов. Распространение их культивации было обусловлено рядом сравнительных преимуществ опиума над другими культурами в условиях «военной экономики». В их числе можно отметить более высокую стоимость по сравнению с альтернативными культурами, простоту хранения и транспортировки, большую трудоемкость и меньшую капиталоемкость производства, более высокую маржинальность. Кроме того, автором были выявлена взаимосвязи между ростом военной активности толерантно настроенных и, вероятно, финансово заинтересованных в культивации опиатов вооруженных группировок и увеличением посевных площадей, что говорит о важной роли опиума в «военной экономике».

Эта трансформация оказала существенное негативное воздействие на экономическое развитие Афганистана, привела к деградации инфраструктуры и падению уровня жизни основной массы населения. Потери экономики страны от вооруженных действий по состоянию на середину 1990-х гг. оцениваются примерно в 25% ВВП. К сожалению, дать более современную оценку издержек внутреннего вооруженного конфликта не представляется возможным из-за дефицита качественных статистических данных по Афганистану.

В диссертационном исследовании показано, что начальные характеристики в виде политической и экономической децентрализации, а также деградации формальных институтов и экономической инфраструктуры сыграли значимую роль в определении траектории политэкономического развития Афганистана в 2000-х гг. Результатом этого стала значительная степень ответственности внешних агентов за восстановление экономики, институциональное строительство и попытки миростроительства в Афганистане. Из-за значительной степени децентрализации влиятельные агенты периферии страны (бывшие полевые командиры) сохранили доступ к ресурсам и автономию в обмен на формальную поддержку центра. В Афганистане была сформирована рентоориентированная система, базировавшаяся на перераспределении средств содействия развитию, предоставляемых странами Запада.

Равновесие этой системы опиралось на ряд факторов. Во-первых, важную роль в этом отношении играли поступавшие от внешних агентов финансовые и прочие ресурсы, от которых зависели как правительство, так и противостоявшие ему вооруженные группировки. Во-вторых, равновесие системы поддерживалось сохранением автономии ряда влиятельных агентов периферии Афганистана. Их

неформальная автономия при интеграции части таких агентов в формальный политический процесс, позволяла им сохранить существенные привилегии в форме административной ренты в обмен на поддержку действий центра. Дополнительным фактором устойчивости оставалась внешняя угроза системе в виде вооруженной оппозиции – она несколько ограничивала свободу действий и рентоориентированное поведение участников политической экономии Афганистана. Автором показано, что из-за прекращения воздействия упомянутых стабилизирующих факторов после 2014 г. эта система постепенно пришла в кризисное состояние, которое завершилось ее распадом летом 2021 г. Некоторые попытки реформ со стороны правительства Афганистана не позволили исправить ситуацию.

Автором дана оценка эффективности содействия развитию и институциональных реформ, проводившихся в Афганистане после 2001 г. Проведенный анализ показывает, что прогресс в достижении целей содействия развитию был достаточно скромным. Стране удалось добиться реализации немногих показателей, причем прогресс замедлился во второй половине 2010-х гг. после вывода иностранных войск из Афганистана и сокращения помощи развитию. В результате этого снизились темпы экономического роста, увеличился уровень бедности, не удалось добиться роста уровня грамотности населения.

Успехи Афганистана в реализации мер экономической политики и институциональном строительстве также следует признать незначительными. Процесс институционального строительства характеризовался значительным влиянием стран Запада и игнорированием традиционных институтов, в результате чего деятельность государственных институтов и экономическая политика ориентировались на либеральные западные принципы. Временами это приводило к возникновению противоречий между экономической политикой и нормами ислама. Эффективность работы институтов оставалась низкой при сохранении их очень высокой зависимости от помощи со стороны стран Запада, что стало долгосрочным фактором их уязвимости, который не удалось преодолеть.

Автором проводится сравнительный анализ кейса Афганистана с другими постконфликтными «нестабильными государствами», где проводились мероприятия по институциональному и метростроительству. Следует заключить, что опыт Афганистана не соответствует условиям, необходимым для обеспечения эффективности подобных мероприятий. Несмотря на значительную помощь со стороны доноров, условия для эффективного мониторинга ее использования были сильно ограничены, что

препятствовало реализации целей. Эффективность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики оставались на низком уровне при незначительном увеличении эффективности налогово-бюджетной политики в 2010-х гг. и одновременном кризисе в денежно-кредитной системе страны в этот период. В результате, как и, например, в случае с наиболее схожим кейсом Южного Судана, добиться прекращения насилия в Афганистане не удалось.

Представляется, что несмотря на то, что талибам удалось достаточно прочно укрепиться во власти, будущее нового режима в Афганистане по-прежнему остается неопределенным по ряду причин. Вероятность возобновления вооруженного конфликта в стране остается потенциально высокой, некоторые решения талибов могут иметь серьезные негативные последствия в среднесрочной перспективе, а способность талибов эффективно решать проблемы социально-экономического развития в условиях сокращения финансовой помощи извне в настоящее время маловероятна.

Список источников и литературы

Официальные документы

На английском языке

1. Co-chairs' Summary of Conclusions The International Conference on Reconstruction Assistance to Afghanistan January 21-22, 2002 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2002. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/min0201/summary.pdf (accessed: 17.02.2023).

2. First report of the Analytical Support and Sanctions Implementation Monitoring Team submitted pursuant to resolution 1988 (2011) concerning the Taliban and associated individuals and entities // United Nations Security Council. 2012. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2012_683.pdf (accessed: 17.02.2023).

3. Fragile States Strategy, Pd-Aca-999, January 2005. Washington, DC: US Agency for International Development, 2005. 18 p. URL: https://gsdrc.org/document-library/fragile-states-strategy/ (accessed: 17.02.2023).

4. Principles for Good International Engagement in Fragile States & Situations. Paris: OECD, 2007. 4 p. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/38368714.pdf (accessed: 17.02.2023).

5. Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2004. 122 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/securing-afghanistans-future-accomplishments-and-strategic-path-forward (accessed: 17.02.2023).

6. Tokyo Conference on Afghanistan The Tokyo Declaration Partnership for Self-Reliance in Afghanistan From Transition to Transformation July 8, 2012 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2012. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/tokyo_conference_2012/tokyo_declaration_en1.html (accessed: 17.02.2023).

7. Towards a Self-Sustaining Afghanistan: An Economic Transition Strategy. Kabul: The Government of Islamic Republic of Afghanistan, 2011. 12 p. URL: http://afghandata.org:8080/jspui/bitstream/123456789/21626/1/azu_acku_pamphlet_hc417_t693_2011_w.pdf (accessed: 17.02.2023).

Монографии и учебные пособия

На русском языке

8. Афганистан. Справочник / под ред. А.Д.Давыдова, В.Г.Коргуна и Р.Р.Сикоева. Москва: Издательская фирма «Восточная Литература» РАН, 2000. 256 с.

9. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. 216 с.

10. Давыдов А.Д. Афганистан: войны могло не быть : крестьянство и реформы. Москва: «Наука» - «Восточная литература», 1993. 178 с.

11. Давыдов А.Д. Традиционный рынок Афганистана. Москва: Институт Востоковедения РАН, 1999. 244 с.

12. Дауров Р.Д., Нессар О., Окимбеков У.В. Афганистан: политика, экономика (2001-2019). – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 412 с.

13. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. Москва: Ленанд, 2016. 320 с.

14. Елагин Д.П., Мамедова Н.М. Экономика Афганистана: Учебное пособие. Москва: МГИМО-Университет, 2020. 265 с.

15. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. 529 с.

16. Окимбеков У.В. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 447 с.

17. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Москва: «МГИМО–Университет», 2007. 272 с.

18. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 256 с.

19. Содействие международному развитию: Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. Москва: Всемирный банк, 2012. 408 с.

20. Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. Москва: Весь мир, 2005. 312 с.

На английском языке

21. A Micro-Level Perspective on the Dynamics of Conflict, Violence, and Development / ed. by P. Justino, T. Brück, P. Verwimp. Oxford: Oxford University Press, 2013. 336 p.

22. Abbas H. The Taliban Revival: Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier. New Haven: Yale University Press, 2014. 296 p.

23. Alesina A., Spolaore E. The Size of Nations. Cambridge: The MIT Press, 2003. 272 p.

24. Anderton C.H., Carter J.R. Principles of Conflict Economics: A Primer for Social Scientists. New York: Cambridge University Press, 2009. 321 p.

25. Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. 408 p.

26. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth, Second Edition. Cambridge: The MIT Press, 2004. 654 p.

27. Beyond Reconstruction in Afghanistan: Lessons from Development Experience / ed. by J.D. Montgomery, D.A. Rondinelli. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 245 p.

28. Bøås M. The Politics of Conflict Economies: Miners, merchants and warriors in the African borderland. London: Routledge, 2015. 184 p.

29. Brick Murtazashvili J. Informal Order and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2016. 325 p.

30. Building a New Afghanistan / ed. by R.I. Rotberg. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. 242 p.

31. Cramer C. Civil War Is Not a Stupid Thing: Accounting for Violence in Developing Countries. London: Hurst, 2006. 329 p.

32. Dixon J.S., Sarkees M.R. A Guide to Intra-state Wars: An Examination of Civil, Regional, and Intercommunal Wars, 1816-2014. Thousand Oaks: CQ Press, 2015. 816 p.

33. Giustozzi A. Empires of Mud: Wars and Warlords in Afghanistan. London: Hurst, 2012. 320 p.

34. Giustozzi A. The Taliban At War 2000-2021. London: Hurst, 2022. 408 p.

35. Governance in Post-Conflict Societies: Rebuilding Fragile States / ed. by D.W. Brinkerhoff. New York: Routledge, 2007. 292 p.

36. Greenfield V.A., Crane K., Bond C.A., Chandler N., Luoto J.E., Oliker, O. Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan. Santa Monica: RAND, 2015. 233 p.

37. Gurr T.R. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970. 421 p.

38. Haavelmo T. A Study in The Theory of Economic Evolution. Amsterdam: North-Holland, 1954. 114 p.

39. Handbook of Defense Economics, Volume 2: Defense in a Globalized World / ed by T. Sandler, K. Hartley. London: Elsevier, 1995. 606 p.

40. Hirsh J.L. Sierra Leone: Diamonds and the Struggle for Democracy. London: Lynne Rienner, 2001. 175 p.

41. Horizontal Inequalities and Conflict: Understanding Group Violence in Multiethnic Societies / ed. by F. Stewart. London: Palgrave Macmillan, 2008. 364 p.

42. In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development / ed. by D.C. North, J.J. Wallis, S.B. Webb, B.R. Weingast. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 366 p.

43. Malkasian C. The American War in Afghanistan: A History. New York: Oxford University Press, 2021. 496 p.

44. Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan. New York: Oxford University Press, 2016. 352 p.

45. Migdal J.S. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – 320 p.

46. Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. New York: Cambridge University Press, 2014. 388 p.

47. Mulbah S. State-building Interventions in Post-Conflict Liberia: Building a State without Citizens. London: Routledge, 2017. 280 p.

48. Nest M., Grignon F., Kisangani E.F. The Democratic Republic of Congo: Economic Dimensions of War and Peace. London: Lynne Rienner Publishers, 2011. 164 p.

49. Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. Ithaca: Cornell University Press, 1981. 236 p.

50. Paige J.M. Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World. New York: Macmillan Free Press, 1975. 435 p.

51. Pathways for Peace: Inclusive Approaches to Preventing Violent Conflict. Washington, D.C.: World Bank, 2018. 299 p.

52. Patrick S.M. Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2011. 352 p.

53. Peters G. Seeds of Terror: How Drugs, Thugs, and Crime Are Reshaping the Afghan War. London: Picador, 2010. 352 p.

54. Petersen R.D. Resistance and Rebellion: Lessons from Eastern Europe. New York: Cambridge University Press, 2001. 340 p.

55. Peterson J.H. Building a peace economy?: Liberal peacebuilding and the development-security industry. Manchester: Manchester University Press, 2014. 240 p.

56. Pugh M., Cooper N., Goodhand J. War Economies in a Regional Context: Challenges of Transformation. Boulder: Lynne Rienner, 2004. 273 p.

57. Ray D. A Game-Theoretic Perspective on Coalition Formation. Oxford: Oxford University Press, 2007. 321 p.

58. Rubin B.R. The fragmentation of Afghanistan: State formation and collapse in the international system. New Haven: Yale University Press, 1995. 426 p.

59. Sarkees M.R., Wayman F. Resort to War, 1816-2007. Thousand Oaks: CQ Press, 2010. 577 p.

60. Scheidel W. The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2017. 536 p.

61. Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816-1980. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. 372 p.

62. The Military as an Economic Actor: Soldiers in Business / ed. by J. Brömmelhörster, W.-C. Paes. London: Palgrave Macmillan, 2003. 223 p.

63. Tilly C. Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990. London: Blackwell, 1990. 288 p.

64. Vahabi M. The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Escape. Oxford: Oxford University Press, 2015. 406 p.

65. War and Underdevelopment: Volume 1: The Economic and Social Consequences of Conflict / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2000. 280 p.

66. Wood E.J. Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador. New York: Cambridge University Press, 2003. 310 p.

На языке пушту

67. Додьяль М.Б. Ды Афганистан йава лянда дьярлас каляна таджруба [Краткий тринадцатилетний опыт Афганистана]. Кабул, 2015. 120 с.

Статьи и главы в книгах

На русском языке

68. Арунова М. Р. Афганистан: трудные поиски путей к примирению // Афганистан: проблемы войны и мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт исследований Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2000. С. 211–224.

69. Бартенев В.И. «Новый курс» оказания помощи «нестабильным государствам»: истоки, компоненты, перспективы // Вестник Московского

университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 113-143.

70. Бартенев В.И. «План Маршалла» для Афганистана: парадоксы реализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. №7. С. 54-73.

71. Босин Ю.В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте // Афганистан: проблемы войны и мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт исследований Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2000. С. 70–74.

72. Давыдов А.Д. Война и внутренний рынок // Афганистан: война и проблемы мира / отв. ред. А.Д. Давыдов. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт Востоковедения РАН, 1998. С. 19-30.

73. Дегтерев Д.А. Основные подходы к оказанию содействия международному развитию // Вестник МГИМО. 2011. №4. С. 99-104.

74. Елагин Д.П. Неустойчивые государственные состояния как тип регионального конфликта / Д.П. Елагин // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества : методология и практики реализации / под редакцией Н. А. Шибановой. – Казань : Издательство Казанского университета, 2021. – С. 111-122.

75. Елагин Д.П. Особенности современной социальноэкономической модели Афганистана: влияние внутреннего вооруженного конфликта / Д.П. Елагин // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 26. – С. 379-395.

76. Елагин Д.П. Опиум в Афганистане: детерминанты производства / Н.М. Мамедова, Д.П. Елагин // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 11. – С. 48-55.

77. Елагин Д.П. Официальная помощь развитию Афганистана: анализ результатов / Д.П. Елагин // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 8(733). – С. 61-68.

78. Елагин Д.П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (Часть I) / Д.П. Елагин // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – № 1(54).

79. Елагин Д.П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (часть II) / Д.П. Елагин // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – № 2(55).

80. Мамедова Н.М. Исламская экономика в Турции и Иране // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №3. С. 55-67

81. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 55–65.

На английском языке

82. Abadie A., Gardeazabal J. The Economic Costs of Conflict: A Case Study of the Basque Country // American Economic Review. 2003. Vol. 93. No. 1. P. 113-132.

83. Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Dynamics and Stability of Constitutions, Coalitions, and Clubs // American Economic Review. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 1446-1476.

84. Aghion P., Blundell R., Griffith R., Howitt P., Prantl S. Entry and Productivity Growth: Evidence from Microlevel Panel Data // Journal of the European Economic Association. 2004. Vol. 2. No. 2-3. P. 265–276.

85. Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions // The Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114. No. 4. P. 1243-1284.

86. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. No. 2. P 155-194.

87. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogenous Communities // The Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. No. 3. P. 847-903.

88. Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations // The Quarterly Jounral of Economics. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1027-1056.

89. Angrist J.D., Kugler A.D. Rural Windfall or a New Resource Curse? Coca, Income, and Civil Conflict in Colombia // The Review of Economics and Statistics. 2008. Vol. 90. No. 2. P. 191-215.

90. Baliamoune-Lutz M., McGillivray M. State Fragility: Concept and Measurement // Fragile States: Causes, Costs, and Responses / ed. by W. Naudé, A.U. Santos-Paulino, M. McGillivray. Oxford: Oxford University Press. P. 33-42.

91. Barlett L., LeVevre A., Zimmerman L., Saeedzai S.A., Turkmani S., Zabih W. Progress and inequities in maternal mortality in Afghanistan (RAMOS-II): a retrospective observational study // The Lancet. 2017. Vol. 5. No. 5. P. E545-E555.

92. Basedau M., Lay J. Resource Curse or Rentier Peace? The Ambiguous Effects of Oil Wealth and Oil Dependence on Violent Conflict // Journal of Peace Research. 2009. Vol. 46. No. 6. P. 757-776.

93. Bates R.H. Ethnic Competition and Modernization in Contemporary Africa // Comparative Political Studies. 1974. Vol. 6. No. 4. P. 457-484.

94. Beath A., Christia F., Enikolopov R. The National Solidarity Programme: Assessing the Effects of Community-Driven Development in Afghanistan // International Peacekeeping. 2015. Vol. 22. No. 4. P. 302-320.

95. Beber B., Blattman C. The Logic of Child Soldiering and Coercion // International Organization. 2013. Vol. 67. No. 1. P. 65-104.

96. Besley T., Persson T. Fragile States and Development Policy // Journal of European Economic Association. 2011. Vol. 9. No. 3. P. 371-398.

97. Besley T., Persson T. Wars and State Capacity // Journal of European Economic Association. Vol. 6. No. 2-3. P. 522-530.

98. Besley T.J., Persson T. The Logic of Political Violence // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. No. 3. P. 1411-1445.

99. Bircan Ç., Brück T., Vothknecht M. Violent Conflict and Inequality // Oxford Development Studies. 2017. Vol. 45. No. 2. P. 125-144.

100. Bjorvatn K., Naghavi A. Rent Seeking and Regime Stability in Rentier States // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 27. No. 4. P. 740-748.

101. Blattman C., Miguel E. Civil War // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 3-57.

102. Bloch F, Sánchez-Pagés S., Soubeytan R. When Does Universal Peace Prevail? Secession and Group Formation in Conflict // Economics of Governance. 2006. Vol. 7. No. 1. P. 3-29.

103. Bøås M. Fragile States as the New Development Agenda? // Forum for Development Studies. 2017. Vol. 44. No. 1. P. 149-154.

104. Bøås M., Torheim L.E. The Trouble in Mali—corruption, collusion, resistance // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34. No. 7. P. 1279-1292.

105. Bove V., Elia L., Smith R.P. On the heterogeneous consequences of civil war // Oxford Economic Papers. 2017. Vol. 69. No. 3. P. 550-568.

106. Bozzoli C., Brück T., Sottsas S. A Survey of the Global Economic Costs of Conflict // Defence and Peace Economics. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 165-176.

107. Brick Murtazashvili J. The Collapse of Afghanistan // Journal of Democracy. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 40-54.

108. Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. No. 4. P. 1159-1196.

109. Brück T., De Groot O.J. The Economic Impact of Violent Conflict // Defence and Peace Economics. 2013. Vol. 24. No. 6. P. 497-501.

110. Brück T., De Groot O.J., Bozzoli C. How Many Bucks in a Bang: On the Estimation of the Economic Costs of Conflict // The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. New York: Oxford University Press, 2012. P. 252-274.

111. Buchholz W., Sandler T. Global Public Goods: A Survey // Journal of Economic Literature. 2021. Vol. 59. No. 2. P. 488-545.

112. Burke M., Hsiang S.M., Miguel E. Climate and Conflict // Annual Review of Economics. 2015. Vol. 7. P. 577-617.

113. Carment D., Landry J., Yiagadeesen S., Shaw S. Towards a theory of fragile state transitions: evidence from Yemen, Bangladesh and Laos // Third World Quarterly. 2015. Vol. 36. No. 7. P. 1316-1332.

114. Caselli F., Coleman W.J. On the Theory of Ethnic Conflict // Journal of the European Economic Association. 2013. Vol. 11. Supp. 1. P. 161-192.

115. Casey K., Glennerster R., Miguel E. Reshaping Institutions: Evidence on Aid Impacts Using a Preanalysis Plan // The Quarterly Journal of Economics. 2012. Vol. 127. No. 4. P. 1755-1812.

116. Cerra V., Saxena S.C. Growth Dynamics: The Myth of Economic Recovery // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 1. P. 439-457.

117. Cevik S., Rahmati M. Breaking the Curse of Sisyphus: An Empirical Analysis of Post-Conflict Economic Transitions // Comparative Economic Studies. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 569-597.

118. Chassang S., Padró I Miquel G. Conflict and Deterrence under Strategic Risk // The Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. No. 4. P. 1821-1858.

119. Chassang S., Padró i Miquel G. Economic Shocks and Civil War // Quarterly Journal of Political Science. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 211-228.

120. Ciccone A. Economic Shocks and Civil Conflict: A Comment // American Economic Journal: Applied Economics. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 215-227.

121. Cobb C.W., Douglas P.H. A Theory of Production // American Economic Review. 1928. Vol. 18. No. 1. P. 139-165.

122. Coburn N. Elections and the failure of democratisation: how voting has made Afghanistan less democratic from the ground up // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 6. P. 541-555.

123. Collier P. On the Economic Consequences of Civil War // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 1. P. 168-183.

124. Collier P. Post-conflict Recovery: How Should Strategies Be Distinctive? // Journal of African Economies. 2009. Vol. 18. Supp. 1. P. i99-i131.

125. Collier P. The Political Economy of State Failure // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 219-240.

126. Collier P., Gunning J.W. War, peace and private portfolios // World Development. 1995. Vol. 23. No. 2. P. 233-241.

127. Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 563-595.

128. Collier P., Hoeffler A. On Economic Causes of Civil War // Oxford Economic Papers. 1998. Vol. 50. No. 4. P. 563-573.

129. Collier P., Hoeffler A., Pattillo C. Africa's Exodus: Capital Flight and the Brain Drain as Portfolio Decisions // Journal of African Economies. 2004. Vol. 13. No. suppl_2. P. ii15-ii54.

130. Collier P., Hoeffler A., Pattillo C. Flight Capital as a Portfolio Choice // The World Bank Economic Review. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 55-80.

131. Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 1-27.

132. Collier P., Hoeffler A., Söderbom M. Post-Conflict Risks // Journal of Peace Research. 2008. Vol. 45, No. 4. P. 461-478.

133. Collier P., Sambanis N. Understanding Civil War: A New Agenda // Journal of Conflict Resolution. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 3-12.

134. Costalli S., Moretti L., Pischedda C. The economic costs of civil war: Synthetic counterfactual evidence and the effects of ethnic fractionalization // Journal of Peace Research. 2017. Vol. 54. No. 1. P. 80-98.

135. Cullather N. Damming Afghanistan: Modernization in a Buffer State // Journal of American History. 2002. Vol. 89. No. 2. P. 512-537.

136. Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, Warriors, and Criminals: Social Conflict in General Equilibrium // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9. No. 4. P. 646-677.

137. Dal Bó E., Powell R. A Model of Spoils Politics // American Journal of Political Science. 2009. Vol. 53. No. 1. P. 207-222.

138. Davies S., Pettersson T., Öberg M. Organized violence 1989–2021 and drone warfare // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 593-610.

139. De Boer J. Resilience and the Fragile City // Stability: International Journal of Security and Development. Vol. 4. No. 1. URL: https://www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.fk/# (accessed: 17.02.2023).

140. De Groot O.J., Bozzoli C., Alamir A., Brück T. The global economic burden of violent conflict // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 2. P. 259-276.

141. De Waal A. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan // African Affairs. 2014. Vol. 113. No. 452. P. 347-369.

142. Dunne J.P., Tian N. Costs of civil war and fragile states in Africa // Review of Development Economics. 2019. Vol. 23. No. 3. P. 1220-1237.

143. Elagin D. P. Conceptual Perspectives on State Fragility / D. P. Elagin // MGIMO Review of International Relations. – 2021. – Vol. 14. – No 4. – P. 107-135.

144. Elagin D. Small and Medium Enterprise Development in Fragile Contexts: Analyzing the Experience of Afghanistan / D. Elagin // Vostok (Oriens). 2020. No. 6. P. 65-77.

145. Eriksen S.S. “State Failure” in Theory and Practice: the Idea of the State and the Contradictions of State Formation // Review of International Studies. Vol. 37. No. 1. P. 229-247.

146. Esteban J., Ray D. Conflict and Distribution // Journal of Economic Theory. 1999. Vol. 87. No. 2. P. 379-415.

147. Esteban J., Ray D. On the Salience of Ethnic Conflict // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 5. P. 2185-2202.

148. Esteban J., Ray D. Social Decision Rules Are Not Immune to Conflict // Economics of Governance. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 59-67.

149. Fearon J.D. Economic Development, Insurgency, and Civil War // Institutions and Economic Performance / ed. by E. Helpman. Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 292-328.

150. Fearon J.D. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence // The Oxford Handbook of Political Economy / ed. by B.R. Weingast, D.A. Wittman. New York: Oxford University Press, 2006. P. 852-868.

151. Fearon J.D. Rationalist Explanations for War // International Organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379-414.

152. Fearon J.D. Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 275-301.

153. Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 75-90.

154. Fearon J.D., Laitin D.D. Explaining Interethnic Cooperation // American Political Science Review. 1996. Vol. 90. No. 4. P. 715-735.

155. Fearon J.D., Laitin D.D. Neotrusteeship and the Problem of Weak States // International Security. 2004. Vol. 48. No. 4. P. 5-43.

156. Fitzgerald E.V.K. An Evaluation of the Economic Costs to Nicaragua of U.S. Aggression: 1980-1984 // The Political Economy of Revolutionary Nicaragua / ed. by R.J. Spalding. London: Routledge, 1987. P. 195-213.

157. Forman J.M. Achieving socioeconomic well-being in postconflict settings // The Washington Quarterly. 2002. Vol. 25. No. 4. P. 125-138.

158. Gardeazabal J. Methods For Measuring Aggregate Costs Of Conflict // The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict / ed. by M.R. Garfinkel, S. Skaperdas. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 227-251.

159. Garfinkel M.R. Arming as a Strategic Investment in a Cooperative Environment // American Economic Review. 1990. Vol. 80. No. 1. P. 50-68.

160. Garfinkel M.R. On the Stability of Group Formation: Managing the Conflict Within // Conflict Management and Peace Science. 2004. Vol. 21. No. 1. P. 43-68.

161. Garfinkel M.R., Skaperdas S. Conflict without Misperceptions or Incomplete Information: How the Future Matters // Journal of Conflict Resolution. 2000. Vol. 44. No. 6. P. 793-807.

162. Garfinkel M.R., Skaperdas S. Economics of Conflict: An Overview // Handbook of Defense Economics, Volume 2, Defense in a Globalized World / ed by T. Sandler, K. Hartley. London: Elsevier, 2007. P. 649-710.

163. Gates S. Recruitment and Allegiance: The Microfoundations of Rebellion // Journal of Conflict Resolution. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 111-130.

164. Ghobarah H.A., Huth P., Russett B. Civil Wars Kill and Maim People-Long after the Shooting Stops // The American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 2. P. 189-202.

165. Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 615-637.

166. Goldstone J.A. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science. Vol. 25. No. 4. P. 285-296.

167. Goodhand J. From holy war to opium war? A case study of the opium economy in North Eastern Afghanistan // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 265-280.

168. Goodhand J. From war economy to peace economy? Reconstruction and state building in Afghanistan // Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 155-174.

169. Goodhand J. Frontiers and Wars: The Opium Economy in Afghanistan // Journal of Agrarian Change. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 191-216.

170. Grant J.A. The Kimberley Process at Ten: Reflections on a Decade of Efforts to End the Trade in Conflict Diamonds // The Global Diamond Industry: Economics and Development: Volume II / ed. by R. Grynberg, L. Mbayi. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 119-142.

171. Greenfield V.A., Bond C.A., Crane K.W. A household model of opium-poppy cultivation in Afghanistan // Journal of Policy Modeling. 2017. Vol. 39. No. 5. P. 741-761.

172. Grossfeld I., Sakalli S.O., Zhuravskaya E. Middleman Minorities and Ethnic Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Russian Empire // Review of Economic Studies. 2020. Vol. 87. No. 1. P. 289-342.

173. Grossman H.I. A General Equilibrium Model of Insurrections // American Economic Review. 1991. Vol. 81. No. 4. P. 912-921.

174. Grossman H.I. Kleptocracy and Revolutions // Oxford Economic Papers. 1999. Vol. 51. No. 2. P. 267-283.

175. Haass F., Ottmann M. Profits from Peace: The Political Economy of Power-Sharing and Corruption // World Development. 2017. Vol. 99. P. 60-74.

176. Halliday F., Tanin Z. The communist regime in Afghanistan 1978–1992: Institutions and conflicts // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 8. P. 1357-1380.

177. Harris G. Estimates of the economic cost of armed conflict: The Iran–Iraq war and the Sri Lankan civil war // Economics of conflict and peace / ed. by J. Bruaer, W.G. Gissey. Aldershot: Avebury, 1997. P. 269-291.

178. Hassner R.E. To Halve and to Hold: Conflicts over Sacred Space and the Problem of Indivisibility // Security Studies. 2003. Vol. 12. No. 4. P. 1-33.

179. Hegre H., Nygård H.M., Ræder R.F. Evaluating the scope and intensity of the conflict trap // Journal of Peace Research. 2017. Vol. 54. No. 2. P. 243–261.

180. Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992-1993. No. 89. P. 3-20.

181. Hirschleifer J. Conflict and Rent-Seeking Success Functions: Ratio vs. Difference Models of Relative Success // Public Choice. 1989. Vol. 63. No. 2. P. 101-112.

182. Hirschleifer J. The Analytics of Continuing Conflict // Synthese. 1988. Vol. 76. No. 2. P. 201-233.

183. Hout W. Between Development and Security: the European Union, governance and fragile states // Third World Quarterly. 2010. Vol. 31. No. 1. P. 141-157.

184. Humphries M., Sánchez de la Sierra R., Van der Windt P. Exporting democratic practices: Evidence from a village governance intervention in Eastern Congo // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 140. P. 279-301.

185. Ibáñez A.M., Vélez C.E. Civil Conflict and Forced Migration: The Micro Determinants and Welfare Losses of Displacement in Colombia // World Development. 2008. Vol. 36. No. 4. P. 659-676.

186. Jackson M.O., Morelli M. Political Bias and War // American Economic Review. 2007. Vol. 97. No. 4. P. 1353-1373.

187. Jones B.F., Olken B.A. Hit or Miss? The Effect of Assassinations on Institutions and War // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. No. 2. P. 55-87.

188. Justino P., Verwimp P. Poverty Dynamics, Violent Conflict and Convergence in Rwanda // The Review of Income and Wealth. 2013. Vol. 59. No. 1. P. 66-90.

189. Katoka B. How good is aid for institution building in the Democratic Republic of Congo? // Global Social Policy. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 228-234.

190. Kennedy R., Tiede L. Economic Development Assumptions and the Elusive Curse of Oil // International Studies Quarterly. Vol. 57. No. 4. P. 760-771.

191. King E., Samii C. Fast-Track Institution Building in Conflict-Affected Countries? Insights from Recent Field Experiments // World Development. 2014. Vol. 64. P. 740-754.

192. Knight M., Loyaza N., Villanueva D. The Peace Dividend: Military Spending Cuts and Economic Growth // Staff Papers (International Monetary Fund). 1996. Vol. 43. No. 1. P. 1-37.

193. Koehler J., Bhatia J., Mosakhel G.R. Modes of governance and the everyday lives of illicit drug producers in Afghanistan // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. No. 11. P. 2597-2617.

194. Koenig M., Rohner D., Thoenig M., Zilibott F. Networks in Conflict: Theory and Evidence from the Great War of Africa // Econometrica. 2017. Vol. 85. No. 4. P. 1093-1132.

195. Konrad K.I., Skaperdas S. Extortion // Economica. 1998. Vol. 65. No. 260. P. 461-477.

196. La Ferrara E., Bates R.H. Political Competition in Weak States // Economics and Politics. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 159-184.

197. Lake M. Building the Rule of War: Postconflict Institutions and the Micro-Dynamics of Conflict in Eastern DR Congo // International Organization. 2017. Vol. 71. No. 2. P. 281-315.

198. Le Billon P. Corrupting Peace? Peacebuilding and Post-conflict Corruption // International Peacekeeping. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 344-361.

199. Le Billon P. The political ecology of war: natural resources and armed conflicts // Political Geography. Vol. 20. No. 5. P. 561-584.

200. Lopez H., Wodon Q. The Economic Impact of Armed Conflict in Rwanda // Journal of African Economies. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 586-602.

201. Loyle C.E., Binningsbø H.M. Justice during Armed Conflict: A New Dataset on Government and Rebel Strategies // Journal of Conflict Resolution. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 442-466.

202. Marsden P., Samman E. Afghanistan: the Economic and Social Impact of Conflicts // War and Underdevelopment: Volume II: Country Experiences / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 21-56.

203. McBride M., Skaperdas S. Explaining Conflict in Low-Income Countries: Incomplete Contracting in the Shadow of the Future // Institutions and Norms in Economic Development / ed. by M. Gradstein, K.A. Konrad. Cambridge: MIT Press, 2007. P. 141-162.

204. Melyantsev V.A. Have the Least Developed Countries Stepped on a Path of Fast and Inclusive Growth? // Asia and Africa Today. 2018. No. 7. P. 2-9.

205. Michalopoulos S., Papaioannou E. Historical Legacies and African Development // Journal of Economic Literature. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 53-128.

206. Miguel E., Gugerty M.K. Ethnic Diversity, Social Sanctions, and Public Goods in Kenya // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. No. 11-12. P. 2325-2368.

207. Miguel E., Satyanath S. Re-examining Economic Shocks and Civil Conflict // American Economic Journal: Applied Economics. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 228-232.

208. Miguel E., Satyanath S., Sergenti E. Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables Approach // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112. No. 4. P. 725-753.

209. Mkandawire T. The Terrible Toll of Post-Colonial ‘Rebel Movements’ in Africa: Towards an Explanation of the Violence against the Peasantry // Journal of Modern African Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 181-215.

210. Murtazashvili I., Murtazashvili J. Does the sequence of land reform and political reform matter? Evidence from state-building in Afghanistan // Conflict, Security & Development. 2016. Vol.16. No. 2. P. 145-172.

211. Mwanasali M. The View from Below // Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars / ed. by M. Berdal, D.M. Malone. Boulder: Lynne Rienner, 2000. P. 137-153.

212. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 4. P. 559-592.

213. O'Reilly C. Investment and Institutions in Post-Civil War Recovery // Comparative Economic Studies. 2014. Vol. 56. No. 1. P. 1-24.

214. Olmstead T.A., Alessi S.M., Kline B., Pacula R.L., Petry N.M. The price elasticity of demand for heroin: matched longitudinal and experimental evidence // Journal of Health Economics. 2015. Vol. 41. P. 59-71.

215. Organski A.F.K., Kugler J. The Costs of Major Wars: The Phoenix Factor // The American Political Science Review. 1977. Vol. 71. No. 4. P. 1347-1366.

216. Patrick S. "Failed" States and Global Security: Empirical Questions and Policy Dilemmas // International Studies Review. 2007. Vol. 9. No. 4. P. 644-662.

217. Pavlik J.B., Young A.T. Sorting out the aid–corruption nexus // Journal of Institutional Economics. 2021. Vol. 18. No. 4. P. 637-653.

218. Pettersson T., Högbladh S., Öberg M. Organized violence, 1989–2018 and peace agreements // Journal of Peace Research. 2019. Vol. 56. No. 4. P. 589-603.

219. Powell R. Bargaining Theory and International Conflict // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 1-30.

220. Powell R. War as a Commitment Problem // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 169-203.

221. Raeymaekers T. Post-war Conflict and the Market for Protection: The Challenges to Congo's Hybrid Peace // International Peacekeeping. 2013. Vol. 20. No. 5. P. 600-617.

222. Raineri L., Strazzari F. State, Secession, and Jihad: The Micropolitical Economy of Conflict in Northern Mali // African Security. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 249-271.

223. Reno W. Clandestine economies, violence and states in Africa // Journal of international affairs. 2000. Vol. 53. No. 2. P. 433-459.

224. Roberts A. Lives and Statistics: Are 90% of War Victims Civilians? // Survival. 2010. Vol. 52. No. 3. P. 115-136.

225. Rodrik D. Where Did All the Growth Go? External Shocks, Social Conflict, and Growth Collapses // Journal of Economic Growth. 1999. Vol. 4. P. 385-412.

226. Roemer J. Rationalizing Revolutionary Ideology // Econometrica. 1985. Vol. 51. No. 1. P. 85-108.

227. Ross M.L. Oil, Drugs, and Diamonds: The Varying Roles of Natural Resources in Civil War // The Political Economy of Armed Conflict: Beyond Greed and Grievance / ed. by K. Ballentine, J. Sherman. Boulder: Lynne Rienner, 2003. P. 47-67.

228. Ross M.L. What Have We Learned About the Resource Curse? // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 239-259.

229. Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. 2000. Vol. 28. No. 10. P. 1789-1803.

230. Saffer H., Chaloupka F. The Demand for Illicit Drugs // Economic Inquiry. 1999. Vol. 37. No. 3. P. 401-411.

231. Sambanis N. What is civil war? Conceptual and empirical complexities of an operational definition // Journal of Conflict Resolution. 2004. Vol. 48. No. 6. P. 814-858.

232. Sánchez de la Sierra R. On the Origins of the State: Stationary Bandits and Taxation in Eastern Congo // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. No. 1. P. 32-74.

233. Sexton R. Aid as a Tool against Insurgency: Evidence from Contested and Controlled Territory in Afghanistan // American Political Science Review. 2016. Vol. 110. No. 4. P. 731-749.

234. Shaver A., Carter D.B., Shava T.W. Terrain ruggedness and land cover: Improved data for most research designs // Conflict Management and Peace Science. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 191-218.

235. Singer J.D., Small M. Formal alliances, 1815—1939: A Quantitative Description // Journal of Peace Research. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 1-31.

236. Skaperdas S. An Economic Approach to Analyzing Civil Wars // Economics of Governance. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 25-44.

237. Skaperdas S. Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights // American Economic Review. 1992. Vol. 82. No. 4. P. 720-739.

238. Skaperdas S. The costs of organized violence: a review of the evidence // Economics of Governance. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 1-23.

239. Skaperdas S. Warlord Competition // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 4. P. 435-446.

240. Small M., Singer J.D. Formal Alliances, 1816-1965: an Extension of the Basic Data // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 257-282.

241. Smith R.P. The economic costs of military conflict // Journal of Peace Research. 2014. Vol. 51. No. 2. P. 245-256.

242. Sorens J. Mineral Production, Territory, and Ethnic Rebellion: The Role of Rebel Constituencies // Journal of Peace Research. 2011. Vol. 48. No. 5. P. 571-585.

243. Stewart F., Huang C., Wang M. Internal Wars In Developing Countries: An Empirical Overview of Economic and Social Consequences // War and Underdevelopment: Volume 1: The Economic and Social Consequences of Conflict / ed. by F. Stewart, V. Fitzgerald. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 67-103.

244. Suhrke A. Reconstruction as Modernisation: The 'Post-Conflict' Project in Afghanistan // Third World Quarterly. 2007. Vol. 28. No. 7. P. 1291-1308.

245. Suhrke A. Statebuilding in Afghanistan: a contradictory engagement // Central Asian Survey. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 271-286.

246. Terpstra N. Rebel governance, rebel legitimacy, and external intervention: assessing three phases of Taliban rule in Afghanistan // Small Wars & Insurgencies. 2020. Vol. 31. No. 6. P. 1143-1173.

247. Todd C.S., Safi N., Strathdee S.A. Drug use and harm reduction in Afghanistan // Harm Reduction Journal. 2005. No. 2. Art. 13.

248. Verwimp P. An Economic Profile of Peasant Perpetrators of Genocide: Micro-Level Evidence from Rwanda // Journal of Development Economics. 2005. Vol. 77. No. 2. P. 297-323.

249. Verwimp P., Justino P., Brück T. The Microeconomics of Violent Conflict // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 141. P. 102297.

250. Walter B.F. Does Conflict Beget Conflict? Explaining Recurring Civil War // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 371-388.

251. Walter B.F. Information, Uncertainty, and the Decision to Secede // International Organization. 2006. Vol. 60. No. 1. P. 105-135.

252. Walter B.F. The Critical Barrier to Civil War Settlement // International Organization. 1997. Vol. 51. No. 3. P. 335-364.

253. Walter B.F. Why Bad Governance Leads to Repeat Civil War // Journal of Conflict Resolution. Vol. 59. No. 7. P. 1242-1272.

254. Weigand F., Andersson R. Institutionalized Intervention: The ‘Bunker Politics’ of International Aid in Afghanistan // Journal of Intervention and State Building. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 503-523.

255. Weiss T.G. Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. No. 5. P. 499-509.

Аналитические доклады

На английском языке

256. Afghanistan Opium Survey 2012. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2013. 111 p. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/Afghanistan_OS_2012_FINAL_web.pdf (accessed: 17.02.2023).

257. Afghanistan Opium Survey 2013: Summary findings. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2013. 25 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2013.pdf (accessed: 17.02.2023).

258. Afghanistan Opium Survey 2014: Socio-economic analysis. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 62 p. URL: http://anf.gov.pk/library/surveys/Afghanistan_Opium_Survey_Socio-economic_analysis_2014_web.pdf (accessed: 17.02.2023).

259. Afghanistan Opium Survey 2015: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. 12 p. URL: https://info.publicintelligence.net/UNODC-AfghanOpiumSurvey-2015.pdf (accessed: 17.02.2023).

260. Afghanistan Opium Survey 2015: Socio-economic analysis. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2016. 65 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/-AFG-Afghanistan_opium_survey_2015_socioeconomic.pdf (accessed: 17.02.2023).

261. Afghanistan Opium Survey 2016: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2016. 12 p. URL: https://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf (accessed: 17.02.2023).

262. Afghanistan Opium Survey 2017: Challenges to sustainable development, peace and security. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. 79 p. URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-opium-survey-2017-challenges-sustainable-development-peace-and (accessed: 17.02.2023).

263. Afghanistan Opium Survey 2017: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2017. 73 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf (accessed: 17.02.2023).

264. Afghanistan Opium Survey 2018: Cultivation and Production. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. 69 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2018.pdf (accessed: 17.02.2023).

265. Afghanistan Opium Survey 2019: Socio-economic survey report: Drivers, causes and consequences of opium poppy cultivation. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 75 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/20210217_report_with_cover_for_web_small.pdf (accessed: 17.02.2023).

266. Afghanistan Opium Survey 2020: Cultivation and Production – Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2021. 62 p.

267. Afghanistan: Public Expenditure Update. Washington, D.C.: World Bank, 2019. 49 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/696491564082281122/pdf/Afghanistan-Public-Expenditure-Update.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

268. Ballentine K., Nitzschke H. The Political Economy of Civil War and Conflict Transformation // Berghof Handbook Dialogue Series. 2005. No. 3. P. 11-35. URL: https://berghof-foundation.org/library/transforming-war-economies-dilemmas-and-strategies (accessed: 17.02.2023).

269. Bastagli F., Toulmin C. Mali: Economic Factors Behind the Crisis // European Parliament: Directorate-General for External Policies. 2014. 43 p. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/433754/EXPO-DEVE_ET(2014)433754_EN.pdf (accessed: 17.02.2023).

270. Baudienville G. Aid Instruments in Fragile and Conflict-Affected Situations: Impacts on the State- and Peace-Building Agenda. Final Report. London: Overseas Development Institute, 2010. 23 p. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/6664.pdf (accessed: 17.02.2023).

271. Besley T.J., Persson T. The Incidence of Civil War: Theory and Evidence // NBER Working Paper Series. 2008. No. 14585. 38 p. URL:

https://www.nber.org/system/files/working_papers/w14585/w14585.pdf (accessed: 17.02.2023).

272. Blum A. Addressing Fragility—A New Learning Agenda // Fragility Study Group Policy Brief. 2016. No. 8. 8 p. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep12143#metadata_info_tab_contents (accessed: 17.02.2023).

273. Byrd W.A., Noorani J. Industrial-Scale Looting of Afghanistan's Mineral Resources // United States Institute of Peace Special Report. 2017. No. 404. 18 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2017-05/sr404-industrial-scale-looting-of-afghanistan-s-mineral-resources.pdf (accessed: 17.02.2023).

274. Cammack D., McLeod D., Rocha Menocal A., Christiansen K. Donors and the 'Fragile States' Agenda: A Survey of Current Thinking and Practice. Report submitted to the Japan International Cooperation Agency. London: Poverty and Public Policy Group, Overseas Development Institute, 2006. 141 p. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/1955.pdf (accessed: 17.02.2023).

275. Carnahan M. Options for Revenue Generation in Post-Conflict Environments // Political Economy Research Institute Working Paper. 2007. No. 137. 14 p. URL: https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1110&context=peri_workingpapers (accessed: 17.02.2023).

276. Chandy L. Aiding Stability: Improving Foreign Assistance in Fragile States // Brookings Institution Policy Brief. 2011. No. 2011-09. 20 p. URL: http://www.brookings.edu/~/media/research/files/reports/2011/9/fragile-states-chandy/aid-global-views.pdf (accessed: 17.02.2023).

277. Chassang S., Padró i Miquel G. Mutual Fear and Civil War // Bureau for Research and Economic Analysis of Development Working Paper. No. 165. London: Bureau for Research and Economic Analysis of Development, 2008. 40 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/30524698_Mutual_Fear_and_Civil_War (accessed: 17.02.2023).

278. Collier P., Elliott V.L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. A World Bank policy research report. Washington, DC: World Bank and Oxford University Press, 2003. 221 p.

279. Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Policy Research Working Paper. 2000. No. 2355. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. 44 p. URL: http://hdl.handle.net/10986/18853 (accessed: 17.02.2023).

280. Collier P., Okonjo-Iweala N. World Bank Group Work in Low-Income Countries Under Stress: A Task Force Report. Washington, D.C.: World Bank, 2002. 53 p. URL: https://gsdrc.org/document-library/world-bank-group-work-in-low-income-countries-under-stress-a-task-force-report/ (accessed: 17.02.2023).

281. Davies V.A.B. Capital Flight and Violent Conflict: A Review of the Literature. Washington, D.C.: World Bank, 2010. 12 p. URL: https://web.worldbank.org/archive/website01306/web/pdf/wdr%20background%20note_davies.pdf (accessed: 17.02.2023).

282. Davies V.A.B. Capital Flight and War // Policy Research Working Paper. 2007. No. 4210. 38 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/7046/wps4210.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 17.02.2023).

283. Desai H. States of Fragility and Official Development Assistance // OECD Development Co-Operation Working Paper. 2020. No. 76. 76 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/44bbde61-en.pdf?expires=1665045491&id=id&accname=guest&checksum=C2CD3D3E3EE7DB31ABA1A298CF8C0DFD (accessed: 17.02.2023).

284. Edwards R.D. A review of war costs in Iraq and Afghanistan // NBER Working Paper. 2010. No. 16163. 38 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16163/w16163.pdf (accessed: 17.02.2023).

285. Escaping the fragility trap / LSE-Oxford Commision on State Fragility, Growth and Development. – 2018. – 76 p. – URL: https://www.theigc.org/wp-content/uploads/2018/04/Escaping-the-fragility-trap.pdf (accessed: 07.11.2021).

286. Fearon J.D. Governance and Civil War Onset. Washington, D.C.: World Bank, 2010. 70 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/9123 (accessed: 17.02.2023).

287. Felbab-Brown V. Afghanistan Affectations: How to Break Political-Criminal Alliances in Contexts of Transition // United Nations University Centre for Policy Research Crime-Conflict Nexus Series. 2017. No. 8. 37 p. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6422/Afghanistan_Affectations.pdf (accessed: 17.02.2023).

288. Fishstein P., Wilder A. Winning Hearts and Minds? Examining the Relationship between Aid and Security in Afghanistan. Medford: Tufts University, 2012. 82 p. URL: https://fic.tufts.edu/assets/WinningHearts-Final.pdf (accessed: 17.02.2023).

289. Fishtein P., Amiryar M. E. Afghan Economic Policy, Institutions, and Society Since 2001 // United States Institute of Peace Special Report. 2015. No. 383. 16 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR383-Afghan-Economic-Policy-Institutions-and-Society-Since-2001.pdf (accessed: 27.09. 2022).

290. Giustozzi A. The Resilient Oligopoly: A Political-Economy of Northern Afghanistan 2001 and Onwards. Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit, 2012. 73 p. URL: https://www.refworld.org/docid/50f6650a2.html (accessed: 17.02.2023).

291. Gobat J., Kostial K. Syria's Conflict Economy // IMF Working Paper. 2016. No. 2016/123. 29 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Syrias-Conflict-Economy-44033 (accessed: 17.02.2023).

292. Hearn S. Peacebuilding and Institution-building. Helsinki: United Nations University Centre for Policy Research, 2015. 13 p. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:3221/unu_cpr_peacebuilding_and_institution.pdf (accessed: 17.02.2023).

293. Hoeffler A., Reynal-Querol M. Measuring the Costs of Conflict. 2003. 25 p. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.460.2979&rep=rep1&type=pdf (accessed: 17.02.2023).

294. Humphries M. Economics and Violent Conflict. 2003. 28 p. URL: https://d306pr3pise04h.cloudfront.net/docs/issues_doc%2FPeace_and_Business%2FEconomics_and_Violent_Conflict.pdf (accessed: 17.02.2023).

295. Low-Income Countries Under Stress: Update. Washington, D.C.: World Bank, 2005. 16 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/458871468328174684/pdf/34789.pdf (accessed: 17.02.2023).

296. Managing Risks in Fragile and Transitional Contexts: The Price of Success? Paris: OECD, 2012. 162 p. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/managing%20risks.pdf (accessed: 17.02.2023).

297. Mashal M. Small and Medium Enterprises Development and Regional Trade in Afghanistan // University of Central Asia – Institute of Public Policy and Administration

(IPPA) Working Paper. 2014. No. 24. 23 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2943895 (accessed: 17.02.2023).

298. Muzaffari S.M., Miraj A.K. Dollarization in Afghanistan: Issues and Concerns. Kabul: Da Afghanistan Bank, 2019. 23 p. URL: https://dab.gov.af/sites/default/files/2019-06/DollarizationinAfghanistanIssuesandConcerns.pdf (accessed 17.02.2023).

299. Naqvi Z.F. Afghanistan-Pakistan trade relations. Islamabad: World Bank, 1999. 22 p. URL: http://afghandata.org:8080/xmlui/handle/azu/7657 (accessed: 17.02.2023).

300. Nasery J.A. The Economic Shock to Afghanistan Caused by Aid Reduction and Troops Withdrawal // IEE Working Paper. 2014. No. 202. 63 p. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/183556/1/wp-202.pdf (accessed: 17.02.2023).

301. Nordhaus W.D. The Economic Consequences of a War in Iraq // NBER Working Paper. 2002. No. 9361. 50 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9361/w9361.pdf (accessed: 17.02.2023).

302. Peters G. How opium profits the Taliban // Peaceworks. 2009. No. 62. 39 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/resources/taliban_opium_1.pdf (accessed: 17.02.2023).

303. Power, livelihoods and conflict: case studies in political economy analysis for humanitarian action / ed. by S. Collison // Humanitarian Policy Group Report. 2003. No. 3. 98 p. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/289.pdf (accessed: 17.02.2023).

304. Roy T. Reading the Economic History of Afghanistan // LSE Economic History Working Papers. 2020. No. 309. 29 p. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106957/1/Roy_reading_the_economic_history_of_afghanistan_published.pdf (accessed: 17.02.2023).

305. Ruiz H.A. Afghanistan: conflict and displacement 1978 to 2001 // Forced Migration Review. 2002. No. 13. P. 8-10. URL: https://www.fmreview.org/sites/fmr/files/FMRdownloads/en/september-11th-has-anything-changed/ruiz.pdf (accessed: 17.02.2023).

306. Starr M.A. Monetary Policy in Post-Conflict Countries: Restoring Credibility // American University Department of Economics Working Paper. 2004. No. 2004-07. 32 p. URL: http://w.american.edu/cas/economics/repec/amu/workingpapers/2004-07.pdf (accessed: 17.02.2023).

307. States of Fragility 2016: Understanding Violence. Paris: OECD, 2016. 180 p.

308. States of Fragility 2018. Paris: OECD, 2018. 280 p.

309. States of Fragility 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. 126 p.

310. Statistical Yearbook for Asia and The Pacific 2009. Bangkok: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (COR), 2010. 232 p.

311. Stewart F., Brown G. Fragile States // CRISE Working Paper. 2009. No. 51. 112 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08b62e5274a27b2000af7/wp51.pdf (accessed: 17.02.2023).

312. T. Ruttig. How It All Began: A Short Look at the Pre-1979 Origins of Afghanistan's Conflicts // Afghan Analysts Network Occasional Paper. 2013. No. 1. 14 p. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2013/02/20130111Ruttig-How_It_All_Began_FINAL.pdf (accessed: 17.02.2023).

313. Von Einsiedel S. Major Recent Trends in Violent Conflict // United Nations University Centre for Policy Research Occasional Paper. 2014. No. 1. 11 p. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6114/MajorRecentTrendsinViolentConflict.pdf (accessed: 27.09. 2022).

314. Ward C., Mansfield D., Oldham P. Byrd W. Afghanistan : Economic Incentives and Development Initiatives to Reduce Opium Production. Washington, D.C.: World Bank, 2008. 101 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6272?locale-attribute=en (accessed: 17.02.2023).

315. What We Need to Learn: Lessons from Twenty Years of Afghanistan Reconstruction // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. August, 2021. 122 p. URL: https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/SIGAR-21-46-LL.pdf (accessed: 27.09. 2022).

316. Whole of Government Approaches to Fragile States. Paris: OECD, 2006. 55 p. URL: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/37826256.pdf (accessed: 17.02.2023).

317. Why We Need to Work More Effectively in Fragile States. London: ukaid/Department for International Development, 2005. 30 p. URL: https://gsdrc.org/document-library/why-we-need-to-work-more-effectively-in-fragile-states/ (accessed: 17.02.2023).

318. Why, what and how to measure? A user's guide to measuring rule of law, justice and security programmes. New York: UNDP, 2015. 91 p. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/UNDP_CPR_ROLMEGuide_August2014.pdf (accessed: 17.02.2023).

319. World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, D.C.: World Bank. 383 p.

320. World Drug Report 2019: Executive Summary. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2019. 53 p. URL: https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR19_Booklet_1_EXECUTIVE_SUMMARY.pdf (accessed: 17.02.2023).

Электронные ресурсы

На русском языке

321. Коргун В.Г. Конференция по Афганистану в Лондоне // Afghanistan.ru. 27.02.2006. URL: http://afghanistan.ru/doc/5248.html (режим доступа: 17.02.2023).

На английском языке

322. Afghan minister holds talks with Chinese mining firm, progress to be expected // Global Times. July 18, 2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202207/1270825.shtml (accessed: 17.02.2023).

323. Afghanistan // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/700 (accessed: 17.02.2023).

324. Afghanistan Index // Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/afghanistan-index/ (accessed: 17.02.2023).

325. Afghanistan: How does the Taliban make money? // BBC. December 22, 2018. URL: https://www.bbc.com/news/world-46554097 (accessed: 17.02.2023).

326. Aid and Conflict in Afghanistan // International Crisis Group. August 4, 2011. URL: https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/aid-and-conflict-afghanistan (accessed: 17.02.2023).

327. Breaking the Cycle of Fragility // UNDP. URL: https://www.undp.org/crisis/breaking-cycle-fragility (accessed: 17.02.2023).

328. Codebook for the Intra-State Wars v.4.0. Definitions and Variables by Meredith Reid Sarkees // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/wp-content/uploads/Intra-StateWars_Codebook.pdf (accessed: 17.02.2023).

329. Corruption Perception Index 2015 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/cpi2015 (accessed: 17.02.2023).

330. Corruption Perception Index 2020 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2020 (accessed: 17.02.2023).

331. Corruption Perception Index 2021 // Transparence International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2021 (accessed: 17.02.2023).

332. COW War Data, 1816 – 2007 (v4.0) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

333. Data / United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/data.html (accessed: 17.02.2023).

334. Doing Business // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/doing-business (accessed: 17.02.2023).

335. DR Congo (Zaire) // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/490 (accessed: 17.02.2023).

336. Farzam R., Seerat R.A. The Failure of Foreign Aid in Afghanistan // The Diplomat. October 18, 2016. URL: http://thediplomat.com/2016/10/the-failure-of-foreign-aid-in-afghanistan/ (accessed : 17.02.2023).

337. FCS Lists from FY06 to FY22 // World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/fragilityconflictviolence/brief/harmonized-list-of-fragile-situations (accessed: 17.02.2023).

338. Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM (accessed: 17.02.2023).

339. FY23 List of Fragile and Conflict-affected Situations // World Bank. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/69b1d088e3c48ebe2cdf451e30284f04-0090082022/original/FCSList-FY23.pdf (accessed: 17.02.2023).

340. Global Debt Database // IMF. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD (accessed: 17.02.2023).

341. Hahn E.D., Soyer R. Probit and Logit Models: Differences in the Multivariate Realm // The George Washington University. 2005. 14 p. URL: https://home.gwu.edu/~soyer/mv1h.pdf (accessed: 17.02.2023).

342. Hook K. The Cost of Conflict: Understanding the Ramifications of Internal Warfare // Beyond Intractability. 2013. URL: https://www.beyondintractability.org/essay/understanding-ramifications (accessed: 17.02.2023).

343. Human Development Index (HDI) // UNDP. URL: https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI (accessed: 17.02.2023).

344. International Budget Project Open Budget Index (OBI) // World Bank. URL: https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/downLoadFile?fileName=OBI.xlsx#:~:text

=The%20Open%20Budget%20Index%20(OBI,of%20central%20government%20budget%20documents (accessed: 17.02.2023).

345. Intra-State War Data (v5.1) // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/ (accessed: 17.02.2023).

346. Koryakov Y. Карта административного деления Афганистана. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/28/Afghanistan_provinces_russian.png (accessed: 17.02.2023).

347. Least Developed Countries (LDCs) // United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html (accessed: 17.02.2023).

348. Liberia // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/450 (accessed: 17.02.2023).

349. Mali // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/432 (accessed: 17.02.2023).

350. Nigeria // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/475 (accessed: 17.02.2023).

351. OECDstat // OECD. URL: https://stats.oecd.org/ (accessed: 17.02.2023).

352. Oil or Nothing: Dealing with South Sudan's Bleeding Finances // International Crisis Group. October 6, 2021. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/305-oil-or-nothing-dealing-south-sudans-bleeding-finances (accessed: 17.02.2023).

353. Penn World Table version 10.0 // University of Groningen. 2021. URL: https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en (accessed: 17.02.2023).

354. Phippen T. Govt Investigator: Aid Money Sloshed Around Afghanistan 'Like A Bathtub Running Over' // The Daily Caller. October 20, 2016. URL: http://dailycaller.com/2016/10/20/govt-investigator-aid-money-sloshed-around-afghanistan-like-a-bathtub-running-over/ (accessed : 17.02.2023).

355. Polity5: Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets // Center for Systemic Peace. URL: https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html (accessed: 17.02.2023).

356. Revised Classification of Fragility and Conflict Situations for World Bank Group Engagement // World Bank. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/333071582771136385/Classification-of-Fragile-and-Conflict-Affected-Situations.pdf (accessed: 17.02.2023).

357. South Sudan // Uppsala Conflict Data Program. URL: https://ucdp.uu.se/country/626 (accessed: 17.02.2023).

358. States of Fragility // OECD. URL: https://www3.compareyourcountry.org/states-of-fragility (accessed: 17.02.2023).

359. Terrain ruggedness and land cover: Improved data for most research designs // Harvard Dataverse. 2018. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/WXUZBN (17.02.2023).

360. The COW Typology of War: Defining and Categorizing Wars (Version 4 of the Data) by Meredith Reid Sarkees // Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/wp-content/uploads/COW-Website-Typology-of-war.pdf (accessed: 17.02.2023).

361. UCDP Definitions // Uppsala Universitet. URL: https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions (accessed: 17.02.2023).

362. UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook // Uppsala Conflict Data Program (UCDP) & Centre for the Study of Civil Wars, International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). URL: https://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-181.pdf (accessed: 17.02.2023).

363. UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // Uppsala Universitet. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

364. UN Data // United Nations. URL: https://data.un.org/Default.aspx (accessed: 17.02.2023).

365. What Does State Fragility Mean? // Fund for Peace. URL: https://fragilestatesindex.org/frequently-asked-questions/what-does-state-fragility-mean/ (accessed: 17.02.2023).

366. What is the Kimberley Process? // Kimberley Process. URL: https://www.kimberleyprocess.com/en/what-kp (accessed: 17.02.2023).

367. World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on (accessed: 17.02.2023).

368. World Drug Report 2021 pre-publication // United Nations Office for Durgs and Crime. URL: https://dataunodc.un.org/j4g54hA/WDR_prepub_2021 (accessed: 17.02.2023).

369. Worldwide Governance Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators (accessed: 17.02.2023).

Приложения

Приложение 1

Список внутренних вооруженных конфликтов в 1960-2019 гг. по методологии базы данных *UCDP/PRIO*

Внутренний вооруженный конфликт	**Год начала или возобновления конфликта**	**Год окончания конфликта**	**Периоды высокой интенсивности конфликта (более 1000 жертв в течение 1 календарного года)**	**Страна (или член международной системы)**
Вооруженный конфликт в Лаосе	1959 г., 1963 г., 1989 г.	1961 г., 1973 г., 1990 г.	1960-1961, 1963-1973 гг.	Лаос
Вооруженный конфликт в Качине (Мьянма)	1949 г., 1961 г., 2011 г.	1950 г., 1992 г.	1961-1971, 1984 гг.	Мьянма
Вооруженный конфликт в Курдистане (Ирак)	1945 г., 1961 г., 1973 г., 1979 г., 1995 г.	1970 г., 1992 г., 1996 г.	1961, 1963, 1965-1966, 1969, 1974-1975, 1979-1980, 1982, 1988, 1991 гг.	Ирак
Вооруженный конфликт в Йемене	1948 г., 1962 г., 1979 г., 1994 г., 2009 г.	1948 г., 1970 г., 1982 г., 1994 г.	1963-1964, 1966-1967, 2009, 2012, 2014-2019 гг.	Йемен (Северный Йемен)
Вооруженный конфликт в Ираке	1958 г., 1961 г., 1982 г., 1987 г., 1991 г., 2004 г.	1959 г., 1963 г., 1984 г., 1987 г., 1996 г.	1963, 2004-2010, 2017 гг.	Ирак
Вооруженный конфликт в Южном Судане	1963 г.	1972 г.	1963-1972 гг.	Судан
Вооруженный конфликт в Шане (Мьянма)	1959 г., 1972 г., 1976 г., 1993 г., 2005 г., 2013 г., 2015 г.	1970 г., 1973 г., 1988 г., 2002 г., 2011 г., 2013 г., 2015 г.	1964-1970 гг.	Мьянма

Вооруженный конфликт в ДР Конго	1964 г., 1967 г., 1977 г., 1996 г., 2005 г., 2011 г., 2016 г.	1965 г., 1967 г., 1978 г., 2001 г., 2008 г., 2014 г.	1964-1965, 1996-2000, 2013, 2017 гг.	ДР Конго
Вооруженный конфликт в Камбодже	1967 г., 1978 г.	1975 г., 1998 г.	1967, 1970-1975, 1978 гг.	Камбоджа
Вооруженный конфликт в Биафра (Нигерия)	1967 г.	1970 г.	1967-1970 гг.	Нигерия
Вооруженный конфликт в Мьянме	1948 г., 1990 г., 1994 г., 2013 г., 2017 г.	1988 г., 1992 г., 1994 г., 2015 г.	1968-1980, 1982, 1986, 1988 гг.	Мьянма
Вооруженный конфликт в Карене (Мьянма)	1948 г., 1949 г., 1994 г., 1997 г., 2000 г.	1992 г., 1995 г., 1998 г., 2013 г.	1971, 1982, 1984, 1989, 1992 гг.	Мьянма
Вооруженный конфликт в Восточном Пакистане	1971 г.	1971 г.	1971 г.	Пакистан
Конфликт между правительством Шри-Ланки и Национальным освободительным фронтом	1971 г., 1989 г.	1971 г., 1990 г.	1971 г.	Шри-Ланка
Вооруженный конфликт в Белуджистане (Пакистан)	1973 г., 1974 г., 2004 г., 2006 г., 2011 г., 2019 г.	1977 г., 2004 г., 2009 г., 2016 г.	1974 г.	Пакистан
Вооруженный конфликт в Анголе	1975 г., 1998 г.	1995 г., 2002 г.	1975-1990, 1992-1994, 1998-2001 гг.	Ангола
Вооруженный конфликт в Эритрее (Эфиопия)	1961 г., 1964 г.	1991 г.	1975-1979, 1982-1985, 1987-1991 гг.	Эфиопия
Вооруженный конфликт на Восточном Тиморе	1975 г., 1992 г., 1997 г.	1988 г., 1992 г., 1999 г.	1975-1978 гг.	Индонезия
Вооруженный конфликт в Ливане	1958 г., 1975 г., 1982 г., 1989 г.	1958 г., 1976 г., 1986 г., 1990 г.	1976, 1984 гг.	Ливан

Вооруженный конфликт в Эфиопии	1960 г., 1976 г.	1960 г., 1991 г.	1976 г., 1980-1985, 1987-1991 гг.	Эфиопия
Вооруженный конфликт на Западном Папуа (Индонезия)	1965 г., 1976 г., 1981 г., 1984 г., 2018 г.	1965 г., 1969 г., 1978 г., 1981 г., 1984 г., 2018 г.	1976-1978, 1981 гг.	Индонезия
Вооруженный конфликт в Зимбабве (Западной Родезии)	1966 г., 1967 г., 1973 г.	1968 г., 1979 г.	1976-1979 гг.	Зимбабве
Вооруженный конфликт в Огадене (Эфиопия)	1964 г., 1976 г., 1993 г., 1996 г., 1998 г.	1964 г., 1983 г., 1994 г., 1996 г., 2016 г.	1977-1978 гг.	Эфиопия
Вооруженный конфликт в Чаде	1966 г., 1976 г., 1986 г., 1989 г., 1997 г., 2005 г., 2018 г.	1972 г., 1984 г., 1987 г., 1994 г., 2003 г., 2010 г.	1978-1980, 1987, 1990, 2000, 2005 гг.	Чад
Вооруженный конфликт в Намибии	1966 г.	1988 г.	1978, 1980-1983, 1987-1988 гг.	ЮАР/Намибия
Вооруженный конфликт на Минданао (Филиппины)	1970 г., 1993 г.	1990 г.	1978, 1981, 2000 гг.	Филиппины
Вооруженный конфликт в Афганистане	1975 г., 1978 г.	-	1978-2001, 2005-2019 гг.	Афганистан
Вооруженный конфликт в Никарагуа	1974 г., 1977 г., 1982 г.	1979 г., 1990 г.	1978-1979, 1983-1988 гг.	Никарагуа
Вооруженный конфликт в Западной Сахаре	1975 г.	1989 г.	1979-1980 гг.	Марокко
Вооруженный конфликт в Уганде	1971 г., 1974 г., 1979 г., 1994 г., 2013 г.	1972 г., 1974 г., 1992 г., 2011 г.	1981-1989, 1996, 2002, 2004 гг.	Уганда
Вооруженный конфликт в Сальвадоре	1972 г., 1979 г.	1972 г., 1991 г.	1981-1989 гг.	Сальвадор

Вооруженный конфликт в Мозамбике	1977 г., 2013 г., 2016 г., 2018 г.	1992 г., 2014 г., 2016 г.	1981-1991 гг.	Мозамбик
Конфликт между правительством Ирана и Организацией моджахедов иранского народа (и других оппозиционных движений после 2005 г.)	1972 г., 1979 г., 1986 г., 1991 г., 1993 г., 1996 г., 1997 г., 1999 г., 2005 г., 2018 г.	1982 г., 1988 г., 1991 г., 1993 г., 1996 г., 1997 г., 2001 г., 2011 г.	1981-1982 гг.	Иран
Вооруженный конфликт в Оромие (Эфиопия)	1974 г., 1980 г., 1983 г., 1994 г., 1998 г., 2015 г.	1978 г., 1981 г., 1992 г., 1995 г., 2013 г., 2016 г.	1981 г.	Эфиопия
Вооруженный конфликт в Сидамаленде (Эфиопия)	1981 г., 1983 г.	1981 г., 1983 г.	1981 г.	Эфиопия
Вооруженный конфликт в Палестине (Израиль)	1948 г., 1949 г., 2000 г., 2014 г., 2018 г.	1996 г., 2012 г., 2014 г.	1982, 2014 гг.	Израиль
Вооруженный конфликт на Филиппинах	1946 г., 1969 г., 1997 г., 1999 г.	1954 г., 1995 г., 1997 г.	1982-1987, 1990-1991 гг.	Филиппины
Вооруженный конфликт в Сирии	1966 г., 1979 г., 2011 г.	1966 г., 1982 г.	1982, 2011-2019 гг.	Сирия
Вооруженный конфликт между правительством Перу и Коммунистической партией Перу – Сияющий путь	1963 г., 1965 г., 1982 г., 2007 г.	1965 г., 1999 г., 2010 г.	1983-1985, 1988-1992 гг.	Перу
Вооруженный конфликт в Судане	1971 г., 1976 г., 1983 г.	1971 г., 1976 г., 2018 г.	1983-1992, 1995-2003, 2006, 2010-2012, 2015-2016 гг.	Судан
Вооруженный конфликт в Колумбии	1964 г., 2018 г.	2016 г.	1985, 1992, 1994, 1996, 1999-2002, 2005 гг.	Колумбия

Вооруженный конфликт в Южном Йемене	1986 г.	1986 г.	1986 г.	Южный Йемен
Вооруженный конфликт в Тамил-Иламе (Шри-Ланка)	1975 г., 1984 г., 2003 г., 2005 г.	2001 г., 2003 г., 2009 г.	1987, 1990-1993, 1995-2001, 2006-2009 гг.	Шри-Ланка
Вооруженный конфликт в Сомали	1982 г., 1986 г., 2001 г., 2006 г.	1984 г., 1996 г., 2002 г.	1988, 1990-1992, 2007-2012, 2014-2019 гг.	Сомали
Вооруженный конфликт в Пенджабе и Халистане (Индия)	1981 г., 1983 г.	1993 г.	1988, 1990-1992 гг.	Индия
Вооруженный конфликт в Руанде	1990 г., 1996 г., 2009 г., 2016 г., 2018 г.	1994 г., 2002 г., 2012 г., 2016 г.	1990, 1994, 1998, 2001, 2009 гг.	Руанда
Вооруженный конфликт в Хорватии (Югославия)	1991 г.	1992 г.	1991 г.	Югославия
Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе (Азербайджан)	1991 г., 1997 г., 2005 г., 2008 г., 2012 г., 2014 г.	1994 г., 1998 г., 2005 г., 2008 г., 2012 г., 2017 г.	1991-1992, 1994 гг.	Азербайджан
Вооруженный конфликт в Боснии и Герцеговине	1992 г.	1995 г.	1992-1995 гг.	Босния и Герцеговина
Вооруженный конфликт в Таджикистане	1992 г., 2000 г., 2010 г.	1998 г., 2000 г., 2011 г.	1992-1993, 1996 гг.	Таджикистан
Вооруженный конфликт в Боснии и Герцеговине между правительством страны и Хорватской республикой Боснии	1993 г.	1994 г.	1993 г.	Босния и Герцеговина
Вооруженный конфликт в Курдистане (Турция)	1983 г., 1984 г., 2015 г.	2013 г.	1992-1999, 2016 гг.	Турция

Вооруженный конфликт в Абхазии (Грузия)	1992 г.	1993 г.	1993 г.	Грузия
Вооруженный конфликт в Алжире	1985 г., 1991 г.	2018 г.	1994-1999 гг.	Алжир
Вооруженный конфликт в Южной Йемене (Йемен)	1994 г.	1994 г.	1994 г.	Йемен
Вооруженный конфликт в Сьерра-Леоне	1991 г.	2001 г.	1995, 1998-1999 гг.	Сьерра-Леоне
Вооруженный конфликт в Чечне (Россия)	1994 г., 1999 г.	1996 г., 2007 г.	1995-1996, 1999-2000, 2002, 2004 гг.	Россия
Вооруженный конфликт в Конго	1993 г., 1997 г., 2002 г., 2016 г.	1993 г., 1999 г, 2002 г., 2016 г.	1997-1998 гг.	Конго
Вооруженный конфликт в Косово (Сербия)	1996 г., 1998 г.	1999 г.	1998-1999 гг.	Сербия
Вооруженный конфликт в Бурунди	1965 г., 1991 г., 1994 г., 2008 г., 2014 г., 2019 г.	1965 г., 1992 г., 2006 г., 2008 г., 2015 г.	2000-2002 гг.	Бурунди
Вооруженный конфликт в Кашмире (Индия)	1984 г., 1990 г.	-	2000, 2002-2005 гг.	Индия
Вооруженные операции США против «Аль-Каиды»	2001 г., 2019 г.	2017 г.	2001 г.	США
Вооруженный конфликт в Непале	1960 г., 1996 г.	1962 г., 2006 г.	2002-2005 гг.	Непал
Вооруженный конфликт в Либерии	1980 г., 1989 г., 2000 г.	1980 г., 1990 г., 2003 г.	2003 г.	Либерия
Вооруженный конфликт в Пакистане	1990 г., 1994 г., 2007 г.	1990 г., 1996 г.	2007, 2009-2015 гг.	Пакистан
Вооруженный конфликт в Ливии	2011 г., 2013г., 2017 г., 2019 г.	2011 г., 2015 г., 2017 г.	2011, 2019 гг.	Ливия
Вооруженный конфликт в Нигерии	1966 г., 2009 г., 2011 г.	1966 г., 2009 г.	2013-2015, 2017 гг.	Нигерия

Борьба против Исламского государства в Сирии	2013 г.	-	2013-2018 гг.	Сирия
Вооруженный конфликт в Южном Судане	2011 г.	-	2014 г.	Южный Судан
Вооруженный конфликт в Донецкой области (Украина)	2014 г.	2014 г.	2014 г.	Украина*
Вооруженный конфликт в Новороссии (Украина)	2014 г.	-	2014-2015 гг.	Украина*
Борьба против Исламского государства в Нигерии	2015 г.	-	2015-2016, 2019 гг.	Нигерия
Борьба против Исламского государства в Афганистане	2015 г.	-	2016-2019 гг.	Афганистан
Борьба против Исламского государства в Ливии	2015 г.	-	2016 г.	Ливия
Борьба против Исламского государства в Турции	2015 г.	2017 г.	2016 г.	Турция
Борьба против Исламского государства на Филиппинах	2016 г.	-	2017 г.	Филиппины

Примечание: * - В рассматриваемый период данные территории входили в состав Украины. База данных не охватывает период, когда регион вошел в состав Российской Федерации.

Источник: Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 615-637.; UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1 // UCDP. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict (accessed: 17.02.2023).

Приложение 2

Список внутренних вооруженных конфликтов в 1965-2014 гг. по методологии базы данных *Correlates of War*

Внутренний вооруженный конфликт	Год начала конфликта	Год окончания конфликта	Страна-член международной системы
Вооруженный конфликт в Северном Йемене	1962 г.	1969 г.	Йемен
Первая фаза второй гражданской войны в Лаосе	1963 г.	1968 г.	Лаос
Первая война в Южном Судане	1963 г.	1972 г.	Судан
Вторая война в Иракском Курдистане	1965 г.	1966 г.	Ирак
Первый вооруженный конфликт в Западном Папуа	1965 г.	1969 г.	Индонезия
Вооруженный конфликт в Уганде	1966 г.	1966 г.	Уганда
Первый вооруженный конфликт в Гватемале	1966 г.	1968 г.	Гватемала
Восстание Национального освободительного фронта Чада (FROLINAT)	1966 г.	1971 г.	Чад
Первая фаза Культурной революции	1967 г.	1967 г.	Китай
Третий вооруженный конфликт в Бирме	1967 г.	1980 г.	Мьянма
Вооруженный конфликта в Биафра	1967 г.	1970 г.	Нигерия
Вторая фаза Культурной революции	1967 г.	1968 г.	Китай
Вторая фаза гражданской войны в Лаосе	1968 г.	1973 г.	Лаос
Третья война в Иракском Курдистане	1969 г.	1970 г.	Ирак
Маоистское восстание в Индии	1970 г.	1971 г.	Индия
Черный сентябрь в Иордании	1970 г.	1970 г.	Иордания
Второй вооруженный конфликт в Гватемале	1970 г.	1971 г.	Гватемала
Вооруженный конфликт в Бенгалии	1971 г.	1971 г.	Пакистан
Восстание Народного освободительного фронта (JVP)	1971 г.	1971 г.	Шри-Ланка
Война красных кхмеров	1971 г.	1975 г.	Камбоджа
Первый вооруженный конфликт Моро	1972 г.	1981 г.	Филиппины
Восстание коммунистов в Таиланде	1972 г.	1973 г.	Таиланд

Вооруженный конфликт в Эритрее	1972 г.	1974 г.	Эфиопия
Первый вооруженный конфликт в Бурунди	1972 г.	1972 г.	Бурунди
Вооруженный с Новой народной армией	1972 г.	1992 г.	Филиппины
Вооруженный конфликт в Родезии	1972 г.	1979 г.	Зимбабве
Вооруженный конфликт в Белуджистане	1973 г.	1977 г.	Пакистан
Переворот в Чили	1973 г.	1973 г.	Чили
Вторая фаза восстания в Дофаре	1973 г.	1975 г.	Оман
Четвёртый вооруженный конфликт в Иракском Курдистане	1974 г.	1975 г.	Ирак
Война в Эритрее	1975 г.	1978 г.	Эфиопия
Война против «левых» в Аргентине	1975 г.	1977 г.	Аргентина
Второй вооруженный конфликт в Ливане	1975 г.	1976 г.	Ливан
Второй вооруженный конфликт в Западном Папуа	1976 г.	1978 г.	Индонезия
Третья гражданская война в Лаосе	1976 г.	1979 г.	Лаос
Вооруженный конфликт в Анголе	1976 г.	1991 г.	Ангола
Первая фаза второго вооруженного конфликта в Огадене	1976 г.	1977 г.	Эфиопия
Третья фаза вооруженного конфликта в Западном Тиморе	1976 г.	1979 г.	Индонезия
Третий вооруженный конфликт в Ливане	1978 г.	1978 г.	Ливан
Третья фаза вооруженного конфликта в Огадене	1978 г.	1980 г.	Эфиопия
Третий вооруженный конфликт в Гватемале	1978 г.	1984 г.	Гватемале
Саурская революция	1978 г.	1978 г.	Афганистан
Четвертый вооруженный конфликт в Шаба	1978 г.	1978 г.	ДР Конго
Первое восстание молжахедов в Афганистане	1978 г.	1980 г.	Афганистан
Свержение монархии в Иране	1978 г.	1979 г.	Иран
Восстание сандинистов	1978 г.	1979 г.	Никарагуа
Война антихомейнистской коалиции в Иране	1979 г.	1984 г.	Иран
Вооруженный конфликт в Сальвадоре	1979 г.	1992 г.	Сальвадор
Вооруженный конфликт в Мозамбике	1979 г.	1992 г.	Мозамбик
Второй вооруженный конфликт в Чаде	1980 г.	1984 г.	Чад

Второй вооруженный конфликт в Уганде	1980 г.	1986 г.	Уганда
Вооруженный конфликт в Нигерии	1980 г.	1981 г.	Нигерия
Вооруженный конфликт в Хаме	1981 г.	1982 г.	Сирия
Война в Тыграе и Эритрее	1982 г.	1991 г.	Эфиопия
Война «Сияющего пути»	1982 г.	1992 г.	Перу
Война «контрас»	1982 г.	1990 г.	Никарагуа
Вооруженный конфликт в Матабелленде	1983 г.	1987 г.	Зимбабве
Четвертый вооруженный конфликт в Бирме	1983 г.	1988 г.	Мьянма
Четвертый вооруженный конфликт в Ливане	1983 г.	1984 г.	Ливан
Первая гражданская война в Шри-Ланке	1983 г.	2002 г.	Шри-Ланка
Вторая война в Южном Судане	1983 г.	2005 г.	Судан
Операция «Голубая звезда»	1984 г.	1984 г.	Индия
Первая война в Турецком Курдистане	1984 г.	1986 г.	Турция
Пятый вооруженный конфликт в Иракском Курдистане	1985 г.	1988 г.	Ирак
Война в Южном Йемене	1986 г.	1986 г.	Йемен
Война движения «Святой дух»	1986 г.	1987 г.	Уганда
Второе восстание Народного освободительного фронта (JVP)	1987 г.	1989 г.	Шри-Ланка
Вооруженное противостояние между Партией свободы Инката и Африканским национальным конгрессом	1987 г.	1994 г.	ЮАР
Пятый вооруженный конфликт в Бирме	1988 г.	1988 г.	Мьянма
Первый вооруженный конфликт в Сомали	1988 г.	1991 г.	Сомали
Пятый вооруженный конфликт в Ливане	1989 г.	1990 г.	Ливан
Второе восстание моджахежов в Афганистане	1989 г.	2001 г.	Афганистан
Третий вооруженный конфликт в Чаде	1989 г.	1990 г.	Чад
Первый вооруженный конфликт в Ачехе	1989 г.	1991 г.	Индонезия
Война за независимость Бугенвиля	1989 г.	1992 г.	Папуа-Новая Гвинея
Восьмой вооруженный конфликт в Колумбии	1989 г.	-	Колумбия
Первый вооруженный конфликт в Камбодже	1989 г.	1991 г.	Камбоджа

Вооруженный конфликт в Румынии	1989 г.	1989 г.	Румыния
Первый вооруженный конфликт в Либерии	1989 г.	1990 г.	Либерия
Вооруженное восстание в Кашмире	1990 г.	2005 г.	Индия
Война против шиитов и курдов	1991 г.	1991 г.	Ирак
Первая гражданская война в Сьерра-Леоне	1991 г.	1996 г.	Сьерра-Леоне
Война за независимость Хорватии	1991 г.	1992 г.	Югославия
Вторая вооруженный конфликт в Турецком Курдистане	1991 г.	1999 г.	Турция
Вооруженный конфликт с участием Народной армии освобождения Судана	1991 г.	1992 г.	Судан
Вооруженный конфликт между народами джукун и тив	1991 г.	1992 г.	Нигерия
Второй вооруженный конфликт в Сомали	1991 г.	1997 г.	Сомали
Гражданская война в Грузии	1991 г.	1992 г.	Грузия
Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе	1991 г.	1993 г.	Азербайджан
Война за независимость Приднестровья	1991 г.	1992 г.	Молдавия
Война против Исламского фронта спасения	1992 г.	1999 г.	Алжир
Война за независимость Боснии	1992 г.	1992 г.	Югославия
Гражданская война в Таджикистане	1992 г.	1997 г.	Таджикистан
Восстание сербов в Боснии и Герцеговине	1992 г.	1995 г.	Босния и Герцеговина
Второй вооруженный конфликт в Либерии	1992 г.	1995 г.	Либерия
Война городов в Анголе	1992 г.	1994 г.	Ангола
Второй вооруженный конфликт в Камбодже	1993 г.	1997 г.	Камбоджа
Армянско-азербайджанский конфликт	1993 г.	1994 г.	Азербайджан
Вооруженный конфликт в Абхазии	1993 г.	1994 г.	Грузия
Второй вооруженный конфликт в Бурунди	1993 г.	1998 г.	Бурунди
Война за независимость Южного Йемена	1994 г.	1994 г.	Йемен
Второй вооруженный конфликт в Руанде	1994 г.	1994 г.	Руанда
Первая Чеченская война	1994 г.	1996 г.	Российская Федерация

Междоусобная конфликт в Иракском Курдистане	1994 г.	1995 г.	Ирак
Вооруженный конфликт в долине Сенепа	1995 г.	1995 г.	Эквадор
Вооруженный конфликт в Сербской Краине	1995 г.	1995 г.	Хорватия
Третий вооруженный конфликт в Либерии	1996 г.	1996 г.	Либерия
Шестой вооруженный конфликт в Иракском Курдистане	1996 г.	1996 г.	Ирак
Пятый вооруженный конфликт в ДР Конго	1996 г.	1997 г.	ДР Конго
Третий вооруженный конфликт в Руанде	1997 г.	1998 г.	Руанда
Первый вооруженный конфликт в Конго	1998 г.	2000 г.	Конго
Второй вооруженный конфликт в Сьерра-Леоне	1998 г.	2000 г.	Сьерра-Леоне
Война за независимость Косово	1998 г.	1999 г.	Сербия
Вооруженный конфликт в Гвинеи-Бисау	1998 г.	1999 г.	Гвинея-Бисау
Мировая война в Африке	1998 г.	2002 г.	ДР Конго
Четвертый вооруженный конфликт в Чаде	1998 г.	2002 г.	Чад
Третий вооруженный конфликт в Анголе	1998 г.	2002 г.	Ангола
Второй вооруженный конфликт в Конго	1998 г.	1999 г.	Конго
Межконфессиональная война на Молуккских островах	1999 г.	2002 г.	Индонезия
Первая нигерийская христианско-мусульманская война	1999 г.	2000 г.	Нигерия
Второй вооруженный конфликт в Ачехе	1999 г.	2004 г.	Индонезия
Война за независимость Оромо	1999 г.	1999 г.	Эфиопия
Вторая Чеченская война	1999 г.	2003 г.	Российская Федерация
Второй вооруженный конфликт Моро	2000 г.	2001 г.	Филиппины
Вооруженный конфликт в Гвинеи	2000 г.	2001 г.	Гвинея
Третий вооруженный конфликт в Бурунди	2001 г.	2003 г.	Бурунди
Четвертый вооруженный конфликт в Руанде	2001 г.	2001 г.	Руанда
Первое маоистское восстание в Непале	2001 г.	2006 г.	Непал

Четвертый вооруженный конфликт в Либерии	2002 г.	2003 г.	Либерия
Вооруженный конфликт между народами Ануак и Нуэр	2002 г.	2003 г.	Эфиопия
Вооруженный конфликт в Кот-д'Ивуаре	2002 г.	2003 г.	Кот-д'Ивуар
Третий вооруженный конфликт Моро	2003 г.	2003 г.	Филиппины
Вооруженный конфликт в Дарфуре	2003 г.	2006 г.	Судан
Вооруженный конфликт в Вазиристане	2004 г.	2006 г.	Пакистан
Вторая нигерийская христианско-мусульманская война	2004 г.	2004 г.	Нигерия
Первый хуситское восстание	2004 г.	2005 г.	Йемен
Совместное наступление в Филиппинах	2005 г.	2006 г.	Филиппины
Пятый вооруженный конфликт в Чаде	2005 г.	2008 г.	Чад
Третий вооруженный конфликт в Сомали	2006 г.	2012 г.	Сомали
Вторая Тамильская война в Шри-Ланке	2006 г.	2009 г.	Шри-Ланка
Второй восстание хуситов	2007 г.	2008 г.	Йемен
Второй вооруженный конфликт в Вазиристане	2007 г.	-	Пакистан
Восстание суннитов в Ираке	2010 г.	2014 г.	Ирак
Второй вооруженный конфликт в Кот-д’Ивуаре	2011 г.	2011 г.	Кот-д’Ивуар
Гражданская война в Ливии	2011 г.	2011 г.	Ливия
Восстание Суданского революционного фронта	2011 г.	-	Судан
Гражданская война в Сирии	2011 г.	-	Сирия
Восстание в Качине	2011 г.	2013 г.	Мьянма
Вооруженный конфликт в северном Мали	2012 г.	2013 г.	Мали
Вооруженный конфликт в Центрально-Африканской Республике	2012 г.	2013 г.	ЦАР
Борьба против группировки «Боко Харам»	2013 г.	-	Нигерия
Вооруженный конфликт в Южном Судане	2013 г.	-	Южный Судан
Вооруженная борьба Движения «Талибан»	2014 г.	-	Афганистан
Столкновения между ИГИЛ и Джабхат-Нусрой*	2014 г.	2014 г.	Сирия
Третье восстание хуситов	2014 г.	-	Йемен

Военные действия против группировки «Аль-Шабаб»*	2014 г.	-	Сомали
Вооруженный конфликт на Донбассе	2014 г.	-	Украина**
Вторая гражданская война в Ливии	2014 г.	-	Ливия
Вооруженный столкновения в Радде	2014 г.	-	Йемен

Примечание: * - запрещенные в России террористические организации.

** - В рассматриваемый период данные территории входили в состав Украины. База данных не охватывает период, когда регион вошел в состав Российской Федерации.

Источник: Intra-State War Data (v5.1) // The Correlates of War Project. URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/COW-war (accessed: 17.02.2023).

Приложение 3

Список «нестабильных государств» по методологии ОЭСР с их показателями по различными измерениям нестабильности (по шкале, где 1 означает наибольшую степень нестабильности, а 5 – наименьшую)*

Страна	**Измерения «нестабильности»**				
	Экономическое	***Экологическое***	***Политическое***	***Безопасности***	***Социэтальное***
Сомали	1	1	1	1	1
Южный Судан	1	1	1	1	1
ЦАР	1	1	2	2	1
Йемен	1	2	1	1	1
ДР Конго	2	1	1	2	1
Афганистан	1	2	2	1	1
Чад	2	1	1	2	1
Сирия	1	2	1	1	1
Бурунди	2	1	1	2	1
Эфиопия	2	2	1	2	1
Эритрея	2	2	1	2	1
Судан	5	2	1	1	1
Гаити	1	2	2	2	1
Ирак	1	2	2	1	1
Мали	1	1	2	2	3
Пакистан	1	2	2	2	1
Кения	4	2	2	2	1
Конго	1	2	1	2	1
Либерия	1	1	2	3	3
Зимбабве	2	2	1	3	1
Нигер	1	1	2	2	3
Гамбия	1	2	1	3	1
Мозамбик	1	1	2	3	3
Ливия	1	3	2	1	2
Гвинея	2	1	1	3	2
Гвинея-Биссау	1	1	2	3	3
КНДР	2	2	1	5	1
Мавритания	1	2	1	2	1
Уганда	2	2	2	3	1
Мьянма	2	2	2	2	2
Камерун	2	1	3	2	1
Танзания	2	2	4	3	3
Сьерра-Леоне	1	1	2	3	3
Бангладеш	4	2	1	3	2
Нигерия	4	2	2	2	3

Египет	5	3	2	2	1
Буркина-Фасо	2	1	2	2	3
Мадагаскар	2	2	1	3	3
Ангола	4	2	1	3	1
Восточный Берег и Сектор Газа	5	3	1	2	1
Венесуэла	4	3	1	3	2
Таджикистан	1	2	3	3	2
Гватемала	4	2	4	3	1
Замбия	2	1	4	3	3
Папуа-Новая Гвинея	2	2	4	3	3
Экваториальная Гвинея	2	4	3	3	1
Руанда	2	2	2	4	1
Непал	2	2	4	2	3
Кот д’Ивуар	4	1	2	3	3
Лаос	2	2	3	3	2
Гондурас	1	3	2	3	3
Коморские острова	1	2	4	2	3
Эсватини	1	1	3	3	1
Джибути	1	2	1	4	2
Соломоновы острова	1	2	4	3	3
Иран	5	3	1	2	1
Восточный Тимор	1	2	4	3	3
Малави	2	1	4	3	3

***** Страны приведены в порядке оценки их уровня нестабильности по методологии ОЭСР. В начале списка приведены наиболее «нестабильные» государства.

Источник: States of Fragility // OECD. URL: http://www3.compareyourcountry.org/states-of-fragility/overview/0/ (accessed: 17.02.2023).

Приложение 4

Список хронически «нестабильных государств» по методологии ОЭСР

№	Страна
1	Афганистан
2	Бурунди
3	Восточный Тимор
4	Гаити
5	Гвинея-Биссау
6	Демократическая Республика Конго
7	Зимабабве
8	Ирак
9	Йемен
10	Камерун
11	Кения
12	КНДР
13	Коморские острова
14	Либерия
15	Мьянма
16	Нигер
17	Нигерия
18	Пакистан
19	Соломоновы острова
20	Сомали
21	Судан
22	Сьерра-Леоне
23	Уганда
24	ЦАР
25	Чад
26	Эритрея
27	Эфиопия

Источник: States of Fragility 2018. Paris: OECD, 2018. P. 26.

Приложение 5

Список «нестабильных» или подверженных конфликтам ситуаций (*fragile and conflict-affected situations)* по методологии Всемирного Банка

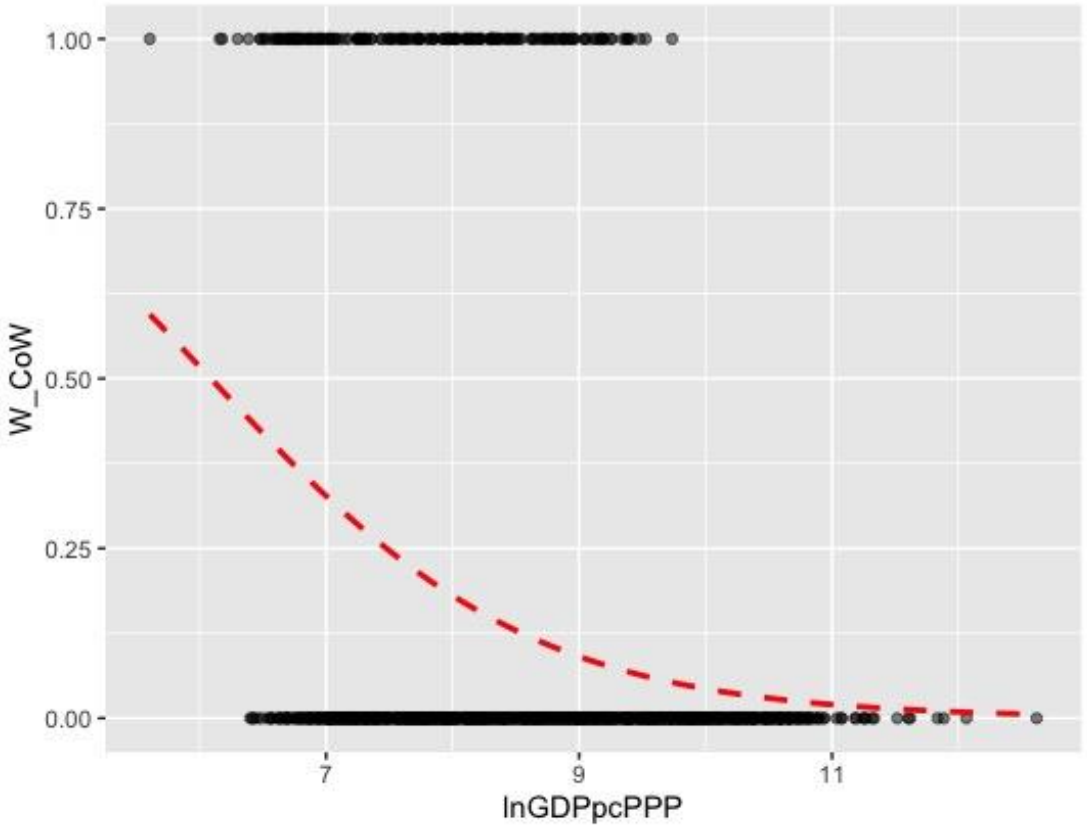
Страна	Значение показателя Оценки государственной политики и институтов (*CPIA*, по данным Всемирного Банка)	Значение показателя Оценки государственной политики и институтов (*CPIA*, по данным Африканского банка развития)	Значение показателя Оценки государственной политики (*CPA*, по данным Азиатского банка развития)	Размещение в стране миссий Департамента ООН по поддержанию мира
Конфликты высокой интенсивности				
Афганистан	2,68		2,78	
ЦАР	2,58	2,53		Да
Ливия				
Сомали		1,67		
Южный Судан	1,48	1,90		Да
Сирия				
Йемен	2,04			
Конфликты средней интенсивности				
Буркина-Фасо	3,57	4,15		
Бурунди	2,91	2,98		
Камерун	3,30	4,10		
ДР Конго	2,94	3,09		Да
Ирак				
Мали	3,40	3,65		Да
Нигер	3,41	3,72		
Нигерия	3,13	3,78		
Судан	2,28	2,55		
Высокая институциональная и социальная «нестабильность»				
Чад	2,73	3,00		
Коморские острова	2,81	2,35		
Конго	2,70	2,98		
Эритрея	1,97	2,23		
Гамбия	2,98	2,99		
Гвинея-Биссау	2,45	2,65		
Гаити	2,78			Да
Кирибати	2,93		2,96	
Косово	3,53			Да
Ливан				Да

Либерия	2,90	3,37		Да
Маршалловы острова	2,60		2,83	
Федеративные Штаты Микронезии	2,75		2,86	
Мьянма	3,02		3,38	
Папуа-Новая Гвинея	3,00		2,75	
Соломоновы острова	2,93		3,20	
Тувалу	2,88		3,02	
Венесуэла				
Зимбабве	2,79	2,56		
Западный Берег и Сектор Газа				Да

Источник: Revised Classification of Fragility and Conflict Situations for World Bank Group Engagement // World Bank. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/333071582771136385/Classification-of-Fragile-and-Conflict-Affected-Situations.pdf (accessed: 17.02.2023).

Приложение 6

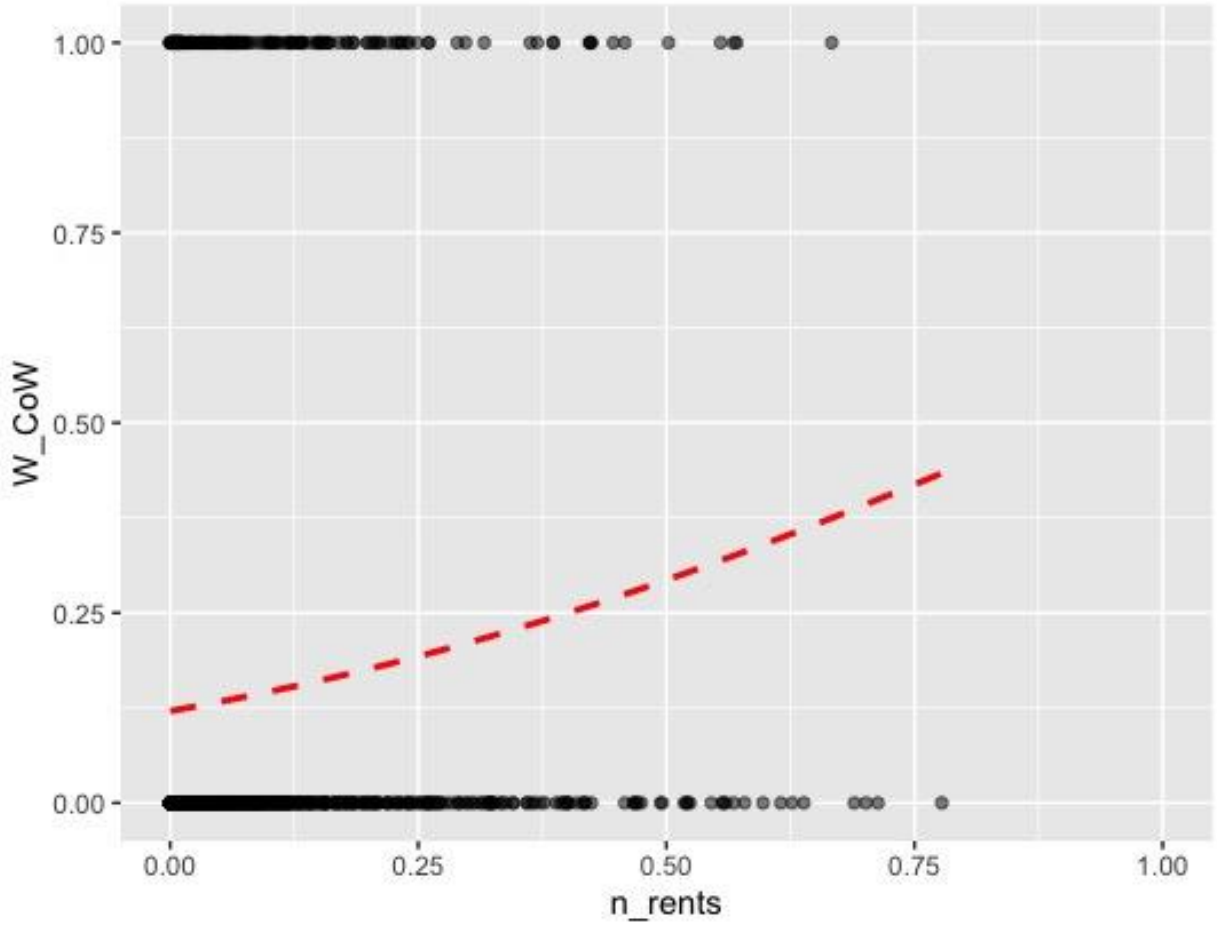
Графическое отражение взаимосвязи между ВВП по ППС на душу населения (по логарифмической шкале) и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов (по данным базы *Correlates of War*)



Источник: расчеты автора.

Приложение 7

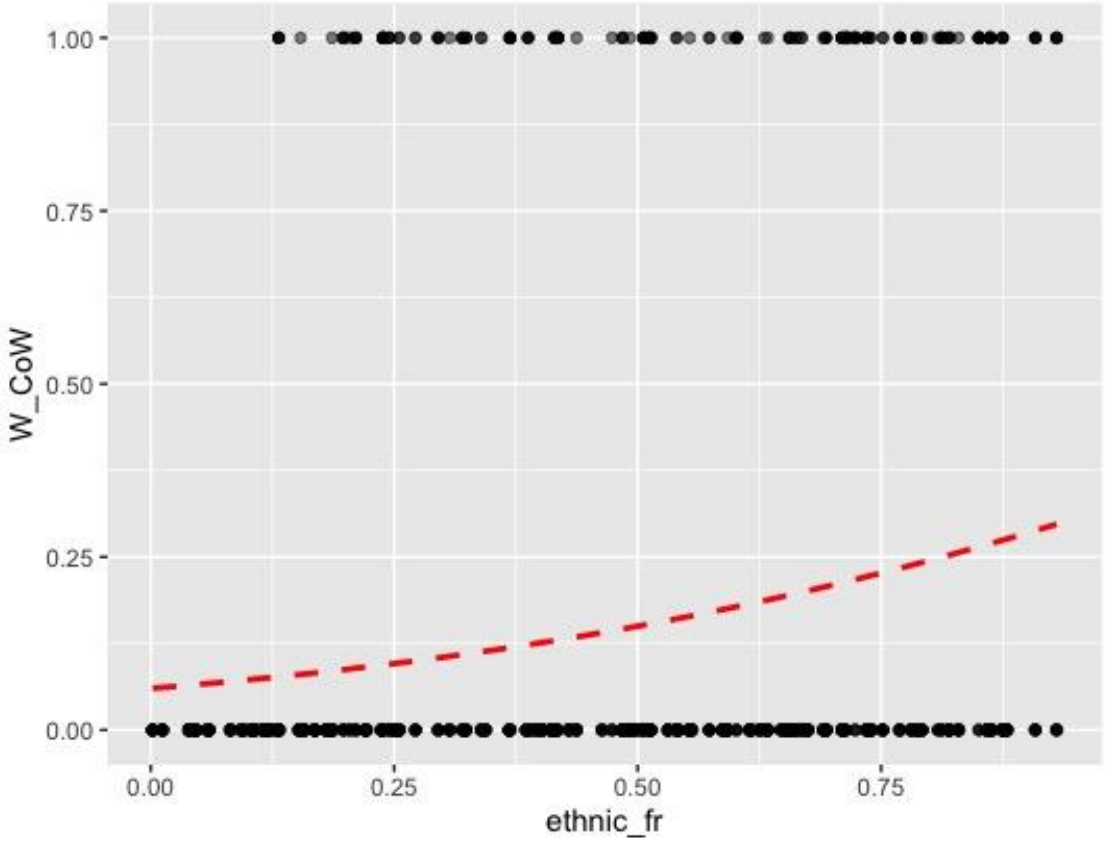
Графическое отражение взаимосвязи между ресурсной рентой (вклад в ВВП) и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов (по данным базы *Correlates of War*)



Источник: расчеты автора.

Приложение 8

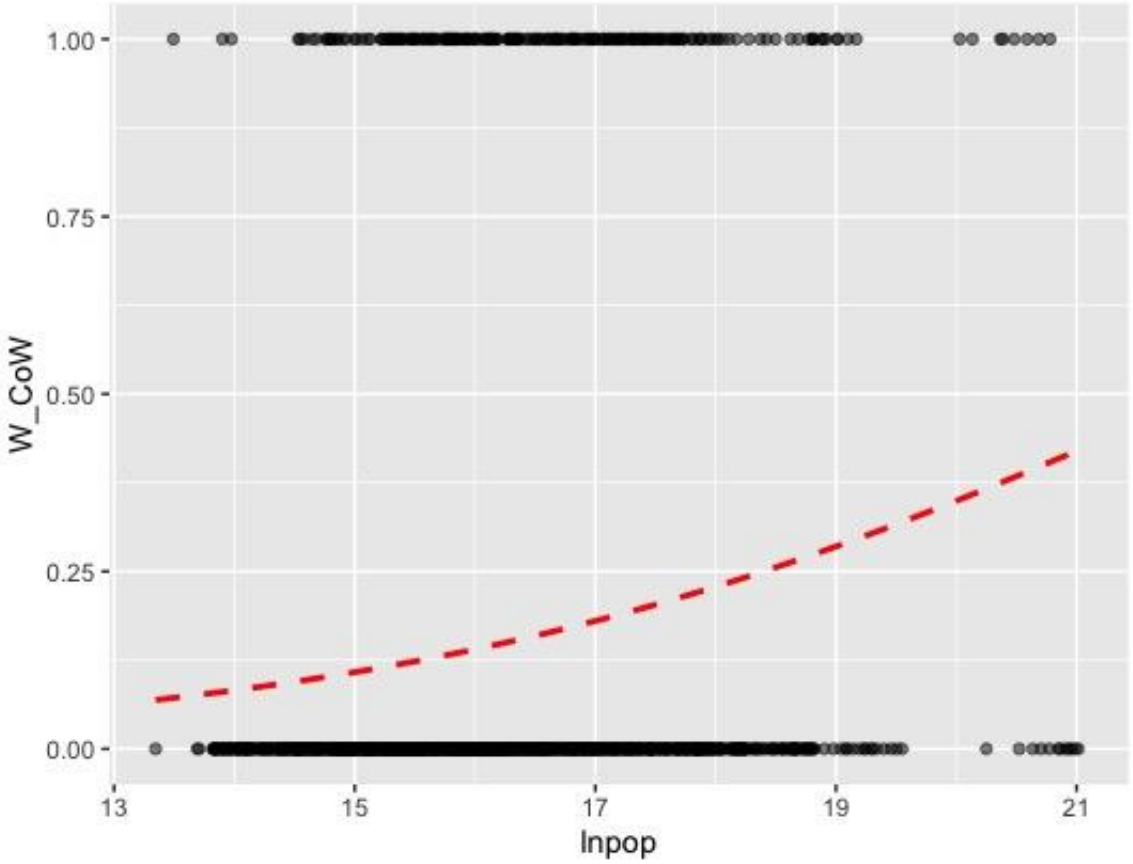
Графическое отражение взаимосвязи между этнической фракционализацией и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов (по данным базы *Correlates of War*)



Источник: расчеты автора.

Приложение 9

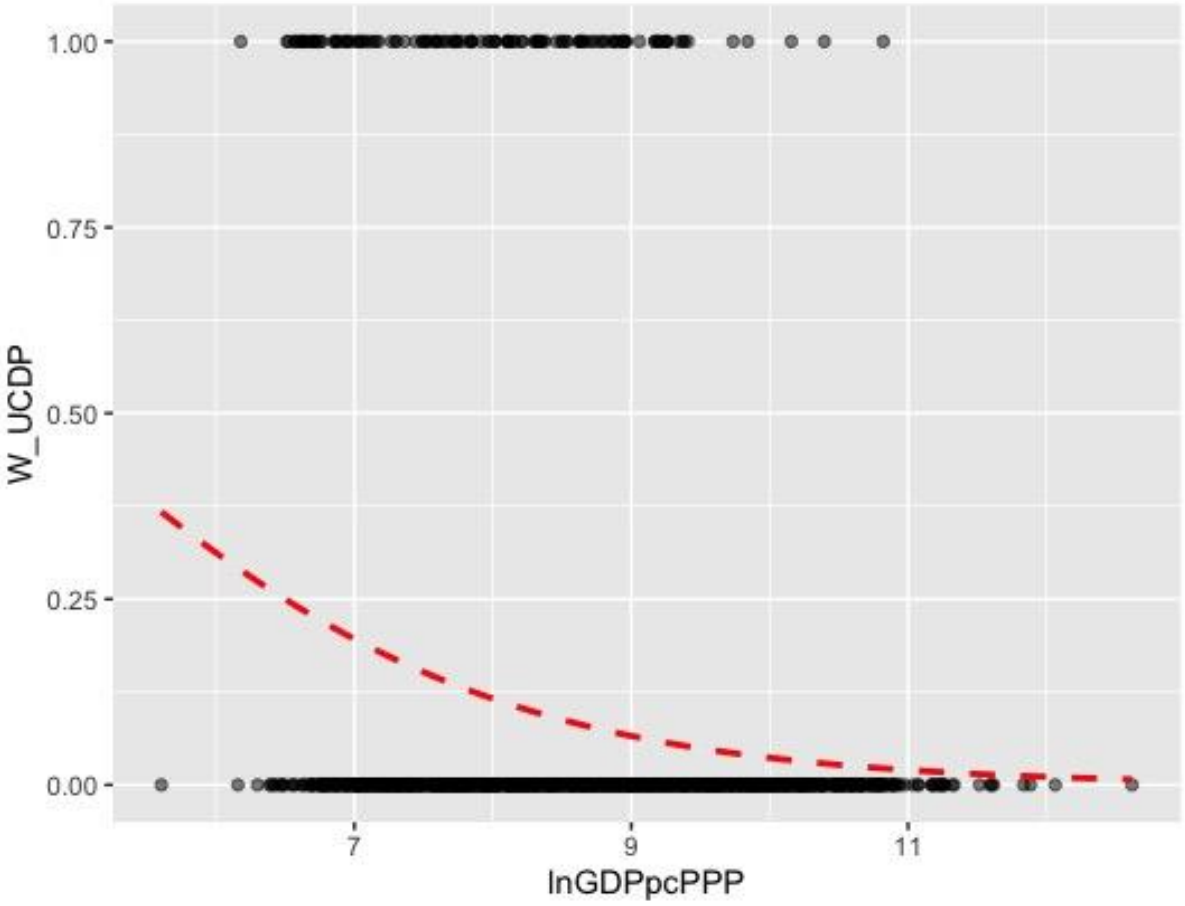
Графическое отражение взаимосвязи между численностью населения (по логарифмической шкале) и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов (по данным базы *Correlates of War*)



Источник: расчеты автора.

Приложение 10

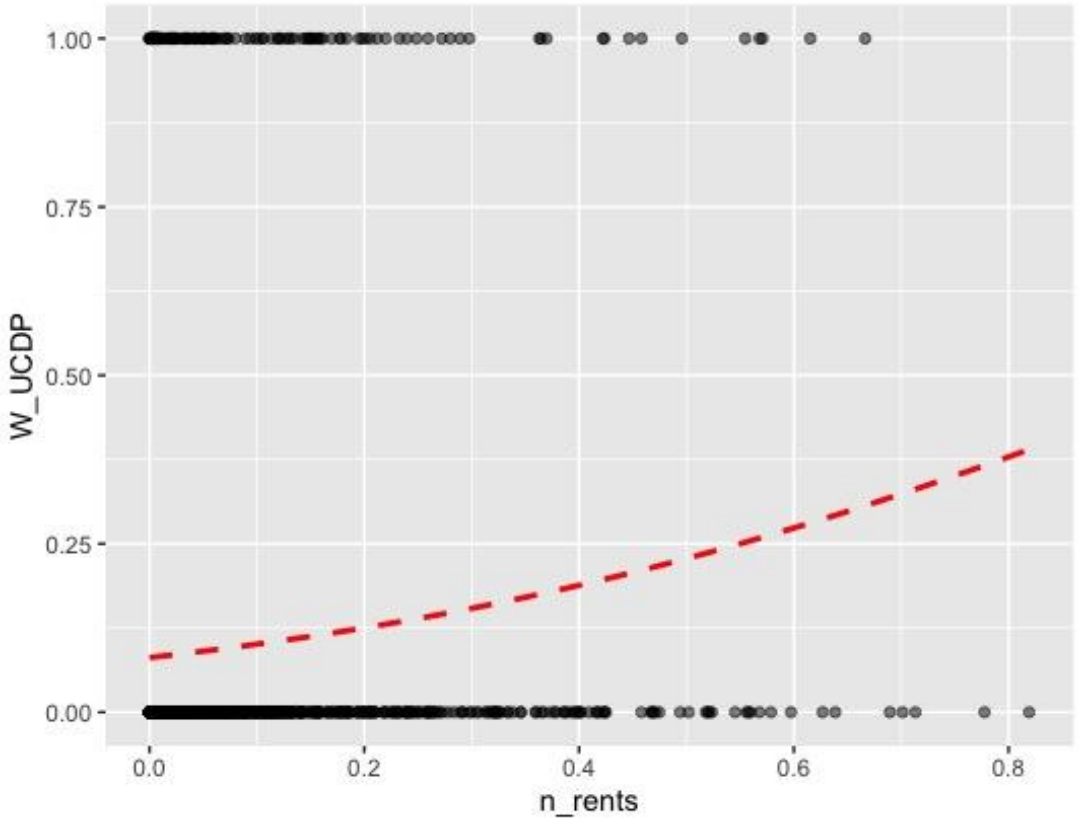
Графическое отражение взаимосвязи между ВВП по ППС на душу населения (по логарифмической шкале) и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов (по данным базы *UCDP*)



Источник: расчеты автора.

Приложение 11

Графическое отражение взаимосвязи между ресурсной рентой (вклад в ВВП) и вероятностью внутренних вооруженных конфликтов (по данным базы *UCDP*)



Источник: расчеты автора.

Приложение 12

Карта Афганистана и административно-территориальное деление страны

Источник: Koryakov Y. Карта административного деления Афганистана. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/28/Afghanistan_provinces_russian.png (accessed: 17.02.2023).